

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

372/1 1.2019

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Эрестоматия

250-летие со дня рождения

Иван Крылов. Вперед чужой беде не смейся, Голубок. *Басни*

Предисловие В. Белинского.....3

205-летие со дня рождения

Тарас Шевченко. Реве та стогне Дніпр широкий. *Стихи* 9

140-летие со дня рождения

Павел Бажов. Иванко Крылатко. *Сказ* 12

210-летие со дня рождения

Эдгар По. Ворон (*Перевёл с английского Владимир Скиф*) 18

Поэзия

Вадим Богатырёв. У России чистая слеза. *Предисловие В. Дмитриевского* 22

Владимир Гусенков. Устал я вглядываться в лица 32

Александр Никифоров. Зарисовки судьбы 50

Геннадий Аксаментов. Под тополиной вязью 66

Валентина Коростелёва. С нами шутки не шути! 94

Проза

Глеб Пакулов. Гунн. *Рассказ* 29

85-летие со дня рождения

Семен Устинов. Кто он, Мишка или Михаил Иванович?

Поверья, предания, выдумки и реальность..... 45

Юрий Баранов. Последний полёт. *Рассказы* 56

Михаил Попов. Красно Солнышко. *Повесть* 70

Василий Забелло. Корысть. *Рассказ* 98

Игорь Корниенко. Желая счастья, здоровья, долгих лет жизни и Царствия Небесного.

Рассказ 106

Страницы истории

210-летие со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири,
графа Н.Н. Муравьёва-Амурского

Григорий Лазарев. Великий сын России 112

Михаил Орфанов. Вояж сибирского купца. *Из путевых воспоминаний.*

Предисловие Николая Блохина 120

Публицистика

Александр Щербаков. «В начале было слово...». *Из дневника писателя*..... 128

Виктор Коняев. И речи русской сладостные звуки. *Очерк* 140

Критика

- Василий Козлов.** Спекуляция или непрофессионализм? 152
Людмила Белякова. Дети рождаются в любое время суток.
О проблемах редактирования стихов..... 158

Голоса молодых

- Иван Козлов.** Какая молодость без творчества!
О конференции «Молодость. Творчество. Современность» – 2018 161
Юрий Харлашкин. Дочка замуж собралась. *Новеллы* 167
Максим Живетьев. Казацкий чуб. *Рассказ* 172
Екатерина Сереброва. Два начала. *Главы из повести* 176
Елизавета Оводнева. Прости, душа моя, прости! *Стихи* 190
Софья Сороковикова. Дикий сад не для роз... *Стихи* 193
Константин Корнеев. Переход на зимнее время. *Стихи* 196

Вернисаж

- Тамара Шматёнок.** Создавая свой мир...
Фотовыставка Анатолия Заболоцкого в Иркутске 201

Книжная лавка

- Эдуард Анашкин.** «В небо по радуге лестница...»
О книге Михаила Ножкина «Уроки правды» 207
Вера Харченко. Доверие к жизни.
Рецензия на книгу А.С. Донских «Солнце всегда взойдёт» 210
Владимир Скиф. Исповедальность и романтика труда.
О книге стихов А. Никифорова «Путевой лист» 215
Александр Никифоров. Русское перо.
О книге Сергея Чепрова «Обронила птица перо» 218
Книжная полка. 223

Сулочка к редактору

- Степан Правдурубский.** «Мечты уйдут и поредеют зубы...» *Литературные пародии* ... 230

События

- 100-летие канонизации епископа Софрония и 25-летие
Дней русской духовности и культуры «Сияние России»*
Валентина Семенова. «Сиянию России» — многая благая лета! 233
Галина Бакшеева. В храме русской словесности 244
Дмитрий Ермаков. Земля Белова. *О Вологодских «Беловских чтениях»* 250
Валерий Скрапко. Русская литература будет прирастать «Сибирью»
Обзор журнала «Сибирь» № 4 за 2018 г. 254

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов, И.И. Козлов,
А.К. Лаптев, М.П. Попова, О.К. Стасюлевич, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Л.Н. Заступова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.**

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru

Подписано в печать ??.2019 г. Выход в свет: ??.2019 г. Формат 70x108/16.

Усл-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: «Репроцентр А1», 664023, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2.

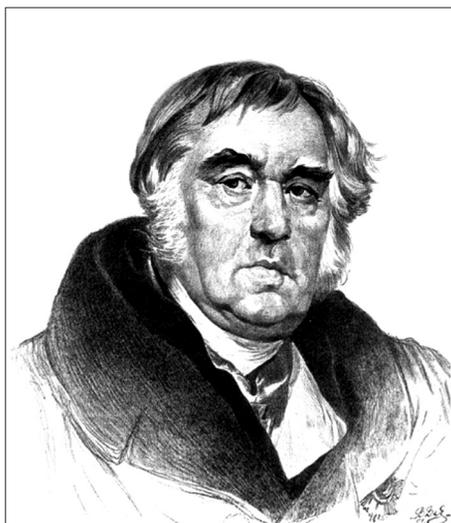
Тел. 8 (3952) 540-940. E-mail: info@printrepro.ru

Брестоматия

250-летие со дня рождения

ИВАН КРЫЛОВ

Вперед чужой беде не смейся, Голубой

БАСНИ

Иван Андреевич Крылов*

Нет нужды доказывать, что между народностью поэзии Крылова и народностью поэзии Пушкина такая же огромная разница, как и вообще между поэзией Крылова и поэзией Пушкина. Мы не сочли бы за нужное и упоминать об этом, если б не знали, что в нашем литературном мире есть особенного рода «ценители и судьи», которые, радуясь случаю объявить себя задушевными друзьями умершего поэта (благо, уже он не может изблечить их в клевете!), готовы поставить его выше всякого другого, к которому им никак нельзя набиться в дружбу, даже и после его смерти. Несмотря на то, что все точные определения сравнительных величин писателей немножко отзываются детством, — мы тем не менее чувствуем необходимость прибегать к подобным определениям, зная, что большинство нашей публики, еще не установившееся в самостоятельном литературном вкусе, нуждается в них. Один из так называемых критиков объявил

---

*Публикуется в сокращении.

же некогда, что если б ему нужно было унести с собою в кармане все, что есть лучшего в русской литературе, — он взял бы только басни Крылова и «Горе от ума» Грибоедова. В большинстве нашей публики всякое мнение находит себе последователей, и потому у нас не мешает чаще повторять истины, вроде той, что дважды два — четыре. И потому обратимся к сравнениям. Если мы скажем, что поэзия Кольцова относится к поэзии Пушкина, как родник, который поит деревню, относится к Волге, которая поит более чем половину России, — то поэзия Крылова, и в эстетическом, и в национальном смысле, должна относиться к поэзии Пушкина, как река, пусть даже самая огромная, относится к морю, принимающему в свое необъятное лоно тысячи рек, и больших и малых. В поэзии Пушкина отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциальными стихиями, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа. Крылов выразил — и, надо сказать, выразил широко и полно — одну только сторону русского духа — его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию. Многие в Крылове хотят видеть непременно баснописца; мы видим в нем нечто большее. Басня только форма; важен тот дух, который точно так же выражался бы и в другой форме. Говоря о Хемницере и Дмитриеве, говорите о басне и баснописцах. Басни Крылова, конечно, — тоже басни, но, сверх того, еще и нечто большее, нежели басни... <...>

О языке его нечего и говорить: это неисчерпаемый источник русизмов; басни Крылова нельзя переводить ни на какой иностранный язык; их можно только переделывать, как переделываются для сцены Александрийского театра французские водевили; но тогда — что же будет в них хорошего? Множество стихов Крылова обратилось в поговорки и пословицы, которыми часто можно окончить спор и доказать свою мысль лучше, нежели какими-нибудь теоретическими выводами. Не как предположение, но как истину, в которой мы убеждены, можем сказать, что для Грибоедова были в баснях Крылова не только элементы его комического стиха, но и элементы комического представления русского общества. <...> Кто-то и когда-то сказал, что «в баснях у Крылова медведь — русский медведь, курица — русская курица»: слова эти всех насмешили, но в них есть дельное основание, хотя и смешно выраженное. Дело в том, что в лучших баснях Крылова нет ни медведей, ни лисиц, хотя эти животные, кажется, и действуют в них, но есть люди, и притом русские люди. <...>

Ссылаемся на здравое суждение наших читателей и спрашиваем их: много ли стихов и слов нужно переменить в этой басне, чтоб она целиком могла войти, как сцена, в комедию Грибоедова, если б Грибоедов написал комедию — «Взятчик»? Нужно только имена зверей заменить именами людей да переменить последний стих из уважения к взяточникам, которые хоть и плуты, но все же имеют лицо, а не рыльце... Это басня; а вот ее мораль, ее сентенция:

*Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает.
И подлинно: весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть, по суду и не докажешь,*

*А как не согрешишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть?*

Если хотите, это мораль, потому что всякая сатира, которая кусается, богата моралью; но в то же время это новая басня, которую опять можно принять за монолог из грибоедовской комедии. <...>

Есть люди, которые с презрением смотрят на басню как на ложный род поэзии и потому не хотят ценить высоко таланта Крылова. Грубое заблуждение! Вольтер прав, сказав, что все роды поэзии хороши, кроме скучного... и несовременного, прибавим мы. Басня как нравоучительный род поэзии в наше время — действительно ложный род; если она для кого-нибудь годится, так разве для детей: пусть и читать приучаются, и хорошие стихи заучивают, и набираются мудрости, хотя бы для того, чтоб после над нею же трунить и острить. Но басня как сатира есть истинный род поэзии. <...>

Виссарион Белинский

Скворец

У всякого талант есть свой;
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чем он совсем не годен.

А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

Какой-то смолоду Скворец
Так петь щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, —
А Скворушка завистлив был, к несчастью, —
И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козленком,
То непутем
Мяукал он котенком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пеньем.

Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том?
Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.

Бумажный змей

Запущенный под облака,
Бумажный Змей, приметя свысока
В долине мотылька,
«Поверишь ли! — кричит, — чуть-чуть тебя мне видно;
Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь полет». —
«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свет,
От счастья весьма далеко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу
Куда хочу;
Да я же так, как ты, в забаву для другого,
Пустого
Век целый не трещу».

Чиж и голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.

«Не стыдно ль, — говорит, — средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».

Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

Листы и корни

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,

Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не растаетесь с нами».
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

Волк и Пастухи

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнѣхонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»

Туча

Над изнуренною от зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею ее не освежа одною,
Она большим дождем над морем пролилась
И щедростью своей хвалилась пред Горою,
«Что сделала добра
Ты щедростью такую? —

Сказала ей Гора. —
И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голоду спасла:
А в море без тебя, мой друг, воды довольно».

Тень и Человек

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
Он к ней, она вперед; он шагу прибавлять,
Она туда ж; он, наконец, бежать:
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Всё не даваясь, будто клад.
Вот мой чудак пустился вдруг назад;
Оглянется: а тень за ним уж гнаться стала.

Красавицы! слышал я много раз:
Вы думаете что? Нет, право, не про вас;
А что бывает то ж с фортуною у нас;
Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь ее из силы всей;
Другой, как кажется, бежит совсем от ней:
Так нет, за тем она сама гоняться любит.

205-летие со дня рождения

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Реве та стогне Дніпр широкий

Стихи

Тарас Григорьевич Шевченко — украинский, русский поэт — родился 9 марта 1814 г. в селе Моринцы Киевской губернии (сейчас Звенигородский район Черкасской области Украины) в многодетной семье крепостного крестьянина Григория Ивановича Шевченко. В 1816 г. семья Шевченко переезжает в село Кирилловка (ныне село Шевченково), где и прошло детство Тараса Григорьевича. В 1823 г. умирает его мать, а двумя годами позже, в 1825 г., и отец. С двенадцатилетнего возраста Тарас познал всю тяжесть беспризорного ребёнка. Ему пришлось побывать в прислуге у дьячка-учителя, где он научился грамоте, помощником дьячков-маляров, у которых он научился рисовать. В 15 лет попал в прислугу помещика Энгельгардта сначала в роли повара, затем слуги-«казачка». Заметив увлечённость Шевченко рисованием, помещик решил сделать из Тараса домашнего живописца и отдал его в обучение сначала Яну Рустему, преподавателю Виленского университета, а после переезда в 1831 г. в Санкт-Петербург, «разных живописных дел цеховому мастеру» В. Ширяеву.

В 1838 г., благодаря знакомству с художниками Брюлловым и Венециановым и поэтом Жуковским, был выкуплен у помещика. И в том же году поступает в Петербургскую Академию Художеств.

В знак особого уважения и глубокой признательности к Жуковскому Шевченко посвятил ему одно из наиболее крупных своих произведений — поэму «Катерина». В 1842 г. написал одноименную картину на тему поэмы. Это единственная сохранившаяся картина академического периода Тараса Григорьевича, написанная маслом.

1840–1846 гг. — расцвет творчества Шевченко. В это время вышли сборник стихов «Кобзарь» (1840), поэмы «Гайдамаки» (1841), «Сон» (1844), «Наймичка» (1845).

В 1847 г. за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе арестован и определен рядовым в отдельный Оренбургский корпус с запретом писать и рисовать. В 1848–1849 гг. принимал участие в экспедиции по изучению Аральского моря, где ему было поручено зарисовывать местные пейзажи. Разрешение на рисование он получил благодаря хорошему отношению к нему генерала Обручева и особенно лейтенанта Бутакова. Когда об этом стало известно в Санкт-Петербурге, генерал и лейтенант получили выговоры, а Шевченко сослали дослуживать в Новопетровское (ныне Форт-Шевченко — город в Мангистауской области Казахстана) на полуострове Мангышлак Каспийского моря.

В 1858 г. вернулся в Петербург. Жизнь Шевченко этого периода хорошо известна по его «Дневнику» (личный дневник, который Т.Г. Шевченко вёл на русском языке в 1857–1858 гг.). В 1859 г. побывал на Украине.

В последние годы занимался составлением школьных учебников для народа на украинском языке.

Умер Тарас Григорьевич Шевченко 10 марта 1861 г. По мнению историка Николая Ивановича Костомарова (1817–1865), из-за «неумеренного употребления горячих напитков». Похоронили Т.Г. Шевченко на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. Спустя 58 дней прах Тараса Григорьевича перезахоронили на Чернечей горе в Каневе (Черкасская область Украины) в соответствии с его «Завещанием». Поэзию Шевченко, проникнутую любовью к Украине, состраданием к тяжёлой доле народа, протестом против всех форм его социального и национального угнетения, отличает близость к народному творчеству, глубокий лиризм, «простота и поэтичность, грация выражения» (И. Франко). Живопись Шевченко положила начало реалистическому направлению в украинском искусстве. Ввиду того, что большая часть прозы Тараса Григорьевича Шевченко написана на русском языке, так же как и некоторые стихи, большинство исследователей относят его творчество, как к украинской, так и к русской литературе.

* * *

Ї досі сниться: під горою

І досі сниться: під горою	Прийма на руки, і годусь,
Меж вербами та над водою	І спати несе. А дід сидить
Біленька хаточка. Сидить	І усміхається, і стиха
Неначе й досі сивий дід	Промовить нишком:
Коло хатиночки і бавить	— Де ж те лихо? Печалі тії, вороги?
Хорошее та кучеряве	І нищечком старий читає,
Своє маленькеє внуча.	Перехрестившись, Отче наш.
І досі сниться, вийшла з хати	Крізь верби сонечко сіяє
Веселая, сміючись, мати,	І тихо гасне. День погас
Цілує діда і дитя	І все почило. Сивий в хату
Аж тричі весело цілує,	Й собі пішов опочивати.

Садок вишневий коло хати

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,

Плугатарі з плугами йдуть,
Співають ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть.
Сім'я вечеря коло хати,
Вечірня зіронька встає.
Дочка вечерять подає,
А мати хоче научати,
Так соловейко не дає.
Поклала мати коло хати
Маленьких діточок своїх;
Сама заснула коло їх.
Затихло все, тільки дівчата
Та соловейко не затих.

Село

Село! І серце одпочине...
Село на нашій Україні —
Неначе писанка: село
Зеленим гаєм поросло;
Цвінуть сади, біліють хати,
А на горі стоять палати
Неначе диво, а кругом
Широколисті тополі;
А там і ліс — і ліс, і поле,
І сині гори за Дніпром:
Сам Бог вітає над селом!

Реве та стогне Дніпр широкий

Реве та стогне Дніпр широкий
Сердитий вітер завива,
Додолю верби гне високі,
Горами хвилю підійма.
І блідий місяць на ту пору
Із хмари де-де виглядав, —
Неначе човен в синім морю,
То виринав, то потопав.
Ще треті півні не співали,
Ніхто ніде не гомонів,
Сичі в гаю перекликались,
Та яшень раз-у-раз скрипів.

140-летие со дня рождения

ПАВЕЛ БАЖОВ

Иванко Крылатко

СКАЗ

Про наших златоустовских сдвна сплетка пущена, будто они мастерству у немцев учились. Привезли, дескать, в завод сколько-то немцев. От них здешние заводские и переняли, как булатную сталь варить, как рисовку и насечку делать, как позолоту наводить. И в книжках будто бы так записано.

Павел Петрович БАЖОВ — писатель, фольклорист, публицист, журналист — родился 27 января 1879 г. в городе Сысертский Завод близ Екатеринбурга в семье потомственных рабочих. Поступил в Екатеринбургское духовное училище, а затем в Пермскую семинарию, которую окончил в 1899 г. До 1917 г. преподавал русский язык в Екатеринбурге и Камышлове. В эти годы предметом пристального интереса будущего писателя стали народный быт и культура, устное народное творчество уральцев. С двадцатых годов занимался журналистикой; очерки, фельетоны, рассказы печатались в екатеринбургской «Крестьянской газете», других уральских периодических изданиях. В 1924 г. вышла первая книга писателя — «Уральские были», в которую вошли очерки-воспоминания о дореволюционном прошлом края. Главное произведение Бажова, сделавшее его классиком русской литературы, — «Малахитовая шкатулка» — увидело свет лишь в год 60-летия автора. Первый сборник под этим названием (1939 г.) объединил 14 сказов; в дальнейшем «Малахитовая шкатулка» пополнялась новыми произведениями (последние прижизненные издания содержали около 40 сказов). В 1943 г. книга получила Сталинскую премию. В «Малахитовой шкатулке» автор обратился к своеобразной литературной форме — сказу, связанному с традициями устного народного творчества. Герои Бажова — рудокопы («Хозяйка Медной горы»), углежогы («Живинка в деле»), камнерезы («Каменный цветок», «Горный мастер»), литейщики («Чугунная бабушка»), чеканщики («Иванко Крылатко») — предстают людьми, искренне преданными своему делу. В историю отечественной словесности Бажов вошёл собирателем жемчужин родного языка, первооткрывателем драгоценных пластов рабочего фольклора — не хрестоматийно приглаженного, а творимого жизнью. Умер 3 декабря 1950 г. в Москве, похоронен в Екатеринбурге.

Только этот разговор в половинку уха слушать надо, а в другую половинку то лови, что наши старики сказывают. Вот тогда и поймёшь, как дело было, — кто у кого учился.

То правда, что наш завод под немецким правленьем бывал. Года два ли, три вовсе за немцем-хозяином числился. И потом, как обратно в казну отошёл, немцы долго тут толкошились. Не дом, не два, а полных две улицы набилось. Так и звались: Большая Немецкая — это которая меж горой Бутыловкой да Богданкой — и Малая Немецкая. Церковь у немцев своя была, школа тоже, и даже судились немцы своим судом.

Только и то надо сказать, что других жителей в заводе довольно было. Демидовкой не зря один конец назывался. Там демидовские мастера жили, а они, известно, булат с давних годов варить умели.

Про башкир тоже забывать не след. Эти и вовсе задолго до наших в здешних местах поселились.

Народ, конечно, небогатый, а конь да булат у них такие случались, что век не забудешь. Иной раз такой узор старинного мастерства на ноже либо сабле покажут, что по ночам тот узор тебе долго снится.

Вот и выходит — нашим и без навозного немца было у кого поучиться. И сами, понятно, не без смекалки были, к чужому своё добавляли. По старым поделкам это въявь видно. Кто и мало в деле понимает, и тот по этим поделкам разберёт, походит ли баран на беркута, — немецкая то есть работа на здешнюю.

Мне вот дедушко покойный про один случай сказывал. При крепостном ещё положении было. Годов, поди, за сто. Немца в ту пору жировало на наших хлебах довольно, и в начальстве все немцы ходили. Только уж пошёл разговор — зря, дескать, такую ораву кормим, ничему немцы наших научить не могут, потому сами мало дело понимают. Может, и до высокого начальства такой разговор дошёл. Немцы и забеспокоились. Привезли из своей земли какого-то Вурму или Мумру. Этот, дескать, покажет, как булат варить. Только ничего у Мумры не вышло. Денег проварил уйму, а булату и плиточки не получил. Немецкому начальству вовсе конфуз. Только вскорости опять слушок по заводу пустили: едет из немецкой земли самолучший мастер. Рисовку да позолоту покажет, про какие тут и слыхом не слыхали. Заводские после Мумры-то к этой хвастне безо внимания. Меж собой одно судят:

— Язык без костей. Мели, что хочешь, коли воля дана.

Только верно — приехал немец. Из себя видный, а кличка ему Штоф. Наши, понятно, позубоскальничали маленько.

— Штоф не чекушка. Вдвоём усидишь, и то песни запоёшь. Выйдет, значит, дело у этого Штофа.

Шутка шуткой, а на деле оказалось — понимающий мужик. Глаз хоть навывкате, а верный, руке с инструментом полный хозяин и на работу не ленив. Прямо сказать, мастер. Одно не поглянулось: шибко здыморыльничал и на всё здешнее фуйкал. Что ему ни покажут из заводской работы, у него одно слово: фуй да фуй. Его за это и прозвали Фуйко Штоф.

Работал этот Фуйко по украшению жалованного оружия. Как один у него золотые кони на саблях выходили, и позолота без пятна. Ровно лежит, крепко. И рисовка чистая. Всё честь честью выведено. Копытца стаканчиками, ушки пенёчками, чёлку видно, глазок-точечка на месте поставлена, а в гриве да хвосте тоже силышки считай. Стоит золотой конёк, а над ним золотая коронка. Также тонко

вырисована. Все жички-цепочки разобрать можно. Одно не поймёшь — к чему она тут над коньком пристроилась.

Отделает Фуйко саблю и похваляется:

— Это есть немецкий рапота.

Начальство ему поддувает:

— О та. Такой тонкий рапота руски понимайт не может.

Нашим мастерам, понятно, это в обиду. Заподумывали, кого бы к немцу подставить, чтобы не хуже сделал. Говорят начальству, так и так, надо к Штофу на выучку из здешних кого определить. Положение такое есть, а начальство руками машет, своё твердит:

— Это есть ошень тонкий рапота. Руски понимайт не может.

Наши мастера на своём стоят, а сами думают, кого поставить. Всех хороших рисовщиков и позолотчиков, конечно, наперечёт знали, да ведь не всякий подходит. Иной уж в годах. Такого в подручные нельзя, коли он сам давно мастер. Надо кого помоложе, чтобы вроде ученика пришёлся.

Тут в цех и пришёл дедушко Бушуев. Он раньше по украшению же работал, да с немцами разаркался и своё дело завёл. Поставил, как у нас водится, в избе чугунную боковушку кусинской работы и стал по заказу металл в синь да в серебро разделявать. Ну, и от позолоты не отказывался. И был у этого дедушки Бушуева подходящий паренёк, не то племянник, не то внучонко — Иванко, той же фамилии — Бушуев. Смышлёный по рисовке. Давно его в завод сманивали, да дедушко не отпускал.

— Не допущу, — кричит, — чтоб Иванко с немцами якшался. Руку испортят и глаз замутят.

Поглядел дедушко Бушуев на фуйкину саблю, аж крякнул и похвалил:

— Чистая работа!

Потом, мало погодя, похвастался:

— А всё-таки у моего Ванятки рука смелее и глаз веселее.

Мастера за эти слова и схватились:

— Отпусти к нам на завод. Может, он всамделе немца обыграет.

Ну, старик ни в какую.

Все знали, старик неподатливый, самостоятельного характера. Правду сказать, вовсе поперешный.

А всё-таки думка об Иванке запала в головы. Как дедушко ушёл, мастера и переговариваются меж собой:

— Верно, попытать бы!

Другие опять отговаривают:

— Впусте время терять. Парень из рук дедушки не вышел, а того ни крестом, ни пестом с дороги не своротишь.

Кто опять придумывает:

— Может, хитрость какую в этом деле подвести?

А то им не вдогадку, что старик из цеха сумный пошёл.

Ну, как — русский человек! Разве ему охота ниже немца ходить? Никогда этого не бывало!

Всё-таки два дня крепился. Молчал. Потом, ровно его прорвало, заорал:

— Иванко, айда на завод!

Парень удивился;

— Зачем?

— А затем, — кричит, — что надобно этого немецкого Фуйку обставить. Да так обогнать, чтоб и спору не было.

Ванюшка, конечно, про этого вновь приезжего слышал. И то знал, что дедушко недавно в цех ходил, только Иванко об этом помалкивал, а старик расходился:

— Коли, — говорит, — немца работой обгонишь, женись на Оксютке. Не препятствую!

У парня, видишь, на примете девушка была, а старик никак не соглашался:

— Не могу допустить к себе в дом эку босоту, бесприданницу!

Иванку лестно показалось, что дедушко по-другому заговорил, — живо побежал на завод. Поговорил с мастерами — так и так, дедушко согласен, а я и подавно. Сам желание имею с немцем в рисовке потягаться. Ну, мастера тогда и стали на немецкое начальство наседать, чтоб по положению к Фуйке русского ученика поставить, Иванка, значит. А он парень не вовсе рослый. Лёгкой статьи. В жениховской поре, а парнишком глядит. Как весенняя байга у башкир бывает, так на трёхлетках его пускали. И коней он знал до косточки.

Немецкое начальство сперва поартачилося, потом глядят — парнишко замухрышистый, согласилось: ничего, думает, у такого не выйдет. Так Иванко и попал к немцу в подручные. Присмотрелся к работе, а про себя думает: «Хорошо у немца конек выходит, только живым не пахнет. Надо так приспособиться, чтоб коня на полном бегу рисовать». Так думает, а из себя дурака строит, дивится, как у немца ловко каждая чёрточка приходится. Немец, знай, брюхо поглаживает да приговаривает:

— Это есть немецкий рапота.

Прошло так сколько-то времени, Фуйко и говорит по начальству:

— Пора этот мальшик проба ставить, — а сам подмигивает, вот-де смеху-то будет. Начальство сразу согласилось. Дали Иванку пробу, как полагалось. Выдали булатную саблю, назначили срок и велели рисовать коня и корону, где и как сумеет.

Ну, Иванко и принялся за работу. Дело ему, по-настоящему сказать, знакомое. Одно беспокоит — надо в чистоте от немца не отстать и выдумкой перешагнуть. На том давно решил — буду рисовать коня на полном бегу. Только как тогда с коронкой? Думал-думал, и давай рисовать пару коней. Коньков покрыл лентой, а на ней коронку вырисовал. Тоже все жички-веточки разберёшь, маленько эта коронка назад напроцапилась, как башкир на лошади, когда на весь мах гонит.

Поглядел Иванко, чует, ловко рисовка к волновому булату пришлась. Живыми коньки вышли.

Подумал-подумал Иванко и вспомнил, как накануне вечером Оксютка шептала:

— Ты уж постарайся, Ваня! Крылышки что ли, приделай коньку, чтоб он лучше фуйкина вышел.

Вспомнил это и говорит: «Э, была не была! Может, так лучше!»

Взял да и приделал тем конькам крылышки, и видит — точно, ещё лучше к булатному узору рисовка легла. Эту рисовку закрепил и по дедушкиному секрету вызолотил.

К сроку изготовил. Отполировал старательно, все чатинки загладил, глядеть любо. Объявил, сдаю пробу. Ну, люди сходиться стали.

Первым дедушко Бушуев приплёлся. Долго на саблю глядел. Рубал ей и по-казацки, и по-башкирски. На крепость тоже пробовал, а больше того на коньков золотых любовался. До слезы смотрел. Потом и говорит:

— Спасибо, Иванушко, утешил старика! Полагался на тебя, а такой выдумки

не чаял. В чиковку к узору твоя рисовка подошла. И то хорошо, что от эфесу ближе к рубальному месту коньков передвинул.

Наши мастера тоже хвалят. А немцы разве поймут такое? Как пришли, так шум подняли.

— Какой глупость! Кто видел коня с крильом! Пошему корона сбок лежал? Это есть поношений на коронованный особ!

Прямо сказать, затакали парня, чуть не в тюрьму его загоняют. Тут дедушко Бушуев разгорячился.

— Псы вы, — кричит, — бессмысленные! Взять вот эту саблю да порубать вам осиновые башки! Что вы в таком деле понимаете?

Старика, конечно, свои же вытолкали, чтоб всамделе немцы до худого не довели. А немецкое начальство Ванятку прогнало. Визжит вдогонку:

— Такой глупый мальчишка завод не пускай! Штраф платить будет! Штраф! Иванко от этого визгу приуныл было, да дедушко подбодрил:

— Не тужи, Иванко! Без немцев жили и дальше проживём. И штраф им выбро-сим. Пускай подавятся. Женись на своей Оксютке. Сказал — не препятствую, — и не препятствую.

Иванко повеселел маленько, да и обмолвился:

— Это она надоумила крылышки-то конькам приделать.

Дедушко удивился:

— Неуж такаямышленная девка?

Потом помолчал малость да и закричал на всю улицу:

— Лошадь продам, а свадьбу вашу справлю, чтоб весь завод знал. А насчёт крылатых коньков не беспокойся. Не все немцы верховодить у нас в заводе будут. Найдутся люди с понятием. Найдутся! Ещё гляди, награду тебе дадут! Помяни моё слово.

Люди, конечно, посмеиваются над стариком, а по его слову и вышло.

Вскоре после иванковой свадьбы к нам в завод царский поезд приехал. Тройка, поди, на двадцати. С этим поездом один казацкий генерал случился. Ещё из кутузовских. Немало он супостатов покрошил и немецкие, сказывают, города брал.

Этот генерал ехал в сибирскую сторону по своим делам, да царский поезд его нагнал. Ну, человек заслуженный. Царь и взял его для почёту в свою свиту. Только глядит, — у старика заслуг-то на груди небогато.

У ближних царских холуев, которые платок поднимают да кресло подставляют, куда больше. Вот царь и придумал наградить этого генерала жалованной саблей.

На другой день, как приехали в Златоуст, пошли все в украшенный цех. Царь и говорит генералу:

— Жалую тебя саблей. Выбирай самолучшую.

Немцы, понятно, спозаранку всю фуйкину работу на самых видных местах разложили. А один наш мастер возьми и подсунь в то число иванковых коньков. Генерал, как углядел эту саблю, сразу её ухватил. Долго на коньков любовался, заточку осмотрел, все винтики опробовал и говорит:

— Много я на своем веку украшенного оружия видел, а такой рисовки не случилось. Видать, мастер с полётом. Крылатый человек. Хочу его поглядеть.

Ну, немцам делать нечего, пришлось за Иванком послать. Пришёл тот, а генерал его благодарит. Выгреб сколько было денег в кармане и говорит:

— Извини, друг, больше не осталось: поиздержался в дороге. Давай хоть я тебя поцелую за твоё мастерство. Оно к доброму казацкому удару ведёт.

Тут генерал так саблей жикнул, что царской свите холодно стало, а немцев пот прошиб. Не знаю, правда ли, будто немец при страхе первым делом кругом отсыреет. Потому, видишь, пивом наливается. Наши старики так сказывали, а им случалось по заголкам немца бивать.

С той вот поры Ивана Бушуева и стали по заводу Крылатым звать. Через год ли больше за эту саблю награду выслали, только немецкое начальство, понятно, ту награду зажилило. А Фуйко после того случая в свою сторону уехал. Он, видишь, не в пример прочим всё-таки мастерство имел, ему и обидно показалось, что его работу ниже поставили.

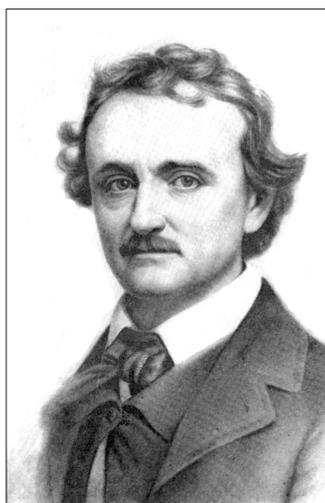
Иван Бушуев, конечно, в завод воротился, когда немецких приставников да нахлебников всех повыгнали, а одни настоящие мастера остались. Ну, это не один год тянулось, потому у немецкого начальства при царе рука была и своей хитрости не занимать.

Оксюткой дедушко Бушуев крепко доволен был. Всем соседям нахваливал:

— Отменная бабочка издалась. Как пара коньков с Иванком в житье весёленько бегут. Ребят хорошо растут. В одном оплошка. Не принесла Оксютка мне такого правнучка, чтоб сразу крылышки знатко было. Ну, может, принесет ещё, а может, у этих ребят крылья отрастут. Как думаете? Не может того быть, чтобы Крылатковы дети без крыльев были. Правда?

210-летие со дня рождения

ЭДГАР По

Ворон

Ночью тёмной, ночью длинной в тихой комнате каминной
Над коллекцией старинной задремал я, как назло.
Вдруг в окне сверкнуло что-то и раздался стук. Дремота
Вмиг с меня слетела. Кто-то бился в двери тяжело.
Может, это свет из бездны или призрак бестелесный?
«Призрак!» — звякнуло стекло.

Да, я помню: в дрёме млечной плыл декабрь бесконечный,
Посреди дороги вечной стыли звёздные стада.
Тлел в камине красный гребень, тьма свои двоила крепи,
А рассвет застрял на небе, будто канул на года.
Думал я в минуты горя о любимой — о Леноре,
Что исчезла навсегда.

Эдгар Аллан По — американский прозаик, поэт, литературный критик и редактор, представитель американского романтизма. Создатель формы современного детектива и жанра психологической прозы. Родился 19 января 1809 г. в Бостоне в семье бродячих актёров. Родители умерли, когда ему было всего два года. Его усыновил зажиточный купец Джон Аллан. Детство Эдгара прошло в обстановке достаточно богатой. В шесть лет он был отдан на обучение в Лондонский пансион. Затем он поступил в колледж в США, а заканчивать образование Эдгара отправили в университет в Ричмонде. Вскоре жизнь в богатстве закончилась. Осенью 1826 г. произошёл разрыв между Джоном Алланом и его приёмным сыном. Поводом к ссоре послужило то, что Аллан отказался заплатить карточные долги Эдгара. С 17 лет он начал скитальческую жизнь. В Бостоне под псевдонимом он напечатал сборник стихов, затем поступил на службу в армию. По возвращении ему пришлось работать на износ в различных периодических изданиях, чтобы как-то продержаться на плаву. Стихи поначалу не приносили особого успеха, а вот новелла *«Рукопись, найденная в бутылке»* сразу же появилась на первых страницах журналов. Вскоре он переехал в Филадельфию и поступил редактором в один журнал. Там он в двух томах выпустил свою прозу — *«Гротески и арабески»*. Настоящий успех и популярность пришли к писателю с поэмой *«Ворон»*, написанной в 1845 г. в Нью-Йорке. Последние годы жизни Эдгара По (1847–1849) были годами метаний, полубезумия, успехов, падений и постоянной клеветы. Несмотря на это, он продолжал писать. Припадки алкоголизма Эдгара По довели его до психического расстройства. 7 октября 1849 г. он скончался.

Шторы красные молчали, только чью-то тень качали,
И душа моя в печали замирала в тишине.
Страх невиданный, крылатый, будто тайный соглядатай,
Приковал меня, проклятый, не давал подняться мне.
Кто стучится в дом — разбойник? Призрак, гость или покойник?
Кто стучится в сердце мне?

Словно бубен, сердце билось, тишиною тьма давилась,
Я сказал: «Имейте милость, покажитесь, тайный гость!»
Задремал я над судьбою или плакал над собою,
Проглядел в тоске-запое — гостя я, как псына — кость...»
Дверь жилища приоткрыл я, промелькнули чьи-то крылья —
Разглядеть не удалось...

На крыльце — на тёмных плитах — шевелился бездны выдох.
В долгих чёрных монолитах пребывала тишина.
Я молчал, душа молчала, с тьмою жизнь мою венчала.
В страхе сердце прокричало: «Без Леноры жизнь темна!»
И ответило мне эхо сатанинским долгим смехом:
«Здесь Ленора! Здесь она!»

Я вернулся в дом, в обитель. Чёрт — моих несчастий зритель.
Это он меня увидел в окнах дома моего?
Я к портюере прислонился, будто в щель земли забился,
Ком теней в мой дом ввалился, взяв себя из ничего,
Или ветер с толку сбился и к моей душе прибился...
Ветер, больше никого.

Буйный ветер стукнул ставней, из-за шторы с видом Фавна
Вышел Ворон стародавний, гордый, важный, будто лорд.
Было столько в нём бравады и угрюмой, злой услады,
Он взлетел на бюст Паллады, непонятной силой горд.
Крылья вскинулись отдельно, засвистела запредельность...
Кто он — ворон или чёрт?

В темноте светилась птица, будто в ней ожили лица...
Неужели ворон снится? — прошептал я, как вода.
Или это тьма светила? Я спросил, собравши силы:
— Ворон-чёрт, Леноры милой ты не видел ли следа?»
Гордый Ворон встрепенулся, на меня не оглянувшись,
Крикнул Ворон: «Никогда».

Мне осталось удивиться: наважденье или птица
В странной комнате-темнице отвечает без труда.
Разве сердце согласится, чтоб с потерей смириться?
Может быть, явилась птица, чтоб позвать меня туда,
Где ночная мгла клубится, где Леноры свет таятся.
Ворон каркнул: «Никогда».

И в меня, как бездна, глядя, он крутился на Палладе,
Бюст качался, с ним не сладив, будто падал в никуда.
Я хрипел: — Друзья-повесы все ушли, остались бесы!
Моё сердце из железа, но и в нём сквозит беда.
Неужели счастье минет и меня Господь покинет?

Ворон молвил: «Никогда».

Странный ворон был угрюмым и наделал много шума...
Слава Богу! — я подумал, он сказал мне: «Никогда».
Он страдальцев утешает, Божьей веры не лишает...
Пусть кому-то жить мешает, но мешает не всегда.
Вон, прикрыв немые вежды, он во мне не сжёт надежды,
Что исчезла на года.

Чёрной бездны не пугаясь, к вещи птице придвигаясь,
И, вздыхая, будто каясь, я на бархат сел тогда.
Обретя душою нежной то ли отдых безмятежный,
То ль во тьме полёт безбрежный, я сказал: — Ты ворон, да!
Но вокруг дымились вещи и казался звук зловещим
В этом крике «Никогда!»

Полный трепетных догадок, до нечистой силы падох,
Оживавшим монстрам ада я шептал: — Сюда! Сюда!
Ворон медлил, выли вьюшки, в пустоте звенели кружки,
К алой бархатной подушке прислонился я тогда...
К ней Ленора прикасалась, в темноте кровила алость,
Как убитая звезда.

Темнота под небом тесным озарилась повсеместно
И с камильницей небесной Серафим влетел сюда.
Я кричал: — Верни мне, Боже, ту, которой нет дорожке,
Иль придёт забвеньё, всё же, о Леноре навсегда?
Прекрати мои мученья! О, приди, приди забвеньё!
Каркнул Ворон «Никогда».

Я скорбел: — О Ворон мрачный, ты, наверное, палач мой?!
С шуткой чёрной, неудачной — кем ты послан был сюда?
Из какой земли пустынной — беспросветною лавиной —
Ты влетел из ночи длинной в моё сердце навсегда?
И найду ли я забвеньё посреди земного тленья?
Крикнул Ворон «Никогда!»

Призрак ты, пророк иль птица, мне охота удавиться,
Но скажи мне, прежде, птица, только раз и навсегда:
В небесах, где свет играет, в золотых пределах Рая,
Отыщу ли я, сгорая, ту, которой нет следа?
Среди ангелов Ленору, может, я увижу скоро?
Ворон каркнул: «Никогда».

Я вскричал: — Умри, Иуда! Я надеялся на чудо!
Ты из бездны, ты оттуда, где безумство и беда.
Не хочу в тебя смотреть я, а хотел бы умереть я...
Исчезай, уйди в подклетья чёрной бездны навсегда!
Вынь свой коготь, клюв смердящий из души моей кричащей.
Гаркнул Ворон «Никогда».

Бюст Паллады. В доме пусто. Ворон — чёрной крови сгусток —
Крепко держит мрамор бюста и молчит... А боль тверда.
Вечность тёмная дымится, и зловещий демон, птица,
Всё сидит и не таится... Ворон замер — на года.
И душа моя — из боли, из моей проклятой доли
Не воспрянет никогда.

Перевёл с английского Владимир Скиф

ПОЭЗИЯ

ВАДИМ БОГАТЫРЁВ

У России чистая слеза

Светлый человек

В мае 2017 г. ушёл из жизни поэт, ветеран ангарской литературы Вадим Николаевич Богатырёв. По христианскому вероучению, на сороковой день, когда душа возносится на поклонение Отцу Небесному, решается её участь — пребывать ей в райских обителях или в аду. И хотя Вадим Николаевич не был религиозен, все мы, знавшие его в земной жизни, уверены: если рай существует, то душа его упокоилась именно там.

Я познакомился с ним чуть больше десяти лет назад, когда, вернувшись в родной Ангарск после долгой жизни в прибайкальском посёлке, был введён в круг городских литераторов и прочитал несколько своих стихотворений. При расставании Вадим Николаевич стал приглашать к себе в гости друзей — отметить скорое наступление Нового года. В числе приглашённых оказались и мы с женой, чему я весьма удивился: ведь он впервые видел нас! А для него это было естественно, он стремился помочь новому коллеге по перу быстрее освоиться в незнакомой компании. И потом я часто бывал в этом гостеприимном доме, где собирались симпатичные друг другу люди, вели разговоры о жизни, о литературе, обсуждали горячие темы и читали стихи.

БОГАТЫРЁВ Вадим Николаевич (1921–2017) родился в Казани. Ребёнком с родителями объехал почти всю страну. Учился в мединституте, университете, в кооперативном техникуме и техникуме искусственного жидкого топлива. В войну служил в стройбате (Чита), был на спецпоселении — работал на тяжёлых работах в шахте (Кузбасс). Был лаборантом в университете (Иркутск), статистом на сцене в театре музыкальной комедии, музыкальным работником в детском саду, бригадиром на уборочных, начальником смены технологического цеха (АНХК), инженером-конструктором (в Ангарском ОКБА), сторожем садоводства. Стихи и басни публиковал в Кузбассе, Иркутске, Ангарске, Бурятии, Санкт-Петербурге. Автор книг: «Тропа восхождения» (1991), «Далёкие созвездия» (1995), «Саги старого леса» (2006), «Я устал стоять под листопадом» (2013). Член Союза писателей России.

Я давно определил для себя его главную характеристику — он был человеком светлым. У него не было и, наверное, не могло быть врагов, разве что какие-нибудь мелкие завистники. Прожив долгую жизнь — девяносто пять лет, он до последних дней сохранил в себе почти детскую чистоту восприятия мира. И хотя этот мир обошёлся с ним в молодости сурово и даже жестоко, Вадим Николаевич не таил в душе злобы. При встречах он неизменно улыбался и шутил, в разговоре всегда относился к собеседнику доброжелательно и с пониманием. Но, несмотря на кажущуюся мягкость характера, в принципиальных вопросах он всегда был твёрд и на компромиссы не шёл.

Его биография есть на литературных сайтах, напечатана в качестве предисловия к одной из его книжек, однако широкому кругу читателей неизвестна. Многие её эпизоды отражены в стихах, но жаль, что Вадим Николаевич не был склонен к прозе, иначе бы он непременно написал о своей жизни роман или повесть с захватывающими сюжетными поворотами, придумывать которые ему бы не пришлось.

Вадим Николаевич родился в Казани в 1921 г. Одним из его предков по отцовской линии был швед, полковой лекарь Стенбер, взятый в плен, очевидно, под Полтавой и оставшийся жить в России. При Екатерине II, пригласившей в Россию на жительство множество немцев, фамилию переделали на немецкий лад — Штейнберг, и впоследствии эта «немецкая» фамилия принесла Вадиму Николаевичу немало проблем.

Его отец, Николай Васильевич, — сын статского советника, получившего по выслуге лет дворянство, в 1916 г. пошёл добровольцем на Первую мировую войну, участвовал в Брусиловском прорыве, трижды попадал в плен и дважды сбежал. От расстрела за последний побег спасло лишь окончание войны. По специальности он был строителем и впоследствии работал на пятнадцати советских новостройках — от Украины до Владивостока, вырос от десятника до главного инженера. Строил в том числе Шатурскую ГРЭС — одну из первых станций по плану ГОЭЛРО.

Мать, Елена Леонидовна, в девичестве Россова — дочь священника, окончила епархиальное училище. Отец её состоял в родстве с физиологом И.П. Павловым, и будущий знаменитый академик, приезжая к нему в деревню, играл с его дочкой в городки. Елена Леонидовна училась на Бестужевских курсах в Москве, получила филологическое образование. В 1918 г. она была назначена директором детского дома в Подмосковье, но после замужества и рождения сына Вадима полностью посвятила себя домашнему хозяйству. Хорошо знала русский и французский языки, много читала, интересно рассказывала о жизни до революции, и от неё, вероятно, передалась Вадиму любовь к русскому языку и литературе.

Вместе с мужем Елена Леонидовна терпеливо переносила переезды и неустроенность жизни в бараках. Комнаты инженеров в них обычно были отгорожены от общего помещения лишь тонкой фанерной перегородкой. Маленький Вадим водил дружбу с детьми рабочих. Через год-полтора возводился дом для ИТР, семья переселялась туда, а вскоре стройка заканчивалась, и приходилось продавать за бесценок всю нажитую мебель, грузить узлы и чемоданы на телегу или грузовик и ехать на станцию для посадки в поезд, уносивший семью к месту нового строительства.

Так, переезжая со стройки на стройку, они исколесили всю страну и в 1938 г. обосновались на жительство в Иркутске, где Николай Васильевич стал работать на строительстве Иркутского авиазавода. В 1940 г. Вадим окончил школу,

поступил в медицинский институт. Весной 1942 г. он был призван в армию, в читинский строительный батальон. А летом, согласно секретному приказу Сталина, из армии начали удалять всех бойцов с неблагонадёжным происхождением. И в октябре Вадима Николаевича по причине подозрительной фамилии (да ещё отец бывал в немецком плену) выслали на спецпоселение в Кузбасс, где ему пришлось заниматься тяжёлым трудом в угольной шахте. Освобождённый в 1947 г. без паспорта, лишь со справкой, он приехал в Иркутск к родителям и долго не мог устроиться на работу, пока не был принят, наконец, лаборантом в Иркутский госуниверситет, на кафедру общей химии. Через год Вадим Николаевич поступил учиться на филологический факультет университета. Зарабатывая на жизнь, он испробовал себя во множестве профессий: был дератизатором (занимался уничтожением домашних грызунов), статистом в театре музыкальной комедии, бригадиром на уборочных работах и даже музыкальным работником в детском саду.

В 1951 г. Вадим Николаевич поступил в Ангарский техникум искусственно-го жидкого топлива — будущий политехникум. Влюбился в студентку Татьяну, приехавшую из Ленинграда на практику, и она, как говорится, ответила ему взаимностью. Молодые люди решили пожениться, однако отец невесты, полковник МВД, был категорически против того, чтобы его дочь стала «немкой» Штейнберг. И Вадим Николаевич, чтобы навсегда избежать несчастий, приносимых ему иностранной фамилией, взял фамилию жены и стал Богатырёвым. Он даже уехал вслед за женой в Ленинград, но вскоре вернулся — торопливо заключённый брак, как это часто бывает, оказался непрочным.

С 1953 по 1962 г. он трудился на газовом заводе комбината-16 (ныне Ангарская нефтехимическая компания) оператором, начальником смены, потом перешёл в ОКБА (опытно-конструкторское бюро автоматики) инженером-конструктором, где и работал до ухода на пенсию в 1980 г. Но без дела не сидел и ещё несколько лет был сторожем в садоводстве.

Стихи Вадим Николаевич писал всю жизнь. Он был школьником, когда его стихотворение напечатали в «Восточно-Сибирской правде». Находясь на спецпоселении, он вёл дневник и продолжал сочинять стихи. Во время работы в ОКБА, если строки сами рвались из сердца, он шёл брать отпуск, а когда отказывали — увольнялся и уезжал куда-нибудь на природу, чаще всего на Аршан, вдоволь писал и возвращался домой со множеством стихов. И его вновь принимали на работу на прежнее место, потому что специалистом он был незаменимым. Однажды он уехал на курорт Кука в Забайкалье, где во время длительного лечения, продолжавшегося около года, работал культ.массовиком — Вадим Николаевич хорошо играл на баяне и пел не только песни, но и популярные арии из опер. С курорта он привёз чемодан рукописей! Но систематизированного архива Вадим Николаевич, вероятно, следуя завету Пастернака, так и не завёл, и до сих пор многие его рукописи лежат неразобранными. А между тем среди них встречаются настоящие шедевры. Некоторые из стихов, не вошедших ни в одно прижизненное издание поэта, помещены в этом номере.

В литературное объединение Ангарска В.Н. Богатырёв пришёл сразу после его создания, в начале пятидесятых. Дважды участвовал в Иркутской областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Печатался в газетах и журналах, однако первая поэтическая книжка «Тропа восхождения» вышла у него лишь в 1991 г. в самиздатском варианте. Затем были изданы книги «Далёкое созвездье» (1995), «Саги старого леса» (2006), «Я устал стоять под

листопадом» (2013). В 90-летнем возрасте он был принят в Союз писателей России — отнюдь не из почтения к прожитым годам, а за незаурядное литературное мастерство.

Сознаюсь, я не сразу в полной мере оценил богатство и красоту его поэтического языка. Узнаваемые приметы этого языка — глубокая лиричность, задушевная искренность, яркая образность. В его стихах вы найдёте воспоминания о нелёгкой молодости автора, размышления о жизни, о любви, замечательные описания природы, посвящения друзьям и знакомым. Светятся нежностью строфы, написанные о второй супруге — Светлане Фёдоровне, более сорока лет бывшей ему верным другом, хранителем его дома, его здоровья. А ещё у него было превосходное чувство юмора, который так и искрится в его баснях и пародиях... Читайте книги Вадима Николаевича Богатырёва, ищите их в библиотеках, спрашивайте у знакомых. Вы найдёте в них подлинную поэзию.

Во время нашей встречи в декабре 2016 г., оказавшейся последней, он, измученный болезнью до младенческой слабости и почти слепой, как обычно, улыбался мне, искал на ощупь мою бороду и всё шутил про неё. Потом вдруг запел громким и сильным голосом своё любимое: «Сердце красавицы склонно к измене...»

Таким, несдавшимся, он и остался в моей памяти.

Валерий Дмитриевский

* * *

Ненависть бескрыла	Побеждает добрый,
И живёт нелепо,	И, отдав всю нежность,
Умирает гадко,	Он уходит в горы,
Мир готова грызть.	Тихий и седой,
Доброта бессмертна,	Станет там вершиной,
Как земля и небо,	Гордой, белоснежной,
Как дорога к счастью,	За туманной дымкой,
Как борьба за жизнь.	За крутой грядой.

* * *

Плакали апрельские берёзы,	Пей с ладоней, дар не от мессии,
Боязно за вешнюю красу...	Но скажу, пока глядишь в глаза:
Пей! Я эти искренние слёзы,	Пей! Берёза — дерево России,
Торопясь, в ладонях принесу.	У России чистая слеза.

Осенние кедры

Из доброй страны, где рождаются ветры
И звёзды скользят по озёрному дну,
Для шумных детей величавые деды
В зелёных корзинах несут тишину.

А сколько доверья в их шёлковом смехе!
Гудят домовито, узнав шишкарей,
И тянутся к солнцу, раздав все орехи,
Хотят быть красивой, хотят быть добрей.

А ночью — скрещение жёлтых кинжалов.
И месяц, что знает тайгу наизусть,
У старого кедра в тягучих хоралах
Давно услышал потаённую грусть.

Необычайное явление

Художнику Геннадию Козлову

Алел восток. И я сошёл... с портрета.
Горячим сердцем ты меня писал.
К тебе, как чайка, я лечу с рассветом.
Встречай. Перед тобой — оригинал.

С тобой в мечтах девчонок целовали,
Хоть наши жёнушки невдалеке...
С тобой в мечтах бывали на Байкале
И у Варёного в Утулике.

Мы выпили с тобой цистерну кофе
На том небесно-светлом этаже.
Ты рисовал меня анфас и в профиль,
Я бегал, нарисованный уже.

Всё впереди: этюды и рассветы,
И разговоров наш волшебный бред,
Костры, ромашек белые береты —
Ну, что такое восемьдесят лет?

За рюмочкой, грустя, обговорили
Коварство женщин, истины момент.
Всё то, что в этой жизни упустили,
Что упустил наш умный президент.

Да здравствуют Любовь, Весна и Лето!
Я над Байкалом радугу догнал
И элегантно вышел из... портрета.
Пусть скажут дамы: «Он — оригинал».

Визитная карточка

Я из рода священников и учёных,
Из элиты строителей городов,
Я — рабочий Вселенной, житель сталинской зоны,
Нежный взломщик сердец, открыватель миров.

Я пришёл на заре жесточайшего века
И прошёл по нему, как проходят сквозь строй.
А в ушах всё гремит барабанное эхо —
Сколько рыцарей светлых в земельке сырой!

Я хочу воскресить эти гордые души,
Там мой дед удалой и геройский отец.
Я хочу на заре вместе с вами послушать
Неземные куранты родимых сердец.

Рождественский сон

Я обнимал крылатую богиню, Я лунный вальс с богиней танцевал И, улетаю с нею к звёздам синим, Своих неверных жён я забывал.	Теперь я горд: я вечный житель неба, И все созвездья — родина моя. А там, внизу я не был, не был, не был, Не привлекался и не состоял!»
Она меня в туманность Андромеды Несла, я откровенно говорил: «Хочу забыть свои грехи и беды И притуманить всё, что натворил.	В глазах богини вспыхнул гнев зелёный, И мне в лицо дохнул угарный зной. Она к моим меня низвергла жёнам, К моим грехам и дразгам: «Ты — земной!»

Аршанский вальс

Как грациозно танцуют снежинки! И завершают свой танец на пне, Как удивительные балеринки В полузабытом мальчишеском сне.	Ёлочки рядом, как сёстры и братья, С дедушкой-пнём хоровод завели. Горы, как матери в газовых платьях, Плавно и грустно танцуют вдали.
--	---

Легенда

Море землю качало, В море рождалась Новь. Есть у земли Начало, Имя ему — Любовь.	Грозы гремели где-то, Пела волна: «Живи!» Так обрела планета Вечную твердь Любви.
---	--

Шатурские торфушки

Однажды из голодных деревень,
Из грустных песен и седых туманов
Они пришли в мой ласковый апрель
В смешных лаптях и юбках домотканых.

И я, мальчишка, на окне затих,
В волшебный мир навеки принимая
Рязанских баб отчаянно-ржаных,
Ухватистых тамбовских молодаек.

Я понял: это — дочери Земли,
Они из торфа делали брикеты.
Среди болот платочки их цвели
Малиновым и васильковым цветом.

Жгли комары, душил жестокий зной —
Ковтёнки вечно мокрые от пота...
И даже самой нежною весной
Девчата пахли тиной и болотом.

А над болотами — весёлый гром!
Крушило время судьбы и понятия...
Торфушки шили ситцевые платья,
Цветной рекой текли в Народный дом.

И лозунги читая по складам,
Они в кино, как в церковь, заходили,
Они глазели на шатурских дам,
И все! — киномеханика любили.

Опять смущённо ландыши цвели,
Из кочек настораживая ушки...
Опять воспоминанья донесли
Смешной свисток игрушечной «Кукушки».

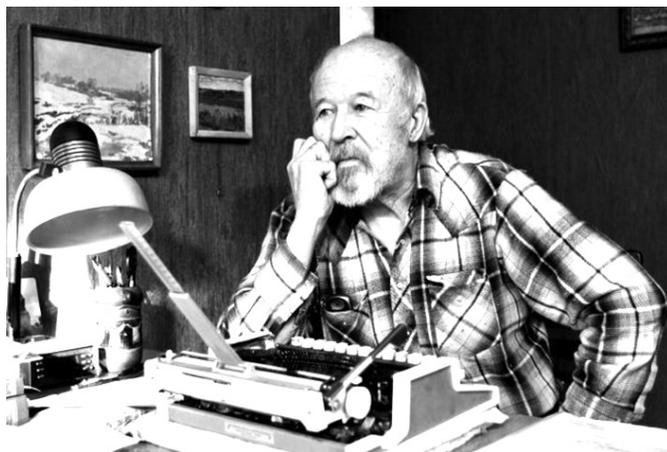
Я снова мальчик. Папа мой — прораб.
Он строит ГРЭС и ходит с нивелиром,
Он озабочен, деловит и храбр,
Я тоже храбр — я маленький задира.

Прекрасен мир! Глаза озёр — вдали,
В бору кукуют щедрые кукушки,
И в сарафанах — прямо из зари —
Идут ко мне весёлые торфушки.

Теперь они идут ко мне всегда
Через мои зелёные апрели,
Через мои жестокие года,
Тревоги и душевные метели.

ГЛЕБ ПАКУЛОВ

Гунн

РАССКАЗ

Мы, навьюченные, как лошади, сползли с гор. Олени пали. Они остались там, на взглыбившихся в поднебесье гольцах, где зима разбросила снежный саван. Мы спешили вниз, к озеру. Туда должен прилететь вертолёт и перебросить нас на базу партии.

В небе, тяжело ворочая крыльями, плыли гуси. Их горластые клинья медленно таяли, всверливаясь в стылую зыбь горизонта. Наконец, мы, ошалелые, вывалились из тайги на плоский берег.

Вода в озере невероятно густой синевы. Я знаю такие глаза. Молча, с какой-то злой радостью, люди ставили палатки — последний лагерь сезона.

Наспех закусив тушёнкой, втиснулись в спальные мешки. Редкие заряды снега шуршали по выгоревшему брезенту. К полуночи резко похолодало.

— Княже, не сталкивай с нар! — это голос Гунна. Он начальник отряда. Все мы почти ровесники, и у всех нас есть прозвища. Князем зовут высокого лоботряса Витьку. Он коллектор. Я слышу, как Витька чмокает во сне губами, хнычет и вдруг громко орёт:

ПАКУЛОВ Глеб Иосифович, прозаик, поэт (1930, станица Бусеевская Амурской обл. — 2011, Иркутск). Автор книг прозы: *«Тиара скифского царя»*: повесть (Иркутск, 1970); *«Горнист Чапая и Сказка про девочку Лею...»* (Иркутск, 1971); *«Варвары»*: роман (Иркутск, 1976); *«Глубинка»*: повесть (М., 1981); *«Останцы»*: рассказ (Иркутск, 2002); *«Гарь»*: роман (Иркутск, 2005; М., 2010); поэтич. сб. *«Славяне»* (Иркутск, 1964: Бригада). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

— Чего тебе, кто?

— Двигай на своё место! — басит Гунн.

Я ещё немного вслушиваюсь в ночь и засыпаю.

Утро не приносит радости: сопки закрыты низкой белесой облачностью. Пространство ощущается, как в чёрно-белом фильме — серо и нереально. Редкие снежинки мягко падают на землю и не тают. Мы все пятеро стоим вокруг костра и молчим. Закопчённый чайник, посвистывая носом, мелко задрезжал крышкой, отчего она, как кепчонка, ухарски съехала набок.

— Да, преферансная погодка, — отмаргиваясь от дыма, пропел Витька.

— Снимай и как следует заваривай, — распорядился Гунн.

В этот момент и появились над озером чайки. Их было две. В бодрящий высокий крик одной вплетался другой — низкий и жалобный. Так кричат тяжелораненые или смертельно истосковавшиеся.

Чайка стонала. Одна из них опустилась на маленький островок, а другая, как бы умоляя лететь дальше, продолжала кружиться над озером, то камнем падая вниз, то косо скользя над водою, оставляя на ней стремительный росчерк.

— Беда кружит птиц, — тихо сказал Гунн. Чуть запрокинув голову, он грустно следил за чайками. Его зрачки суживались.

«Беда кружит птиц». В этих словах была сама безнадежность. Но кому лучше знать плакальщиц моря, как не ему. Недаром Гунн называл себя помором. Я догнал его у палатки.

— Что с ними? Почему улетают всех позже?

Он поворачивается ко мне.

— Хворая одна. Вот и запоздали, — Гунн посмотрел на меня долгим пустым взглядом.

— А ночью повалит снег — и всё... зима.

— Ну другая, здоровая, успеет же улететь! — почему-то кричу я в лицо Гунну. Он, не поворачивая головы, повёл глазами в сторону озера. Теперь на его лице жили одни белки.

— Не-е-ет! До конца разделят беду пополам. Гордые птицы!

Он отбросил полог и шагнул в палатку.

Небо хмурилось. Тихо поскрипывали ели. Все сильнее налегал на их тёмные громады холодный ветер. Я понял, что чайки обречены. Не успеют улететь. Догонит, сомнёт их зима, сожжёт их своим ледяным дыханием, и не станет на свете двух белых красивых птиц, крепко накрепко связанных железным законом любви.

Мы забрались в палатку и уселись за надоевший преферанс. Было ясно, что вертолёт не прилетит и сегодня.

Гунн медленно тасовал потрёпанную колоду карт. Внезапно, прорезав завывание ветра, от озера прилетели и раскололись громом выстрелы. Следом, гася их отголоски, выплеснулся отчаянный женский вопль. Он на высокой ноте ворвался к нам и затрепыхался, захлопал крыльями над палаткой.

— Патроны! Патроны! Там, в мешке! — отбросив полог, орал, задыхаясь, Витька. Он тянул к нам пляшущую руку и, распяля рот, ошалело шарил глазами по нашим лицам. Крича, он ввалился в палатку. В левой руке, облапившей цевьё тозовки, зажато крыло чайки. Тельце птицы печально моталось, а по белой грудке скатывались на пол тёмно-бурые градины.

— Там, в головах... в мешке! — требовал Князь, потрясая «добычей».

— Убил! — выдохнул Гунн, и губы его мелко задрожали. — Уби-и-ил!

— М-м-м... — как от зубной боли, замотал головой сосед Гунна.

Гунн медленно поднялся, выпустил из рук колоду карт и вдруг, застонав, врубил кулачищем в Витькину челюсть. Князь, прошелестев по брезенту, кулём вывалился из палатки и на четвереньках зацарапался в сторону. Мы окружили его. Витька, большой и жалкий, скуля, ползал у наших ног.

— Ребята-а! — высоко и монотонно выкрикивал он. — Не бейте-е!

А над нами, задевая нас крыльями, в тёмном горе билась в воздухе чайка, другая.

— Хворую добил! — сказал кто-то из нас и грязно выругался.

Не сговариваясь, мы отошли к потухшему костру. Витька поднялся, прикрыв рот рукавом телогрейки. Покачиваясь, побрёл в палатку и выбросил из неё спальный мешок. Следом вышел сам и, подобрав его в охапку, направился к груде отрядных вещей, закрытых брезентом. Гунн подошёл к чайке, бережно взял в руки её лёгкое изуродованное тельце и пошёл к озеру.

В эту ночь мы не спали. Шёл тихий густой снег. Он ласково обволакивал ели, мягко ложился на палатку. В ночи стонала чайка. Иногда её стоны приближались к нам, и тогда мы зарывались с головами в мешки и, пристыженные, жалкие, замирали.

Утром, после первого снегопада, тайгу не узнать. Наше озеро побелело. Мороз схватил его тонким ледком и присыпал снегом. Гунна в палатке не было. Кто-то гремел у костра посудой и глухо откашливался. Потом он вошёл к нам и грузно опустился на нары.

— Вторую видел. Где воду на чай брал, так рядом, — он пошарил в карманах. — Спички вот не найду. Пришлось вас будить.

Он взял протянутую коробку и вышел.

Мы оделись и цепочкой пошли к озеру. Редкие выпотрошенные тучи изредка набегали на солнце, и их тени, пятная снег, уплывали к югу, а он искристо смеялся. Было больно смотреть на его ослепительную наготу. У края озера мы остановились. Не знаю, кто первым потянул с головы шапку — перед нами на едва приметном холмике памятником верности стояла замёрзшая чайка. Другая.

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР ГУСЕНКОВ

Устал я вглядываться в лица

* * *

Май на исходе.

И лето (оно уже с краю) —

Я из сеней на крыльцо босиком выбегаю.

Съедена каша,

но ложечка рыбьего жира

Чуть не на месте меня за столом уложила.

Может, оно и полезно, да мне не по нраву

Пить, как заморышу глупому, эту отраву.

Вдруг уличат,

и сгоришь со стыда от обиды.

Будешь потом отбиваться:

«Пошёл ты! Иди ты!»

ГУСЕНКОВ Владимир Павлович родился 30 апреля 1932 г. в Иркутске. С двенадцати лет обучался в школе музыкантских воспитанников Советской Армии. Учился в художественном училище, служил в армии. В 1957 г. поступил на филологический факультет Иркутского университета, который окончил в 1962 г. Работал редактором в книжном издательстве. В 1963 г. открывал с молодым коллективом Братскую студию телевидения. Через год ушёл на стройку, работал плотником и бетонщиком. В 1966-м вернулся в Иркутск. Печататься начал в армии, в газетах Новосибирска. Будучи студентом в 1961 г. выпустил сборник стихов. Печатался в Иркутске, Новосибирске, Москве, в Болгарии, Японии. Автор книг: «Корабли выходят на орбиты» (1961), «Между двумя рассветами» (1968), «Мой бедный Д'Артаньян. Бесплатка»: повести (1987). Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Двор невелик, и с восхода прикрыт тополями.
Флигель в тени,
но с фасада открыт особняк.
А за сараем задворки, где в вырытой яме,
Прячась однажды, увидел я царский пятак.

В сад до шести погулять нас пускают бесплатно.
В семь — по билетам,
а нам бы хоть в щель поглядеть,
Как в темноте начинают порхать безоглядно
Юбочки, платья и туфли под звонкую медь.

Ну, а пока на соседней веранде не пусто,
Там женихи и невесты, горох и капуста.
Правда, горох ещё зелен, с капустой не лучше —
Так себе,
без году...

Разве что губки надувши.
Как ни крути, а дворовая всё же команда.
В ножичек можно и в прятки ещё поиграть.
Есть где в ненастье под крышей укрыться — и ладно:
Все на виду и не надо в окошко орать.

Банка с лягушками. Ох, ты! (сюрприз на перилах).
Это, конечно, не складень, не мёд с калачом.
То-то, ликуя, счастливица душа воспарила:
Ёмкость большая.
Спросить бы: «А квакши почём?»

Вынес и я б кое-что, но показывать рано.
Разве что в чайной коробке двух майских жуков.
Бабочку я сотворю. Никакого обмана.
Выну из куколки. Спорить на складень готов.

Крупные к осени вырастут в парке стрекозы.
С речки подросших мальков принесу я домой.
Год ещё минет, пока оклемаются грозы,
Чтобы четырежды грянуть потом надо мной.

* * *

Ох, лето красное! любил бы я тебя...

А.С. Пушкин

Откинув головой кудрявой
Край занавески кружевной,
О подоконник, слившись рамой,

Облокотился летний зной.
В потёртых шортах, полюбовно,
Готов он (к лёгкому ль вину)
Отведать спаржи, чтобы в полдень,
Салфетку сняв, предаться сну.
Пыль терпим, «страждем от засухи;
Лишь как бы напоить» себя.
Всеядно «комары да мухи»
Снуют, у мерзких ям трубя.
О лето красное с ботвиньей
(С подвала, с погреба, со льда),
Брусничным квасом ты и сбитнем
Ужели натворишь вреда?!

Легко, как звонкая подкова,
По мостовой издалика
Сквозь полдень зноя городского
Пробилась к нам твоя строка.

«Ох, лето красное!»

О лето!

Какое лето, Александр!
На Антарктиду с того света
Готовят нелюди десант.
И подо льдом, где Атлантида
Убрать забыла свой шезлонг,
В подземный мир дыра пробита,
Где Кинг очнулся (или Конг?).
Чудовищный вулкан проснулся.
Суматра с Явой пали ниц.
Венеция перевернуться
С усталых просит ягодиц.
Без облаков сухие грозы,
В ночи очами поводя,
Свои слепящие занозы
Вонзают, где ни попадя.

Гольфстрим грозит остановиться,
А у фонтанов детвора
В листочках фиговых из ситца
Кишит в струях, как мошкара.
Антенн стальных рога оленье
Выглядывают из-за крыш.
Гудят пустые их колени,
Пытаясь выпрыгнуть из ниш.

Уже не паводки и речки,
А вековые ледники,

Освободившись от уздечки,
Спешат обжить материки.
«Куда ж нам плыть?»...
В какую осень?
Кто даст отмашку парусам?
Или опять наш челн относит
В твой век отрадный, Александр?

«Ох, лето красное! любил бы...»
Когда б не полая вода —
Как репу в огородах, избы
Выдёргивает без труда.
Когда б не ливни проливные:
Подсохнет чуть — и снова ад.
Когда б не град (горох по вые.
И в окна талый камнепад).

Листопад

Пролог

Сценарий ещё не угадан, Но можно забить домино. Пустые распадки прогалин Уже застолбило кино.	В деревьях, кустах и на клумбах Кому-то пора облетать.
Кладите костяшки на листья. Гора отряхнула подол. Не надо в проходе толпиться, К просмотру садитесь — за стол.	Пусть грозди в рябинах созрели. В них тоже пробился багрец. Напрасно шептали им ели, Дурной предрекая конец.
Плетут пауки паутину. Сентябрь у стрекоз нарасхват. Всё ту же снимает картину Под осень шутник Листопад.	Опомнился парк, вопрошая: Нельзя ли пожар потушить? — Тебе бы, листва золотая, Не бегать, а саваны шить.
Ему, ветерану со стажем, Армейский не жмёт сапожок. Он этот сценарий с пейзажем Давно затвердил назубок.	О! как понесло их на дело: То с вывертом, то кувырком, Штурмуя балкон обалдело, В окошко стуча черенком.
Задуман спектакль не наббум, Но, с треском ломая печать, Он даже в казённую обувь Не стал новичков обувать.	Маэстро их чествовал кистью. Мотором дразнил режиссёр. Галопом несло их и рысью С откоса, в овраг, за бугор.
Гагариным бредят, Колумбом. С утра бы их ветром обдать.	Немало их ветер с обочин Согнал и оставил в кустах. Закрылись и ссохлись их очи, И шёпот запёкся в устах.

Свободы хотели. Отрады.
В чём мать родила — со двора...
От старых ворот вдоль ограда
Сгребут — и на вывоз пора.

Не будет билетов обратных.
Забудут: о ком... и по ком...
Кто чист, кто наобум запятнан.
Кто с вывертом, кто кувырком.

Эпилог

Нет «Нового» в доме «Завета»
У дятла на голом столе.
Не будет ни бабьего лета,
Ни корма в холодном дупле.

Ещё не забыла сорока
Про сыр в мышеловке пустой.
К рябине (она одинока)
Снегирь прилетит на постой.

Берёз опустевшие кроны,
До нитки себя обобрав,
Безмолвно следят, как вороны
На их митингуют торгах.

Бокал потеряло светило,
Но всё ещё просит: «Налей!»
О, только бы места хватило
Под матицей зимних ветвей.

* * *

На клумбах уже не багрово,
Пионы в пожухлой канве.
С этюдником в старом Глазково
Бреду по опавшей листве.

Поляны, объятые думой,
Своих не дождались имён.
Над садом Парижской Коммуны
Мерещится шорох знамён.

Она ещё августом дышит,
Как яблоко в тёплой золе.
Пылают багряным и рыжим
Две чаши в пустом дефиле.

Быть Летним ему бы хотелось,
Про чуждый забыть маскарад.
Свою оплатить мягкотелость
Он был бы рябинами рад.

От входа за аркой, белея,
Коры огрубевшей конвой,
Обочиной жёлтой аллея,
Бредёт катафалком за мной.

Спасибо, двух каменных дурищ
От главных убрали ворот.
До новых календ не забудешь
Их вёсла и плеч разворот.

Мерещится, будто подковы
Стучат, спотыкаясь о грунт.
И мёртвые тени готовы
Опять становиться во фронт?

В глубинку иду, как в заначку,
Былого потрогать печать.
Так хочется даму с собачкой
У старой скамьи повстречать.

* * *

*1959-й. Университет.
Филфак. Колхозный анабасис*

В этот вечер недаром
Был язык наш остёр.
Мы в осиннике старом

Разводили костёр.
У огня на привале,
Дав отгул голове,

Мы поминки справляли
По опавшей листве.
Пусть потешится всполох,
Полюбив бересту.
Он и в нас, точно порох,
Бить готов за версту.
Пусть в конторе списали,
Сбыли с рук, прослезясь:
И у нас под ногтями
В баню просится грязь.
До свиданья, солома,
Ржавых кос перезвон.
Месяц жили, как дома.
Лес видать из окон.
Деревенская проза —
Не в бирюльки игра.
Завтра мы из колхоза
Уезжаем с утра.

На токах и на фермах,
В мокром поле с ботвой —
Это был наш не первый,
Но решительный бой.
Заждалась альма-матер,
Хлеб да соль преподнести.
Расстилайте же скатерть
На Покров, Ваша честь!
В огородах на грядах
Тут давно задалось.
А для нас разрядка —
На картофель, небось.
Пусть страда в день ухода
Не попомнит нам зла.

Горемычной погода
В эту осень была.
Сводки подвига просят,
В календарь не глядят.
Небо кутает просинь
Облаками до пят.

Третьи сутки с восхода
Дырки в глине сверля,
Нежит в лужах погода
Дождевого червя.
Грязь играет в подножку.
Юзом ходит нога.
Мокнет в поле картошка.

Потемнели стога.
Столько всякой работы!
Конюх горькую пьёт.
Кладовщик без охоты
Нам паёк выдаёт.
Под навесом капусту
Крошит горе моё.
В клубе (быть ему пúсту)
С ночи сохнет бельё.
С четверга до субботы
То проглянет, то льёт.
А у девочек боты,
Будет борщ и компот.
Факультетская сказка
Волочаевских дней.
От Иркутска до Спасска
Мы седлали коней.
Из разбитых вагонов
Шашки вон — и в галоп...

На картошку с восходом,
А в обед — на горюх.

Пусть убрали подмостки,
Но, с былым заодно,
К вам, товарищ Островский,
Мы просились в кино.
Хвои яростный запах,
Зноя жаркий глоток...

Нам не надо на Запад.
Нас встречает Восток.
Будет баловень-порох
Передразнивать плеть.
В мой распахнутый ворот
Пепел будет лететь.
Будет говора много
И немного вина.
Завтра снова дорога,
А сегодня луна.

Ликом ясным представлясь,
Поднялась в стороне.
Отворите мне ставень
К той, что снилась во сне.

Конь в сторонке расседлан,
Домовитых кровей.

На телеге под сеном	И другую напасть.
Огурцы и портвейн.	Битвы больше не будет
Ненадолго в сторонке	За большой урожай.
Дайте в сено упасть.	Хочешь выбиться «в люди» —
Позабить про постромки	Насовсем приезжай!

Двадцатый век

Тебе апокалипсис загодя был предначертан.
О, этот, в кармане Кюри роковой минерал,
Ещё без свинцовых пелёнок в футляре никчемном,
Уже без реторт и без колб свой триумф предрекал.
А ты, книгоноша его роковых уравнений,
Депешей своей торопил: «Распишись, Капитал!»
Твой гений у Фауста зря не сидел на коленях,
Пока Мефистофель на гуще кофейной гадал.

Исчерпал ты Ветхий.
И Новый открыл ты Завет,
Отставив лопату
И вынув из савана череп.
О, век теорем!
Ты в скафандр размышлений одет,
Как в тогу Платон
Или в блузу свою Торичелли.
Но как же забывчив
Во стогнах твоих человек!
Как, чувствуясь, глух он,
Себя небесам адресуя!
Он то обезглавлен,
Как делатель скреп Улугбек,
То вдруг вознесён,
Как «отец» рукоплещущих всеу.
Иль жатвой кровавой
Ты алчность пресытить хотел?
Но вдовы рыдали,
Склонялись над рвами светила,
И смрад поднимался
От навзничь поверженных тел,
И темень над павшими
Хладные луны катила.
Ты смерть окормил,
Чтобы гранки эпохи сверстать.
Немыслимым жаром
Твои континенты прогреты.
Твои полигоны
Ожившим химерам под стать.

С твоих космодромов
Не в ад ли стучатся ракеты?
Наследие это
Превыше тщеты всеблагой.
Ведь ты не лучину
Сумел расщепить, а вулканы.
Проснулась Земля,
Поперхнувшись нечистой водой,
И сетует горько —
Лечить уже незачем раны.

Ты узан и взвешен,
Опознан, и ждёшь приговор.
Под каской армейской
Упрямо закушены губы.
И рот перекошен —
Вот-вот передёрнешь затвор,
Упрёшься в шлагбаум —
И грянут архангела трубы.

Инферно

Собой побыв в объятых стали,
Не чуют убыли тела —
Все те, по ком звонить устали
За упокой колокола.

«Как все, кто лёг, постриг приемлю,
Ещё — уведомить спешу:
Как Ванька Жуков «на деревню»,
В келейке узенькой пишу.

По увольнительным запискам
На землю ходим, как во сне,
Сказать холмам и обелискам:
«Нас много было на челне».

Войной обугленные кости
Земля не сразу отдаёт.
Ни рук, ни ног, но ходим в гости,
Уже не посуху, не вброд.

В горах душе витать доколе?
Устала сниться ей гроза.
И голова на частоколе,
Чьи коршун выклевал глаза.

Прости меня. Я рано умер.
Отчислен. Без вести пропал.
Под башней заживо обуглен,
Убит душманом наповал.

Отсюда, где горят Плеяды,
Мне узких улиц не видать.
Тут в кельях с нарами — и рад бы,
Да не положена кровать.

В твоих висках ещё не иней,
Почти устала вспоминать.
Лишь кот в глаза твои сухие,
Как муэдзин, глядит опять.

О днях, когда мы были вместе,
Тебе напомнит листопад,
С нагих ветвей из поднебесья
В окно стучащий наугад.

Каноны длятся тут подолгу,
Хвалы великие лия.
Тайком от Бога в самоволку
Сбегу (и буду проклят я).

Явлюсь ни худо, ни богато,
К тебе забывчиво прильну.
Ведь утром снова будет надо
Повзводно искупить вину.

Ослушикам стола Господня
Страшиться ли сковороды...

Позволь, приду к тебе сегодня,
Живой отведаю воды.

Припомни, я ведь Казанова.
Не в танке за грехи гореть.
Как в забытыи шепчу три слова:
«Калитку выйди отпереть...»

Нагота

У шифоньера и комода
На лаврах почивает мода —
От кутюрье и от мадам,
Чьи имена склонять не надо
(Он как бы Вакх, она Менада):
Почти как Ева и Адам.

Обтяжка или обнажёнка?
Извольте тонко понимать.
Не глядя, мерку с медвежонка
Поможет снять природа-мать.

И потому готово детство
(Не век) в звериных шкурах греться.
Спадёт возня, убудет прыть.
Однажды (нет, не разглашая):
«Мой милый, я уже большая.
Пора тебе меня покрыть».

На пляже — нет. В отеле можно,
Раз это вовсе неотложно.
Суфле, шампанское во льду.
Есть повод — и разоблачайтесь,
С ума сходите, обручайтесь —
В угаре и в полубреду!

В партер устанешь продираться.
Спектакль, а лезть не вмоготу.
Что сбоку, что в упор. А вкратце:
Как на работе — весь в поту.

Чужой свободой заручились,
А от минувшей отрешились:
От русской бани, от стыда,
От сарафана, от понёвы,
От конской на дверях подковы,
От старой ивы у пруда.
Но та, которая и ныне
В горящую избу войдёт,

Опять, тоскуя по рябине,
У прежних не всплакнёт ворот.

Пусть не Руслан, и пусть не витязь...
Узнает ласку твой упырь.
Забудь о Фросе и про ГИТИС.
Теперь ты, лапочка, Эсфирь.

Томясь от грусти безнадежной,
Протянешь долго ли в глуши?
Не обязательно, но можно...
Летите в город, голыши!

Там не написано: «Пожалте!»
Хотя... снимите полushалки.
Какой с них на обложках прок.
В столичных ли, в иных ли стогнах.
Оброк не с кондачка подогнан:
Брать с дыма, с живота, с чулок ...

И ты, герой мой, не безгрешен,
А потому прошу плеснуть!
Иначе, за каким бы лешим
Вникать бы стал я в эту суть.

Твердишь ты: «Ах, она, милашка!»
Огнём гори, а бес в ребро....
Впитала всё, как промокашка.
За шест бралась и за перо.

Тут главное, не острова Мальдивы.
Вон в Думе пальчиком грозят.
А глянешь: «Ах! Какие дивы!
Ты плёнку отмотай назад!»

Уже и в дамы (статс-) готова
Попасть, на кафедру пролезть.
Не вовсе «голова садова».
Сам скажешь: «Что-то в этом есть».

Кто тень, а кто уже и призрак.
Примерку стерпишь, будешь гожд.
Неважно, кто ещё не признан,
А важен, в общем-то, галдёж.

Ну, думай, думай, брат Аркадий!
Смотри, кино не пропусти,
Полезных набираясь знаний
От повзрослевших травести.

Катарсис

Устал я вглядываться в лица.
Нет тех, чья выдрана страница.
Хочу обычным чередом
Себя, чтеца и книгоношу,
Когда листву льняную сброшу,
Спросить, а где мой отчий дом?

Дела не то чтобы прискорбны,
Но древа родового корни
Из ног моих стучатся в пол.
В ушко игольное верблюду
Чуть-чуть войти осталось.
Буду
уже не тело я, а ствол.

Простру, как говорится, ветви.
Спрошу, иногородних нет ли?
Давно ли дятел улетел?
Ведь сам я барабанным боем
Был восемь лет когда-то болен:
Дробь выбивал и в горн дудел.

«Подвинься, — шепчет мне дубрава, —
Налево глянь, потом направо.
Прозревшим оком как объять?
И поле Дикое, и горы.
За Камень глянешь, там поморы —
Корела, чудь и самоядь».

Не продолжай. Давно гадаю,
Зачем в Сибири пропадаю?
Поводырём моим побудь:
На печь ли русскую взбирался,
Ума ли в бурсе набирался,
Броня ли холодила грудь?

Хочу издалека увидеть,
Когда итоги подведу,
Избу ли, хату ли в Тавриде,
Холмов пустую ли гряду?

Аршин отмерь (всего-то малость).
В ограде жизнь мою продли,
Чтоб крона выше поднималась
Над крышей дома от земли.

В дубовый стол хвоя впиталась.
Берёзой пахнет колыбель,

И пол загадывать под старость
Устал: сосна он или ель?

Гляжу с утра, как узник в нишу,
Два старых тополя в окне.
И ветра нет, а будто слышу
Опять нащёптывают мне:

«Уже пила и топорище
Скучают, бедные, по нас.
Как у тебя дела, дружище?
Ещё ль восходишь на Парнас?»

Не зван я был с ликейских высей
Взирать, сподобясь, где милей,
В канун питейных Дионисий,
Великих (плюс) Панафинею?

Но были дни, ловил губами
Струю Кастильского ключа,
Звал Музу в рошу за грибами,
Момент отрадный улуча.

Пора Пегасу бить копытом
В то место, где я прорасту.
С подножья на холме открытом
Пусть виден буду за версту.

Мне б сразу деревом родиться.
Итоги я уже подвёл.
Одна закончилась страница,
Выпрастывай другую в ствол.

Снегопад

С чего б всю ночь валил он кряду
На крыши и на купола,
Церковную обняв ограду,
Заглядывал в колокола?
Залётный пусть, но декоратор
Из поднебесья (в доску свой),
Дождём когда-то был и градом,
Стал снегом, выйдя на покой.
Уже и не утёнок гадкий,
Пух лебединый распустил.
Он тоже ангел, только падкий

До колких на ветвях пастил.
Умельцы да не имут сраму.
Какой без масок карнавал...
Как в холст, натянутый на раму,
Он город весь загрузовал.
Легко рука его кропила,
И, чтобы не клонило в сон,
Обмакивая кисть в белила,
Подшучивал над фонарями он.
И ночь была, и было утро.
И стало лиц не узнать,

И проступить уже не смутно
Успела каменная кладь.
И деревянная, всплывая,
Свои открыла отруба
На мезонины припадая,
С уже подростшего горба.
Всё кисть волшебная исправит,
Умнёт под валенками наст,
И знак в окошко или в ставень
Про бабу снежную подаст.
Не с дарственной в преисподню
Шагнёт гонец на Рождество,
Пусть ласку, ироды, Господню

Да не сочтут за кумовство.
Побалуется пусть на святки,
Соскучась в баньках, мелкий бес.
У грешников остынут пятки,
Изыдут слёзы из очес.
Пока нечистый льнёт к оконцу,
Наряд невесте не к лицу.
За черевичками придётся
Лететь Вакуле кузнецу.
С мороженого зубы ломит.
Тем слаще пастила во рту...
Любимая губами ловит,
Смеясь, снежинки на лету.

* * *

Опять ворует незабудки
У крыш беспечная капель.
Спешит (покоя ни минутки)
Продать ночную карамель.

По Карла Либкнехта гуляю
С проросшим веком на дворе.
Ворота и калитки с краю
Бегут к Кукуевской горе.

Ещё распахнутые ставни
Глядят на воробьиный бой.
По птичьи кычут «ярославны»,
Вздывая пясти над собой.

И тут шеломы гнут, похоже,
В резных наличниках сойдясь,
За тёплое в гнездовье ложе,
Откуда вылупился князь.

Не с мира Русь по нитке, знаю...
Забудь Поганую Орду.
Под вечер, как по Разгуляю,
Уже не по Ямской иду.

В окладах ставней старый почерк.
О трёх подрамниках хоругвь.

И подоконник, между прочим,
С потёртой скатертью по грудь.

Внезапной встречей озадачен,
Хвостом по ступицу обвит,
«Камердинер» зрачком кошачьим
В окно насмешливо глядит.

Так скользки к ночи тротуары.
А март он любит невзначай:
«Ах, сударь, где вы пропадали?
Остыл в стакане вашем чай!»

Два леденца, забытых в блюдце,
На крытом скатертью столе.
Очки на ниточках смеются,
И спицы все навеселе.

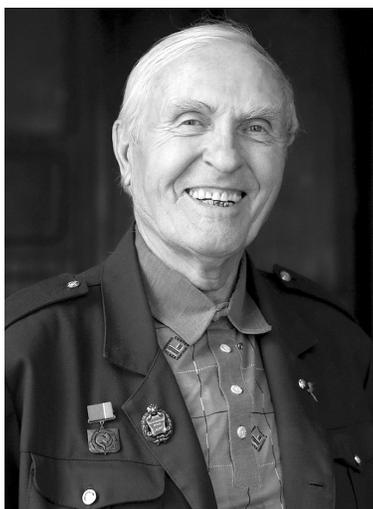
Потом она к столу вернётся
И чай заварит, как вчера.
В часах кукушка поперхнётся —
Пасьянс раскладывать пора.

А я всего-то мимоходом...
И кот, всего-то — старый плут.
Спросили бы: «Откуда родом?»
Ответил бы: «Родился тут!»

85-летие со дня рождения

СЕМЁН УСТИНОВ

Кто он, Мишка или Михаил Иванович?

ПОВЕРЬЯ, ПРЕДАНИЯ, ВЫДУМКИ И РЕАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ГОД И ВСЯ ЖИЗНЬ МЕДВЕДЯ»

Обряд почитания медведя уходит в позднепалеолитическую эпоху, он существовал у народов всей Азии. Особенно многое было связано с медведем в быту у юкагиров. Они считали медведя наполовину человеком, который когда-то занимался колдовством и мог оборачиваться зверем, да вот однажды не расколдовался... Увы, медведя, как и нас, посещают несчастья и неудачи. Обращались к нему возвышенно и всегда иносказательно: «Дед — хозяин земли», «Большой человек».

По случаю добычи медведя объявлялось пиршество, участвовать в котором имели право только лица мужского пола. Мальчишкам, чтобы они «были взрослыми», рисовали усы. Пировали за пределами стойбища. Сердце, разрезав на число участников, ели сырым.

УСТИНОВ Семён Климович (1933–2017) – прозаик, природовед, канд. биол. наук, заслуженный эколог РФ. Автор книг: «Заповедник на Байкале» (Иркутск, 1979); «Год и вся жизнь медведя» (Иркутск, 1987); «Загадочные тропы кабарги» (Иркутск, 1989); «В лесах у Байкала: зарисовки эколога» (Иркутск, 1998); «Волчья песня» (Иркутск, 2003); «Вести от синих гор»: рассказы (Иркутск, 2006); «Визит к Берендею: записки эколога» (Иркутск, 2008); «Эколог Леший и его соседи: рассказы о животных» [для детей] (Иркутск, 2011); «Аборигены тайги: повествования о животных» (Иркутск, 2016). Член Союза писателей России.

До предела оригинальным был способ лечения ревматизма у юкагиров: распоров брюхо только что добытого медведя, туда голым заталкивали больного, который лежал в крови до остывания туши. Потом его вытирали сухим мхом, и больной чувствовал облегчение.

В некоторых случаях шаманам требовалось вызвать метель, ветер, тогда обязательно надо было трясти медвежью шкуру. Дух медведя был также помощником в общении с потусторонним миром.

В древности на Востоке остроту зрения воина проверяли по тому, видит ли он маленькую звездочку (она была названа звездой Альберта) в хвосте созвездия Большой Медведицы. Через Полярную звезду это созвездие почти смыкается с Малой Медведицей. Таким образом, в северном полушарии над древней родиной медведя светятся в ночном небе два созвездия, названием своим имеющие отношение к герою нашего рассказа. Без особого преувеличения можно сказать, что зверь этот известен народам всей Земли. В Мексике «бог Солнца» — Тецкатлипока — изображался с головой медведя. Индейцы, населяющие лесные области севера Канады, верили, что медведь — зверь во всём необычный, у него тело животного, а душа человеческая.

У профессора Гржимека, Брэма XX века, как называют его во всём мире, записана легенда североамериканских индейцев племени схаста о происхождении бурого медведя.

Великий дух Маниту решил заселить Землю животными. Из мелких щепочек нижней части своего посоха он сделал рыб. Сорвав несколько листьев с дерева, положил их на ладонь и сдул — полетели птицы. Разломав нижнюю часть посоха на куски, Маниту получил разных зверей. Остался круглый набалдашник. Поразмыслив, что бы такое из него сотворить, он остановился на медведе, существе, которое должно стать мощнее и умнее всех остальных. И впоследствии маленькая дочь Великого духа, украденная медведем, выросла среди медвежат, дав начало роду человеческому.

Очеловечивание медведя обычно в мифологии многих народов. Даже русские поселенцы Восточного Прибайкалья, рассказывала мне моя мама, полагали, что медведь был когда-то человеком и любил пугать людей — своих соседей. Вот Бог и сделал его зверем — иди теперь пугай!

«Медведь-человек», «медведь был человеком» — распространенное мнение у эвенков. По их поверью, люди размножились на земле от союза медведя с женщиной, которую он украл в одном из редких тогда стойбищ.

В Норвегии говорят, что у медведя силы на десятерых, а ума на дюжину. Шведский зоолог А. Педерсен рассказывает, что предпринял однажды преследуемый им и его собаками белый медведь. Зверь намеренно выскочил на слабый лед над полыней и начал высоко подпрыгивать на одном месте. Вскоре он провалился. Я нисколько не сомневаюсь, что и наш — бурый медведь, поступил бы в сложной обстановке не менее остроумно.

Несколько выразительных характеристик медведя есть в «Песне о Гайавате», народном эпосе североамериканских индейцев: «Спал медведь, тяжелый, грузный, как утес, обросший мхом», «Спи, а то отдам медведю», — грозила индианка-мать непослушному дитяти.

Надо заметить, что это были справедливые оценки. Можно вспомнить, как в период заселения Америки европейцами медведи буквально терроризировали целые округа. Профессор С.М. Успенский упоминает исторический факт, когда

зверь, которому утрашённые поселенцы дали кличку Старый Мозес, около тридцати лет держал их в ужасе, нападая на людей и скот.

Почти все народы северного полушария относились к медведю с почтением и страхом. Это выражалось, в частности, в том, что прямо медведем медведя даже за глаза называть было нельзя, только иносказательно, как особо высокую персону, с трепетным уважением и страхом. И здесь у медведя названий, смело можно сказать, как ни у какого другого зверя. Я знаю около тридцати. Вот некоторые из них: «страшный», «лесной старик» (якуты), «миша» (кабардинцы), «чёрный зверь» (эвенки), «приискатель», «хозяин», «зверь», «косматый старик», «босоногий старик», «черная немочь», «топтыгин», «косолапый», «челдон», «чёрный зверь» (русские), «чёрт», «советчик», «старик», «дедушка», и даже «бабушка», «другой дикий олень».

При всём страхе и уважении к грозному зверю отважные охотники добывали его повсюду, но охота это была особенная. Она проходила в обстановке всяческого отвлечения «духа» медведя от реальности. В.А. Туголуков, исследовавший быт северных народностей, рассказывает, что эвенк, например, идя с пальмой на медведя, говорил ему о добром расположении к нему, вежливо стыдил его за то, что тот страшит его, ровным, спокойным голосом старался утихомирить. Эвенки на Байкале, убив медведя, взмахивали руками, каркали, приговаривая: «Это не мы убили тебя, это вороны...» Эвенки верховий Лены, подходя к ранее обнаруженной берлоге, ещё издали криком подражали ворону — отвлекали внимание «духа чёрной немочи».

Особым был и ритуал сборов на охоту. К стоянке промышляющей артели эвенк, обнаруживший сегодня берлогу, подходил с особенным шумом. Он долго сморкался, выразительно отряхивал лыжи от снега. Всем становилось ясно, в чём дело, и назавтра артель, не сговариваясь, молча отправлялась по его следу. Удачник шёл позади всех. Неподальку от берлоги все тихо извинялись перед хозяином, вину за его обнаружение и свои намерения сваливая на кого-нибудь другого, чаще — на русских охотников: «Это не мы, это луча (русский)». Шуруя жердью в берлоге, выживая медведя, эвенк приговаривал что-нибудь вроде: «У нас отца-матери нет, мы сироты, ты тихонько выходи, помаленьку...»

Совершенно обязательным был обычай, убив медведя, тут же выбросить древко пальмы, после делали новое. Нетрудно догадаться, что скрывалось за этим обычаем: древко могло надломиться и привести к несчастью на следующей охоте.

Русские охотники Восточного Прибайкалья (по А.А. Черкасову) собирались на берлогу тихо, никому не рассказывая, боже упаси — женскому полу. Примечательно, что собравшиеся давали друг другу клятву не оставить другого в беде, которая может приключиться на этой охоте.

Обязательной перед охотой была баня. Сборы заканчивались торжественным прощанием, поклонами на все стороны. К берлоге шли пешком, стараясь не шуметь, молча.

В водосборе реки Вятки охотники, собравшиеся на берлогу, шли не по улице («сглазят!»), закрывали печную трубу, а домашние не должны были смотреть вослед уходящим.

Смысл этих обычаев в том, чтобы подчеркнуть серьёзность грядущего события, постоянно быть во внимании, помнить об ответственности, соблюдать дисциплину. В широко известном поверье «сорок первый медведь — роковой» ясно

выражено предупреждение привыкшему к удачам охотнику, уверенному в себе, что медведь — не заяц, что нельзя расслабляться, всегда надо быть предельно собранным, осторожным. Поверье можно принять также и за некоторую меру, охраняющую численность медведя.

Популярность медведя на Руси, пожалуй, всегда была большей, чем других зверей: лисицы, волка, зайца. В пословицах чувствуется симпатия и народное уважение: «Ты медведь, ты мой батюшка», — поётся в старинной народной песне. Медведя называют Топтыгиным, Михаилом Ивановичем. Пренебрежительно — Мишкой — его стали называть позже люди, не знакомые с крутым нравом, силой, сообразительностью медведя. По-видимому, именно эти качества зверя привлекли внимание греческих императоров начала новой эры при организации массовых кровавых зрелищ. Так, император Калигула выпустил однажды на арену одновременно четыреста разозлённых медведей, заставив драться с ними гладиаторов и их огромных собак. А Гордиан I устроил такое зрелище даже с тысячей медведей. Русь тоже знала подобные примеры, но с качественно иным назначением: Иван Грозный, собираясь в очередной раз жениться, прислал в Новгород имени того гонца с целью переписать всех скоморохов и «ученых медведей». Свадьбу Грозного с Марфой Собакиной веселила, таким образом, ватага скоморохов со множеством учёных медведей.

В славянской мифологии богатыри Вали Гора и Вырви Дуб были вскормлены волчицей и медведицей. Первая дала им хитрость и выносливость, вторая — силу и сообразительность. В Древней Руси медведь был символом предусмотрительности и силы, он красовался на гербах городов Перми и Сергача.

В системе каждой более или менее крупной реки, особенно в Восточной Сибири, есть приток Медвежий, есть озера Медвежьи. На Кавказе один из перевалов через Главный Кавказский хребет называется Медвежьи Ворота. Широко распространена фамилия Медведев.

В Швейцарии шестьдесят два местечка до сих пор носят на своем гербе изображение медведя, а название самой столицы Берн в переводе означает «медведь». Даже разменная монета этой страны в переводе означает «мишка».

Ряд поверий, связанных с медведем, и сейчас ещё в памяти старых охотников Восточного и Западного Саяна. Так, убитый медведь может мстить охотнику. Чтобы этого не произошло, тувинцу совершенно необходимо было сначала отрезать от только что добытого зверя голову, концы лап с когтями и кончик носа — чтобы не мог чують — и зарыть всё это отдельно, в стороне. Многие северные народы обожествляли медведя, хвалиться, насмехаться над добытым медведем было величайшим грехом. Даже просто неуважительное отношение к зверю непременно должно было навлечь гнев «бога охоты». Эскимосы Гренландии были уверены в том, что духи карают охотника за пренебрежительное отношение к добыче, тем более к медведю.

В чем смысл всех поверий, ритуалов, примет, связанных с медведем? У народов, даже не знающих прежде друг о друге, они почти одинаковы: обожествление, очеловечивание, почтение, уважение и страх. Подсознательный смысл всех ритуалов — поддерживать психику охотника на уровне высокой ответственности, дисциплины, собранности перед могучим, серьёзным, умным, порой коварным зверем, поведение которого в момент схватки непредсказуемо: он либо бросится наутёк, либо на охотников, сколько бы их ни было. Не напрасно, по свидетельству В.И. Иохельсона, обследовавшего Колымский округ в конце XIX века, многие

якутские промышленники, собираясь на промысел, молили «хозяина леса» избавиться их от встречи с медведем, так его боялись. Он же сообщает, что в 1893 году медведь забрался в урасу к ламуту и убил всю его спящую семью.

Один из курьёзных случаев произошёл в прошлом у нас в Иркутске. Летопись города свидетельствует, что в ноябре 1732 года (по старому стилю) в город Иркутск забрёл медведь. Некоторое время в пригородных селениях он давил скот, затем был убит. Обыватели признали это посещение недобрым предзнаменованием в отношении ненавистного губернатора Жолобова, который вскоре «заплатил головой за свои дела». А в 1801 году летом в мясных рядах рынка нашего города появился медведь и «чуть не до смерти изорвал семинариста Сизова».

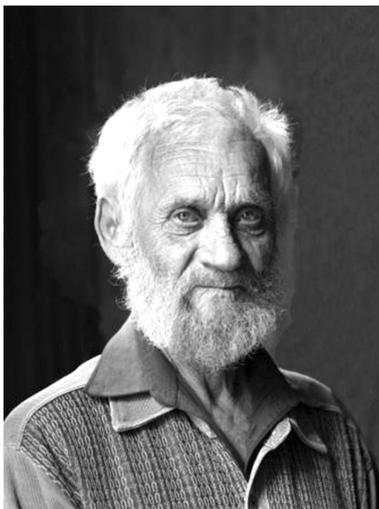
В шестидесятых годах XX столетия многие во всём мире всерьёз верили, да верят ещё и сейчас, в существование загадочного «снежного человека» Гималаев, фотография «следов» которого обошла мировую печать. В 1960 году была организована Международная экспедиция, одной из задач которой были поиски йети — «снежного человека». Её возглавил один из двух первых восходителей на высочайшую вершину мира Джомолунгму Э. Хиллари. Авторитет Хиллари среди населения Непала был столь велик, что один из местных монастырей уступил ему величайшую свою реликвию — священную шкуру йети. Однако при изучении специалистами было установлено, что носил её редчайший ныне подвид бурого медведя — голубой тибетский, живущий на границе вечных снегов и скудной растительности.

Цивилизованная Европа почти уничтожила медведя в своих угодьях, в Англии последний медведь был убит в X веке, сто лет назад это случилось в Германии, в 1830 году — в бывшей буржуазной Литве. Уничтожили, да теперь жалеют. Всюду оценили этого прекрасного зверя, завозят для расселения, охраняют.

У нас в стране медведей много, только в Иркутской области, по самым приблизительным подсчетам, живёт около четырёх тысяч. Таким образом, у каждого, кто более или менее часто бывает в лесу, есть возможность увидеть хотя бы следы хозяина летней тайги — уважаемого «Михаила Иваныча».

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

Зарисовки судьбы

Новогоднее

Прожит год, как том судьбы прочитан.
Память шевелит страницы-дни,
Но не каждый мною был рассчитан,
Были очень разными они.

Что он мне подарит, год грядущий?
Радость или новый груз утрат?
Пламя взрывов или мир цветущий
В голубом рассвете по утрам?

Время повернуть назад не можно.
Но светлым-светла моя печаль.
Путеводный свет звезды тревожит
И зовёт в непрожитую даль.

Верую в счастливый ход событий,
Но не забывая о былом,
Ковш надежд на счастье поднимаю
Над своим не праздничным столом.

НИКИФОРОВ Александр Георгиевич родился в 1944 г. в г. Черногорске Красноярского края. Автор книг: *«Подснежные ягоды»* (1982), *«Узник любви»* (1991), *«Крылатый пахарь»* (2001), *«Малая Родина»* (2011), *«Таёжный хлеб»* (2014), *«Путевой лист»* (2017). Член Союза писателей России. Живёт в селе Верхоленск Иркутской области.

Молитва

Остаток жизни прожить бы не зря...	За долю, которую боготворю,
Думы мои просты.	Оправдываю трудом.
В новый день, постигая обряд,	Господи! Благослови, молю,
Сложу в строгость персты.	Землю и отчий дом!

Любовь

Незванная, на свадьбу мужа, Держа пожар цветов в руках, Она брела по летним лужам, В грязь втаптывая облака.	Ему — вручив букет, невольно Невесту взглядом обожгла. Потом пила, но не пьянела. Всё ж выплеснули боль уста: — Убереги! Я — не сумела... И тенькнул в тишине хрусталь.
— Иди! — себе шептала с болью. Поправив локон, в дверь вошла.	

Бабушка Настя

Соседские окна крест-накрест Забиты какой уже год... Одна только старая Настя В родимой деревне живёт.	И с первой оказией в город Таёжных гостинцев пошлёт. Случается, в летнюю пору Наедет к бабусе родня, Припомнятся добрые годы — И нет ей счастливее дня.
За чёрною дранью забора Сибирский проносится тракт. Там где-то есть каменный город Надежды её и утрат.	Родня пошумит и отчалит. Автобус умчит суету. А бабушка будет печально, Как свечка, мерцать на тракту.
Старушка встаёт до восхода, Подойт корову, вздохнёт	

Молочные розы

Александру Горбунову

Стадом белых быков
спят стога за рекой.
Звёзды юные в жмурки играют.
Ослепительным франтом
фонарь городской
С деревенской луною скучает.

Ах, малиновый сон!
Под мужицкой рукой
Забываешь дела и заботы.

Но взорвётся будильник в тиши голубой:
— Эй! Хозяйка! Пора на работу!

И, нащупав окно, свет блуждающих фар
На мгновение высветит спальню.
Будет долго ворчать на столе самовар,
Проклиная твою специальность.

Стылый автофургон проскрипит по селу
И рванётся к коровнику яро.
Белоснежный сквозняк до пунцовости щёк
Расцелует озябших доярок.

Усмехнёшься не даром: так это ж в кино —
Не доярочки — белые розы!
В жизни проще: лопатой вывозишь г...,
Да такое, что сыплются слёзы.

Было б только здоровье...
И всё не беда!
В снег и в слякоть, в жару и в морозы
То ли белые реки текут в города,
То ли горькие женские слёзы.

Таёжная баня

Вячеславу Лобачёву

Свят закон, в субботу — баня!
Наплывает вечер ранний,
Сумрак прячет тальники.
А тропою мужики,
Прихватив с собой бельё,
Держат курс на зимовьё.

Первым делом смыли «дэту»*,
Миг — и все уже раздеты.
Закрываем плотно дверь,
Можно пар поддать теперь.
Ждёт свой срок вода в тазах,
Млеет даже мох в пазах.

Есть берёзовый букет —
Жаль, буфета с пивом нет...
Но зато такого пара,
Да отчаянного жара,

---

*«Дэта» — мазь для отпугивания комаров.

Поплетётся к останкам деревни
Сквозь заросший крапивой загон.
Возле мёртвой усадьбы, на взгорье,
Посидит в необъятной тоске.
И, сутулясь под тяжестью горя,

Сядет в лодку на Лене-реке.
— Ты прости, что сберечь не сумели! —
Молвит он, неумело крестясь.
...Он-то помнит, как эту деревню
Разорила безумная власть.

* * *

Разольём по рюмкам, перекрестимся:
— Господи, помилуй и прости!
Все в Ковчег, конечно не уместимся,
Но кому-то надобно грести...
Истинно, что не единым хлебом
Насыщались люди испокон.
Слово нам дано под этим небом,
Чтобы жить светло и высоко.
Посудачим, друг мой, — и за дело,
Прозой жизни, выверяя слог.
В миг, когда волна вокруг кипела,
Ной молился —
Слово всех спасло.

Последний лист

Оле Гусевской

Тепло развеялось, как грёзы.
Пришёл октябрь. Холодный свист
На голом венике берёзы
Колышет одинокий лист.
Кусочек лета над землёю,
Свидетель жарких дней и гроз.

В последний миг перед зимою
Я задаю больной вопрос:
— Давно ли с шумною гурьбою
Ты цвёл и рос одной мечтой?
А нынче никого с тобою,
Мой беспризорник золотой!

Предзимье

Цветы и травы смётаны в стога.
Все лодки кверху дном на берегу.
Угрюмая сибирская тайга
С утра встречает первую шугу.

Октябрь — тут и стужа на порог.
Дохла снегом новая зима.

В деревне год итожат на Покров,
Поведают о многом закрома.
Живы — и слава Богу! Я шепчу:
— За добрый урожай, за страдный час,
За то, что дело было по плечу,
За то, что дух наш русский не угас!..

Подорожное

Ларисе Мельниковой

Не тревожься, мой друг,
Не печалься,
Как бы доля была ни горька,
В миг, когда от родного причала
Понесёт в неизвестность река.
Перекаты рябят перламутром,
Таёт тьма и господствует день.
Даже беды случаются мудро
Для ослепших от счастья людей.
Верх одержит мудрец,
Не воитель,
В разногласиях между людьми.
Береги тебя Ангел-хранитель
И в пути,
и в трудах,
и в любви!

Осеннее сердце

Сентябрь до конца
свою лучшую песню пропел.
И солнечной ласки
в ближайшее время не жди.
Ах, милое лето, продлись,
ещё столько не сделанных дел!
Не надо, не надо печали —
прошу вас, дожди!
Я алый листок,
словно женщину, нежно целую,
Запомню душой,
как осеннее сердце дрожит.
Чтоб лютой зимой,
когда окна мороз зарисует,
Вернуть этот миг —
и листва надо мной закружит.
Конечно же, знаю,
ни осень, ни лето не вечны.
Не вечна зима.
Безусловно, не вечен и я.
Ну что ж, и на этом спасибо!
Мой миг — быстротечный.
Любить эту землю —
прекрасная доля моя.

ЮРИЙ БАРАНОВ

Последний полёт

РАССКАЗЫ

Казанова

Анатолия Николаевича, несмотря на весьма непрезентабельную внешность, все называли Казановой. Был он небольшого росточка, с объёмистым брюшком. Ходил, переваливаясь, как гусь, на коротких кривоватых ногах и всегда улыбался. Улыбка не сходила с его лица и казалась неестественно приклеенной, потому что сложно улыбаться, выполняя физическую работу. Анатолий Николаевич служил плотником в весьма высоком учреждении. Приколачивая плинтус или меняя замок, он стрелял маленькими глазками в разные стороны, без стеснения разглядывая лица, бёдра, ножки обладательниц кабинетов. Они, естественно, краснели и бледнели под его взглядами, натягивали юбки на колени, кутались в шали, стремясь скрыть-спрятать обнажённую плоть. Но Казанову это не смущало.

БАРАНОВ Юрий Иванович родился в г. Замостье (Польша). Автор шестнадцати книг, среди которых *«Медвежий след»*: рассказы, цикл сказочных историй о городе Иркутске, сборники стихов для детей *«На улице Рябиновой»*, *«Зелёный медведь»*, исторические повести для детей *«Иркутский драгун Лешка, или Тайна Наполеона»*, *«В поисках тайны Ремеза»*, поэтический сборник *«Град небесный»*. Юрий Иванович — автор слов песни *«Дальники»*, которая в 2004 г. стала официально гимном Дальней Авиации. Ю.И. Баранов — лауреат Международной литературной премии им. Петра Ершова, лауреат Международного литературного форума «Золотой Витязь», лауреат премии Губернатора Иркутской области. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Каждый сантиметр женского тела будил в нём страсть. С одинаковым вожделением смотрел он на женские пяточки, губы, вырез на груди, открытые коленки. При этом говорил, говорил, говорил. Рассказывал пошлые анекдоты, шутил, проговаривал хохмы позапрошлого века, цитировал Петросяна и Арлазорова, не удивляясь тому, что никто не смеётся. На дам, особо понравившихся ему, устраивал настоящую охоту: поджидал в коридоре, старался подсесть поближе в столовой, с дурашливой галантностью уступал дорогу и раскланивался. При этом его лысина со щёткой жёстких волос на затылке блестела от пота и неутолённых желаний. На обед Анатолий Николаевич никуда не уходил. Обедал тут же в учреждении, являясь в столовую к открытию. Неторопливо и степенно хлебал борщик. Вкушал гуляш, запивал всё это чаем, но при этом наслаждался не столько пищей, сколько щебечущей на все лады громадной стаей девушек и зрелых дам, слетавшихся к кормушке. Особенно он оживлялся, когда обед служащих подходил к концу и зал заполнялся пришедшей публикой. Анатолий Николаевич позволял себе даже подсаживаться за столик к незнакомым барышням, пытался говорить комплименты, рассказывал анекдоты. Но, увы! Все его потуги обратить на себя внимание оставались безуспешными. То есть его нелепая фигура и неуклюжие шутки вызывали смех и раздражение.

— Я всегда говорил, говорю, и буду говорить, — произносил он, опускаясь на стул рядом с очередной жертвой, — что сырую воду пить вредно.

Девушки вежливо прыскали в кулачок и старались отодвинуться подальше от странного субъекта. К концу рабочего дня улыбка с лица Анатолия Николаевича начинала спадать. Разглаживалось лицо, в глазах появлялась некоторая хмурость и напряжение. Он не торопился домой. Очень медленно складывал инструмент, ещё медленнее переодевался и, тяжело выкатывая брюшко впереди себя, выходил на улицу.

Когда-то у Анатолия Николаевича была семья. Вернее, была жена. Деток им Бог не дал. А вот у жены от первого брака была дочка Люсенька. Познакомился Анатолий с Еленой на вечере в заводском Доме культуры. Работал он тогда наладчиком станков. Работа была, как принято выражаться, престижная. И платили неплохо. Так что женихом он был завидным, с квартирой и неплохим достатком. А Ленка в ту пору второй год жила в заводском общежитии после того, как ушла от непутёвого мужа-гулёны. Влюбился в неё Анатолий Николаевич без памяти. Не посмотрел, что старше она на два года и что ребёнок имеется. Правда, тогда многие ему говорили, что не по себе дерево рубит. Елена статная красавица с роскошной русой косой. А он тогда ещё был не толстый, но кряжистый, крепкий, рукастый парень. Из-за разницы в росте пришлось Лене отказаться от высоких каблучков. Уже только это покорило Анатолия и ещё больше привязало к жене. До неё как-то не складывались у Анатолия Николаевича отношения с противоположным полом. После первого же свидания они почему-то, теряли к нему интерес. Хотя он, памятуя о том, что барышни любят весёлых лихих парней, изо всех сил пытался рассмешить понравившуюся ему девушку. Анатолий даже записывал и заучивал анекдоты, чтобы всегда иметь, как говорится, под рукой смешинку на все случаи жизни. Этому нехитрому приёму научил его ещё армейский приятель.

— Ты, Толя, не тушуйся, — говорил он, — главное, ошарашить девицу весельем и лихостью. Расскажи пару анекдотов. Посмеётесь. Проходишь мимо клумбы в городском саду, сорви для неё цветок. Проходишь мимо сада, не постесняйся залезть на дерево и сорвать яблоко барышне. И лихость, и храбрость тем самым

покажешь. А ещё запомни несколько стихотворений. Иные девушки страсть как стишки любят.

Приятель слыл записным сердцеедом. Ему хотелось верить. Поэтому правила эти Анатолий запомнил и свято соблюдал. Являясь на свидание с букетом цветов, он всегда декламировал: хрустел в кармане маленький остаток денег, от всей души дарю вам этот веник.

Этот стишок сочинил сам, чем очень гордился. И лихость в нём была, и веселье. Когда Анатолий Николаевич понял, что приёмчики от приятеля не помогают, стукнуло ему тридцать шесть годов. Ровесницы давно были замужем, а малолеткам он был не нужен.

Тут-то и случилась встреча с Еленой. В первый же вечер она сама взяла его под руку и сказала: «Ну что ты всё выкаблучиваешься? Анекдотами меня пронять хочешь? Ты лучше про родителей своих расскажи».

Сразу стало легко и просто. Толя обмяк и не то чтобы посерьёзней, а слетела с него шелуха, которой оброс он за годы холостяцкой жизни. А тут словно кедровую шишку расшелушили и явили миру зёрнышко маслянисто-белое да упругое, на удовольствие и на пользу.

Всё у них сладилось. Двадцать лет пролетели как один день, а они с Еленой даже не поссорились ни разу. Дочка Люся к Анатолию быстро привыкла, называла папкой и во всём слушалась. А то, что своих детишек не случилось, Анатолия Николаевича мало заботило. Уж так хорошо ему было, что иногда вечером, глядя, как Елена распускает, расчёсывает косу на ночь, чувствовал он, как сладко замирает сердце и щекочет в носу от желания заплакать. Вдруг всё исчезнет, улетучится... Выглядывающее из-под широкой лямки ночной сорочки обнажённое плечо приводило его в состояние, близкое к молитвенному. Когда жена, собираясь выйти из дома по каким-то своим женским делам, присаживалась обуваться, Анатолий Николаевич стремглав бросался к ней, чтобы прикоснуться, вложить в туфельку бело-розовое чудо Елениной ноги с блестящими ноготками пальчиков и невинно шершавой пяточкой. А к Люсе он так привязался, что казалось, другого ребёнка у него и не могло быть. Хорошо помнил Анатолий Николаевич, как вместе с Еленой собирали они Люсю в первый класс. Он сам выбирал ей в магазине яркий ранец, покупал тетрадки, ручки, а в довесок подарил большого плюшевого зайца, у которого на шее висела бирочка с надписью «Умник».

Потом Люся пошла в музыкальную школу, и Анатолий Николаевич оформил в кредит покупку пианино. Когда инструмент привезли из магазина и втащили в квартиру, то, кажется, больше всех радовался он сам. С шумом откупорил бутылку шампанского, заставил всех, даже грузчиков, выпить, брызнул на пианино, громко повторяя, словно пробуя на вкус, доселе почти неизвестное ему слово «фортепьяно».

— Надо же! Фортепьяно, фортепьяно, пьяно, пьяно! — восклицал он.

По вечерам водил Анатолий Николаевич Люсю в музыкальную школу. И, чувствуя в своей руке маленькую доверчивую ручонку ребёнка, оглядываясь на себя, как бы со стороны, думал: неужели это он ведёт дочку не куда-нибудь, а в музыкальную школу. Под ногами скрипел молодой снежок, мелькали рядом прохожие, почти не замечаемые оттого, что душа Анатолия Николаевича была занята осознанием богатства, неведомо за что полученного им. И так было страшно это богатство потерять!

Как-то незаметно Люся выросла, вышла замуж, родила ребятёнка — девочку. Лена, понятное дело, зачастила к дочери, которая теперь жила самостоятельно с мужем на другом конце города. То пелёнки-распашонки готовить малышке, то

коляску выбирать. Всё это было понятно. Только вот Анатолия она от этих забот отстранила, словно был он Люсе чужой человек. Из роддома Люсю они встречали вместе. На смотрины, когда внучке исполнилось два месяца, тоже вместе ездили. И вдруг как ножом отрезало. Вечером Елена приоденется, подкрасится, дверью хлоп — «Я к Люсе». Возвращается поздно, а то и заночует у дочери.

Анатолию Николаевичу объясниться бы с женой. Ногой что ли топнуть по-хозяйски. Да только совпало это с неприятностями на работе. Всю страну поставили на уши демократы-приватизаторы. В одночасье завод, на котором работал Анатолий Николаевич, остановился, и начали его продавать по частям. Руководил всем этим безобразием главный заводской инженер по фамилии Березайский. Помнил его Анатолий ещё молодым специалистом, выпускником политеха, которого старые мастера уму-разуму учили. Да и он, надо сказать, не стеснялся спрашивать. Научили на свою голову. Завода не стало. Зато появилось закрытое акционерное общество «Родион», на котором клепали металлические киоски — «Батискафы», как их прозвали рабочие. А генеральным директором новоявленного предприятия стал, конечно же, Родион Юрьевич Березайский. Анатолий Николаевич сначала растерялся, а потом надумал зажигалки мастерить, металлические коробки-горбовики клепать для ягодников. Оборудовал в гараже своё мастерскую, а изделия сдавал перекупщикам на Глазковском рынке. Так и жили. На хлеб хватало, и ладно. Только не додумал Анатолий Николаевич, что женщине одного хлеба мало-то будет. Ей надобно время от времени красоту свою показать, естеством своим женским похвалиться. А для этого ой как много требуется: и платье новое, и пальтишко, и сумочка, и парфюм всякий. Вот и вертелся Анатолий Николаевич. Он, можно сказать, дневал и ночевал в своём гараже. Но денег катастрофически не хватало. Так бы оно и шло, да вдруг увидел Анатолий Николаевич на жене новое платье, а потом ещё одно.

И стало ему как-то неудобно, словно сам он согрешил. Хотел было спросить, откуда обновки, но не решился из боязни услышать нечто такое, чего и знать не следует.

А Елена просто расцвела. Даже перестала упрекать мужа за малый заработок. Только чаще стала оставаться у дочери с ночевой. А однажды, возвращаясь поздно из мастерской, увидел Анатолий Николаевич, как подкатила к их подъезду беленькая иномарка. Вышел из неё импозантный мужчина, обошёл машину и помог не выйти, а выпорхнуть из салона его Елене. Была она такой молодой и яркой в туфельках на высоком каблучке, и не скажешь, что за шестьдесят, что нашёл на Анатолия столбняк. Остановился он. Руки-ноги онемели, в горле пересохло. Крикнул бы, да голоса нет. А что крикнул бы? «Помогите! Спасите!»? А кого спасать? От кого?

Мужчина приобнял Елену. Легко так, по-хозяйски, поцеловал в губы, прыгнул в машину и уехал. Процокали по асфальту каблучки жены, хлопнула дверь подъезда. Анатолий Николаевич всё стоял и смотрел. А может, ждал, что кто-то большой и сильный скажет ему, что всё это померещилось и ничего такого не было. Удушью пахла после дождя расцветающая сирень. И этот горький запах, сумерки, мягкий свет фонарей слились в его памяти в странную картинку, не дающую уснуть весенними вечерами, заставляя вновь и вновь переживать случившееся.

Анатолий Николаевич не помнил, как добрался до своей квартиры, открыл дверь. Елена вышла навстречу уже в домашних тапочках. Глянув в лицо супругу, она, не пряча глаза, спокойно и просто рассказала о том, что давно уже встречает-

ся со своим первым мужем Борисом Борисовичем, как объединила их совместная забота о внучке. Всё-таки родная кровь. Борис Борисыч взял на себя все расходы по содержанию и дочери, и внучки. Ему это не в тягость. Давно зовёт жить вместе. Видно, судьба.

Анатолий Николаевич разулся и, тяжело топая пятками по полу, прошёл молча, не зажигая света на кухне. Сел у окна и замер. Свет уличных фонарей, пробиваясь сквозь ветки клёна, превращался в мозаику, пятнающую стены кухоньки и лицо Анатолия Николаевича. Но даже этот малый свет нестерпимо бил в глаза, вызывая слёзы. А Лена все говорила и говорила... Потом она кому-то звонила. Быстро и споро уложила чемоданы. Приехал Борис Борисович. Заглянул на кухню, где сидел Анатолий Николаевич, молча вынес чемоданы. Вошла Лена и села рядом. Она снова, что-то говорила, но Анатолий слышал только музыку её голоса, такого родного и милого. Смысл слов не доходил до него. Словно говорливый ручей бежал, бежал и, ударившись о запруду, стал разливаться. И чем шире расходилась вода, тем тише она вела себя. Бурля у плотины, кругами расходилась дальше и дальше, облегчённо смиряясь с обстоятельствами жизни.

Так и горе Анатолия Николаевича, заполнив всю его душу, не выплеснулось наружу. Оно оказалось плотно запечатано глубоко внутри. И только сам Анатолий знал, как тяжело бурлит в нём этот чёрный поток, которому нет и не может быть выхода наружу. Он по-прежнему что-то мастерил, продавал, спал и ел. Другой бы на его месте запил горькую. Но Анатолий Николаевич и в молодости не был любителем зелья. И водка, и табак внушали ему отвращение. Кто-то из гаражных приятелей присоветовал вышибать клин клином. Подумаешь, баба ушла, говори-ли, так найди другую. Вон их сколько, одиноких баб!

В ту пору подвернулась Анатолию Николаевичу вакансия. Удалось с помощью давнего друга устроиться плотником в высокое учреждение.

— Ты только не зевай! — наставлял приятель. — Это же малинник!

И Анатолий Николаевич не зевал. Он шутил, смеялся, рассказывал анекдоты. Но в каждой женщине, с которой он пытался говорить, в их коленках, пяточках виделась ему Елена. И не было от этого никакого спасения. Чем ближе к вечеру, тем тяжелее ему становилось. И так не хотелось идти домой, хоть плачь.

А назавтра снова шутил, смеялся и репейником цеплялся к каждой проходившей женщине, хотя и сам уже не понимал, для чего это ему надо.

И снова была весна. Выстреливали клейкие почки тополей и клёнов. Тужилась расцвести сирень, но холодные ветры заставляли малые соцветия съёживаться, никому не показывая свою лиловую нежную суть. В тот день Анатолий Николаевич как всегда медленно-медленно переоделся и, словно ища причину, по которой можно было бы задержаться на работе, огляделся и вдруг присел на стул. Неожиданно резко заныло сердце и стало тяжело дышать. Отдышавшись, он поднялся и пошёл к выходу. Впереди был очередной пустой и тягучий, как безвкусная ириска, вечер. Торопиться незачем, а идти недалеко.

Подходя к своему подъезду, услышал Анатолий Николаевич странный писк. Наклонился и углядел под лавочкой лопоухого смешного собачёныша. А тот, увидев человека, радостно засеменил навстречу, поскуливая то ли от жалости к самому себе, то ли от счастья, что встретил большого и сильного защитника. Анатолий Николаевич, не обращая внимания на боль в груди, поднял щенка и, прижимая его к себе, вошёл в подъезд. Открыл дверь и, не снимая ботинок, прошёл в комнату, где сразу лёг на диван, почти выронив щенка на пол.

Утром соседка по лестничной клетке увидела, что дверь в квартиру Анатолия Николаевича приоткрыта. Ещё из прихожей она увидела соседа странно неподвижно лежащим на диване. А на полу плакал-скулил смешной лопухий щенок.

...Когда Анатолия Николаевича хоронили, то в ритуальный зал проводить его пришли две сердобольные старушки-уборщицы и начальник отдела, в котором работал покойный. Молча стояли они у гроба, в котором лежал наш Казанова, строго поджав губы, всем своим видом как бы показывая, что он устал шутить и улыбаться...

Последний полёт

Прошло всего пять дней с тех пор, как мой вертолет Ми-8 был сбит при высадке десантно-штурмовой группы. Переносной зенитно-ракетный комплекс превратил вертушку в костёр, а меня — в обгоревший обрубок. Мой мозг ещё жил, но руки и ноги уже не имели ничего общего с тем, что все остальные люди могли назвать руками и ногами. Я был без сознания, а когда изредка приходил в себя и боль становилась нестерпимой, мне вкалывали дозу кетонала, и я уходил в страну сновидений. Я знал, что ко мне прилетела жена. Я чувствовал её рядом. Но моё обгоревшее лицо, вероятно, пугало её, и я не хотел, чтобы она видела меня таким.

Лучше бы я погиб сразу. Но Богу было угодно сохранить мне жизнь и превратить её в сплошную череду всплесков боли и мучений. Словно кто-то всемогущий испытывал меня на прочность, искал и не мог найти предел моего терпения. Я уже не чувствовал и не знал есть ли у меня конечности, глаза, уши. Всё это было болью. Где же этот укол?! Где?!

И вот, наконец, боль становится глуше. Она не уходила совсем. Она только отступала на несколько шагов. Боль ждала, когда я вернусь из очередного полёта. А пока я улетаю...

Моё тело оставалось в душевной палате госпиталя среди хрипов и стонов таких же, как я, обрубков, а душа отправлялась в полёт.

Я летел в прозрачном светлом небе. Подо мной изредка проплывали лёгкие пушистые облака. Это было то, о чём я мечтал всю жизнь — физическое ощущение счастья. Счастье и полёт для меня всегда были синонимами. В детстве я вовсе не собирался стать лётчиком, хотя вырос в авиационном гарнизоне. Я не чувствовал романтики в гарнизонной жизни. Рёв тяжёлых воздушных кораблей над нашим домом не будил моё воображение.

Интерес к авиации у меня появился значительно позже. Он пришёл после прочтения книг Антуана де Сент Экзюпери. Его философия нежного мужества, умения видеть сверху тропинки, ведущие от колодца к колодцу, от сердца к другому сердцу, привела меня в восторг. Я вдруг почувствовал, как это важно соединять друг друга паутиной слов. Словом, я стал пытаться писать. Писал стихи, новеллы, сказки. Но сейчас можно с уверенностью назвать всё, что было написано мной в те юношеские годы, розовыми соплями.

Позже, в лётном училище, я понял, что пора выбирать между авиацией и литературой. И та и другая музы требовали полной самоотдачи и не прощали измены. Я выбрал авиацию. Но с годами желание рассказать об увиденном становилось всё сильнее. Убедив себя однажды в том, что Экзюпери из меня не получился, я просто запретил себе писать.

Но кто мог запретить мне поймать и спрятать в тайник памяти меткое слово, интересную историю. Тем более, что в авиации каждый лётный день наблюдательному человеку мог принести несколько сюжетов.

Пока я грузил себя воспоминаниями, зелёнка подо мной стала слегка темнеть, тени на склонах гор стали резче, ветерок, так приятно овевающий меня в полёте, стал прохладней. Вдруг на горизонте, на фоне закатного солнца, я увидел чёрную точку.

Я даже не успел подумать, что это. Точка, приближаясь, росла, и вскоре я увидел девушку. Она была в лёгком белом платье, и чем ближе подлетала она ко мне, тем неестественней казалась мне её поза. Она летела, лёжа на спине, запрокинув бледное лицо. Время от времени её тело принимало почти вертикальное положение, а затем голова всё больше запрокидывалась назад, и она продолжала полёт, двигаясь ногами вперёд. Я раскинул руки и выполнил подъём переворотом для набора высоты. Потом облетел вокруг девушки. Она не реагировала. Глаза её были закрыты. Какое-то время мне даже не приходило в голову, что она мертва. Слишком уж хорошо я чувствовал себя в небе. Слишком хорош был этот вечер. Снизу слегка тянуло запахом листвы, дымом костра, свежескошенной травой.

Небо стало темнеть быстрее. Зажглись звёзды. Скорость полёта росла, а вместе с ней росло чувство тревоги. Словно кто-то ледяной рукой пытался взять меня за горло. Я, не знаю почему, стал снижаться. Выбрать площадку для приземления было сложно, так как внизу было уже совсем темно. Вдруг словно театральный прожектор выхватил из темноты ровную поляну, на которой стоял стол. За столом сидел человек.

— Bravo! — сказал он и несколько раз хлопнул в ладоши, когда я приземлился. — Bravo! Вы, лётчики, как дети. Радуетесь пустякам. Огорчаетесь из-за мелочей. Находите удовольствие в подражании птицам. Я смотрел, как ты заходил на посадку. Как ворон. Видел, как вороны садятся? Клюв вытянул, грудь прогнул, крылья растопырил. Вот так и ты — грудь прогнул, руки растопырил. А зачем? Ведь летел ты сюда только потому, что мне этого захотелось. И твоё красивое грамотное приземление на этой площадке — моих рук дело.

Я стоял молча, не зная, как себя вести. Чувство тревоги не проходило. Ко всему я почувствовал какой-то странный запах, название которого не мог вспомнить.

Человек за столом на мгновение замолчал, потёр руки и, подняв голову, сказал:

— Ну, что же, проходи, садись. — При этом глаза его странно блеснули из-под тёмных густых бровей.

Я подошёл к столу и сел, разглядывая человека.

— Итак, со свиданьем, как вы говорите, — он поднял бокал. — Ну, что ты стесняешься? Я ведь знаю, что ты любишь коньяк. Я даже знаю, что когда-то твой командир, полковник Азаров, сказал: «Настоящий офицер и лётчик должен пить коньяк, на худой конец, водку, а остальное — баловство».

Да, это было удивительно. Он знал об Азарове. Но я решил не удивляться. Что будет, то будет. Поднял широкий коньячный бокал и пригубил.

В лице моего собеседника было что-то восточное. Смуглая кожа, нос с горбинкой, чёрные волосы, небольшая бородка. Его можно было назвать красивым, если бы не какая-то звериная, пугающая грация. Особенно портила его улыбка. Улыбаясь, он показывал крупные ослепительно белые зубы. «Прямо-таки персонаж для рекламы «Диурола», — подумал я.

— Не слишком ли мелко ты судишь обо мне? — усмехнулся восточный человек.

Я вздрогнул.

— Да! Я умею читать ваши мысли, ваши желания, ваше прошлое и ваше будущее. Как я вас, людей, хорошо знаю! — и он почти грустно усмехнулся. — Что же ты не спрашиваешь, кто я? Догадываешься ли ты, кто перед тобой?

Он встал, и я увидел на его плечах алый плащ, подбитый мехом. Запах стал сильнее. Я вспомнил! Это был запах серы!

— Вспомнил?! — произнёс он. — Молчи! Ты недостойн произносить вслух моё имя. Я сам произнесу его: Люцифер!

Стало тихо. Только горы повторили эхом: Люцифер... цифер... фер...

Он стоял, гордо подбоченившись, подвернув одной рукой свой роскошный алый плащ. Его смуглое лицо выражало восторг упоения властью и удовлетворение произведённым эффектом.

Мне стало смешно.

— Ты?! Ты смеёшься надо мной?! Над Люцифером, властелином и князем тьмы?! Ты — обгоревший обрубок! Полутруп, лежащий там, внизу. Неужели ты ещё не понял, что я — твоя последняя надежда, твой последний шанс. Твой Бог не уберёт ни тебя, ни твой экипаж. Только я смогу изменить всё!

— Чего же ты хочешь от меня? — прервал я этот монолог.

— Вот это уже мужской разговор, — усмехнулся он и снова сел за стол. — Итак, майор Воронов, мне нужна твоя душа. Это звучит банально, но это так. Мне нужна именно та субстанция, которая сейчас находится здесь передо мной. Взамен я предлагаю очень и очень многое. Прежде всего, я предлагаю жизнь. Жизнь прекрасную во всех её проявлениях. О вечности я не говорю, её ещё нужно заслужить. Я могу вернуть тебя в прошлое и изменить будущее.

— Значит, мои ребята могут остаться в живых? — спросил я.

— Нет, голубчик, нет! Разговор идёт только о тебе. Только о твоей жизни и твоей душе. У тебя есть возможность не только летать, но и писать книги. Сколько прекрасных книг ты сможешь написать! Ты расскажешь о красоте облаков, о людях, подражающих птицам...

Его голос убаюкивал, завораживал. Я смотрел в его глаза, и моя голова начала слегка кружиться. В этот момент Люцифер вдруг подмигнул мне. Это было так отвратительно, словно он предлагал украсть или ограбить.

— Скажи, а зачем тебе моя душа? — спросил я.

— Ты молодец, майор! Это хороший вопрос. Все наши поступки, добрые и злые, попадают на разные чаши весов. С одной стороны — добро, с другой — зло. Вся жизнь — это борьба света и тьмы, добра и зла. Я — князь тьмы и хочу, чтобы силы тьмы поглотили свет. Поэтому я и скупаю души. Вы пополняете моё войско. Взамен я даю вам осуществление ваших желаний. Разве это плохо? Я даю вам то, что не смог дать Бог. Уже только это говорит, насколько я силен. Ты можешь сказать, что Господь Бог не оставит тебя. Но он уже оставил. Значит, он не так уж всемогущ. Ты только подумай, сколько времени добро борется со злом и не может победить его. Сколько времени люди подвергают сомнению могущество Бога и отдают свои души мне. А само разделение на тьму и свет условно. Что есть добро? А что есть зло? Кто знает, в чём истина? Истина в добре? А может, истина в зле, в эгоизме? Неужели ты не видишь, насколько нерационально добро? Что ты делал в Чечне? Ты воевал. Ты же не подставил чеченцам и правую, и левую щёку. Ты отвечал ударом на удар. Значит, вёл себя как настоящий мужчина. Помнишь девушку, которую ты встретил на пути сюда? Она была здесь и отдала мне свою

душу за право любить и быть любимой. Давай же покончим с этим разговором и перейдём к формальностям. Никаких расписок кровью. Это пошло. Просто ты сейчас снимешь свой крестик и бросишь его в темноту. Просто бросишь. И всё...

Он сам напомнил мне о крестике. Я вдруг ощутил его присутствие на груди, словно птичье крыло коснулось меня. Мне стало легче. Слова Люцифера, источавшие сладкий дурманящий яд, уже перестали действовать на меня.

«Нет, — подумал я, — отдать душу?! Купить жизнь такой ценой! А как же мои ребята, мой экипаж? Значит, я должен буду предать их!»

Моя рука медленно потянулась к нательному крестику.

«Ну, вот и славно...» было произнёс Люцифер, и вдруг лицо его исказила гримаса боли.

— Святой Боже! Святой и крепкий... — произнёс я слова полузабытой молитвы.

— Нет!!! — пронзительно закричал Люцифер.

Боль закружила меня, пронзила моё тело сотнями иголок. Больно... Укол! Укол! Укол!..

Медленно из темноты выплыло лицо жены. Я видел её страдающие, полные ужаса глаза, и мне хотелось, чтобы это побыстрее кончилось. Как жаль, что я не могу рассказать ей о том, что я сейчас видел, что пережил. Сделали укол. И вновь потолок палаты закружился надо мной. Светлые и тёмные полосы вращались над головой, словно лопасти вертолёта. Я даже услышал ровный гул двигателя и медленно-медленно стал взлетать. Потом шум двигателя стал тише, и я оказался один в небе. Это было так приятно. Полёт на высоте двадцать пять — тридцать метров. Что может быть лучше! Я видел каждую травинку, цветы. Откуда-то тянуло кизячным дымом и запахом трав. Подо мной проплывали склоны гор, поросшие кустарником, а ещё ниже, в долине, я увидел луг, заросший чертополохом. Тем самым татарником, который так хорошо описал Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат». В этот момент мой полёт стал неуправляемым. Меня вдруг швырнуло в заросли чертополоха и понесло сквозь них. Острые колючки рвали на мне одежду, царапали кожу, я чувствовал кровь, струившуюся по лицу. Трижды галсами меня протащило по этому проклятому полю. Мне оставалось только утешить себя воспоминаниями о жизненной силе и жизнестойкости татарника, воспетого Львом Николаевичем. Наконец я, обессиленный, растянулся на траве. Исцарапанное тело ныло. Мой камуфлированный комбинезон превратился в лоскуты и пропитался кровью. Я лежал и смотрел на ближайший куст чертополоха, который венчала лиловая пушистая папаха цветка. Сочные зелёные стебли и мощные раскидистые лапы листьев хищно растопырили иголки. Всем своим видом этот цветок угрожал. В нём была мрачная спокойная сила и угроза не только мне. Вдруг куст, на который я смотрел, качнулся и стал расти. Чем пристальней я вглядывался в него, тем больше он напоминал мне воина, вооружённого множеством кинжалов.

— Ну что, летун, долетался? — спросил воин. — Теперь ты лежишь в крови и грязи у моих ног. И так будет с каждым гяуром!

— А ты делишь людей только на правых и гяуров?

— Да! Так повелел мне Аллах. А я — раб Аллаха.

— Это неправильно. Все люди разные: добрые и злые, тупые и умные, щедрые и скупые...

— А мне всё равно. Для меня ты, жрущий свинину, сам свинья! Я вас резал и буду резать! Вы мешаете нам жить по нашим законам.

Пока мы перебрасывались короткими фразами, я собирался с силами. Рядом лежала брошенная кем-то палка, и я пытался нащупать её.

— По каким вашим законам?! — выкрикнул я. — Вы получили свободу, независимость и создали бандитское государство. Вас следовало окружить стеной, плотным кордоном — и режьте друг друга сколько хотите. А я защищаю свою страну, свою Россию от таких, как ты! Потому что вы просто бандиты, а вера тут ни при чем!

— Ах ты, баран недорезанный! — он попытался достать меня кинжалом. Но я откатился в сторону, вскочил и палкой стал рубить стебли чертополоха, не обращая внимания на боль, пронзающую моё тело при каждом движении. Рубил лиловые головы, зелёные колючие стебли остервенело, яростно, не замечая брызг крови из срубленных голов и листьев. Всё мировое зло для меня было в этом чертополохе. Во мне жила только одна мысль, только одно желание — бить и рубить, бить и рубить!..

— Милый, успокойся, милый! — услышал я голос жены и очнулся. Боль становилась всё сильнее. Она опустошала меня. Я понимал, что, видимо, обезболивающее уже не спасает. Кроме того, я не мог смотреть в глаза жене. Мне не хотелось оставлять её. Я видел, как она старалась взять хотя бы часть моей боли себе. Этого я допустить не мог... и взлетел.

Я летел, плотно прижав руки к телу, ввинчиваясь в ослепительно сверкающую синеву небес. Далеко внизу остались птицы, которые вначале пытались догнать меня. На горизонте снежными вершинами обозначили себя горы. Ветер, который вначале ласково трепал мои волосы, теперь обжигал. Я улетал всё выше и выше...

ГЕННАДИЙ АКСАМЕНТОВ

Под тополиной вязью

Другая тропка

Эта тропка в неизвестность,
от былого, но куда?
Невесёлая окрестность,
затаённая вода.
Я на ней совсем недавно,
и её я не искал —
вот и ладно, вот и славно,
буду там, куда попал.

АКСАМЕНТОВ Геннадий Васильевич, поэт, врач. Родился 8 марта 1945 г. в Иркутске. Окончил Иркутский медицинский институт. Долгие годы работал главным врачом областного гериатрического центра. Автор книг стихов: *«Поэтические акварели»* (1989); *«Дорога к дому»* (1993); *«Прохожий»* (2001); *«В ритме шага»* (2005), *«Одна жизнь»* (2009) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Мороза белый край

За производством мнений и идей,
за барством и за рабством, за угрозой,
за беспокойным образом людей,
за всей жизнеподобной позой —
есть белый край январского мороза.

Когда-то бедная вдовица*
к нему прибилась, словно птица,
в свободу прямо с похорон.
Хоромы с четырёх сторон.
Поэт свидетель этой дате:
всё было празднично и кстати.

Стоят дома, и век от века
их к январю заносит снегом,
сугробов рослых ярусы немые
и внемлют магии зимы,
и тихому звучанью человека,
что к свету поднимается из тьмы.

Вокруг дыхание и сказка,
метафизическая маска,
за ней, как будто, плен:
свобода или тлен;
и лентами предвечных ив
свисает иней или миф,
не тронь его — придут в движенье
вертеп и головокруженье.

А Муза неподкупна и сурова:
сломался ритм — и мир лишился крова;
напрасно горбил спину —
стихи пойдут в корзину;
вот так по взгорьям и по склонам
стихи и жизнь живут одним законом.

А где закон — там места нет свободе?!
Но как и подобает воеводе,
он не откроет гостю тайны,
и белый край останется случайным
и мне, и бывшим до меня.
Клубок из тишины и кружев,
намотанный рассветной стужей
проглотит судорога дня.

---

*Перекличка с поэмой Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

Однообразие прогулок

*«...и снова лето
вернёт закаты и рассветы
и засекретит пустяки»...*

Давно ушедшие деньки
и молодые ночи,
но эти праздничные строчки
мне сохранил незримый маг
среди старых и пустых бумаг,
и засвидетельствовать можно:
я им внимаю осторожно.

Вот он, приветливый порог
окольных и прямых дорог.
И открывается под небом
страна, где я полвека не был,
за реками и за горами,
там что-то лучшее случалось с нами.
Всё лаконично: лес и поле,
околица, ворота, воля,
усталая крестьянка на закате,
она свободе этой кстати;
как мой земляк** — я здесь о том,
что есть и родина, и дом,
и в них укоренённость...

Я в городе люблю прогулки:
петляют улицы, пылятся переулки,
под тополиной вязью
родное их однообразие,
уроненное взглядом в синеву,
-неву,
    -неву,
        -неву...

У времени своя граница:
что исчезает, а что длится.
Полгода голая природа
прозрачна и стройна, как ода,
но вот апрель, ещё немножко —
и плоть оденется в серёжки,
листвой поманит в тень, а то
заставит застегнуть пальто,
а наверху прикрыться фетром —
лети, душа моя, за ветром!

**В.Г. Распутин.

Увы, судьба не теорема:
ни развернуть, ни доказать,
где обойти, а где связать —
но только там судьбе не тесно,
где ей уместно;
об этом что-то знают ивы,
берёзы и рябины.
Случайна Родина иль нет —
то тайна, а в тебе — ответ;
сегодня с ней, а после,
всему свободный, возле.
Такое и до нас бывало,
а нынче прёт девятым валом;
провозглашается привычно:
что красота, как и душа,
и нравственна, и хороша.
Как знать? Но поэтично!

И только синева неистошима!
А жизнь уходит ощутимо,
куда? за истиной? — едва ли,
мы истины... видали.
Но если вдруг случится
упасть иль оступиться,
и зашататься под напором
стихии воли и разора —
вот тут-то и держись корнями
под кроною, а не под пнями.

Снаружи — череда режимов,
и после нескольких отжимов
остался жмых — колюч и прост:
вот дом, а вот погост.
Оглядываюсь на успехи:
то пустыки, то вехи,
а если и бывало по-другому —
претензий нет, и потому
я благодарен сердцу моему.

МИХАИЛ ПОПОВ

Красно Солнышко

ПОВЕСТЬ

От автора. В 70-е годы было у меня четыре литературных потрясения: «Сто лет одиночества» Маркеса, «Царь-рыба» Астафьева, тетралогия «Братья и сёстры» Абрамова и «Прощание с Матёрой» Распутина. Воочию Валентина Григорьевича увидел в Вологде — на выездном секретариате СП России в самом начале нулевых. Запомнился его печальный, если не сказать скорбный, взгляд. Как теперь известно, это была пора работы над повестью «Дочь Ивана, мать Ивана». По прошествии времени облик Распутина слился в моём восприятии с известным портретом Достоевского, где классик сидит в задумчивости, обхватив руками колено.

Пересечения бытийные — это Афон. Монашеская республика живёт вне времени и пространства. Распутин там побывал в начале тысячелетия, я — в начале текущего десятилетия. Очерк паломника Распутина «На Афоне» прочитал недавно и словно вновь побывал в русском Пантелеимоновом монастыре, которому тоже посвятил записки — «За отчину и дедину помолюсь».

ПОПОВ Михаил Константинович, род. в 1947 г., уроженец Русского Севера, с берегов реки Онеги. Мать — новгородского корня. Отец — из семейства репрессированных донских казаков. Окончил Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Работал на оборонном предприятии, в геологоразведке, служил в армии, был профессиональным рыбаком. За его плечами — подюжины газет различного уровня, в которых он прошёл все ступени профессионального и карьерного роста. Был создателем и редактором ряда литературных изданий. Сейчас главный редактор литературного журнала «Двина». Автор трёх десятков книг, в том числе прозы, публицистики, изданий для детей и юношества. Некоторые его произведения переведены на основные скандинавские языки, повесть «*Последний патрон*» — на английский. Повесть «*Дерево 42-го года*» экранизирована. Лауреат ряда общенациональных премий и трёх международных: имени М.А. Шолохова, имени П.П. Ершова и «Полярная звезда». Член Союза писателей России с 1991 г. Живёт в Архангельске.

Обращаясь к древней истории, Валентин Григорьевич поминает в своём очерке не только равноапостольного князя Владимира — крестителя Руси, но и княгиню Ольгу, его бабушку, которая первой из княжеского семейства крестилась в Константинополе, а ещё — Андрея Первозванного, «который в своём апостольском служении... доходил до онежских вод и новгородских земель». По сути, Христов ученик — апостол Андрей не только принёс свет Истины в северные пределы — он наметил вотчину, с которой начнётся путь к Православию. Ведь именно на Новгородчине и Поонежье прошло отрочество и юность князя Владимира, поставленного великим князем Святославом, его отцом, на новгородский стол. Вот о той поре речь в моей небольшой повести.

Михаил Попов

У рожоного оказалось четыре зуба. Он так прикусывал соски, что матери губы себе искусила. Что делать? Чадо блажит, ись просит. Матери извелась — и от боли, и от кручины. А покормить никак — молоко кровью даётся, а то и вовсе пропадает. Дали младенцу кормилице — та тоже в рёв. Другой — тоже. Тогда Малуша, матери рожоного, расшатала те ранние зубёшки, вытащила их и наконец-то утолила голод дитяти.

И так всё, верно, и забылось бы — эка невидаль утрата молочных шоркунов! Да ведь отцом чада был князь Святослав, киевский державник, и выходит, ребятёнок, названный Владимиром, явился на свет князем, даром что родила его холопка — князева ключница. Прознала о содеянном бабка младенца, княгиня Ольга, и до того разгневалась — как де рабычица позволила самоуправство, — что сперва приказала полосовать плетью, а поостыв маленько, приказ отменила и велела гнать ослушницу со двора.

Как убивалась Малуша, что её разлучают с рожоным дитятком! Лучше плетью, чем воля! Как стенала на забрале, устремляя очи в закатную сторону, куда походный конь унёс князя! Где ты, ладу? Как молила вихорь донести на Дунай свои горячи слёзы! Оборони, любый! Всё было тщетно. Спроводили Малушу с господского двора едва не батогами. Дозволила ей княгиня токмо одно — надеть сынку оберег-ладанку. Не боле...

Простыл след Малуши, словно её и не было. Куда унесло рабычицу, старая княгиня не пыталась. Но ладанку-оберег, которой игрался младенец, однажды растворилась.

В кожаном мешочке оказались те самые шоркунки, скреплённые белокурой прядкой младенца, в ту же связку были вплетены русые волосы из оселедца отца да каштановый завиток матери, а ещё животинная нитка — не иначе жилка жертвенного быка, забитого на Подоле в честь новорожденного. Насупилась старая Ольгица, оглядев языческий оберег, да всё же не воспротивилась. Смирило её одно — пёрышко голубиное — символ Свята Духа, оплетённое прядками. И положила она во внукову ладанку свою память — резной кипарисовый крестик, привезённый тремя годами ранее из града Константинополя, где она, Ольга, крестилась.

1

Что будит его ни свет ни заря? Отрок в полглаза размыкает веки. Огня нет — постельничий служка, вечер бубнивший «Влесову книгу», не уследил, сморённый дремой, — светец сгас. Будить не будить?

Глаза отрока тянутся к бусоватому оконцу. В суметках оно едва угадывается. По слюдяным вставкам мечутся тени. А за оконцем буйствует непогода, заглушая похрапывание служки и мурлыканье котофея, что пригрелся в ногах.

«Студенец — месяц-оборотень», — вещает старая Улита. А ить ежели прислушаться, и впрямь. То как ведьмедь-шатун, до поры спокинувший берлогу, трещит лесинами, безумствуя от голода. То будто домовою колотит на подволоке, мол, не спи, большуха, даром что ночь, вставай, печь топи, да, мотри, жарче, не то стужа-кощеица живо хоромы в полон возьмёт. То татем свищет в два пальца, погоняя запоздалого ярыжку. А то взвизгнет, ровно пьяная ведьма, и, заметая подолом позёмки собственные следы, унесётся куда-то за детинец.

Кот-баюнок перебирается ко взголовью, поуркивает заботно и наставительно. Дрёма, опавшая веки, опять кунает в сон. Кто это с прялицей? Али не с прялицей? Неуж, ведьма на помеле? Нет, не ведьма. То опять старица. Что-то бубнит. Наставляет? Али спрос ведёт? «А вот тебе, дитятко, красно солнышко!» В руках Улиты блюдо медное, а в блюде клюква алая, изморозью обсахаренная.

Отрок ворочается, размётывая овчиную полость. Пошто не спится? Ненастье ли пробудило — то, что снаружи? Али ожиданице чего-то — что деется внутри? «Спи уж!» — урчит кот-баюн.

Улитина прялица украшена Ярилой. Куделя на лопасти, что туча громовая, застит красно солнышко — ни просвета. «Скоро ли, бабенья, ссахнет зима?» — «Скоро, батюшка. Куделю-то спряду — тоdle и возвернётся весна-красна. Вишь, краюшек отворился». Напервы-то он поверил — убедила старая. Да потом смекнул, что кудели-то у бабени разные: то сивая — это от ярочки, а то аспидная — от чёрного барана. Осерчал было, догадавшись, дверью хлопнул. Да сердце-то отходчивое — на другое же утро опять наведался в пряльную горенку. А Улита ему — обновку: наголовки вязанные на ноги. «Садись, батюшка, примеряй». Налоговки мягонькие да тёплые, хошь вместо катанок обувай.

Наголовки, что котофеи, — порск, и вот уже бегут по снегу. Навроде сами по себе. А будто и его несут. Куда путь ладят коты вязанные? А вон куда — к жару печному, к горну кузнечному. Мехи бучат полымя, железо калят. Кольчуга, кою куют-ладят кузнецы-молодцы, уже собрана. Остаётся последок — зеркало нагрудное. Вот старый коваль суёт в горн щипцы-сорохваты и вынает из полымя алое марево. Во сне оно так и замирает на весу, ровно солнышко красное над студёным окоёмом.

Снова посвист позёмки. Дрёма прядает с вежд, будто мышь с ветки, да недалеко. Куда ж ей бечь на ночь глядячи? Но ушки-то у той мыси на макушке.

Что за звуки имает слух? Ягняши ли в хлеву топочут, волка почуявши? Филин ли гугнит-ухает, осердясь на мышь, сослепу проворонив репишницу? Али говорчей доносится? Неужто служка? Очнулся малый да и принялся честить «Влесову книгу»: «...ибо в той бездне повесил Дажьбог землю нашу, дабы она была удержана». Не-ет, то не служка. Что разглядишь в мороке? Это ставенька бубнит, си-вернику вторя, то мерно, то скороговоркой, то будто жалясь на долю-судьбину, а то затихая-притаиваясь.

Снова сонная паволока накрывает вежды. И снова накоротке. Где-то встрескивает от стужи охлупень али кровельная доска. Тотчас взлаивает перепуганная собака и толь же быстро умолкает. А в слюдяную околенику опять хлещет снежным горохом. Эк разгулялся студенец, будто буян-забияка. До свету будет лютовать-зубоскальничать. А светать-то начнёт не скоро. Здесь, в Новгороде, зима долгая, а день короток, что тебе горобейкин скок. Не то что в стольном Киеве.

Миг всего — и сон-сороход уносит отрока на Днепровские кручи. Под подошвами ичигов осыпается глина. Меж ног снуют ластовки. Эвон как они утыкали крутояр своими гнёздами, ровно шорники хомутовую сыромятину завойными шильями. Стрекота береговушек не слышать, а вот куваньё зегзицы доносится явственно, будто кто наказ даёт, лета меряя.

Отчина отворяется во все стороны, докуль хватает ока. Расплавленным золотом-серебром сверкает кипень реки. Ширь и даль Днепра пластают струги и ладьи. Посередке ветрил — лики Ярилы, золотом вапленные. Издали паруса напоминают яблонный цвет, что порошит землю и воду. Явственно наплывает медвяный запах. И тут — диво-то! — из того летучего духа возникает образ маменьки. Утайкой от суровой бабени крадётся она к нему, роженому дитятке, дабы порадовать наливным яблочком да омыть кудёрки горючей слезой. Не она ли, та слеза, стекает сквозь сон на его взголовьице? А следом — чу! — ровно меч из ножен — врывается на круг сна батюшка. Тут запахи иные. Весь пропахший потом, конской упряжью, дымом костров, тятя-родимец тискает его, младеню, щекоча вислыми усами, даёт теребить оселедец — кручёную чуприну, серьгой золотой с камешками баловать, скалит крепкие зубы, что-то говорит, но речи не слышать, словно голос уносит ярым бореем за Днепровские пороги...

Где всё это, что ласкало-лелеяло твоё краткое младенчество, отрок? Нет уже старой Ольгицы, суровой бабени — почила о третьем годе. Нет уже и батюшки-буйтура — летось сгиб Святослав на ратище с печенегами, сложив буйну голову у Днепровских порогов. И матери твоя неведомо где, Малуша. Один Добрыня при тебе остался, брат матушки. Он и за мамку, и за тату, и за всех на свете родимцев и доброхотов.

2

Спозаранку, едва встав, отрок первым делом наведался к старбене.

— Ну, батюшка, дождались, — молвила Улита, поправляя повойник. — Сончеворот приспел. Зима на мороз ладит, да сонче, вишь, на летечко засбиралось. Сядет в дровеньки и в гору покатит.

А и впрямь ведь перемены округ, даром что ночь всего минула. То дуло, кулемесило, наворачивая сугробы. А ноне тихо, позёмка, что ведьмачила даве, вертя подолом, мышью-крупшиницей обернулась, едва шевелит хвостиком да попискивает. Да и мороз-ухорез подустал и, похоже, не толь дерёт щёки, как наместни. Выпорхнул отрок на красное крыльцо, а ему возок подают — «Добра здравия, князьенька!» — и под юфтевый сапужок ступеньку подворачивают. Владимир ласково всем кивает, мимолётно окидывая двор. Тут, само собой, Добрыня, новгородские первые люди, дале вершинки, вооружённые копьями да сулицами. Кони их ражие ярятся, всадники скалятся, похваляясь удалью да буюстью. Да то до поры. Взгляд Добрыни — окорот тем и другим. Разом все примолкают, едва юный князь восходит на возок.

Путь летучего поезда лежит к Словенскому холму. Это недалече от княжеского терема, но Владимир велит править в объезд, вдоль Волхова — уж больно охота глянуть на реку.

Волхов закован в ледовую кольчугу и, мнится, спит мертвецким сном, ровно ратник после брани. Но как река бурлит под панцирем, так и жизнь кипит по берегам. Над хоромами дымы, столбами устремлённые в небо. У ближней проруби

колготится нарядчик, очищая ивовым черпаком зеркало воды. По торной стёжке спускается молодлица с коромыслом на плече. Другая жёнка уже с полными бадейками медленно поднимается в угор. Вдоль реки тянется обоз с сеном.

Но больше всего по берегам Волхова нынче ребяшей. Обрадели, что угомонилась непогодь, прынули на берег горобейными стайками и ну щебетать, ратица шутейные устраивать да с крутояра на чунках летать. Но главное-то не это. Ноне важный день. Нать поглядывать на небо, упредить всех, когда расступятся облачные пелены да покажет свой новороженный лик пресветлый Ярило. И потому ребяши, то и дело задирая головёнки так, что треухи спадают, ведут славицу: «Солнышко, повернись! Красное, покажись!»

Князьенка не утерпел, скокнул с возка и присоединил свой ещё ломкий голос к общему кличу: «Солнышко, повернись! Красное, разожгись! В путь-дорогу снарядись!»

А красное-то словно его только и дожидалось. Словно не доставало ему одного-единственного голоса — зова князя. Встрепенулось оно, сначала мглистое, точно яишняя размазня — желток замутнённый белком; потом бледно-жёлтое, что переспелая морошина на мхе-ягеле; и наконец, растопив жаром облачные пелены, выкатилось, ровно молодильное яблоко на синь-блюдо али как калёное зеркало — на твердь наковальни, что под утро приснилось-привиделось князю-отроку.

Ребяши в крик: «Эге-гей, Ярило!» И Владимир с ними: «Эге-гей!» Колобком по кручам покатилося звонкое эхо, уносясь за излучину.

А ребяшам нет угомону. Они дале правят обряд, норовя пример показать Яриле. Садясь кто на чунки, кто на корезки — доски с рожками, похожие на козлят, ребяши летят с круч, только снежная пыль завывается, мол и ты, красное-распрекрасное, погоняй своего коня.

Охота и Владимиру с ними, да дядька-пестун взглядом строжит: не по чину, княже!

А ребяши-то — вот непоседы! — опять что-то затевают. На-ко! С горы огненное колесо покатилося. Запалили сорванцы разохшееся тележное колесо, паклей набив ступицу, проёмы спиц, и летит оно, рукотворное Ярило, подскакивая на рытвинах, да искры калёные сыплет. Так бы и кинулся туда, на огненное катище, к сверникам-подлётшам! Да нельзя. Добрыня кивком зазывает назад, мол, пора, княже, государевы дела ждут.

Князев поезд следует к Словенскому холму. Тут дедичами да отчичами свито стоглавое капище, венец Земли Новгородской. По закрайкам холмища — заколыши кудесников, балиев да волхвов, обвязанные пестрядиной, лесовой рукоплетницей и бусами. А посередь темени — столпы праотцов: Перун, Хорс, Мокош...

Ныне славный день — солнцеворот. Свет-батюшка Ярило повернул на лето. Стало быть, не прогневали дажьбоговы внуки своих заступников. Как тут не преклонить колени и не возблагодарить кумиров! Чередом и заповеданным чином кладутся к подножиям их дары. Тут брашка — яства и мёды, новокованая сбруя — мечи, секиры, боевые топоры — чеканы, а дале изукрасы — амулеты, фибулы, змеевики...

Радость на земле Новгородской — новолетие зачинается. Вот как зычно да в лад ведут волхвы величание! Как следом взыгрывают гудошники-дудари, даром что мороз студит уста! А потом и скоморохи пускаются в круг, греясь пляской. А Яриле и любо это! Эвон как щурится, эвон как подмигивает красно солнышко из-

за летучих облачков, а то и приплясывает, скидываясь с облачка на облачко, ровно снегирь с одной заснеженной рябинки на другую.

Величание подходит к концу. Простой люд стекает с холма по снежным верейкам — кому в какую сторону. Конные воротят на торную дорогу — она одна. Последними завершают обряд ближние да степенные люди, которые, откланявшись князю, садятся в возки.

Обратно укороченный государев поезд вертается ближней дорогой. Но передовые вершники к княжескому терему не подворачивают, а минуют ворота. Владимир оборачивается на дядьку: далече ли? А тот в ответ, кренясь с коня, хлопает себя по могутной груди: али забыл, княже? «А-а!» — лицо отрока озаряет улыбка: доспехи примерять.

В начале студенца Добрыня призвал к князю оружейников. Приспела пора новую сбрую справить. Сыновец растёт, рамена ширятся, плотью наливаются. Нать новую кольчугу, подзор, наручи. Нать шелом новый. Возьмётся? Чего ж не взяться, ответили мастера, тут же сняли мерку с князя, завязав на верёвчатой сажени узелки, и назначили примерку на день солнцеворота.

И вот давешний сон оборачивается явью. Стало быть, в руку. Князьенька с дядькой — в кузне Ярёмы. Тут дымно, стоит железный звон-гам, искрит железо, из кади с водой пыхает пар, из лохани с ворваньёю — чад, когда в них попеременке суют для закалу булат, творя при этом заговорные шептанья.

Горны кузнечные, коли в доспехах надоба, не гаснут ни днём ни ночью. Оборона промедления не терпит, знай поворачивайся. Но для знатных заказчиков делается исключение. При появлении князьеньки и его наперсника стукоток в кузне заметно смолкает. Отставив заделье, ковали стекаются на середку. На ногах бахилы полстяные, тела фартуками грубой кожи окутаны, волосы берестяными гайтанами забраны. Чумазые, страховитые, белые зубы скалят. Ярёма, могутный, вровень с Добрыней богатырь, супит брови, остужая норы работников. Да при виде князя-отрока и сам не удерживает улыбки: «Многая лета, княже!»

И вот начинается примерка. На Владимира надевают ратные байданы. Кольца, из коих собрана кольчуга, вызывают боеву песнь. Верх борони пластинчатый, подзор — тоже. На запястьях кованые наручи, они оттягивают чешую рукавов и подчёркивают рамена. Всё пока схвачено на живую нитку. Но главного не отнимешь — скроено ладно.

Что ещё? Зерцало. Место для него посередь груди, там, где солнечное сплетение. Вот оно, ярое, вызревает в горне. Ярёма кивает напарнику, надевает нагольные рукавицы и зубастыми щипцами выхватывает из огненного бучила заготовку. Круглое и малиновое, как молодое Ярило, зеркало выкатывается на наковальню! И тотчас — бах! да бух! — молот и молоток берут его в обработку. Летят искры, горячая окалина, но коваль с молотобойцем не уворачиваются, принимая задубелой кожей все укусы калёных ос.

Выгнется зеркало до потребной величины, очистят его от копоти, высветлят дресвой, усилят лучистыми пластинами, особо украсят яблоко — середку зеркала, и заиграет оно на княжеской груди драгоценнее любой украсы, а главное, надёжно оборонит — и от стрелы, и от меча, и от копья, коли нацелены будут в его сердце.

Смущён князьенька словами кузнеца. Громливы они, ровно удары молотка, что кладёт он следом за кувалдой, оттягом добиваясь нужной формы, но до чего же ласковы да задушевы! Как тут в ответ не улыбнуться! И Добрыня, похоже, доволен: «Ярила в гору — обнова миру. И у нас обновы», — завершает он примерку

и велит, как токмо всё будет исполнено — смётано, сшито да склёпано, — доставить сбрую в князев терем.

Кузню Владимир с дядькой покидают. Однако обновление на этом не заканчивается. Впереди — золотошвейня, там украсы для коня.

Орь князев вороной масти давно обьежен. Обихоженный и сытно кормленный отборным овсом, он стоит в деннике в княжеской конюшне, и, когда выводят скакуна на двор, кажется, даже летучие тучи замирают, любуясь его статью и завидуя его норову. Упряжь для воронка шорники справили — и узду, и седло, и стремена — всё честь по чести. И галдар на грудь вороного готов — ни одна стрела, ни копьё не поразят оря. Остались чепрак да покровец под седло, что в золотошвейне ладят.

При напомнимании золотошвейни у Владимира вспыхивают щёки. Ох, и славно же там, в этой рукодельне. Ровно в саду на Подоле. Кажется даже, яблоки падают и пчёлы тягуче жужжат, до того всё чудесно расцветает, как в погожий день лучистого червеня. С мухояра — ткани бухарской — пышет алое Ярило. Смарагдовый оксамит — шёлк с ворсом из серебряных и золотых нитей — походит на траву-мураву. А согдийский шёлк-камку, кажется, вздымают на распахнутых крылах рукодельные жар-птицы — струфокамилы.

Одно донимает князеньку — поглядки рукодельниц. Больно остроглазые девки-то. Так и стреляют очами — смуту, неведомую доселе, поселяя в груди. Да ещё шепотки их, мнится, ехидные. Цыкнет на них старшуха — баба-бабариха, они примолкнут маленько, присмиреют, да поглядки-то не оставят.

Нонече, конечно, не то. Нынче Владимир с дядькой. При Добрыне девки-золотошвейки никнут, глаз не смеют поднять, ровно мыши крупяные хоронятся. Токмо сердце у князеньки всё равно трепещет, словно щегол в силках. Не оттого ли и ночью маялось? Не эти ли лессовые, русалочьи очи, на миг вскинутые, блазились в потеми?

Покровец под седло швеям задался. Добрыня доволен. Багряная тафта, а по крайкам узорочье изумрудное, словно глаза павлиньи али... русалочьи. Ведь Добрыня не токмо узорочье примечает. От его ока не утаятся и поглядки. Вон как зыкнули на сыновца те очи из-под брусвенного повоя, что тебе стрела неминучая! Ухмыльнулся Добрыня в окладистую, на всю грудь бороду: рановато, однако. Да приметив ответный взгляд молодца, смекнул, что сроки те уже подходят, ой подходят! — вон как щёки-то его пылают, ровно солнышко нонешнее.

3

Сечень выдался ясный да солнечный, даром что мороз не отпускал. День прибывал ходко. На серёдке месяца надумал Добрыня свозить князя в Плесков — новгородскую вотчину. Киев уклад ждёт, а Новгороду одному толь великую подать не осилить. Да и князю пора спознавать свои владения.

Град Плесков юному князю глянулся. Он оказался похож на Новгород. Кремль, детинец, и река в городе, правда, помене Волхова, хоть и Великая.

Псковский голова послал встречу княжему поезду верховых. А в красных воротах встречали государя-новгородца хлебом-солью. Сперва в палатах городских, что на вечевой площади, сладили о размерах виры. Скобская знать держалась степенно — не юлила и не пыщилась — и ответ держала здраво и почестно. Да ведь с Добрыней иначе и нельзя — он всё ведаёт: и какой был умолот, и сколько добыто зверя-птицы, наи-

мано-насолено белорыбицы, насбирано пчелиной борти... Оно, конечно, скоко мержита в ларе Гюряты-скудельника али репы в сусеках Гориславы, вдовицы кузнеца Угодя, он не скажет. Но о казне городской, на сколько кун она тянет, представление имеет. А потому лучше не лукавь, а что положено — выложи. Чай, не на забавы берётся: на сброю да комоней, без чего дружина не дружина. А не дашь десятины, так ведь можешь всё потерять, и не токмо хоромы, лопоть и закрома — голову. Фряг ли, нурманн, свейский ли немец, али другой какой тать не станут годить, прознавши про твою скудную бороню, мигом кинутся на разбой. Тем паче тут, на самом порубежье. Никакие стены не спасут, коли не подсобит Господин Великий Новгород.

После того как сладили о размерах податей и сроках, хозяева повели дорогих гостей в трапезную. В застолье знатно попили-поели — не поскупились псковичи принять государя: чем богаты — всё выставили. А ещё скоморошиной позабавили, гудошниками-дударями слух умастили.

Князь Владимир, гляючи на игрунов, радовался как малое дитя, даже пальцем показывал. Остался доволен и Добрыня, обласкав кого взглядом, кого улыбкой. И так это сердце умаслило хозяевам, что они разохотились. Чем ещё порадовать дорогих гостеньков? А вот чем — и вспомнили про дар Ольги, бабени Владимира. На вечевой площади, обочь хором оказался амбар тёсаный, отворили его, а там сани — Ольгин подарок родимому граду Плескову от бывшей простолюдинки, ставшей княгиней Киевской.

Внук обошёл дар бабени округ. Сани простые, без особых украс. На полозьях железы, оглобли в железной обойке, копылки не разохлись. «А ну!»

Загорелся князенька, потребовал запрячь. Привели ему с конюшни каурюю кобылку: бабенина любимица, пояснили, немолодая уже, да ещё тяглая. Запрягли. Кобылка взялась мягко и ладно — бубенцы на дуге не дрогнули, да пошла-то степенно, ровно мужня жонка под коромыслом. Миновали улицу, другую. Кобылка трусила в охотку, но — что приметил возница — будто клонит в одну сторону. Князенька поводья опустил, гадая что будет, куда вывезет кауряя. А кобылка покатила вдоль реки и вывела не куда-то, а к крестовому храму. Вожатый вершник оказался крещёным. Он и пояснил, что церковь эту древесну в честь Живоначальный Троицы заложила христовая княгиня.

Вернулся Владимир на вечевую площадь. То румянцем щёки играли, а тут забледнел. Велел другую лошадь запрячь в бабенины сани. Привели ему молодого игреневого жеребчика. Тот бесом вьётся, кобенится, шею выгибает. А вступил в оглобли, будто подменили — запритих, присмирел, ровно старый мерин сделался. Князенька тронул, не в пример с кобылкой, завернул ошуйной вожжой, и только потом, когда далече откатили от реки, поводья ослабил. И что же? Да то же самое. Игреньвый орь уже другой дорогой привёз его к Ольгиной молельне.

В третий раз пытаться судьбу князь не стал. Призадумался, нащупал на груди ладанку, где покоился бабенин дар — кипарисовый крестик. Глянул на гречанина-мниха, который вышел на крылечко и, кланяясь, вроде бы манит. И уже было направился Владимир к храму. Да тут остановил его Добрыня. Видя смятение отрока, он велел подать другие сани. Да пошире, попросторнее, да чтобы с запятками. Мол, не в свои сани не садись, княже, — твои иные. И всё с шутками-прибаутками, облегчая Владимиру сердце.

Воля Добрыни — и для князеньки воля. А уж для вотчинного люда и подавно. Живо подали расписные сани, не сани — гусли на полозьях: кузов просторный, по днищу — сенная попона, в ногах — милоть овчинная. Изволь, государь!

А князенька, похоже, и рад такому обороту: не в свои, так не в свои... Тем паче, что поданные и впрямь куда как красовитей. А уж конь какой в упряжи — не сыскать: могучий, ражий, вороного отлива, особо ярого противу снега. Не ор — клубень перуновой тучи на громобойном раскате. А вожжи шелковые, украшенные бирюзой да окатным жемчугом, что молоньи.

Дядька доволен — добрая запряжка. Но чего-то тут не хватает, хитро шурится он. По знаку Добрыни на запятки вспархивает стайка девок-белянок. То-то щебету раздаётся, словно снегири прынули на огорожу! Вот теперь в самый раз, усмеяется дядька.

Князенька вспыхивает. Огненный глаз жеребца, пар из его раздутых ноздрей, волнистая дрожь хребта, вскрики белянок, поглядки челяди, широкая улыбка Добрыни — всё воспаляет сердце князеньки, наполняя его восторгом. Он трогает поводья. Добрыня на ходу наказывает вершникам, чтобы стерегли, чтоб завернули буде понесёт вороной в яруги. А из-под копыт — уже замая снежная...

Повозка устремляется к воротам. Черета крепостных запон. Ворота Смердые, ворота Великие — перед князем все нараспашку. И вот уже сани вылетают за кром — и намётом по наезженной накати, которая скётся вдоль Великой. Застоявшийся ор горячит кровь, переходя на галоп. На раскатах сани заносит. Девки с запяток сыплются, что горох. Смех, визг, причитания. А князенька знай настёгивает, никому не давая спуска. За спиной, кажется, ни души — облетели. Обернулся. На-ко! Одна из белян так и прикипела к гребню кузова. Волосы, выбившиеся из-под убруса, снегом обмётаны, губы прикушены, глаза, иссечённые встречным свистом, прищурены, однако страха нет, отчаянье, безоглядность — будь что будет! — вот что в них.

«Тр-р!» — вскидывается князенька, одерживая жеребца, тот ещё в запале, бешеным глазом косит — пошто неволишь? — но натяг вожжей кобенит шею, и вороной медленно утишает гон, переходя на крупную рысь. Не ослабляя поводьев, князенька мотает головой, мол, давай в сани! Белянка ждать не заставляет, живо переваливается через гребень и тут же оказывается в князевых объятьях.

«Звать-то?..» — пыхает он жаром. «Лю-ба-ва», — она едва разлепляет губы. Глаза синие, ресницы в инее. Щёки горят. А губы-то не застыли. Это князенька сознаёт, приникая своими. И до чего же жаркими они становятся, смыкаясь в союзе.

Вороной, не чуя узды, перешёл на шаг, а потом и вовсе стал. В снежной замяти нащупал соломенные охвостья. Выбил копытом, втянул слабый запах, глазом проследил, куда ведёт житная натруха — вон куда, к овину, что на взгорке. Ворота распахнуты — то ли забыли затворить, то ли открыли провеять. И он потянулся на запах.

Вершники князевы остаются позади. Добрыня наставлял, чтобы глаз не спускали, а коли надо — глаза не мозолили. Вот они и застывают на ближних холмах. Отсюда хорошо видать Скобское озеро, откуль чинят набег и немцы, а также лесовая опушка, откуль крадутся, бывает, оголодавшие зазимьем волки. На холмах стылый тягун. Вершники зябко ёжатся, кляня погоду и службу, да втихаря пеняют князеньке: видать, голову потерял, юнак.

А князь и впрямь потерял... Ведь впервые. Очнулся только на миг, когда вороной втянулся в суметки овина. Донёсся слабый житный дух, запах прелой соломы. Не отсель ли тянут соломенные снопы, чтобы ладить Кострому, которую потом запаливают на крутояре?.. Догадка коснулась только краешка сознания — пыхнул сам. Что ещё осталось в памяти, так это отблеск удивлённо-обиженного конского

глаза, дескать, что ж ты, хозяин, не ослабил удила, не дал потереть разгорячёнными губами летошней соломы, в которой запуталась повилика?..

4

Радостный и какой-то замедленно-торжественный, неся себя, как налитую всклень чашу, вернулся Владимир в свою столицу. Он желал, чтобы новгородцы увидели Любаву, оценили его выбор и одновременно противился, чтобы чужие глаза касались его зазнобы. Раздираемый супротивными чувствами, князь проехал в открытом возке по всем концам Новгорода, словно напоказ выставляя Любаву, а потом затворился с нею в своём тереме и глаз не показывал.

Новгородцы маленько поусмешничали над своим князенькой, пошто, дескать, девка-то не своя, а скобская. Но распалиться ревностью шибко не стали, объясняя выбор наследственностью: Ольга де бабка тоже ведь оттель. Ничего, пушай малый покуролесит, на то и молодость — нешто не понятно. Но уже на верхосытку-то новгородскую беляну подберём, а там и оженим князеньку.

Разговоры те заглазные не доходили до Владимира, собачим брехом утихая у господских ворот. Да что с того! Квашня отдельная, да закваска-то в ней та же бродит. Оттого и неприятно стало Владимиру даже в своём тереме. Искал уединения, укромного уголка для себя и для Любавы, а тут куда ни ткнишь — везде бабки-бабарихи, постельничьи, сенные девки... Ране-то не замечал, сколь их много. А нынче будто нарочно на глаза лезут. Осердишься, бывает, прогонишь — да опять явятся. А не явятся, так сам начнёшь скликать: без челяди-то ведь не обойтись.

Добрыня, смекнув, что деется в сердце сыновца, опять поманил князя в дорогу. На сей раз в полунощную сторону, в пятинные урёмы. Нужды, по чести сказать, особой нет — народишку там немного, недоимки невелики. Да и не княжеское это дело за данью ехать, куны собирать. Но уж коли начал князь входить в управу, — Плесков проведал, бабенину родину, — так надо и другие крайки вотчины оглядеть.

Обрадел Владимир: он готов, он немедля готов в путь; токмо, само собой, с Любавой. Добрыня кивнул: добро, сыновец. Да слегка остудил его: дорога-то дальняя, нать стотовиться, собрать обоз. Да и тебе, княже, возок сладить. При этом он ласково улыбнулся зардевшейся Любаве.

* * *

Обоз двигался тяжело и медленно. Здесь не торная накать, наезженная купецкая дорога меж Новгородом и Плесковым, тут нетронутые снежные урёмы, которые с ходу не возьмёшь. Поперёд поезда пластались битюги, которые тащили еловые волокуши, распахивая наст своим весом и хвойными хвостами. Далёк пёрли парные запряжки, кои волокли широкие катки, продавливая снег и образуя путь. А уж по тому пути катили сани, в том числе и князевы.

Возок князев вышел ладный и просторный, не возок — изобка на полозьях. Дверца, оконьшко, крыша — всё как водится. Разве что печурки нету. Зато для тепла изнутри всё обито пушной рухлядью: в ногах — медвежья полость, по стенам — потолочине — соболейки, бобры, куницы. Никакой вихорь не возьмёт. Так уверяли князеньку мастеровые, что обшивали возок.

Походная изобка вышла и впрямь справная — стужу не пускала, а тепло удерживала.

живала. Но пуще всякой полости меховой согревала молодца любовь — аж в жар кидало. И уж тогда воспалённому сердцу не было никакого удержу. Обуреваемый ликованием, новыми, доселе неведомыми чувствами, вымахнет князька из возка, взнуздает пристяжную кобылицу и ну — вперёд, по целику, по бездорожью, куда каурая не запалится, не завязнет в безбрежных снегах, а у всадника не перехватит дыхание.

Обоз двигался с рассвета до сумерек. Ежели не достигали очередного острожка али какого семейного починка, ночевали в поле, сбившись округ княжеского возка — так распоряжался Добрыня. А с рассвета вновь пускались в путь.

Разомкнёт Владимирко очи, слыша бряцанье колокольцев да скрип полозьев: где это я? Поднимет голову — в суметках мерцает светлый лик. Обрадеет князька, сладостно улыбнётся, потянется всем своим юным, наливающимся телом, распахнёт дверку возка и полной грудью вдохнёт ядрёный морозный воздух. Здравствуй, батюшка Ярила! — отвесит поклон восходящему солнышку, окинет наливающийся светом простор, метнёт взгляд вдоль обозной веретей — головка поезда за буераками, а хвост ещё не показан, толь он велик — и засмеётся чему-то, счастливо и безмятежно, как бывает только в юности, а потом захлопнет дверцу и кинется под бряную полость в тепло и сияние просыпающейся, как утренняя зоренька, Любавы.

В Тервиничах, погосте на реке Ояти, обоз стоял целны сутки. К той поре он заметно укоротился — гружённые пушниной да белорыбицей дровни по мере надобы возвращались восвоеси. Оставшиеся повозки Добрыня разделил на две части: половина поезда отправилась огибать Онего-озеро с восхода, а половина — с заката. Князеву дорогу он думал сперва торить ошуйкой, правя на Спирков острог, да перед самым выходом переменял решение. С закатной стороны места безлюднее да и до засеки пограничной недалеко. А ну как опять нагрянут нурманны, как было о третьем годе. Это в городе они смирные, когда с товаром али за товаром, а в лешем раменье — чистые волки. Не сладить ведь будет с разбойниками при толь малой дружине, к тому же разделённой наполю. Уж лучше очурать князя да пуститься с десницы, правя на Тудорову заимку. Так оно, знамо, доле, зато места там обжитее, ежели что — посельщики подсобят.

Князька не вмешивался в распоряжения Добрыни, всегда и во всём доверяясь дядьке. Да и не шло, коли по чести, ничего молодцу на ум, до того сердечный жар растоплял весь его ещё невеликий на ту пору рассудок. Ведь ежели даже матёрый глухарь теряет голову, заводя зазывную свадебную песню, то что уж говорить про сеголетошного!

Зато Добрыня, как всегда, был начеку. И сам оберегал сыновца, неназойливо за ним доглядая, и походных людей наставлял, а ещё приставил к князьке Ставра — своего нового гридя. Это был тот самый скобской вершник, который сопровождал Владимира до бабениной церкви. Ладный, спорый, востроглазый, приказывал ловит на лету, исполняет их живо и толково — вот этим он и приглянулся Добрыне. И хоть тамошний волхв остерегал воеводу, мол, Ставр на капище не оследится и от заповедей Перуновых отступил, Добрыню это не остановило, залучил молодца под свою руку без промедления: «Крест сброе не мешает!» А к сыновцу поставил ещё и потому, что Ставр оказался родным братом Любавы. Почитай, свояк князьке. А коли так, то с одной стороны не будет мозолить глаз — не чужой, чать, а с другой — при надобе и глаз с господаря не спустит.

Саный поезд миновал несколько насельных гнездовий, пересёк реку Водлу и достиг Водлозера. С Волдутова острога Добрыня послал гонца. Путь его лежал

на окрайку Студёна моря, где в устье реки Онеги был срублен последний обонежский острожок. Онежанам было велено передать, что назначенную мыту надлежит доставить к новолунию в Повенец.

Повенец, окрайку Онега-озера, Добрыня определил вершиной долгого пути. Туда нацеливалась вторая половина обоза. Оттуда предстояло всем возвратиться. А поджидая дани с Онежской заимки, здесь можно было дать отдых лошадям да и самим передохнуть перед обратной дорогой, благо, жилые клети в здешних местах рубились просторные.

Острожек Повенец Владимиру глянулся. Скалистые берега, могучие звонкие сосны, незамерзающие падуны, в которых золотыми рыбками играют радуги, отражаясь в очах Любавы, — всё здесь веселило сердце князьенки. А оглядел со скальных высот дали — от этих просторов, уходящих за окоём, аж дух захватило. Вот она, его державная вотчина, могучая и прекрасная земля Новгородская, нет ей ни конца, ни краю, как нет конца краю самой жизни. Он порывисто обнял Любаву и приник к её губам. Юная дева и родная земля слились сейчас воедино, и сердце Владимира, переполненное любовью, в этот час воскрылило.

Держава его полунощная представилась князю огромным стягом. Острие ратовища, на котором величаво колышится державный стяг, здесь — в Повенце. А он князь, государь этой земли, стоит на самой вершине. Какой силой налились тут рамена Владимира! Но того боле князь ощутил силу духа — могучего и неукротимого, доставшегося от отца-воителя, который его, тогда ещё дитятю, поставил на Новгородский стол!

А накануне возвращения, в последнюю ночь в Повенце, приснился Владимиру сон. Да такой дивный, толь ошеломляющий! Широкая лесная просека, а по ней, как по каналу, плывут струги. Нет не струги, не расшивы да насады — какие-то великие о двух мачтах корабли. И не плывут — их тянут волоком по каткам-брёвнам. Звуков не слышать, но оттого ещё более явственно предстаёт, сколь великая работа здесь творится, словно потаённая тишина усиливает видение. Тьмы и тьмы работников гуртятся вокруг парусников: одни рубят просеку, другие стелют брёвна поперёд корабельного носа, третьи волокут бечевой, спотыкаясь, падая, тяжко дыша и харкая кровью. А над всеми над ними, закаменев в седле, высится могучий всадник. Кафтан его сливается с цветом тайги, зато лицо видится ясно. Оно белое, будто мглистое небо над просекой. На нём чёрные встопорщенные усы и тёмные безумные глаза, в коих восторг мешается с гневом.

Дивный сон обратился в приступ любовной страсти. В ту ночь князь был неукротим. Он довёл юную деву до иступления, толь могучий огонь в нём занялся.

После жарких объятий выскочил князь на мороз — босой, в одной тельной рубахе — и обмер, заворожённый. В очи бросилась небесная озимь, засеянная звёздным житом. А ярче всех горели созвездия Большой Мокоши и Малой Мокоши. Ровно топоры-чеканы, обращённые обушками друг к другу — Большая лезом вниз — голову сложить, Малая лезом вверх — миловать, — они издавали едва уловимый перезвон, будто только-только сшиблись. Не оттого ли чуть дрожала-мигала самая крупная звезда, поднятая всех выше, Матка-Полуночица.

А дале и вовсе дивное стряслось. На небесном огнище раздался шелест, будто к труту поднесли кресало. Тотчас же пыхнули, заискрившись, сполохи и побежали, как весенний пал. И вот уже небесный огонь орлино распахнулся от окоёма до окоёма. Князь глядел во все глаза, не чувствуя стужи. Перед ним разворачивалась какая-то весть — небесная берестяная грамота, багряно-золотая, ему, он чуял это,

предназначенная. Но что на ней начертано, разобрать не мог. Тут выше в зазоре между Малой Мокошью и Большой Мокошью возникло млечное, будто скатная жемчужина, пятнышко. Оно то ли приближалось, то ли, проявляясь, увеличивалось, всё яснее открывая очертания. И что же наконец различил князь Владимир? Над орлиным распахом сияния, не инако небесного отражения державы, возникли не то купола храма, не то шишаки державного венца — вот что открылось ему в той млечной жемчужине.

Видение длилось недолго — всего несколько ударов бегучего сердца, потом тихо сгасло, растаяв в мороке, а следом погасла и багряно-золотая грамота, свернувшись в отемневший свиток, словно орёл сложил крылья. Но очарованный князь всё стоял и глядел в небо, ожидая продолжения чуда, пока лопатки его не пронизал озноб. Его знобила не стужа, его охватил восторг. Не венец ли киевский посулил Дажьбог на вершине его нынешних владений, Повенце? — такая надея запала в сердце Владимира и боле никогда уже не оставляла.

5

Исполненный невиданных доселе обретений и ожиданий, кои посулило звёздное небо, возвращался Владимир-свет в Новгород. Уже припекало. Шальный ветерок доносил запахи тальника, обмякающей волглой земли. Душа князя, полная молодецкой буести, словно воздымалась на стремянах, торопясь оглядеть дали и умчаться за окоём встреч грядущим переменам, а сам он летел в открытом расписном возке. Обнимая Любаву, на шее которой мерцало вербной свежестью жемчужное ожерельице, доставленное из Обонежской пятины, Владимир погонял лошадей и улыбался. Верилось ему, что вот так всю жизнь будет он мчаться со своей милой, любя и её, и свет белый, и свой народ, и державу свою величавую, орлинно раскинувшуюся...

Эх! Знать бы где падёшь — там соломки бы подстелил. Забыл, видать, осторожку князьенка. Оттого, верно, и Ставра отпустил, повелев скакать в стольный город и запалить встречальные огнища.

Уже недалече был от Новгорода санный поезд, уже показались передовые заставы, как что-то спугнуло коренную кобылицу: ветер ли в ноздри шибанул, тень ли прынула на глаза, горностайка ли через дорогу метнулся, ослепший от весеннего первосвета, да только понесла та кобылица, ровно судьба. Возница на тот час был расслаблен, обуянный сладкими помыслами. Однако же не уступил, удерживая её на вожжах, и окоротил, заворачивая змеино-лебяжьё выно, сладил. Да тут на беду — раскат. Сани занесло, потащило под угор, они завалились набок, Любаву выбросило из возка и кинуло на берёзу. А там сучок — аккурат по виску. Только и прошептала успела, бедная, что дитятком занялась.

Загнал коней князь, торопясь достичь градского капища. Корневой волхв Гюрята, который запалил встречальные костры, всё понял без слов и, не мешкая, переменял обряд, стянув смольё на одно огнище. Полюмя взвилось едва не вровень с кумирами. А Гюрята, выпучив глаза, завыл-зарокотал, моля о милости небесной. Распростёртую на санях белицу обступили знахарки-ведуньи — обмывали отварами да дымом духовым обносили. Добрыня, простая душа, нарушаючи родовые запреты, велел привести на капище жертвенную лопоть. Пригнали быка кодольного с кольцом в ноздрях да стельную корову. Бугая трое гридей пронзили сулицами, поставив его на колени перед идолом Перуна. И бык засмертно замы-

чал, вторя степаниям волхва. А Добрыня поднял кладенец и разрубил от хребта до вымени стельну корову — только мыкнула сонная, так ничего и не поняв, а из ложесны вывалился в белом облачке, словно из ирия-рая, нерожённый телёнок, до срока явившийся на свет и погибель. Обмазали жертвенной рудой столпы Перуна, Хорса, Оря, Велеса... Пришёл черёд Мокоши. Обмазали её пакши по локти, потом по плечи. «Верни, искусница, беляну!» — возопил Гюрята, усмиряя рыком огни капища. Только ни кровинки не прибавилось на лице белицы. Лишь ранка на виске, перестав точиться, затворилась.

Более снега была Любава, когда ставили колоду с её телом на Перыни. Чернее клубов погребального кострища сделался молодой князь. Ещё вчера ликующая Явь выстилала для них бесконечно-дольние пути, сотканные из любви да солнечного света. А нынче все пути затопил морок беспощадной Нави.

* * *

Потеряв Любаву, заболел-зачах в тереме князь Владимир, глаз не казал и видеть никого не желал. Даже дядьку. Как ни бился Добрыня, подсылая к сыновцу то старую Улиту, то гудошников-скоморохов, то бабарих-заговорниц, ничего не помогало, никак и ничем не удавалось смыть морок с души князя.

А тут вдобавок ко всему ненастье обрушилось. Зима-морена, на ту пору уже было присмирившая, опять принялась править, словно навьи чары оковали не только сердце князя, но и его державную вотчину. Ярились шатуны-морозы, вопящей ведьмой металась пурга, хотя давно минул берёзозол и подходил к концу цветень, словно весна совсем заблукала по дороге в Новгородские земли.

Раз, когда позёмка угомонилась в дальней горенке, где горевал-тужил неутешный князь, сама собой растворилась околеника и на раму порхнула синичка. Князь поднял голову. Синичка кивнула, ласково цвиркнула, а из клювика её выпала окатная жемчужина. Князь даже слышал звук, похожий на капель. Однако как ни искал, когда синичка упорхнула, так ничего и не нашёл: то ли та жемчужина закатилась в щель, то ли просто привиделась.

Князь подошёл к растворённому окну, замедленно глянул на волю. И вот тут случилось чудо. Небо, дотоле затворённое на все запоны, вдруг раскрылось и на синь его огненной жар-птицей вымахнуло красно солнышко. А тут и Волхов очнулся. До сей поры не открывавшийся, туживший вместе с князем, Волхов, завидя господина земли Новгородской, вдруг разорвал ледовые пути и отразил на полюбование князю и синь неба, и оперенье той жар-птицы. А следом и синица воротилась, чудесно обернувшись красной девицей на угоре. «Любава!» — вспыхнул князь. Кинулся из терема, сгорстал её, исцеловал, слезами улил, до того обрадел. А за слезами-то теми и не различил, что другая была. Это так потом плели сердобольные бабарихи.

Памороки у молодца мало-помалу сгасли, утишились, душа просветлела, очистившись от навьей мглы. Да только сам он не пожелал возврата в прежнее состояние — кротость да добронравие. Войдя в молодецкую охотку, князь теперь походил на всадника, обратавшего необъезженного жеребца, до того дики подчас становились его выходки, так шарахало его то в одну, то в другую сторону. Но ведь вроде как не сам, виной всему тот неукротимый жеребец, которого взнуздal князь, но который не желает признавать удил, а кобенится и летит без пути-дороги.

Верный дядька поначалу было затужил, завидя, чем обернулись его уроки да

долгие караваны на окрайки вотчины. А потом-то смекнул, куда вынесло молодешеньку, и, обрадованный, что сыновец одолел невзгоду, стал потакать да подыгрывать в его молодеческих играх.

Новгород никогда благонаравием не пыщился. Выросший на любви да буети, он почитал в князьях норов и вольность. А потому молодому господарю, как любимому чаду, спускалось многое. Поглянулась князю девка — дак ведь то Перун показал, чей наместник здесь князь. О том и волхв твердил на поклонах. А коли случалась пря и отцы-матки бунчать начинали, тут встревал Добрыня. Где окриком, где усмешливым словом, где ласковым обхождением, а то и гостинцами — кунами да медами — улещал он затевавшуюся котору. Новгород — не Киев, тут живо вече взбулгачит, коли не осекёшь, не остудишь в зачатке.

6

Юность Владимира, гульливая да норовистая, что тебе Волхов в половодье, окончилась разом на восемнадцатом году. Из стального града Киева пришло известие о гибели Олега, среднего брата, что сидел в Овруче на Древлянской земле. Погиб Олег, как и прашур-тёзка от коня своего. Токмо в отличие от коня Вещего Олега, его орь пал с моста и, падая, задавил князя. Случай житейский. Недаром толкуют, что конь о четырёх ногах и тот спотыкается. Вот и тут такое стряслось. Так писал Ярополк, старший брат, который сидел на Киевском столе, приглашая молодшего брата Владимира разделить скорбь и справить по Олегу тризну.

И поехал бы, верно, Владимир в стольный град Киев, дабы помянуть родовича, да токмо днём раньше верный гонец донёс Добрыне истинную причину гибели древлянского князя. Оказывается, всё началось с того, что князь Олег застал в своих вотчинах Люта, сына Свенельда. Отпрыск варяжского воеводы, стоявшего на службе у Ярополка, никого не спросясь, вёл на древлянских землях ловитву. А обнаруженный за промыслом держался дерзко и занозчиво. Больше того, на справедливые попрёки хозяина незванный гость ответил грубостью. Князь Олег наглости не стерпел и решил проучить татя. На беду, стычка та завершилась кровью, а рана Люта оказалась смертельной. Олег послал в Киев покаянную весть, объяснив, как всё произошло. Да токмо это не помогло укротить Свенельда. Разъярённый варяг поднял дружину и намётом кинулся в Овруч. Говорят, Ярополк отговаривал его, дескать, остуди сердце, надо прежде разобраться, чем карать. Но варяг остался непреклонен, и, якобы, Ярополк вынужден был последовать за ним, дабы на месте разобраться и унять торох мести. Только всё оказалось тщетно. Варяги пришли карать. Дружина Олега, вышедшая навстречу с миром, была смята и жестоко посечена. В панике остатки её бросились к воротам, и вот тут-то в давке комонь Олегов и был снесён за кромку городского моста.

По зову Добрыни в трапезной княжеского терема собрались наилучшие люди Новгорода: бояре, тысяцкие, купцы, сотские, статейные ремесленники. Сразу порешили, что неча князю делать в Киеве — не для того столько лет растили-лелеяли, чтобы отдавать Владимира на заклание. Ну, а коли так, нать готовиться к бороне, потому как Ярополк, получив отказ, сам явится с псом Свенельдом за князевой головушкой. И тогда сразу перешли к делу, смекая, сколько Новгород готов выставить дополнительно конных гридей, сколько может собрать пешников, какая сбруя понадобится, чего хватает, чего недостаёт...

Сбор тот открылил Владимира. Он и не ведал, что Новгород толь почитает и

жалует его, ровно любимого сына. Ну, а коли так... Вот тут-то в первый раз князю явственно вспомнились высокие знаки, открывшиеся в ночном повенецком небе.

На зов Ярополка прибыть на тризну Владимир сказался больным, о чём известил его, послав в Киев гонца. Так наставлял Добрыня. А ещё о том по всем концам Новгорода многократно возвестили зычными голосами биричи, дескать, застудился князь на медвежей ловитве, в жару лежит.

Меж тем по согласию малого стола, на коём собрались только бояре да тысяцкие, отправился князь тайно в немецкую сторону. Дружина варяжская, может, и не понадобится, заключили стольники, да ведь лишний меч что на обороне, что — тем паче — на охоте никогда лишним не бывает.

7

Сколь окрылён был Владимир, отправляясь скликать варяжскую дружину, столь задумчивым он возвращался в русские земли во главе наёмной рати. Погиб брат Олег. Впереди встреча со старшим — Ярополком. Что сулит она, то ведомо верно токмо Перуну. Но что несёт приход в родные веси чужеземцев — гадать не надо. Собирая наймитов — свеев, ляхов, чехов... — он манил их хорошей добычей, но ведь уже тогда ныло ретивое. А теперь, когда это войско двигалось на соединение с новгородской дружиной, дабы, сомкнувшись, идти на Киев, у князя вся душа изболелась. Ведь чужаки правят не гостевать-гулевать — бить да грабить. И побиты и посечены будут свои, русичи, даром что они под рукой Ярополка. Вот что терзало его сердце и отчего маялась душа. Он ведь был ещё юн, князь Владимир, и не настудил сердца.

Добрыня при встрече, едва побратались-перемолвились, живо понял, что творится с сыновцом, и смекнул, что не боец князенька, коли его не раззадорить. На пути соединённой рати лежал Полоцк. Нужды здесь задерживаться не было. Что там сотня-другая воев, которые примкнут. Сил и без того достаёт. Князь привёл тьму варягов, того боле тут своих. Почитай, с каждого Новгородского конца ратники — более других Неревский конец выставил да заречный Словенский, ни боярство, ни купечество не поскупились на дружинников; да и другие концы не отстали, и Загородский, и Плотницкий, и Людин. А ещё земли дальние — чудь, кривичи, весь, белозёры. И хотел воевода уже мимо Полоцка полки провести. Да призадумался. Нет нужи в ратной силе, так есть надоба в союзе, тем паче в таком — ведь полоцкий князь Рогволд, хоть и дальний, но Рюрикович, владетель древнего стяга. А войну решают не столько сбоя — мечи да луки, — сколько боевой дух, вознесённый на стружках знамён. Это хорошо ведал старый боец и богатырь Добрыня.

Перво-наперво воевода напомнил князю о Рогнеде, дочери полоцкого князя. Чем ещё молодешеньку завлечь как не девичей лепотой! Владимир запомнил Рогнеду. И хошь юна была тогда, несколько лет назад, когда вместе с батюшкой приезжала в стольный Киев, красота уже запечатлелась на её лице. Дважды Владимиру повторять не понадобилось — велел засылать сватов. Сваты съездили в Полоцк, да вернулись удручённые. Рогнеда отказала Владимиру. Причём как! «Не хощу розути робичича...» Разувание невестой жениха — часть брачного обряда, знак смирения и покорности жены. Не хочешь стать княгиней Новгородской — дело твоё, может, ещё и пожалеешь, что отказала, ведь Новгород куда как сильнее и богаче Полоцка. Но «робичич»! Давно не поминал никто, что мати его холопка, рабыня, что сам он полукровка. Кичишься своей знатностью, чистотой рюриковой

крови! А ну как мы проверим, какова на цвет да на вкус ваша хвалёная кровушка! Осерчал Владимир, вскипел. То-то любо это было Добрыне. А когда донесли, что к Рогнеде сватался Ярополк и она дала согласие, Владимир и вовсе рассвирепел. Вырвав из ножен харалужный меч, он вздыбил коня и метнул войско на приступ.

Полоцк был взят с ходу. Рогволд и вся его родня попали в полон. Ослушников ожидала смерть. Но прежде, по знаку Добрыни, разгорячённый Владимир поял Рогнеду на глазах отца и братьев.

* * *

В Древлянскую землю Владимир заходить не стал, обошёл краем. Ничего хорошего там его не ждало. Могила Олега? Так боевого духа она не прибавит, а вид её, скорее, ввергнет в печаль да токмо усилит душевную смуту. Союз с древлянами? Так он едва ли возможен. Небось, по сию пору помнят норов бабени. Мстя за убитого Игоря, мужа своего, Ольга напустила на древленский Искоростень голубей с горящей паклей и дотла спалила его вместе с насельниками. Какие они с такой памятной метой союзники? И кто поручится, что кровники тех, кого заживо сожгла Ольга, не причастны к гибели Олега?

Думы о бедном брате возвращали его в детство. Владимиру вспомнилось, как играл в младенчестве тятиной серьгой. В ней были три камушка: два греческих адаманта, светлых и сверкавших, и рубин. Может, камень цвета крови и был знаком Олега?

* * *

Весна-красна торопилась на полуночь. Её невидимые кросна непрерывно ткали цветные ковры и выстилали пути-дороги. Столь же стремительно сводное войско двигалось навстречу весне, напрочь вытаптывая весеннее первоцветье. В конце травеня полки Владимира, ведомые Добрыней, достигли Киева и спешили на левом отлогом берегу Днепра. Цель была на расстоянии пущенной стрелы.

Зачерпнув шеломом воды, князь утолил жажду, смыл с лица пыль и выпрямился. Крепостные стены Киева, чуть размытые утренней дымкой, отражались в Днепре. Над забрелом всходило Ярило — красное, как стяг князя, оно всё более наливалось золотом. Владимир сощурился, взгляд его скользнул к урезу воды, и тут грудь князя исторгла тяжёлый вздох. Отчего опять затужилось Владимиру? Что встревожило утренний покой? Да минувшее вспомнилось.

Случилось это поболее десяти лет назад, когда он совсем ещё дитятей был. На то лето отец опять увёл дружину из Киева на Дунай воевать болгар. Осиротели они, его сыновья, оставленные на бабку. Осиротела земля Киевская, спокинутая Святославом-защитником. Вот тут-то и появились под крепостными стенами печенеги. Сколько их было? Тьмы и тьмы. Они осыпали город дождём огненных стрел, они вели подкопы, они бросались на приступ. В пожарах, под саблями и стрелами степняков гибли и без того немногочисленные защитники. Силы киян таяли. А помощь не шла. Княгиня Ольга слала тайных гонцов, дабы возвратить непутёвого сына — родные детушки погибают. Да ещё беспрестанно молились, меча поклоны перед писаным ликом и понуждая их, своих внуков, твердить спасительную молитву. «Истуканы древесны, что тесовый тын, — твердила старая, — коли схоронишься за ними — от стрелы уберегут. А крест Христов отведёт и стрелу, и хворь, и напасть житейскую».

А ведь и впрямь отвёл. По тайному подземному лазу выбралась княгиня с внуками на Подол, к самому урезу воды, где поджидал их стружок. Потёмки до поры скрывали побег. Да в свете костров и факелов дозорные печенеги заметили беглецов и принялись осыпать их стрелами. По знаку Ольги прыгнули внуки на дно стружка, тесно прижавшись друг к другу, а она, как крестовая тень, пала сверху, укрыв внучат своей плотью, а главное — духом. И ведь ни одна стрела не коснулась их. В носу и в корме стрел понатыкано. Гребцы какие перебиты, какие ранены. А их беда миновала. «Дух Божий отвёл!» — озарённо твердила Ольга, когда стружок ткнулся в берег на Оболони. Истово молилась и их, внучат, поставила на колени, наставив благодарить Господа за чудесное спасение.

Какие они с братьями были тогда счастливыми, как обнимали друг друга, в радостном тисканье выжимая остатний страх! Как влюблённо-нежно тыкались в бабенины ладони и безропотно исполняли все её наказания! Как обещали всегда чтить её, оберегать сердечное братство, истово служить отчине и дедине!

Слёзы умиления и благодарности заточились из сердца Владимира. Он опять размяк и не в силах был ничего с собой поделывать. Да и то, ведь здесь, вот на этом самом месте завершилось чудесное спасение, и они, трое братьев, сыновей Святославовых, стояли на коленях, вторя молитве.

Добрыня понял состояние сыновца. И на сей раз не стал неволить душу его. Сам всё порешил. Главное что было? Главное, чтобы обошлось всё малой кровью, если кровь киевского князя посчитать за малую жертву. Но так уж распорядились звёзды. Так угодно Перуну, о чём доложил походный волхв. А уж чтобы крови той не оказалось на руках русичей, позаботился сам воевода. Зарезали Ярополка варяжские наймиты, причём споро. Ярополк, обнадёженный и успокоенный, что Владимир предлагает мир, даже трепенуться не успел, когда его пронзили под пазухи варяжскими мечами.

8

Видение повенецкое обернулось явью. Владимир занял Киевский стол, обретя венец большой Руси. Он ведь именно так истолковал тот чудесный небесный знак — млечно-жемчужное озарение.

Обходя державные палаты, Владимир то и дело будил свою детскую память, толь много тут было того, что напоминало и о бабене, и об отце, и о своей ранней поре. Ему опять представилась тятина золотая серьга с тремя камушками. И тут на ум пришла поправка. Рубин — это знак не брата; знаки Олега и Ярополка — белые, обескровленные камни. А рубин рдяный, как красно солнышко на восходе, — это камень его, князя Владимира, восходящего государя Киевской Руси.

* * *

Сев на киевский стол, Владимир первым делом решил избавиться от вчерашних союзников, которые, как он и предчувствовал, начали грабить, сильничать и чинить смертоубийства. Спровадил он варягов миром, решив, что ни к чему обрастать лишними врагами. Наладил их за море Русское, Чермным называемое, к византийскому императору Константину. По крайкам Византии, наследницы угасшей Римской империи, шла пря. Кому же там ратиться, как не таким вот разбойникам, для коих жизнь что своя, что чужая — древесна труха?! Однако,

направляя варягов за море, Владимир тайно предупредил василевса, чтобы тот держал наёмников на расстоянии и в Константинополь не пускал. Князь уже тогда поглядывал на Византийский двор, ожидая ответного дружелюбия.

Оставили варяги русские земли, уплыли за море. Но едва простыл их след, явились под стены Киева печенеги, порешив, что русы ослаблены. Князь и этим дал укорот, показав крепость своих рамён и несокрушимость обоюдоострого меча, с которого, как капустные вилки, летели печенежские головы.

9

Черета быстрых и необременительных побед опьянила Владимира, вскружив молодому господарю голову. Он настолько уверовал в крепость своих рамён, свою неукротимую буюсть и свою удачу, что перестал держать совет с Добрыней, а на остережения верного дядьки стал просто отмахиваться. Вот какая гордыня обуяла юнака! А ведь где гордыня — там беда рыщет по следу, щеря волчьи клыки.

Было это осенью, в начале вересеня. Князю доложили, что в окрестностях Киева появился печенежский дозор. Владимир, пировавший в трапезной со своими полковниками да юными полонянками, пыхнул, как огонь. Молодецкие хоть да удаль, разгорячённые хмельным фряжским вином, метнули его в седло и вынесли за крепостные ворота. Следом вымахнули и верные соратники со своими стремёнными.

К князю подсказал дозорный гридь. «Эвон!» — он махнул нагайкой в закатную сторону. Солнце, рассечённое мечом долгого облака, окровавило окоём от края до края. На рудом мареве ясно различались чужие всадники. Уносясь за кромку крутояра, они то и дело оглядывались, а на мохнатых их малахаях мотались волчьи хвосты. Князева ловитва кинулась вдогон. Достигнув кромки яра, дружина по знаку вожа раздвоилась и, не сбавляя гона, пошла обтекать сумрачную лощину, забирая чужаков в клещи. А сам князь со своим стремённым понеслись прямо.

Стремельным у Владимира служил по-прежнему Ставр — брат покойной Любавы. Много раз, особенно по первости, князь порывался избавиться от него — вернуть дядьке, сослать на какую-нибудь дальнюю заставу, а то и возвернуть в Плесков. Но всякий раз останавливала память о Любаве.

Что мучило, что донимало князя и одновременно треножило его? Глаза Ставра. Они постоянно напоминали Любаву и были для Владимира немым укором, хотя в них не мерцало ни укоризны, ни отчуждения, ни тем паче неприязни. Сестрицу свою Ставр любил, в этом Владимир убедился в походе — и оберегал, и лелеял, и диковинками баловал молодшую. А стало быть, потеря любезной сестры, по мысли князя, должна была вызвать в Ставре гнев, родовую вражду, ненависть. Но Ставр оставался к Владимиру по-прежнему ровным, тороватым и исполнительным, ни словом, ни жестом, ни даже взглядом не выдавая своих потаённых, как мнилось князю, чувств. Однажды Владимир вскипел, разъярился, схватил Ставра за грудки, стал трясти его и в гнев обрушил на стремённого всю свою неизбывную боль. Чего он добивался, князь Владимир, поди, и сам не ведал. Клял, как винился, и попрекал, как прощения искал, вперившись в глаза Ставра, неотличимые от глаз Любавы. Ставр выдержал всё — и гнев князев, и горькие обидные слова, и взгляда не отвёл от горящих бешеных глаз, а когда Владимир почти сгас, тихо обронил, коснувшись своей груди: «На всё воля Божья!»

Лощину Владимир со стремённым пересекли раньше всех. Разгорячённый ло-

витвой, жаждущий боя и крови, князь яростно хлестал оря, норовя настичь врага и первым обрубить волчий хвост. А вымахнул на кромку яра, на миг ослепнув от встречного солнца, и обмер. Волчий дозор оказался на расстоянии полёта стрелы. Но дале, что грозовая туча, стояла тьма печенежской конницы. Лиц степняков было не различить, зато явственно доносился их удовлетворенный хохот: дескать, ловко мы провели урусов и славная сейчас пойдёт охота, и добыча знатная ждёт — и багряный плащ, и золотой шелом, а главное, голова коназа. Несколько мгновений оставался Владимир один на один с тёмной ордой. Следом на крутояр вылетела с двух сторон его дружина. И хотя несравнима она была числом со степняками, но вои были проверенные и отважные. Они с ходу замкнули кольцо, оборонив своего господаря, и замерли, устремив очи поверх степняков и отворив сердца закату солнцу.

А князь словно одеревенел. Похожее уже случалось с ним. Владимир ослабевал, когда был на пределе ожиданий, и вдруг будто ударялся с размаху о невидимую стену. Но теперь было не просто замешательство, не просто смятение и оцепенение. Запепелев лицом, князь сделался точно истукан, что стоят на Подоле, — таким он показался крещёному стремённому. Ждать было нечего. Ставр выхватил из рук князя поводья и под покровом живой, покуда не обрушенной стены повлёк его с крутояра вниз. Князь ничему не перечил, словно спеленатый младеня. Столь же покорно он позволил снять с себя багряную милоть, свой золотой шелом, а потом пополз в схорон, который показал ему Ставр.

Ране здесь на кромке крутояра заготавливали глину, били из неё печи, крепостные увалы, скудельники вертели посуду, а с некоторых пор в оставленных выработках крещёный люд стал погребать своих опочивших собратьев. Лучше места, чем схоронить князя от смерти, по убеждению Ставра, в округе не было. Он выбрал самую неприметную пещеру, сам же остался наверху.

Князь Владимир, дозоривший родимую землю, теперь сам очутился под защитным покровом матери-земли. И впервые за долгие годы, сирота сиротою, остался в полном одиночестве. Его обстала тишина — непривычная, неслыханная тишина. Но она была такая ласковая, такая умиротворяющая, эта тишина, словно руки родимой матушки. Вот она-то и вызволила его из душевного плена. Под целительной лаской невидимых рук лопнули путы, что стискивали его сердце. Сердце князя, могучее и порывистое, вновь погнало по замрелым было жилам руду, и он мало-помалу очнулся.

В звенящей тишине донеслись отдалённые звуки — он различил звон мечей и сабель, яростные крики, засмертное ржанье. Постепенно сшибка сброи смолкла. Зато громче стали чужие голоса, а потом раздался топот многих комоней, которые понеслись с крутояра в лощину. В схороне запахло пылью, которой нанесло в лаз. Звуки сгасли, отделились, но совсем не пропали, доносясь издали.

Сердце князя томилось горечью. Повинные мысли неслись к Добрыне: где ты, дядьку? где ты, родимец? А глаза ел стыд.

Сколько раз он, Владимир, клял свою размытую кровь, пенял на своё полузнатное происхождение, чем неволей попрекал и Добрыню, брата своей матери-простолоудинки. Дядька на это не обижался, а только усмехался, пряча улыбку в своей бороде: зато гордыни нет, сыновец! Гордыня-то и пыхнула, гордыня-то и обернулась ныне бедой. Но ведь, оказывается, уроки дядьки не пропали даром.

Разве позволил бы гордоус «дати хребет», показать врагу спину, тем паче бежать с поля брани? А он бежал. Чистокровный князь бился бы до последнего, по-

куда бы его ни искололи, ни отсекали руки, ни обрушили на колени, как стряслось с батюшкой. А он не пожелал доли отца — князя Святослава. Он не пожелал, чтобы у него живьём отрезали уши, нос, язык, выкололи глаза, а потом, уже сгасшему обстругали голову и превратили череп в пивальную чашу. Не пожелал и ускользнул от навших когтей. Да вот даже и эта залёжка... Попади в такую переделку гордоус, разве он полез бы в экое мрелое нырище! А ведь он, князь Владимир, полез, не погнушался...

Глаза князя, обтерпевшиеся в подземном мороке, различили какое-то мерцание. Он смекнул, что пещера просторная. Прополз на коленях к тому месту, откуда исходило лучение. Протянул руку. В углубление стены оказалось погребение — под долонью среди пелен горбились человеческие останки. Прах был давний, пелены почти истлели, но от мощей — не странно ли! — исходили тонкий смолистый дух и слабое тепло.

Князь окончательно пришёл в себя. Рамёна его было поникшие, вновь налились силой. Сердце билось тревожно, но ровно. И самое удивительное, ему вдруг открылось неведомое зрение.

Князь почти воочию узрел просторный дол, а на нём осиянного закатным солнцем всадника. Горел золотой шелом. Пласталась на ветру пурпурно-багряная милоть. Ставр! Это он, его стремённой, его верный товарищ, уводил степняков от княжеского схорона, а ещё, видать, чаял, что заметят княжескую багряницу с дозорной башни. Поле простиралось под крепостные стены. И достиг бы, верно, всадник градских ворот и поднял бы тревогу, да калёная стрела из наступающей степной орды оборвала его полёт. Багряница опала, словно сломанные крылья, и её заслонила волчарья стая.

Князь заскрипел зубами, казнясь и кляня себя: как же он был безрассуден, как самонадеян, а в итоге сгубил и своих верных полковников, и своего преданного стремённого. Разве может ему после этого быть оправдание, и разве возможно искупить эту вину!

Меж тем под крутояром, где в схороне погребальном таился князь, вскоре вновь раздался конский топот. Смекнув, что полонили не князя, степняки вернулись назад и стали обыскивать округу. Они секли саблями лядины, шихали в печуры копьями, а в иные кидали горящие головни.

Владимир обнажил меч. Теперь он спину врагу не покажет. Да и некуда отсюда бежать — токмо вперёд, токмо на врага. А живым он не дастся!

Нет, погибать Владимир не хотел. Он был молод, только-только взошёл на киевский стол, и сердце его наполнилось великими замыслами. Меж тем гортанные голоса приближались.

Кляня себя за гордыню и опрометчивость, князь обращался к праотцам — Хорсу, Орю, Велесу... и давал зарок, что, коли останется жив, воздвигнет на Подоле новое невиданное доселе капище и златом зальёт вежды Перуну. Не отозвались праотцы.

По кромке пещеры уже заплясали сполохи. Князь обратился к родной земле, суля оборонить её от ворогов и поставить новые засеки, заслоны, остроги и порубежные городки. И этого оказалось мало.

Горящая головня сунулась в пещеру. Князь выставил меч, а другой рукой закрыл грудь. Долонь нащупала ладанку — ту самую, где хранился кипарисовый крест и пёрышко голубя. Князь истоиво зашептал бабенину молитву, а ещё представил её скобскую церковь и дал обет, что воздвигнет такую же. И случилось чудо.

Головня пыхнула и сгасла. Крики ворогов отдалились. А вскоре в стане степняков началось смятение. То на выручку непутёвому сыновцу спешил с киевской ратью верный Добрыня. Сполох багряный, подъятый Ставром, не остался не замеченным.

10

Церковь Владимир воздвиг, не поскупился, краше на ту пору по всей Руси не было.

И кумиров киевских князь не обошёл — изукрасил золотом да серебром. Вислые усы Перуна струились, что днепровские стремнины.

И заставы стал возводить Владимир на порубежье, и городки.

Но первым делом князь повелел схоронить павших. Полковников, кои полегли на закате, обратив очи Яриле, погребли в братской могиле, а над ними возвели курган, и первый шелом земли принёс туда князь Владимир. Воина Ставра, которого смертельно раненного степняки бросили близ Василевой засеки, схоронили по-христиански, положив в ту пещеру, где спасался князь.

После была тризна, ласковое поимённое поминание. А ещё покаяние Владимира перед всем миром, коленопреклонённое, громогласное, со слезами и скорбью великой.

А на седьмой день князь устроил пир в честь своего чудесного спасения. Семь дён гулял стольный Киев. Мёд-пиво лилось рекой, и по усам текло, и в рот попадало. Гуляли все от мала до велика, от воеводы до последнего калики. Гуляли так, что даже кумиры на Подоле заходили ходуном, как отмечал летописец, — Велес в дуду дудел, Мокош долгими пакшами рукоплескала, а Хорс пустился в присядку. То-то любо было! Вот тут на честном пиру и пошёл гуслирный звон да зачин славутицы-былины. Вот тогда и выкатилось Красно Солнышко, как стали величать былинщики-гуслиры киевского князя. А одесную в тех былинах встал Добрыня Никитич, верный дядька и пестун Владимира свет Святославовича.

* * *

Владимир правил Русью, как заповедали отчичи и дедичи. Ходил в походы, усмиряя мечом и огнём степняков, ставил порубежные заслоны, а ещё выглядывал себе союзников, присматриваясь к ближней Европе и обращая свой взор на полудень — в сторону Византии.

На ту пору Византийской империей правили братья Василий и Константин, сыновья Константина Багрянородного. Держава переживала не лучшие времена. По крайкам Византии шла пря, то здесь, то там пыхали мятежи. Василия, старшего из братьев, который был коренником, один за одним предавали его собственные военачальники. Переманивая на свою сторону порубежных наймитов, самозванцы-императоры захватывали целые провинции. На полудени хозяйничали арабы, на восходе — легионы иверийцев и армян. На закате бесчинствовали болгары. На полуночи, в Крыму, восстал Херсонес. Василий, засевший в Константинополе, становился императором без империи. Верных приближённых у него почти не осталось. Он лихорадочно искал союзников. Наконец перебрал всех, обернул свой взор в полуночную сторону. В своё время киевский князь Святослав помог Византии укротить болгар. Теперь василевс обратился к его сыну. Никто боле, кроме варваров, не мог помочь защитить Македонскую династию от крушения — только русы, мужественные, беззаветно храбрые и стойкие воины. Но дабы это был не

короткий военный союз, а связь нерушимая, император Василий предложил князю Владимиру руку своей багрянородной сестры.

Владимиру было лестно это предложение. Руки порфироносной Анны добивался германский король Оттон I, мечтавший женить своего наследника-тёзку. Французский король Гуго Капет просил византийскую невесту в жёны своему сыну Роберту. А болгарский царь Борис сам хотел обручиться с Анной. Однако небеса распорядились иначе. Предложение на брачный союз получил князь Владимир. Супружество с багрянородной Анной открывало русскому князю круг самых знатных европейских дворов, и он принял это предложение.

Византийские послы, коим было поручено оговорить условия брачного договора, прибыли в Киев в конце червеня, когда уже отцвели сады. Их галеры поднялись по Днепру до порогов. Возглавлял посольство митрополит севастикийский Феофилакт. Могучий, что дядьку Добрыня, он сразу пришёлся ко двору киевского князя. И когда переговоры были завершены и они сам-друг взошли на помост вслед за князем, то показалось киевскому люду, что у Владимира выросли могучие крылья: одесную — воин Добрыня, а ошую — пастырь Феофилакт, коему суждено было стать первым наместником древнерусской церкви.

Много обетов дал Владимир послам, скрепив пиргамин своей государевой печатью. Дорого Киеву обойдётся багрянородная невеста, вздыхали бояре, загибая пальцы. Но князь не отступил, час за часом исполняя взятые обязательства.

Перво-наперво Владимир крестился. Давно приуготовленный к этому, он принял христианскую веру, крестившись в новой церкви в Василеве, которую только-только построил по обету. А имя крестильное он не выбирал. Оно давно лежало на сердце. И не потому токмо, что по-гречески Василий означало василевс, правитель, царь. В этом месте, где взошла и засияла новая церковь, отдал Богу душу воин Ставр, у которого было такое же крестильное имя.

Это было первым и определяющим условием византийского двора. Как токмо Владимир примет христианскую веру, так василевсы отдадут ему в жёны свою сестру, тотчас отправив её с челядью из Константинополя в Киев. Свидетельство крестильного обряда было послано, слово Владимир сдержал. Однако ответа — порфироносной невесты — Владимир не дождался.

Вторым условием была военная помощь. Тут князь тоже не замедлил. Всю осень и зиму на днепровских крутоярах строились лодьи, насады и расшивы, а по весне Владимир отправил на помощь василевсам шеститысячную дружину отборных витязей. Невеста не появилась.

По весне 988 года, на пятидесятницу, которая пала на 27 червеня, Владимир крестил бояр, гридей и весь киевский люд, а перед тем велел порушить поганьские капища, сбросив с днепровских круч и Перуна, и Хорса, и Мокош... О том и другом гонцы известили Константинополь. Анны не было.

Наконец весной следующего года Владимир выполнил последнее обязательство — взял приступом Херсонес, который переметнулся к врагам василевсов. Это было 7 цветеня — второго весеннего месяца, как отмечает летописец.

В полночь окрестности поверженного города озарились невиданным сиянием. Но не пожары, ещё не остывшие, были тому причиной — сияло небо. Владимир, разгорячённый схваткой, вскинул голову. На небосводе с полуночной стороны плясами сполохи. Видение, возникшее над Повенцом, повторилось. Снова распласталась от окоёма до окоёма багряно-золотистая грамота. И опять над чеканами двух созвездий вспыхнула сияющая жемчужина. Только на сей раз видение

не мглилось и мерцало, а лучилось ясно и чётко. Посреди млечного марева угадывались соборы и блистающие купола — знаки христианского венца. Вот что было предназначено свыше и к чему князь приуговлялся ещё в Повенце. Понял Владимир и то, что там, в полуночной стороне небесная обитель и опустится — именно туда определил её Всевышний, выбрав остров в Студёном море. А ему, Владимиру, даётся знать, что битвы его были не напрасны, а труды и дни князя промыслительны и угодны Богу. Вот что со слезами на глазах шептал Владимир, обратив лицо сияющему зареву, сиречь огненным столпам, как отразил небесное видение летописец-очевидец.

В Константинополь отправилась весть, что Херсонес покорён и все обязательства перед Византией Владимир выполнил. Где же долгожданная багрянородная невеста? Вдохновлённый и облаканный видением, князь задавал вопрос твёрдо и грозно. Ответом ему было молчание.

Владимир ведал о коварстве Константинопольского двора. Ведь в гибели отца — князя Святослава — были замешаны придворные василевса, направившие на ослабленных битвами русов шакалов-печенегов. Но до конца в коварство всё же не верил и терпеливо ждал. Тут вмешался Господь. Над полуденным окоёмом, над Византийскими землями появилась яркая комета. Три летние недели суровая Отцова бровь озаряла небо. Но даже и этот знак не подстегнул василевсов. Наконец в месяц листобой, 25 числа, Константинополя достиг шёпот Всевышнего. Обернувшись землетрясением, этот шёпот обрушил свод императорской церкви. Только после этого, почувствовав наконец Божий гнев, послали василевсы багрянородную сестру, назначенную киевскому венцу.

Русь, по велению Свыше, сочеталась с Византией, войдя в лоно христианской церкви, а первым русским православным государем стал он — великий князь Киевской Руси равноапостольный Владимир.

г. Архангельск

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЁВА

С нами шутки не шути!

Гармонист

Как взовьётся песня тонко,
Долетит до синевы,
Так посыплется гребёнки
У девчонок с головы.

Ах, гармошечка родная,
Золотые чудеса,
А над планками сияют
Голубущие глаза!

Гармонист, видать, изрядный,
Прямо за душу берёт...

И откуда ненаглядный,
Далеко ль от нас живёт?

Не напрасно волос тонок
Да кудрями у лица,
Не напрасно у девчонок
Озабочены сердца!

В небе звёзды, словно грузди...
Говорит — пора идти.
Вот возьмём и не отпустим,
С нами шутки не шути!

КОРОСТЕЛЁВА Валентина родилась в Кирове. Окончила Литературный институт им. Горького. Стихи, а позднее рассказы и очерки публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на радио. Автор 20 книг поэзии и прозы, в том числе на болгарском языке. Член Союза писателей России, лауреат международных литературных и российских конкурсов — имени Андрея Платонова, «Добрая лира», «Слово-2017», ряда конкурсов за рубежом (Вена, Берлин, Нью-Йорк), региональных — им. Ф.Тютчева и А. Белого. В 2005 г. в серии «Созвездие России» вышла книга «Свет Ярославны», посвящённая В. Коростелёвой. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в подмосковной Балашихе.

Любый

Наострили уши	Крик — на всю деревню,
Бабки у овина.	Разговоров уйма,
Ох, ругает мужа	И дрожат деревья
Рудакова Нина!	Под окном от шума.

— Ирод, чёрт небритый,	...Но остынет скоро,
С кем сегодня лопал?	Снова приголубит,
Выгоню бандита! —	Потому как — добрый,
И тарелку — об пол.	Потому как — любый!

Укорот

Вот мечталось: переедем —	Не для них — картошка с паром
По-другому будем жить.	Под огурчик золотой.
Деловитые соседи	
Не торопятся дружить.	Русь — другая, и другие
	Отношения уже.
У соседей стенки с баром,	Что ж за годы растакие —
Интерьерчик непростой.	Укорот кругом душе!

Соловей

Расцвела опять черёмуха,	Ты напомни, что при месяце
По холмам бегут ручьи.	Говорёно у реки!
Будит сердце, заливаётся	
Вновь соловушка в ночи.	Но поёт, поёт соловушка
	Над весенней красотой...
Ты слетай к милу, соловушка,	Моему не вял ни словушку,
Красных слов не береги,	Видно, больно молодой!..

Не то кино

Ой, состарились давно
Прежние припевки,
И не то теперь — кино,
Не такие — девки.

Ой, да мается мужик,
Как бывало, снова,
Ой, да лезет на язык
Крепенькое слово!

Некстати

Всё хорошее некстати,	Далеко желанный берег,
Снова лезем на рожон.	Как в трагическом кино.
Потому ли и писатель	Ни здоровья и ни денег —
Оказался не нужён?	Только звание одно!

Норы

Ой, да режет горло тюря,	А другим — другие норы,
Ой, да миска брякает,	Вовсе не крысиные.
Ой, да мается по тюрьмам	Респектабельные воры
Нынче мелочь всякая!	Любят жизнь красивую!

Гармошка

Как глядела из окна	Я молчание хранил,
Ненаглядная одна!	Ни слезинки не сронил.
Говорила глазками:	Лишь гармошка лакова
Уезжаю, ласковый.	Всю дорогу плакала!

Переплюнули

Всё поехало пунктиром,	Так и сеем, так и пашем,
Всё трещит, ядрёна вошь,	Ну, а больше говорим.
И в законах — дыры, дыры,	Сочиняют власти наши
Пролезай, в котору хошь!	Ой, почище братьев Гримм!

Заждалась

Чу, играет,	Не сыграл бы
Чу, поёт!	Сослепу
Мой хмельночек	Во чужую
Идёт.	Во избу!

Жених

Я жених вполне пригожий,	Если милка приголубит,
Что вы сомневаетесь!	Заживёт, как курочка...
Пусть чуток не вышел рожей,	Неужели не полюбит
Но и не кусаюсь.	Никакая дурочка?

«Интеллигент»

«Прилепился» агроном, Страсть интеллигентный! Не пустила ночью в дом — Бросил сантименты:	— Ах ты, рыжая лиса, Липовый золотчик! — И ругался с полчаса, Что тебе извозчик.
--	---

Мамзель

Видно, дьяволы насели, Всё забыл — работу, дом. Из-за экой-то мамзели Не свихнулся чуть умом!	Из-за экой-то мамзели После танцев чуть не съели!.. Как ободранная ель — Эта самая мамзель.
--	--

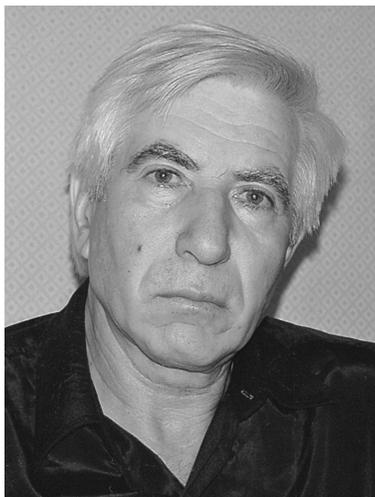
Не везёт

Я девчонка хороша, Развесёлая душа. Уж пошёл двадцатый год, А с любовью не везёт.	Ты играй, играй, дружище, Кудреватая башка! Песен — целый рюкзачище, Да и дома два мешка!
--	--

Не везёт, такая жисть! Хоть умри, хоть расшибись. То погода с бурей, То милёнок с дурию.	Мы такое заиграем, Запоём с ребятами, Чтобы девки обмирали, Без сознания падали!
---	---

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

Корысть

РАССКАЗ

Василий Сергеевич проживал в пристанционном таёжном селе, растянувшемся вдоль железной дороги. С одной стороны, ломая зеркальную гладь воды, грозно накатывал Байкал, с другой — густым хвойным чернолесьем наползала тайга. Работал Василий Сергеевич дежурным по станции, в свободное время охотился и рыбачил, благо, посменная работа позволяла. С осени, когда снег неглубок, ходил с лайкой за соболем, а по глубокому снегу соболь начинал тропить, и тогда охотник вставал на лыжи, подшитые камусом, ловил на подрезку капканами. Не секрет, что пушнина заменяла валюту, ею через аукционы в пятидесятые годы прошлого столетия расплачивались за американские паровозы и вездеходные машины «студебекеры». Особенно высоко ценился головной, то есть первого цвета, соболь баргузинского кряжа. Он так и назывался: высокая головка. Соболятники тайгу по Лене-реке перед войной и после ошутимо выхолостили, заготконторы обнищали, и популяцию решили восполнять принудительным переселением из Прибайкалья. Для этого государство выделяло немалые деньги. Достаточно сказать, что за живого соболя охотнику платили две тысячи сто рублей «сталинскими портянками», как окрестил народ купюры реформы сорок седьмого года. Для

ЗАБЕЛЛО Василий Константинович родился в 1947 г. в с. Утулик. После окончания школы и службы на Тихоокеанском флоте работал на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате. Первая поэтическая публикация — во флотской газете «Тихоокеанская вахта». В 1979 г. удостоился диплома Иркутской областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Стихи публиковал в областных и столичных журналах. Автор шести книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Иркутской области и премии имени Святого Иннокентия Иркутского. Живёт в г. Байкальске.

сравнения: автомобиль «Москвич» в то время стоил восемь тысяч рублей. Соболей, прошедших карантин в приёмной лаборатории зоокомбината Иркутска, перевозили самолётом до Киренска и дальше по таёжным участкам, где их выпускали из клеток, и они, почуяв волю, расселялись по дремучим урочищам Приленья. Со временем у каждого зверька обозначался свой круг обитания, и соболиное поголовье, теперь уже якутского кряжа, который отличался не только цветом, но и более высоким ворсом и более плотной подпушью, довольно быстро восстанавливалось. Южное Прибайкалье для ловли живых зверьков баргузинского кряжа было выбрано не случайно, поскольку труднодоступная гольцовая зона в отрогах Хамар-Дабана, где множество каменных россыпей, время от времени освобождалась от соболиного прироста, чему немало способствовал неурожай стланиковой кедровой шишки, ягод, миграция мышей и сокращение численности белой куропатки, которая являлась лакомством не только для соболя, но и для колонка, совы, горноста. Обладатели ценного меха наперегонки устремлялись вниз к Байкалу обживать новые уголья, богатые дичью, ягодой и орехом. Для переселения, чтобы заведомо разводилось высокоценное головное потомство, принимали соболей исключительно по цвету: от тёмноворотовых и выше. Воротовых, меховых светлой и бусой масти принимали только шкурками, которые ссаживали на длину хвоста.

Василий Сергеевич в очередной раз заключил договор с конторой зверопромохоза, взял по льготной цене кое-какие боеприпасы и, придя домой, занялся подготовкой к предстоящей охоте. Подшил траспортировочной лентой ичиги, занёс из чулана сработанный из солдатской шинели суконный костюм, рукавицы из собачьей шкуры, которые не прокусывал соболь, пару капканов с намотанными на дужки бинтом, чтобы не могли перебить лапку соболя, топор, десятиметровый обмёт с колокольчиками, сшитый из обрезков невода, испытанную «тулку» двадцатого калибра, жестяной пенал с дырочками, в который помещают пойманного зверька, котелок для чая. Всё ещё раз тщательно проверил, кое-что подлатал, подладил и, увязав в поняжку, подвесил на гвоздь в сенцах. После ночной смены выпало три свободных дня, и Василий Сергеевич решил назавтра с раннего утра открыть сезон охоты на соболя. Перед сном накормил Белку — грудастую суку с обвислыми кончиками ушей. Она, чуя возбуждённое настроение хозяина и близкий выход в тайгу, крутилась юлой, повизгиванием выказывала долгожданную радость и нетерпение.

В половине пятого прозвенел будильник. Василий Сергеевич поднялся, омыл водой из колодца лицо, оделся, поправляя лямки, плотно уложил на спине убористую поняжку, перекинул за спину ружьё, взял Белку на поводок и вышел за ворота.

Октябрь, с его напористыми ветрами севера и снежным покровом, подходил к концу. Охотник любил это время, когда отшумевшую золотом сентября лиственную опадь окончательно накроет снегом, когда грозные быки изюбри с нагулянными лоснящимися боками, гордо закинув на лопатки могучие рога, протяжным надрывом пропели свои любовные песни, когда бурундучок, запрятав в пушистый хвост блестящие смоляные глазки, сладко посапывает в кладовой под кедром среди заготовленного на зиму ореха, когда соболь, вытягиваясь во всю шелковисто игольчатую спинку, вслушивается, определяя, из какого колка чернолесья доносится тонкий свист рябчика, чтобы потом поймать свистуна и насладиться любимым лакомством, когда и ты, первопутком поднимаясь на хребет, вдыхаешь во всю полноту лёгких кедровый свежак и, радуясь жизни, с благодарностью вспомина-

ешь отца и мать и понимаешь, что по праву рождения заповедано тебе любить и беречь красоту своей строгой родины.

Рассвет Василий Сергеевич встретил перед выходом на гриву, густо поросшую молодым кедровником, присел на валёжину перекурить, предварительно очистив от снега и подложив сухую заболонь от трухлявого пня. Сука в поисках следа рыскала покатью где-то за гривой. Охотник насыпал на газетный обрывок щепоть махорки, скрутил сигарку и подумал, что хорошо бы Белке взять парной след. Покурив, он освежил снегом разгорячённое от ходьбы лицо, поднялся и ко-согором пошёл на хребет. С вершины поперечного распадка донёлся призывный голос Белки. Добытчик, словно подстёгнутый, вздрогнул и скорым пружинистым шагом поспешил на лай. Вскоре он увидел соболиный след, напоминающий по форме ромбический рисунок бубнового туза. «Маточка», — заключил охотник.

Белка, заслышав шаги хозяина, перестала лаять, и стало понятно, что соболёк затаился на дереве. Охотник вышел на рыск собачьего гона и вскоре издали заприметил развесистую пихту, на которую, поскуливая, указывала Белка.

Василий Сергеевич несколько раз снизу доверху внимательно оглядел дерево, но зверька не обнаружил, пришлось доставать топор. Когда лезвие топора дробно посеколо кору пихты, соболю дёрнулся и выказал себя. Он настолько плотно — полудужьем — выстлался вдоль ствола, что, казалось, слился с ним. Охотник отметил: соболю тёмный, а такого тем более желательнее взять живым. К посошку Василий Сергеевич прикрутил проволочную петлю и полез. Соболю, когда человек подобрался совсем близко, отпрянул по ветке, но прыгать побоялся: внизу, азартно повизгивая, крутилась Белка. Едва зверёк оказался в пределах досягаемости, Василий Сергеевич ловко поднёс петлю к мордочке. Было видно, как по телу маточки прокатывается дрожь. Вытянув шею, она просунула голову в удавку, но проскочить не успела — охотник резким движением отвёл в сторону шест и подвесил скрюченного зверька. Пока добытчик спускался на землю, у соболя, бившегося в петле, обвисли лапки. Белка, подпрыгнув, едва не вырвала хрипящего зверька из рук, пришлось осадить. В пенале соболю пришёл в себя, задёргался и остервенело заскрёб по жести когтями, но вскоре смирился и затих. Начало было удачным, матка по цвету оказалась тёмноворотовой, таких принимали без разговора. Василий Сергеевич приободрился. Время позволяло, и он решил заглянуть ещё в один распадок с выходом к реке. Подкрепившись варёной подмороженной телятиной и снеговым чаем с сахаром, кинул Белке мёрзлого налима да оставшуюся от немудрёного застолья хлебную корку. Пока собака расправлялась с едой, охотник занялся и тронулся намеченным путиком.

Идти было легко и радостно, впереди челноком бойко рыскала по снегу сучонка, за плечами поуркивал в пенале соболёк, солнце показывало полдень, в кедровнике, перелетая от дерева к дереву, протяжными всхлипами зашлась ворожея удачи — желна. Почему-то Василий Сергеевич именно с этой птицей — чёрным дятлом, который почти всегда появлялся во время фартовой охоты, связывал своё таёжное счастье. Выйдя на чистое место, охотник обратил внимание на каркающих воронов, которые низко кружили над взлобком за падью, и поспешил туда. «Вороны зря кружить не будут», — резанула догадка.

Картина, представшая глазам охотника, ужасала. На взлобке между берёз лежала на боку матка изюбря. Комолая голова была вздёрнута, а вытянутую изящную шею у основания жевательных челюстных санок удушливо перехватила сталь-

ная браконьерская петля. На застывших, поджатых, как в беге, тонких гладкошерстных ногах, словно уголь антрацит, поблескивали копытца. Мороза не было, туша до конца не задубела, но пернатые падальщики уже успели выклевать глаза. Они, боясь остаться без сытного прокорма, с тревожным карканьем, то пикируя, то взмывая над взлобком, крестообразно чертили небо.

Во все времена среди таёжников считалось за великий грех испортить зверя или какую другую живность, будь то дичь или рыба. Василий Сергеевич, проклиная браконьеров, грубо в сердцах выругался, срезал с ног оленухи камусы — подшивать лыжи. Подкожная прослойка зазеленела, мясо успело испортиться, и теперь если куда и годилось, так разве что на приманку. Засунув камус в мешок поняги, охотник обошёл взлобок и только тут обратил внимание на то, что Белки нет рядом. Вскоре охотник вышел к соболиному пробегу, параллельно которому во всю прыть мчалась собака. Чтобы напрасно не расходовать силы, Василий Сергеевич положил на каменный приступок рукавицы, присел перевести дух, а заодно дожидаться момента, когда Белка загонит соболя и подаст голос.

Из головы не шла загубленная красавица-оленуха, всё думал: кто так искусно мог поставить петлю? Наверняка матка была стельной. Он перебирал в памяти всех охотников околота, но никого заподозрить не мог. Скорее всего, это дело рук пришлых. Пару месяцев назад на станцию пригнали мостопоезд. Как-то в начале сентября Василий Сергеевич в Большой Черемшанке, недалеко от взлобка, где попала в петлю изюбриха, собирал бруснику. И тут на него вышли, точнее, напоролись трое мостовиков. Были они с увесистыми ношами, с ружьями, одеты по-таёжному. Один высокий, чернобородый, с бритой головой, сшибающий на мусульманина, запомнился более других. На вопрос: «Чего ищите?» расплывчато ответил: «Да вот, развед�ем тут ягодные места». Было видно, что ребята устали, едва волокли ноги. «Неужели эти, с мостопоезда? Наверняка они, только не пойман — не вор».

Раздумья охотника прервал едва доносившийся лай. Василий Сергеевич определил направление и пошёл напрямик, минуя сложные зигзаги и кружевные петли гона.

Белка, засунув голову в щель между валунами, откуда доносилось злобное урчание, от невозможности достать и схватить загнанного соболя, азартно с подвывом лаяла. Василий Сергеевич схватил её за загривок, откинул и посмотрел в щель. Из темноты, похожие на раскалённые добела копеечные монетки, свирепо светились собольи глазки. Стало ясно, что зверька можно взять только голой рукой. На всякий случай охотник достал обмёт, выставил полукругом за валунами. Белка заскочила на валун и с визгом стала скрести обомшелый гранит. Василий Сергеевич просунул руку в щель. Соболю тут же вцепился в указательный палец. Охотник молниеносно зажал большим пальцем нос и потянул упирающегося зверька на себя. На выходе пальцы от жгучей боли разжались, и соболю, прыгнув, мячиком влетел в сеть обмёта, которая сложилась и накрыла его. Боясь, что Белка в азарте порвёт добычу, Василий Сергеевич упал и, отбиваясь от возбуждённой собаки, поднял запутавшегося зверька.

Располосанная фаланга сильно кровила. Охотник наковырял кедровой смолы, залепил рану и обрывком рубахи забинтовал палец.

В избу добытчик ввалился ближе к полуночи. Пока Ньюта возилась в кухне, собирая на стол, Василий Сергеевич принёс фанерную клетку в два отделения с кормушками и раздельными секциями, напоминающими гайно в дупле, в которые

предварительно натолкал сена. Спасаясь от света, новоявленные узники шмыгнули в свои домики. В кормушки охотник насыпал по горсти кедрового ореха, налил в поилки воды.

Утром, выкурив соболей махорочным дымом из гнёзд к кормушкам, сначала одного, потом другого, Василий Сергеевич подробно разглядел каждого и остался доволен. По его оценке, оба достойно могли пополнить соболиное семейство таёжного Приленья, потому как принадлежали к тёмноворотовым особям баргузинского кряжа. Значит, завтра же с поездом «Иркутск — Наушки» нужно доставить живые трофеи в город, в приёмный пункт зоокомбината.

Иркутск встретил охотника туманным морозцем и густой непроглядной испариной над Ангарой. В зоокомбинате барышня лет двадцати двух, недавно окончившая пушно-меховой техникум, особенно долго и внимательно разглядывала соболей.

— Минутку подождите, — сказала наконец и вышла, закрыв за собой дверь.

Василий Сергеевич заподозрил неладное. Вскоре девица вернулась и огорошила:

— Этого, тёмноворотового, принимаем, а за второго заплатим по разряду воротового, как за шкурку. Не везти же вам обратно!

Василий Сергеевич растерялся, как будто его, бывшего фронтовика, охотника, уличили в чём-то нехорошем.

— Вот так здорово, они же по цвету одинаковы! — вырвалось само собой.

— Это по-вашему, а по-научному — разные, — сухо отозвалась приёмщица и направила свет фонаря на тушку соболя, чтобы высветить сбоку. — Видите, бока несколько светлее.

— Но это маточка, от неё приплод будет!

— Как определили, что матка? — гнула своё девица.

— Тут и определять нечего, — психанул Василий Сергеевич. — Вы что, за дурака меня держите?! У жёнки и мордочка заострённее, и фигурация иная. Вас, наверное, смущает то, что крупная?

— Да нет, на матку не похоже, — как отрезала приёмщица. — Да и цвет, как сами убедились, достаточно спорный.

Василий Сергеевич побагровел, хотел было возразить, но приёмщица, наткнувшись взглядом на суровое лицо охотника, опередила:

— Вы не волнуйтесь! Если не верите мне, я позову другого специалиста... — и, состряпав недовольную мину, вышла.

Василий Сергеевич негодовал: дама своей неправдой и упорством довела его до белого каления! Хотелось закурить, но вернулась приёмщица, на этот раз в сопровождении дамы постарше, как видно, старшего специалиста. Та, не говоря ни слова, начала оценочно разглядывать спорного соболя, и по тому, с каким видом она это делала, можно было догадаться, что ничего хорошего Василию Сергеевичу не светило. Словно угадав его мысли, вошедшая спросила чёрствым голосом:

— Я не поняла, в чём несогласие?

— Я ей говорю, это маточка... — начал было Василий Сергеевич, но дама грубо оборвала:

— Но вам же по-пу-ляр-но объяснили! Этого принимаем живьём, а второго, посветлее, сдавайте шкуркой...

— Гражданин настаивает, что соболь посветлее — самка, — подсказала девица.

— Матка и есть! — недоумённо пожал плечами Василий Сергеевич, с трудом сдерживая ярость. — От неё приплод будет.

— Как узнали, что матка? — всё тем же тоном прокурора допытывалась дама.

— Да вы что, сговорились?! — вспыхнул Василий Сергеевич и неожиданно для самого себя подскочил к клетке, накинул мешок и открыл задвижку. Соболь как по команде юркнул в тёмный проём и забился в мешке, шипя и урча. Василий Сергеевич нащупал ногой грудку зверька и надавил. Послышался хруст, охотник вынул ещё дрыгающегося в предсмертной агонии соболя и, задрвав хвост, поднёс едва ли не к самому носу молодой приёмщицы:

— Восьмёрку видишь?!

Приёмщица испуганно отпрянула, залепетала:

— Ну зачем вы так...

— Затем, что вы не верите! За поддержкой пошли...

Из Иркутска Василий Сергеевич вернулся поздно вечером. На приглашение жены поужинать ответил отказом, сразу же принялся обдирать соболя. Как и полагается, начал с головы, оставляя коготки на лапках. Руки привычно делали своё дело, а в голове крутилось одно и то же. Остывшими мозгами он понимал, что вся эта комедь случилась из-за корысти приёмщиков зоокомбината. Кстати вспомнились и рассказы других охотников, например, о том, как промысловик привёз трёх соболей, но приняли только двух. Третьего пришлось оставить, заплатили как за шкурку. Да и в зверопромхозе дела обстояли не лучшим образом: бывало, оценят шкурки, сразу выдадут половину оценочной стоимости, дескать, другую получишь после дублирующей оценки в Иркутске. В результате приехавший за деньгами охотник оказывался ещё и в должниках. У живущих по протяжению железной дороги промысловиков принимали и отправляли звериные шкурки скопом, попробуй потом разберись, где чьи, вдобавок, если чья-то корыстная рука ещё и бирки поменяла. Было ли это на самом деле, Василий Сергеевич не знал, но слухи об этом ходили уже не один год.

— Да-а-а, потом доказывай! Но ничего, и мы ответим, — подвешивая в спальне над печкой пялку со шкуркой, пробурчал Василий Сергеевич.

— О чём ты, Вася, варнячишь? — спросила жена, когда муж наконец-то сел за стол.

— Скоро узнаешь! Мы тоже не пальцем деланы, — скорее сам себе ответил Василий Сергеевич.

Хребет, который задумал проверить охотник, замыкал с обеих сторон несколько распадков, в том числе и Большую Черемшанку. Перед выходом на него Белка взяла горячий след и, взвизгнув, помчалась за соболем. Вскоре подала голос, но, немного полаяв, замолчала, а через некоторое время и вовсе вернулась с окровавленным носом. Василий Сергеевич решил разузнать в чём причина, пошёл по следу вернувшейся суки. Вскоре выяснилось: соболь, спасаясь от погони, залез под корни старой ели. Когда собака с лаем прорыла лапами лаз, соболь впился ей в нос. Белка, визжа от боли, отчаянно замотала головой, сбросила, мигом закусила и затрясла до смерти. По разбросанному и укатанному снегу было видно, как она победно каталась по мёртвой тушке соболя. Охотник рассмотрел добычу: шкура на уровне лопатки была прокушенной. Но Василия Сергеевича удивило то, что в отверстии проглядывался белый подкожный жир. Охотника заинтересовало, где так сытно мог питаться соболь, и он решил пойти в пяту соболиному следу, который привёл его к загубленной оленухе.

— Вот те раз! — воскликнул охотник.

За полторы недели так никто за маткой и не пришёл. Мостопоезд перегнали на другую станцию, и Василий Сергеевич окончательно утвердился, что это дело рук заезжих, тех самых. Изюбриху со всех сторон значительно подъели. Кроме воронов, которые, как надзиратели, неусыпно крутились около, на пир сбегались две лисицы, штук семь соболей, россомаха и колонок. Василий Сергеевич установил это по тропам, которые успели набить хищные обитатели тайги, почуяв запах добычи.

Обычно, насытившись, соболь от места трапезы далеко не уходил, отыскивал поблизости гайно и отдыхал. Случалось, дня по три спал, не выходя наружу, и, только проголодавшись, знакомой тропой спешил опять полакомиться изюбрятинкой.

Именно такого соболя на возвратном пути и застучала Белка в дупле упавшего кедра. В темном лесу звонко и раскатисто проплакала желна. Василий Сергеевич уверовал в удачу, заткнул мешковиной вход и стал прорубать заболонь. Внутри ствола послышалось урчание. Охотник привязал собаку, выставил обмёт, на порожке прорубленного отверстия насторожил капкан, распечатал вход и запалил бересту. Дым стал заполнять дупло. Вскоре, клацнув, сработал капкан...

Соболь оказался не настолько ценным, чтобы пополнить фауну приленской тайги: по цвету явно не проходил. Но после «спектакля» в зоокомбинате охотника это не огорчало, тем более, что он уже придумал, как исправить «недоработку» природы. Вернувшись домой, он велел своей Нютке надеть собачьи рукавицы и крепко держать зверька за голову, а сам надёжно связал ему лапки, взял закопчённую на огне черёмуховую палочку и стал перекрашивать мех, прокручивая прут по всему телу соболя, пока не добился чёрного, как у калоши, цвета.

Уже знакомая Василию Сергеевичу приёмщица со всех сторон долго разглядывала зверька, который, хоронясь от света лампы, крутил головой то в одну, то в другую сторону. Наконец, проговорила:

— Подголовка, принимаем.

Василий Сергеевич облегчённо вздохнул, будто скинул с души пудовую гирию. Время позволяло, и, получив деньги, он решил закрепить почин коньяком в ресторане «Арктика», а уже дома, многозначительно подняв руку, прямо с порога протянул Нютке пакет с пуховой шалью: «Подарок от хозяина тайги, принимай!» и, не раздеваясь, завалился на диван...

Утром жена спросила:

— Вася, ты чё ночью варячил? Всё просил каких-то бишроганов.

— А-а, не бери в голову! — поморщился Василий Сергеевич, раскуривая козью ножку. — Подмороженная телятина вкуснее.

...В тот сезон Василий Сергеевич вместе с подкрашенными сдал живьём двадцать два соболя. Стал знаменит, даже попал на страницы популярного журнала «Охота и охотничье хозяйство», где на фотографии в пол-листа, широко улыбаясь, он держал в руках живого соболя. Его добыча принималась без осечки, но после публикации в журнале заниматься подлогом он уже не мог, совесть не позволяла. Однако не зря говорится, шила в мешке не утаишь. Однажды, двигая по верстаку клетки с приготовленными для вывоза в тайгу соболями, нечаянно свернули кран питьевой воды. Пока то да сё, несколько клеток со зверьками подмокли. Один из соболей сделался пегим... Подозрение упало на Василия Сергеевича, но доказать его вину было невозможно, поскольку на живых соболей бирки не вешали, да и к тому же за похожим занятием были замечены охотники-тунгусы.

Охотившиеся по договору протяженцы и жители деревни, узнав про этот случай, смеялись вдоволь. Вспоминая, смеются и сегодня.

Машинисты паровозов в засаленных телогрейках, которые при лунном свете напоминали монгольские кожаны, заходили к дежурному по станции, между делом спрашивали и про соболей. Василий Сергеевич всячески отнекивался, доказывал, что совершенно ни при чём, но машинисты, посмеиваясь, не верили.

К сожалению, мечта зоотехников развести в Приленье маточную основу чисто головных соболей мечтой и осталась. Природу не обманешь, только она раскрашивает своих обитателей согласно флоре, в которой они обитают.

ИГОРЬ КОРНИЕНКО

Желаю счастья, здоровья, долгих лет жизни и Царствия Небесного

РАССКАЗ

Знаете, что такое детство? Это время, не подвластное смерти. Вечность. И, кажется, отобрать этого невозможно. Ни у кого это не получится. Как можно похитить вечность?.. Детство?..

Я верил, что мертвецы могут приходить по ночам. Слышал их, казалось, бесшумные шаги по старому паркету родного дома. Слышал, как покойный дедушка кряхтел в своей спальне, как отпирал скрипучие полки секретера в поисках своих папирос.

Я не боялся, бабушка научила не пугаться:

— Это же твой дед, — успокаивала она меня после первого визита призрака. — Он никогда не тронет тебя, наоборот, защитит и убережёт. За папиросками своими дедушка Витя приходит, всю жизнь как-никак дымил, вот и ходит теперь. Там ведь у них, внучек, табаку нет.

Дом, где я родился, всегда представлялся мне живым. А он и жил — дышал, стонал, гудел морозными зимними ночами. Дремал, сопя и улюлюкая знойным июньским днём. Дом разговаривал. Бабушка, бывает, сядет у печки вязать и зашепчет, и дом затихает, прислушиваясь к шёпоту старушки, только гудит огонь и мурлычет кот Васька.

Со мной дом тоже нет-нет, да заговорит. Полезешь, к примеру, на чердак, а он бах-трах — и перед самым носом дверцу захлопнет: «Нечего тебе там делать», значит. Или вот поздней ночью, когда ветер воет в печной трубе и снег стучит в

КОРНИЕНКО Игорь Николаевич родился в 1978 г. в Баку. С 1994 г. живёт в Ангарске. Работал корреспондентом, ответственным секретарём, заместителем редактора в различных СМИ города. Руководитель молодёжной студии ангарского литобъединения «АЛЛО! Пишите правильно!». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Москва», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. Автор двух книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии им. Виктора Астафьева (2006), им. Игнатия Рождественского (2016).

окна, дом напускает свои волшебные чары: песней сверчка, мурлыканьем кота, похрапыванием отца... и уже нисколечко не страшно, и вот уже клонит в сон, и впереди ночь, полная сладких чудесных снов.

Он всегда знает, что нужно домашним, когда обогреть, чтоб никто не простыл, когда освежить комнаты блаженной прохладой. У дома есть глаза и уши, он всё знает и может. Мой дом — моя крепость. За ним ничего не страшно.

Я рос за пазухой родного дома и верил, что здесь же, в нём, вырастут мои дети и дети моих детей, и...

Вокруг дома был огромный сад. Виноград, абрикосы, сливы, вишни... Грядки с салатом, перцами, помидорами, баклажанами, огурцами... И всё в цветах. Бабушка любила розы, мама — ромашки, я — анютины глазки, а ещё у нас росли нарциссы, пионы, сирень...

Сад водил дружбу с домом, а как иначе?.. Не одну сотню лет они вместе, вдвоём помогали выживать моей семье. Пережив войны, землетрясения, разводы и свадьбы, болезни и счастье...

В десять лет я смастерил своими руками первый скворечник. Свой. У нас было много домиков для птиц, целых десять, а это был мой. Прибил его на шест возле калитки и как одержимый ждал первых гостей. Это были скворцы. Они поселились восьмого марта, в яркий солнечный женский день, и скоро на весь сад объявили о рождении новой весны первые птенцы.

Рисовать до ужаса любил, даже не вспомню, как научился.

— Ты родился с карандашом, — шутила мама.

Вся моя детская была в рисунках. Я рисовал всё. Маму, папу, бабушку, пса Рекса, кота Ваську, старшую сестру (которая к тому времени уже жила в другой стране), сад, яблоки в вазе, небо, трещины на асфальте, радугу, дом...

Нарисовал дедушку, которого никогда не видел, только на старых фотографиях, и как-то, помнится, вечером, тогда шёл проливной дождь, коричневой акварелью набросал портрет... домового.

Ещё в комнате висели склеенные собственноручно пластмассовые модели самолётов. Мне больше всех нравился тот, что на водных подушках. Он висел над кроватью, и когда был сквозняк, казалось, что он парит над моей головой и вот-вот улетит в сказочную страну, где живут все игрушечные самолёты, взмахнув на прощанье бело-голубыми крыльями...

Ужинали, а по выходным завтракали и обедали всей семьёй в гостиной. Мне нравилось, когда все собирались вместе. Бабушка говорила, что и дед с нами в такие минуты. Она рюмку с водкой, накрытую куском хлеба, для него на стол ставила. Крестилась.

И телевизор по вечерам смотрели вместе. Находя компромисс между просмотром очередной серии сериала «Богатые тоже плачут», программой о спорте и «Детьми капитана Гранта».

В доме всегда вкусно пахло. Мамиными духами (хотя у мам и без парфюма свой, материнский, ни на что не похожий запах), бабушкиными медовыми плетёнками и пирожками с вареньем, папиными инструментами — чумазые, они хранились в мастерской, перемазанные тавотом, и моими акварельными красками вперемешку с пластилином и клеем...

Детство пахнет именно так.

Самым моим заветным местом в доме, конечно же, был чердак, мы собирались с отцом переделать его в мою комнату, но, как говорил папа, «всё руки никак не

доходили». Когда мне удавалось попасть туда, я представлял себя в роли первооткрывателя, археолога, искателя сокровищ... Роясь в бесконечной веренице старых журналов, книг, фотографий, газет, я каждый раз отыскивал что-то ценное для себя, всеми забытое, потерянное...

Нашёл старые карты таро моей прапрабабки, ветхие, колдовские. Я знал, что в моём роду были колдуны, как хорошие, так и плохие. В чемодане из-под дырявых калош извлёк на свет портсигар, должно быть, прадеда. В портсигаре хранились старые пожелтевшие письма от некой Мари, она жила во Франции и надеялась на встречу с неизвестным мне Яковом в месте под названием Монблан, это всё, что мне удалось разобрать.

За пыльным трюмо со сломанным зеркалом отыскал завернутые в мешковину патроны, тут же их спрятал. Отголоски чудовищной войны.

Серьги, порванные цепочки и фотографии, вырезки из газет и журналов про инопланетян, тунгусский метеорит и снежного человека... все эти сокровища хранил здесь же на чердаке, здесь и перебирал их, любуясь, не забывая ежеминутно прислушиваться к шорохам и голосам снизу.

Ага, бабуля вошла в гостиную, на Ваську ворчит, а это мама села на диван. Проверяет мой школьный дневник, жужжит сверло в мастерской отца, и тут резкий, как вскрик, звук. Он нередок в нашем доме, но тогда, в то утро на чердаке, услышав его, я вздрогнул. Впервые.

— Здра-а-а-встуйте, мои хорошие!

Тётя пришла мыться в баню.

Иногда она приходила раз в неделю, «попариться, банька всё ж лучше ванны», иногда раз в месяц.

Тётя Галя жила недалеко от нас (минут пятнадцать ходьбы), в двухэтажном доме, в двухкомнатной квартире с мужем-алкоголиком дядей Пашей и сыном Валентином, тогда он служил в армии в Германии. Тётя Галя — старшая сестра папы, она тоже жила в доме, пока не вышла замуж. Теперь приходит только в гости на дни рождения, да ещё попариться:

— Баня — лучшее лекарство, — говорит тётя Галя, — знала б, как жить буду, ни за что бы не променяла баню на замужество.

После водных процедур раскрасневшаяся, румяная тётя всегда пила чай с бабушкой на веранде. Иногда и я пил чай с ними.

— Побелить бы дом, мам, надо, да и в бане крыша течёт, что там, толь, что ли, прохудился?..

Бабушка соглашалась.

— Только все работают, вот в отпуска пойдут, тогда...

Цокала язычком недовольно тётя Галя и дула на горячий чай в блюдце.

— А внуки на что? — говорила. — Одна уехала, скоро и второй подрастёт и уедет, так ведь, Глеб?

Я молчал. Бабушка обнимала меня и отвечала:

— Нет, мой внучек меня не оставит, мы с Глебушкой ещё помидорчиков королевских две грядки посадим и ромашек вдоль забора. Да и кто виноградник поливать будет?

Я клялся. Не оставлю. Не брошу.

— Мы и дом побелим в розовый цвет, да же, баба?

Тётя цокала и громко дула на чай.

У нас была большая библиотека, ещё от прадеда.

Три стены полок до потолка, забитые книгами в два ряда.

Двадцать томов советской энциклопедии, собрания сочинений Ленина, Толстого, Есенина, Горького, Драйзера, Дюма, Конан Дойля, Жюль Верна... Сказки, фантастика, книги по кулинарии, курс молодого бойца, как вышивать крестиком, словари по английскому языку, немецкому, азербайджанскому...

Пробовал сосчитать все книги, сбился на тысяча двести десятой...

Дом похож на книгу. Книжки расскажут много о тех людях, которые их бережно хранят, спасая от пыли и забвения...

Я рано научился читать и понял, что с книжкой можно жить другой жизнью, не той, что за дверью. Понял и то, что рано или поздно, а придётся захлопнуть книгу (не всегда дочитав до конца) и открыть дверь. Сделать шаг в жизнь.

Война между двумя народами, двумя национальностями за клочок земли перевернула всё с ног на голову. Соседи — враги, близкие — далёкие... Тогда в двенадцать я впервые узнал, что означает бежать. И что это такое быть беженцем.

Мы не оставили пустым дом, не оставили сад. Бабуля. Она осталась.

— Куда мне бежать, здесь лежат мои родители, мой дед, сыночек мой, сватья Дуня, подруги... Мои могилки будут звать меня. Не поеду. Останусь. Буду ждать, когда кто возвратится. Дом ведь не может быть один, без присмотра. Затоскует и...

Осталась ещё тётя Галя с мужем-алкашом и безработным сыном. Она не хотела оставлять двухкомнатную благоустроенную квартиру, да и ехать ей было не к кому.

Мы же уехали, бежали. Оставили всё и уехали.

Мама боялась за меня, я в классе остался один русскоязычный, папа мог попасть (и наверняка попал бы) под всеобщую мобилизацию мужчин до сорока пяти лет...

С домом не прощались. Я был уверен, что переезжаем ненадолго, что вернёмся. Бабуля плакала, тётя тоже, дядя Паша выпил разведённого спирта за мягкую посадку...

Россия встретила гостей не по-матерински. Получить статус беженцев нам не удалось. Вынужденные переселенцы — вот кем мы стали. Русские русским не нужны, так же, как и мы им — нашим гонителям. Человек — человеку...

Так и жили на съёмных квартирах, в общагах с одной только мыслью о возвращении. По крайней мере, этого жаждал я. Возвращения.

Год и ещё год. И вот у мамы уже постоянная, высокооплачиваемая работа, которой она довольна. Вот и папа больше не живёт с нами, а с какой-то женщиной в соседней деревне. Вот и я учусь на втором курсе гуманитарного лицея, у меня куча друзей, подруга, новое увлечение — театр...

С домом обмениваемся редкими, скучными письмами. Письма идут долго из одного края земли в другой. Бывает, забываешь, о чём писал...

Бабушка пишет мало, видит плохо, накарябает пару строк, промокнёт их своими слезами, дописывает тётя Галя. Пишет, как разваливается дом, как чахнет сад. Как все они нас, хоть кого, ждут.

Я обещаю приехать, переехать. Вернуться домой.

«Тут больше нет гонений, нас никто не трогает, — пишет бабуля, — жизнь обустроивается. Президент хороший. Приехал бы, внучек, а то на кого дом-то... Сестра твоя далеко, тётя Галя тоже не молодая, не справится. Приехал бы, родимый. А то ведь пропадёт дом наш... Я совсем плохо ходить стала, глазки не видят. И пишу потому так, ты уж прости свою бабку...»

Читал письма, тихо плакал. Про себя. Укрывшись в ванной. Я хотел, честно, хотел уехать. Домой. Но как мама? Как учёба? И сестра из-за границы пишет, что собирается, да всё никак не соберётся. То одно, то другое...

Так и прошло пять лет.

Письма из дома перестали приходить с полгода назад. Пробовал звонить тётке — тишина.

Разговаривал с сестрой, она тоже дозвониться не может.

И, как всегда бывает в этой жизни, а жизнь резка на повороты (раз — и...) — телеграмма: «Дом продала. Деньги поделила. Вышло. Бабуля живёт у меня. Купила сотовый. Звоните теперь на номер...»

Долго не мог понять. Поверить. «Дом продала». Вот так вот просто. Раз и...

«Деньги поделила». Какие могут быть деньги, если дом бесценен?! «Вышло»...

У слёз своя природа, порой они тебе не подвластны. Живут своей жизнью — другой, не твоей. Текут. Текут...

Я услышал крик. Внутри себя. Живой. Человеческий. Крик. И зажал голову руками. Показалось, я задремал на мгновение, и в это мгновение увидел, как гусеницы бульдозера превратили дом в пыль. Крик. Кричал я. Вместе с домом. Кричал.

Стараясь перекричать рёв бульдозеров, крошащих, рушащих...

«Дом продала».

Горели мои пластмассовые самолёты, тот, что на водных подушках, пытался спастись, вырваться из пламени, дыма и пыли — не смог, его задавило куском кирпича. Разбивались мамины вазочки и посуда. Разлетались вдребезги стёкла, статуэтки, картины, книги, детство...

Проснулся мокрым от пота. Дрожал. Утро серое палилось в окно. Депрессия. Закурил, никогда себе этого не позволяя в комнате. Сел на край дивана.

Бабуля плакала в трубку, с тёткой говорить отказался.

— Неужели нельзя было что-то придумать, сообщить хоть как-нибудь. Это ведь наш дом...

Бабуля плакала.

Знаю, всё решила тётя Галя. Любимая и дорогая.

«Сколько можно было вас ждать! И так пять лет ждали! Дом берегли как могли! Да разве бабушкиной пенсии хватит содержать дом, ухаживать за садом?! Она уже не молодая, восьмой десяток разменяла! И у меня сын больной, муж!.. А вы поразъехали все кто куда, и не знай, приедете не приедете?! Нужен вам ещё старый дом или не нужен?! Вот я и решила... Баню жалко, конечно, было до слёз, теперь в общественную приходится ходить...»

Дома больше нет. Детство осталось там, под завалами разрушенного гнезда. Детство, а значит, и вечность. Знаете ведь, что такое детство? Это время, не подвластное смерти...

Видите, как легко, оказывается, убить вечность.

Да, а знаете, сколько стоит вечность?

200 долларов США — именно столько, по расчетам тётки, «деньги поделила», их получил я.

«И продала-то за копейки, выхода не было, да и кому эта развалюха нужна, сейчас там трехэтажный коттедж...»

Бабушка умерла через месяц после продажи дома. Не пережила. Ушла следом. Как же теперь жить нам?.. Без прошлого?.. Без вечности?..

Я летел на девять дней бабули, в салоне самолёта было душно. Смотрел, как мелькают бело-голубые полосы за стеклом иллюминатора, и думал, как же я посмотрю в глаза тётке? (Только в детстве нет места предательству.) Как заговорю? (Когда всё давно сказано и сделано!) Что скажу на прощанье? (Прощаясь навсегда.)

И вдруг вспомнил, как давным-давно, в выходной день, вся семья собралась за ужином в гостиной (и дедушка наверняка был с нами). Отмечали день рождения тёти Гали (по-моему, юбилей), когда меня попросили что-нибудь пожелать тёте, я, не задумываясь, выпалил:

— Дорогая тётя, желаю счастья, здоровья, долгих лет жизни и... (тут я приздумался ненадолго) и Царствия Небесного!

В гостиной стало тихо. Тётя кашлянула в салфетку.

Первым засмеялся дядя Паша, потом я...

— Вот так тост, — сказала сквозь улыбку тётя, — век не забуду.

Век подходил к концу.

Раз и...

Самолёт заходил на посадку.

Скрижали истории

210-летие со дня рождения генерал-губернатора
Восточной Сибири, графа Н.Н. Муравьёва-Амурского

ГРИГОРИЙ ЛАЗАРЕВ

Великий сын России

Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов: то никогда не забудет тебя наша Православная Церковь.

*Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский,
апостол Сибири и Аляски*

(из письма графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому)

Николай Николаевич Муравьёв-Амурский — 11 (23 по старому стилю) августа 1809 — 18 (30 по старому стилю) ноября 1881 — российский государственный деятель, его императорского величества государя императора и самодержца всея России Александра Николаевича генерал-адъютант, Енисейский губернатор и генерал-губернатор Восточной Сибири (1847–1861), одиннадцати высших российских орденов кавалер, граф.

Муравьёв-Амурский, при жизни величаемый Петром Великим Восточной Сибири, — отец родной служивому люду, кропкому, совестливому, мудрому, положившему судьбу на алтарь Отечества, Небесного и земного; но гордецам, сребролюбцам, мздоимцам, казнокрадам, льстецам, хитрецам и ленивцам — сибирский деспот, подобие царя Иоанна Грозного.

Иоанн Грозный создал государство Российское, а Муравьёв-Амурский без единого выстрела, путем мудрёных переговоров с Дайцинской державой прирастил к России Дальний Восток с Амуром и выходом в Тихий океан. Истинно, по завету Ломоносова: «Российское могущество будет прирастать Сибирью...», а Дальний Восток о ту пору входил в Восточно-Сибирскую губернию.

И до восточно-сибирского губернаторства Николай Муравьёв уже обрёл в России добрую славу. «...Был губернатором в Туле, воевал на Кавказе, дока в поли-

цейских делах и просил при этом освобождения крестьян... представил на высочайшее имя записку о способах покорения горцев... Принял меры по сохранению лесов, предлагал разработку каменных углей в качестве топлива вместо дров...» — писал известный советский романист Николай Задорнов.

Военачальник, государственный деятель, кавалер одиннадцати высших орденов государства Российского, в девятнадцать лет — блестящий офицер, что доблестно сражался в Русско-турецкой и кавказской войнах; в тридцать два года — генерал-майор; в тридцать семь — военный и гражданский губернатор Тульской губернии, где хлопочет перед царём о свободе крепостных крестьян; в тридцать восемь — генерал-губернатор сибирских земель, благодаря коему Российская империя приросла Дальним Востоком.

Гуляя по ангарской набережной, пристально вглядываюсь в Белый дом — архитектурное произведение в стиле классицизма, задуманное на берегах Невы и, по преданию, с помощью архитектора Джакомо Кваренги, который проектировал здание Смольного института в Санкт-Петербурге. Любуюсь белоснежным особняком купцов Сибиряковых, воистину вельможным, генерал-губернаторским, где долго помещалась Фундаментальная библиотека Иркутского государственного университета, проходя по высоким залам, где в юности писал экзаменационное сочинение, потом читал древнерусские летописи и, отвлекаясь от ветхих рукописей, дивился: из сих апартаментов граф Николай Муравьёв правил губернией, вмещающей европейские царства-государства!

Назначение Муравьёва генерал-губернатором Восточной Сибири породило светские пересуды и даже зависть: «Тридцать восемь лет, а ему дали полцарства — от Оби до Тихого океана!» По преданию, в избе старосты села Сергиевское император предложил Муравьёву налить две рюмки водки и, подняв свою, произнёс: «Поздравляю тебя, генерал! Отныне ты — губернатор Восточной Сибири. Край громадный, забот там непочатый край...»

Перед отъездом в Иркутск Муравьёв внушал царю: «Амур должен стать стратегическим каналом для защиты Дальнего Востока».

Сурово, но праведно властвовал губернатор Муравьёв... Нагоняя страх на лихоимцев и мздоимцев, поминая казнённого декабриста Муравьёва-Апостола, «сибирский деспот» пригрозил: «Я не из тех Муравьёвых, которых вешали. В случае чего, сам буду вешать!» И затеял борьбу против махинаций золотопромышленников; а борьба была опасна — преступная цепочка вела в Петербург. Рискованно было браниться и с откупками — шею свернут, ибо злоупотребления вошли в плоть и кровь лукавых дельцов, обывкших покрывать воровство щедрыми взятками. Но «деспот»... не из робкого десятка... взятки не брал и чиновников, заподозренных во взятках, жестоко карал. Отказавшись от «благ», коими не брезговали предшественники, Муравьёв служил от темна до темна, а жил просто: выпив чаю с ромом и закусив сухарем, гулял по Иркутску в простой шинели, без охраны, навещал присутственные места, рынки и магазины, беседовал с купцами.

Среди иркутских купцов чтит боголюбцов и благодетелей, радением коих звонили колокола в спасительных храмах и жили не тужили странноприимные, сиропитательные дома, рос и хорошел град Иркутский. Но, увы, увы, случается, в русской душе разом уживаются и благочестивец, и нечестивец, спасаемый покаянием.

Един Бог без греха, и украшать святым нимбом голову царского вельможи грешно — и гневлив бывал, и жесток в наказаниях, и, тем не менее, доброже-

латели Муравьёва говаривали: мол, сей государев муж... стоит целого Комитета министров; воистину Пётр Великий Восточной Сибири; но царь Пётр ...по мне так и не великий... был самодержец, сам себе голова, Муравьёв же четырнадцать лет жил и служил меж молотом и наковальней: из Петербурга — суровые указы, в Иркутске — ярое сопротивление купцов-лихоимцев и чиновников-мздоимцев. Без малого пятнадцать лет восточно-сибирский губернатор воевал с расхитителями казны; по вверенному его попечению краю прокатилась волна судебных разбирательств по делам лихих золотопромышленников. Муравьёв воздвиг заслон утечке намытого золота в Китай, и ратовал за создание единой государственной золотодобывающей компании, что обозлило не токмо иркутских чиновников, но и столичных сановников, привыкших к «сибирской мзде». Предание военному суду, заключение в острог, запрещение вести торговлю, негласный полицейский надзор испытали на своей шкуре мироеды, подобные купцам Кандинским, у коих в должниках-рабах ходило пол-Сибири.

Добрая молва шла о *грозном* губернаторе: Николай Николаевич Муравьёв «всегда и во всем стоит за бедного и слабого против сильного». В муравьёвскую эпоху процветал град Иркутский: родился Сибирский отдел Императорского Русского географического общества — подлинный научный центр Сибири; открылись театры, газеты, школы, где «маленьких ребятишек всех без исключения стали учить грамоте». Публичные лекции, воскресные школы, литературные вечера, приглашение артистов из Центральной России — всё сие, не виданное ранее, происходило попечением губернатора. Стоял Муравьёв и у истоков либеральной сибирской печати, от которой в будущем изрядно пострадал.

Муравьёв искал товарищей с имперскими замыслами, воплощение коих — рассвет земли Сибирской; и когда флотский офицер Геннадий Невельской поразмыслил об исследовании устья Амура, дабы завладеть амурским лиманом и открыть России ворота в Тихий океан, Николай Николаевич радостно согласился и вообразил, какую мощь обретёт Царство Русское, овладев сухоходным Амуром, освоив и обжив Дальний Восток. Губернатор пишет царю челобитную: *«Время не ждет, Ваше Величество! Иностранные державы могут опередить нас: Россия должна восстановить свое присутствие на Дальнем Востоке»*.

Всесветно славленный землепроходец Ерофей Хабаров с казаками в 1649–1653 годах ходил в Приамурье и составил «чертеж реке Амуру». Ватага хабаровских казаков основала острожную крепость Албазин, но, обнаружив в Приамурье оседлых русских, и маньчжуры позарились на вольные земли. Долго герои-казаки обороняли Албазин, но, не получив подкрепления, не могли одолеть маньчжур, во много крат превосходящих числом. После затяжных переговоров русские ушли из Приамурья, а маньчжуры на радостях смели с лица дальневосточной земли крепость Албазин.

По Нерчинскому трактату 1689 года русским воспрещалось плавать по Амуру. Пользуясь отсутствием в Охотском море российского флота, англичане и французы наводнили его своими судами, добывая рыбу, котиков, китов, сбывая в Китае наркотики, отчего Поднебесную захлестнула адская наркомания.

Через двести лет, благодаря губернатору Муравьёву, Россия и Китай изменили условия Нерчинского трактата и в 1858 году подписали судьбоносный для Российской империи Айгунский договор, закрепивший восточные рубежи России, даровавший земель в 600 000 квадратных километров. Отныне и довеку Амур и Приамурье, Приморье с прибрежными водами, вкуче с частями Якутии, Читинской и Магаданской областей стали русскими.

В народе говаривали: глаза завидуши, руки загребуши — се про Европу речено. Николай Муравьёв вырвал Приамурье и Приморье из рук лукавой Британии, похотливой Франции и разбойной Америки, что алчно взирали на богатые дальневосточные земли; сибирский губернатор оказался быстрее и мощнее «британского льва». Не к ночи будут помянуты, европейские страны, особо *туманный* Альбион, морским путём ввозили в Китай наркотики, и китайцев охватило наркотическое безумие; а когда богдыхан Дайцинской империи затеял борьбу с наркоманией, Европа пригрозила вторжением в Китай и свержением императора. Посему горемычный правитель, чтобы спрятаться за спиной России, вынужден был подписать невыгодный для его империи Ойгунский договор.

«Главной мыслию нашего правительства, — убеждал Муравьёв пекинское правительство, — есть сохранение мира для обоюдных польз двух великих соседственных держав Дайцинской и Российской на вечные времена». За безжертвенное обретение государством Российским земель Амурского края государь Александр II пожаловал Николаю Муравьёву титул графа Российской Империи и почётное прибавление к фамилии — *Амурский*.

Обретение Приамурья свершилось благодаря походам служивого люда под командой адмирала флота Геннадия Ивановича Невельского с целью изучения военного укрепления устья Амура и проведения сплавов по великой восточной реке. «Сделанные Невельским открытия, — писал Николай Муравьёв, — неопределимы для России*. Это заставляет нас безотлагательно приступить к занятию устья Амура, или оно с юга должно быть занято другими». Завладев амурским лиманом, Россия, словно великий русский корабль, вышла в Тихий океан.

Тремя сплавами** руководил сам Муравьёв-Амурский: подыскивал выносливых и сноровистых сплавщиков, налаживал дружную и чёткую работу, всё решал быстро, без ненавистной ему чиновничьей волокиты. По воспоминаниям очевидцев, генерал-губернатор дивил служивый и работный люд братолюбием, добротой, праведным судом с прощением либо праведом, а трудолюбием и выносливостью обладал воистину под стать казакам-первопроходцам. Сибирские крестьяне, забайкальские, амурские казаки сложили легенды о простонародности сибирского губернатора. «Каждый день генерал вставал чуть свет... Ложился спать позже всех... Носил серую армейскую суконную шинель... Ел солдатские щи и кашу с ржаными сухарями... Не терпел почестей. Всегда замечал и благодарил всех за исправную службу, отстраняя нерадивых и нечестных чиновников. <...> Все Забайкалье ожило. Всем нашлась работа и служба; жизнь совершенно изменилась», — с земным поклоном, письменно поминал «сибирского деспота» амурский казак Кирик Богданов, служивший при генерал-губернаторе.

В ходе освоения Приамурья и Приморья русские воздвигли крепости — грядущие города-форпосты России на Дальнем Востоке: Благовещенск, Хабаровск, Владивосток. Его сиятельство граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский не только возвратил России Приамурье и Приморье, но и потрудился над заселением и освоением восточных земель пашенным крестьянством, коим ещё до отмены крепостного права самочинно посулил вольную волю. В проекте правил для пере-

---

*Не случайно в будущем родилась идея создать в Хабаровске скульптурную композицию, как в Москве Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому: посадить графа Николая Муравьёва-Амурского, а рядом поставить адмирала Геннадия Невельского, чем и уравнять их великие заслуги в русском обретении Приамурья.

**Слав — переселение, движение народа на вольные земли, чтобы занять и освоить их. И не гряда брёвен — флотилия из пароходов, баржей, плотов, вместительных лодок вытянулась по реке на несколько вёрст и волокла переселенцев, скарб, строительные материалы, домашний скот, зерно для посева, муку.

селения в Амурский край требовал, чтобы «зашедшие в эти области крепостные люди становились свободными». В Петербурге всполошились придворные сановники, воспротивились своеволию сибирского губернатора, но тому всё же удалось освободить от крепостного ярма двенадцать тысяч горнозаводских крестьян Забайкалья. Но ещё будучи губернатором Тульской губернии, принародно ратовал за освобождении крестьян от рабства, создал проект освобождения сельского люда, где утверждал: «крепостное состояние, постыдное и унижительное для человечества, не должно существовать в России, ставшей в один рад с европейскими государствами...» Царь Николай I, ознакомившись с идеями молодого тульского губернатора, подивился: «Не боится... Экий он либерал и демократ».

* * *

Время его губернаторства летописцы величали «муравьевской эрой», «муравьевским веком на Амуре». «Небольшого роста, нервный, подвижный, — писал о Муравьеве русский классический писатель Иван Гончаров, — ни усталого взгляда, ни вялого движения... Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями!» Воистину, и обличкой, и привычкой — вылитый Суворов.

Николай Муравьев-Амурский изрядно потрудился и на ниве утверждения православного христианства в землях восточно-сибирских, будучи сподвижником святителя Иннокентия, апостола Сибири и Аляски, митрополита Московского и Коломенского. Не случайно святой Иннокентий, оберегая товарища от грешного унынья, писал Николаю Николаевичу: «Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов: то никогда не забудет тебя наша Православная Церковь».

Деятельность православного миссионера, грядущего святителя Иннокентия Московского, высоко оценивал академик А.П. Окладников, даже, очевидно, по безбожным временам будучи далёким от Церкви: «Было бы несправедливо, говоря о Вениаминове, умолчать об его участии в освоении Амура и Приморья в 50-е гг. XIX в., об этом огромном по своему историческому значению мероприятии, в результате которого была восстановлена историческая справедливость... Он являлся одним из ближайших сподвижников Н.Н. Муравьева-Амурского и Г.И. Невельского в этом государственном важном деле... Вениаминов не только остро чувствовал политическую ситуацию того времени, когда уже шла ожесточенная борьба капиталистических держав на Дальнем Востоке, но и смотрел далеко вперед». Архиепископ Иннокентий писал: «Лишь только мы оставим Амур, то или американцы, или англичане немедленно завладеют, и уж не будут так вежливы с соседями нашими: они как раз и покажут место за горами (лежащими вдалеке от берегов Амура)».

В 1856 году граф Муравьев-Амурский почуял, что взошедший на трон император Александр II в отличие от Николая I не вполне доверяет ему, и задумал подать в отставку. Не поколебали его намерения даже и рескрипты Его Величества и великого князя Константина Николаевича. В большом письме император Александр II, отдыхавший в Палермо, убеждал Муравьева-Амурского оставаться на генерал-губернаторском посту, ибо «было бы истинным несчастьем для Восточной Сибири, и я весьма прошу вас, для пользы России и собственной вашей славы, отбросить всякую мысль о возможности оставить Сибирь». А великий князь,

проводивший время в Ницце, обратился к Николаю Николаевичу с просьбой: «Оставайтесь в Амурском крае, любезный граф, как можно долее, и да укрепит вас Провидение на новые подвиги, хотя бы сопряженные с новой борьбой. На вас смотрит и Европа, и Америка, и все истинные русские люди признательны вам». Вторую челобитную Муравьева-Амурского об отставке царь подписал, и в начале 1861 года Николай Николаевич покинул Восточную Сибирь. И упокоил Господь душу усопшего раба Божиего Николая в Париже на монмартрском погосте...

* * *

После смерти Муравьева графа Амурского его великие заслуги перед Отечеством либеральные «властители дум» предали забвению — скорбел о крепостной крестьянской доле, ратовал о мужичьей воле и слишком круто расправлялся с чиновным ворьём и купеческим жульём, что строчили челобитные вельможным покровителям. Верно, жалует царь, да не жалует псарь...

Николай Николаевич писал брату: «Бог не дал мне возможности заслужить внимание моих современников, и я не рассчитываю на внимание потомков. Слава Богу, что меня не называют изменником...»

Действительный член Императорского общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, член-корреспондент Императорского общества Любителей Древней Письменности Иван Барсуков создал двухтомный исторический труд «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский», впервые напечатанный в 1891 году в Москве в Синодальной типографии. Вершат сочинение слова Ивана Барсукова: «Скажем одно: всякий беспристрастный читатель сумеет оценить по достоинству Муравьева, а праведный суд истории произнесет над ним окончательный приговор свой».

Не благодаря, а вопреки забывчивой царской власти, вопреки обиженным купцам и чиновникам, памятливые потомки всё же увековечили образ русского героя; на исходе девятнадцатого столетия на Амурском утёсе города Хабаровска, который хабаровчане о ту пору величали Муравьевским, взметнулся памятник генерал-губернатору Восточной Сибири — произведение знаменитого скульптора А.М. Опекушина, — торжественно открытый во время посещения Хабаровска наследником Российского престола, будущим императором Николаем II. Напомним потомкам: деньги на сей монумент собирали всем миром; в конкурсе участвовали всемирно знаменитые русские скульпторы Опекушин, Микешин, Антокольский, где Опекушин и победил.

А Иркутск расщедрился лишь на барельеф всесветно славленному иркутскому губернатору, что смутно виден на постаменте памятника Александру III, а ведь иркутяне уже и на исходе девятнадцатого века могли бы удостоить русского героя величественной скульптурой, помятуя о его праведных деяниях во славу Восточной Сибири и губернского града Иркутского.

* * *

В октябре 1891 года известный общественный деятель Приамурья Михаил Иванович Венюков совестил хабаровчан: «Господа! Вы можете исходить все Монмартрское кладбище и не найти там могилы Муравьева... Так знайте, что у великого русского человека, умершего в чужой земле, и могила чужая, а своей

нет! Чтобы найти ее, придется вам остановиться перед скромной, хотя и толстой, надгробной плитой семейства Ришмон, порыться в металлических венках, ее прикрывающих, и найти в одном углу неразделенного камня французскую надпись: «Николай Муравьев граф Амурский».

Пристыженные дальневосточники вознамерились перенести прах иркутского губернатора на родину и предать владивостокской земле, но помешала Русско-японская война. В 1908 году попечением купцов, заботами и хлопотами чиновников из Хабаровска, Владивостока и Никольск-Уссурийского останки графа Амурского были перенесены в отдельную могилу на том же парижском кладбище, и на серебряном венке, украшающем каменное надгробие, высекли поклонные слова: «Города Приморской области: Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский — графу Муравьеву-Амурскому. 1858–1908».

Возлюбив Петра I, средневекового большевика, советская власть не поклонилась великому сыну России; Иркутск не увековечил память великого соотечественника даже памятной доской на Белом доме, откуда губернаторы правили Восточной Сибирью. Я, правда, по темноте своей думал, что улица Амурская (потом Ленина) — в память о графе Муравьеве-Амурском, но увы, увы, современники величавого губернатора поименовали улицу Амурской в честь российского обретения и освоения Приморья и Приамурья с батюшкой Амуром. Да, благодаря служивому люду, казачеству и крестьянству свершилось имперское деяние, но лишь потому, что правил государевым кораблём мудрый кормчий, духовно окормляемый святителем Иннокентием, апостолом Сибири и Америки, митрополитом Московским, уроженцем, напомним, села Анги, что к северу от Иркутска. Без духовного и мирского пастыря народ — беспризорное стадо глупых и порочных овец, сломя голову скачущее в бездну. Хотя, думаю, добропамятливые потомки всё же сознавали: улица Амурская посвящена не токмо великому российскому деянию, но и великому её устроителю, его сиятельству графу Муравьеву-Амурскому. К сему триумфальная арка, именованная «Амурские ворота», все же посвящалась славному губернатору.

А за графской могилой, что сиротливо уместилась на французской земле, ухаживал член Собрания морских офицеров Н.П. Остелецкий, но по его кончине могила оказалась беспризорной — прямых потомков у Муравьева не осталось. Власти затеяли реконструкцию кладбища Монмартр, а посему в конце восьмидесятых повысилась аренда кладбищенской земли. Потомки де Ришмон отказались платить за землю, где упокоился граф, о чём, слава Богу, и оповестили посольство Советского Союза.

Советский атташе не подмахнул долгосрочный договор аренды, и неоплаченная могила героя России могла исчезнуть с лица земли... О сем вывели в далёком Приморье, и 27 декабря 1990 года, после трёх лет переписки с российским посольством в Париже, с посольством Франции в Москве, прах Николая Николаевича Муравьева-Амурского и серебряный венок были доставлены с кладбища Монмартр во Владивосток. Саркофаг установили в Доме офицеров флота, где совершилась заупокойная литургия.

Очевидцы вспоминали: «Траурная процессия заполнила главную улицу Владивостока. Саркофаг с прахом генерал-губернатора был установлен на лафете гаубицы. У гроба в почётном карауле застыли военные моряки и казаки. Бронетранспортёр медленно тронулся. Город провожал Муравьева-Амурского к месту последнего упокоения. Казаки и военные моряки несли вслед за лафетом флаги —

России и Андреевский. Великому гражданину России воздавались самые высокие воинские почести... Всё было торжественно и печально, было море цветов и венков...» О том, чтобы прах Муравьёва-Амурского предать земле в городе Владивостоке, им основанном, русские помышляли в конце XIX века и в начале XX, но лишь на исходе минувшего века помысел... или промысл Божий... сбылся: прах героя под грохот корабельных батарей Тихоокеанского флота был предан земле на высоком яру, где взору открывается бухта Золотой Рог.

Выше уже упомянуто, что на закате девятнадцатого столетия на Амурском... в народе, Муравьёвском... утесе явился хабаровчанам величавый памятник генерал-губернатору Восточной Сибири в исполнении талантливого скульптора Александра Опекушина, празднично открытый во дни посещения Хабаровска будущим царем Николаем II. Но недолго восхищал хабаровчан дивный памятник: рухнула православно-самодержавная власть, изъеденная революционной саранчой, и от кровавых рук дьяволопоклонников обрёл мученический венец русский самодержец, помазанник Божий; а уж потом соратник Троцкого и Ленина, ярый большевик, мечтавший о мировой революции, житомирский еврей Яков Гамарник^{***}, в начале двадцатых годов возглавлявший Дальревком, приказал снести дивное произведение скульптурного искусства, исполненное в честь выдающегося государственно-го деятеля.

Вскоре и Хабаровск на амурском берегу воздвиг памятник основателю города Николаю Муравьёву-Амурскому, а потом и Благовещенск, и лишь Иркутск упорно не признает героя России, жившего в Иркутске, и не желает почтить его имя хотя бы скульптурой, что явилась бы взору на излучке улицы Ленина... жаль, что не Муравьёва-Амурского... где ныне каменный зверь-бабр богохульно и глумливо обернулся задранным хвостом на святыню православия Крестовоздвиженскую церковь. И не грех бы край центральной площади переименовать из «площади Сперанского», в «площадь Муравьёва-Амурского», ибо заслуги Сперанского перед Иркутском, да всей Россией, ничтожны в сравнении с великими деяниями Муравьёва-Амурского.

Уповают на сие иркутяне, радеющие о судьбе губернской столицы; им, словно в сонмище нечестивых, тягостно жить на улицах, в районах и предместьях, большевиками «повеличенных» в честь свирепых богоборцев, откровенных сатанистов, маньяков, ненавидящих Православной Царство Русское.

---

^{***}В 1920 году Яков Гамарник был направлен на Дальний Восток председателем Дальревкома. На Дальнем Востоке большевики были непопулярны: местное население деревнями и сёлами уходило в тайгу либо бежало в Китай. Под командованием Гамарника шёл «отлов» беглецов: в тайге проводились масштабные карательные экспедиции. Особенно преследовались старообрядцы, наотрез отказывавшиеся сотрудничать с советской властью. Гамарник санкционировал расстрелы на месте жителей «беглых» старообрядческих сёл. В конце двадцатых годов был назначен начальником Политуправления РККА, руководя связью между руководством Наркомата обороны и органами госбезопасности. Был в числе руководителей «операции Весна» по убиению военных специалистов царского времени. Яков Гамарник на пару с Тухачевским утверждал списки подлежащих аресту офицеров, коих погибло свыше трёх тысяч.

Вояж сибирского купца

Из путевых воспоминаний

Публикуемым ниже очерком из, казалось бы, недавнего прошлого нашего Отечества хотелось бы напомнить современным читателям журнала «Сибирь» о русском писателе Михаиле Ивановиче Орфанове (1848–1884), произведениями которого зачитывались искатели приключений XIX века. И не только они.

Имя Орфанова было хорошо известно читающей России того времени. Рассказы и очерки писателя из сибирской жизни печатали известные российские журналы и газеты: «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Забайкальские областные ведомости». Его перу принадлежат произведения «Нечто о тюрьмах в Сибири», «Сибирские колонизаторы», «Вояж сибирского купца», «Из писем каторжного», «Из сибирской службы», жанр которых можно определить скорее условно, чего в них больше — рассказа или очерка, решит сам читатель.

В 1983 году в Москве вышла книга М. Орфанова «В дали. Из прошлого. Рассказы из вольной и невольной жизни». В неё вошли рассказы и очерки, впервые увидевшие свет на страницах российских газет и журналов. Она состоит из двух частей: «Жизнь и служба в Восточной Сибири», «Тюрьма и каторга».

В первую часть вошли рассказы и очерки: «Уголок Забайкалья», «Тунка», «Иркутск», «Приисковые рабочие», «У «семейских» и в Кяхте», «Сибирский «земец», «Первая командировка», «В тайге», «Чужое имя», «В захолустье». Во второй части опубликованы рассказы и очерки: «Тюрьмы и этапы», «Не наши», «Сменился!», «Пасха в остроге», «Из дневника бывалого человека».

Литературная критика отмечала, что рассказы и очерки М. Орфанова зачастую носят автобиографический характер. И тем не менее, со страниц его произведений предстал неизвестный мир «кандалной» Сибири, её социальные контрасты, типы чиновников, арестантов, тюремные нравы и порядки. Отмечая «действительность жизни» и правдивость очерков писателя, богатство фактического материала и наблюдений, читатели проникались сочувствием к несчастным и обездоленным. Критики называли Орфанова «талантливым бытописателем страны изгнания и ссылки».

Дорога к читателям рассказов и очерков Орфанова была не из лёгких: приходилось пробиваться через цензурные рогатки. Книга Орфанова «В дали», изданная по разрешению цензурного комитета Москвы, позднее была внесена в список изданий, запрещённых для публичных библиотек и общественных читален.

Жизнь Орфанова была насыщена встречами, событиями. Он редко оставался наедине с собой. В его окружении можно встретить губернаторов, издателей, редакторов, писателей, литературных критиков, историков, юристов, промышленников, ссыльных и каторжан. О нём оставили воспоминания В. Гиляровский, С. Максимов, Е. Некрасова, А. Пытин, Н. Свешников, А. Чехов, Н. Ядринцев, Д. Языков...

Чехов писал: «Вся семья Орфановых прекрасна». И было отчего восхищаться известному русскому писателю.

Михаил Иванович Орфанов происходил из дворянской семьи. Его отец, Иван Иванович Орфанов (1810–1876), — известный в России врач. Прошёл путь от лекаря на Кавказе, в Ольгинском военном временном госпитале, до столоначальника Медицинского департамента в Петербурге и члена Медицинского Совета России. На Кавказских Минеральных Водах оставил о себе добрую память: был старшим ординатором в Пятигорском военном госпитале секретарём комиссии при Кавказских Минеральных Водах, первым Главным врачом Эссендукских минеральных вод, опубликовал статью «Взгляд на Кавказские минеральные воды в настоящем их состоянии» («Ставропольские губернские Ведомости», 1852 г., № 35; «Библ. Военно-медицинского журнала», 1854 г., ч. 63), первым заговорил в печати о необходимости превратить Кавказские Минеральные Воды в курорт европейского уровня. За «беспорочную службу» Орфанов был награждён орденами Св. Станислава III степени и Св. Анны III степени.

Мать писателя София Михайловна Гагель (1825–?), дочь провизора Ставропольского военного госпиталя титулярного советника Михаила Александровича Гагеля. Она была младше Ивана Ивановича Орфанова на пятнадцать лет. В 1847 году вышла замуж за И.И. Орфанова. Всю свою жизнь София Михайловна посвятила семье, мужу, детям. В 1848 году у четы Орфановых родился сын Михаил. Кроме него, в семье было ещё двое детей: младшие сёстры Анна (1858–1936) и Софья (годы её жизни не установлены). Михаил и его сёстры получили домашнее образование. Поэтому, когда в 1865 году семья переехала в Петербург, он сдавал экстерном экзамены за курс гимназии. Это давало ему право поступить в университет. Для продолжения образования Михаил выбрал Московский университет. Но в апреле 1866 года его арестовали по подозрению к каракозовскому делу. Дмитрий Каракозов покушался на царя Александра II 4 апреля 1866 года. Не найдя улик, Михаила Орфанова, тем не менее, выслали из Москвы под надзор полиции по месту жительства родителей. В 1866 году он стал вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1869 году, не закончив курса университета, 21-летний Михаил Орфанов по настойчивому предложению отца отправился в Восточную Сибирь. Отцу писателя стало намного легче: он надеялся, что на государственной службе сын повзрослеет и расстанется с революционными иллюзиями.

Согласно архивным документам Государственного архива Читинской области Орфанов-младший с 12 марта 1869 года служил в Чите помощником столоначальника Забайкальского областного правления. По служебным делам он побывал в Иркутске, Верхоленском округе, Чите, Верхнеудинске, Баргузине, снова в Чите, Нерчинске... За восемь лет безупречной службы у Михаила Орфанова полтора десятка перемещений с должности на должность: стряпчий и секретарь полицейского управления, смотритель типографии и редактор официальной части «Забайкальских областных ведомостей», чиновник по особым поручениям при управлении Нерчинскими каторжными рудниками... Он оставался на службе в Восточной Сибири столь долго по собственной воле, без принуждения. Служба обогатила Орфанова знаниями самых разных сторон сибирской жизни, что впоследствии сыграло решающую роль в его художественном творчестве.

«Через его руки проходила масса дел... пред ним была судьба людей, их счастье и несчастье. Он хорошо сознавал свой долг, старался внести правду, чем-нибудь смягчить окружающие жёсткие отношения, но действительность была слишком сурова, обстановка слишком безотраднa, а жертвы... являлись пред ним тысячами», — писал исследователь жизни и творчества, критик Н.М. Ядринцев.

В 1876 году Михаил Орфанов вышел в отставку. И уехал из Сибири. Сначала жил в Петербурге. Занялся исключительно литературной работой, сотрудничал с московскими и петербургскими газетами и журналами. К тому его сёстры тоже жили в Северной столице. Анна Ивановна стала женой известного издателя, журналиста и писателя А.С. Суворина. Другая сестра, Софья Ивановна Мамышева, помогла вести дела в магазине «Нового времени».

В одном из писем прозаику и драматургу И.Л. Леонтьеву от 20 декабря 1888 года А.П. Чехов писал об Анне Ивановне Сувориной: «Из всех женщин, которых я знаю, это единственная, имеющая свой собственный, самостоятельный взгляд на вещи. Она урождённая Орфанова, сестра литератора Мишлы Орфанова, чудеснейшего человека».

Чехов не был знаком с Михаилом Орфановым. Его оценка Орфанова — это, скорее, результат впечатлений от рассказов Анны Ивановны и Софьи Ивановны о брате. Если жизнь сестёр была устроена, то его личная жизнь не складывалась: ни семьи, ни дома, ни работы.

Орфанов переехал из Петербурга в Москву с надеждой устроить свою жизнь по-новому. Но переезд в древнюю столицу России не принёс ему перемен. Характерно в этом отношении его письмо редактору журнала «Дело» В.П. Острогорскому. 10 мая 1884 года Михаил Иванович писал Виктору Петровичу: «Я приготовил рассказ из Сибирских воспоминаний в 1¼ л. для журнала «Рус. мысль». Он должен был быть помещён в майской книжке, но за наплывом материалов из «Отеч. записок» отложен до осени, хотя был не только принят, но даже набран. Нашему брату-бедняку далеко не всё равно, когда вещь поместится, и потому мне хотелось бы поместить её поскорей в другом месте, преимущественно в «Деле», так как получил приглашение от Станюковича работать у них».

Но в апреле 1884 года К.М. Станюкович был арестован, и Орфанов остался без работы. В том же 1884 году Михаил Иванович тяжело заболел. Друзья доставили писателя в Мариинскую больницу, где он скончался на тридцать шестом году жизни 4 сентября 1884 года, «Современные известия» сообщали, что Орфанов остался, «как и большинство писателей, без всяких средств».

Писателя похоронили на Ваганьковском кладбище, рядом с могилами других известных русских писателей А. Левитова и М. Воронова.

К сожалению, литературное наследие М. Орфанова — рассказы, очерки — сегодня практически не известны читателям. О них знают разве что специалисты — историки литературы, литературоведы, краеведы. Изредка о писателе вспоминают авторы краеведческих материалов.

Сибирские впечатления дали М.И. Орфанову богатый материал для создания оригинальных по содержанию рассказов и очерков. Один из них мы и предлагаем читателям.

Николай Блохин

В конце весны 185... года страшная распутица и вскрытие какой-то небольшой речки в Западной Сибири заставили меня сделать невольный привал на берегу этой речки, в прескверном станционном доме... Я сидел и скучал, когда увидел, что к станции подъехал щегольской «проходной» тарантас, как в Сибири называют собственные экипажи.

Из экипажа вышел приезжий — по-видимому, солидный купец; за ним вынесли всевозможные саквояжи, мешочки, погребки и корзинки, без которых не ездит ни один сибирский купец.

Станционный смотритель встретил его приветливо, как человека, очевидно, знакомого. Комната для приезжающих была одна, и мы скоро познакомились. На столе шумел самовар, подана была миска с пельменями, пряженники и всякая благодать. Видя мое одиночество, купец, по обычаю, пригласил меня в компанию, откупорив графинчик. Пар от пельменей, действительно, соблазнил меня, в виду того, что мои запасы давно истощились.

За столом и беседой время шло незаметно. Я вспомнил, что он вскользь заметил о тайге, я спросил его, не золотопромышленник ли он?

— Правда, я и забыл отрекомендоваться: Яков Борисович Уфимский, старинный «золотарь», — шутливо прибавил мой собеседник, — а вы, смею спросить?

Я назвал себя, а также и город, где постоянно живу. Как старый сибиряк, он, оказалось, знал почти всех моих знакомых; разговор оживился его рассказами о некоторых из них — людях, тогда еще мне мало знакомых. Большинство их, конечно, был чиновный люд. Разговор как-то зашел о сибирских порядках, и когда мне пришлось, в качестве свежего человека, выразить нечто вроде недоверия к возможности разных казусов, о которых шла речь, то он просто смеялся надо мной.

— Вы, батюшка, выходит, Сибири-то не знаете вовсе! Разве здесь есть что-нибудь невозможное для чиновника, раз только он хорош с начальством? Все, что хотите, сделает, ему все с рук сойдет, а над вами же и посмеется! Лет двадцать тому назад надо мной так подшутил один, сравнительно, ничтожный человек, что я потерял почти все свое состояние, да и жаловаться не мог. Мало того, это происшествие до сих пор служит нашим досужим сибирякам предлогом посмеяться над моей, якобы, простотой... Вот вам и шутка! — как-то озлобленно вздохнул он.

— Что же? Расскажите, если не лень, — попросил я его.

— Нет, извините, не могу; мне и вспомнить-то, так всего коробит! Словом, проживешь в Сибири — подобным вещам не будешь удивляться, а теперь пока позвольте подлить вам рому, — не правда ли, не дурно? Вы куда теперь едете? В N-кь?

На мой утвердительный ответ, он продолжал:

— Так повидаете Павла Васильевича Башилова, — кланяйтесь ему!

Только на другой день, после обеда, явилась возможность ехать дальше, и на третьей или четвёртой станции переезда я распростился с моим обязательным собеседником. По приезде в N-кь рассказываю я кому-то свои дорожные приключения, упомянул между прочим и о встрече с Уфимским, причем расхвалил его как приятнейшего, остроумного собеседника и радушного попутчика, готового поделиться в дороге всем.

— Человек он действительно умный, и поговорить с ним, как вы говорили, не спорю, может быть и приятно; но зато иметь с ним какое-нибудь дело — не дай Бог: это первоклассный мошенник и разбойник, шулер — всё, что хотите.

— Что вы? С такой патриархальной наружностью, с такой добротой — и чтобы был плут! Что-то не верится; к тому же он мне, между прочим, говорил, что лет двадцать тому назад его так поддело чиновничество, что он потерял почти всё состояние. Как это допустить, если уж он такой мошенник?

— А! Он и это рассказал вам?

— Нет, не рассказал, а только упомянул об этом. Что это правда, вы не знаете?

— Знаю и могу вам передать обстоятельно. Видите ли, как было это дело.

Уфимский — еврей и купец; главная цель его жизни — деньги. Вы, конечно, знаете, что в Сибири не пренебрегают средствами нажить их. Конечно, самое соблазнительное здесь — это золото. Много греха от него в Сибири; из-за него и людей убивают... Кроме добычи золота, существует еще покупка и продажа краденого золота. Дело это соблазнительное, около него ютятся русские и евреи. Некоторые из Т-х евреев, имея капиталы, пустились в рискованный промысел, надеясь на деньги и патриархальность местных чиновников. Уфимский, мальчишкой, попал как-то в Западную Сибирь, маклачил чем попало, и вскоре удалось ему устроиться не то писцом, не то лакеем на прииск. С этого момента определилась уже вся жизнь его и деятельность. Когда он после нескольких месяцев вернулся в город, у него уже было тыщонки три-четыре! Значит, уже уразумел приисковую механику и золота уже приобрел малую толику, которое и перепродал в городе с барышом 1000 процентов! С этих пор он посвятил себя скупке и перепродаже краденого, или, выражаясь по казенному, «хищнического» золота. Занятие этой торговлей чрезвычайно выгодно, и сравнить ее, по выгодности, можно только с фабрикацией фальшивых кредитных билетов, которая, как известно, составила не одно колоссальное состояние в России, особенно между мануфактуристами. Сходство этих профессий еще более увеличится, если вы вспомните, что как за одно дело, так и за другое, в случае изобличения виновных, — каторжные работы! Значит, велики же барыши, если трусливейший нард в мире чуть не поголовно и теперь торгует у нас «песочком»? Уфимский вел свои дела так, что в короткое время у него уже оказались и каменные дома в городе, и чуть не в трех городах лавки для замаскирования настоящего источника богатства — словом, обладал капиталом солидным. Тут я сделаю маленькое отступление, — приостановившись, обратился ко мне рассказчик, — надо вам сказать, что существует закон, по которому правительство, в виде награды, выдает по полтора рубля за золотник каждому, кто откроет хищническое золото, сколько бы его ни оказалось; таким образом, открыть золото — дело очень выгодное, и понятно, всякому полицейскому весьма любопытно бы совершить такой подвиг: ведь один пуд если найдет, то около шести тысяч получит, не мошенническим, а честным образом заработанных, да еще к награде представят! Отсюда и вытекает, что насколько легко приобретать от рабочих на месте, т. е. на приисках, золото, настолько же трудно его провести благополучно домой, так как во весь длинный путь приходится ежеминутно опасаться, что вот-вот грянет обыск, и тогда не только «прощай капитал», но еще в перспективе и каторга! Люди, занимающиеся провозом золота, почти наперечет известны полиции, но на обыск проезжающих члены полиции решаются редко, только в тех случаях, когда они заранее предуведомлены каким-нибудь лицом, пользующимся их полным доверием, что, мол, ловкость провозителей часто оставляет в дураках полицию, и на последнюю непременно поступает жалоба на неправильное задержание «человека, занимающего известное общественное положение (напр., купца 1-й гильдии), подозрение на которого в столь тяжком преступлении может принести громадный имущественный убыток, не говоря уже про нравственное страдание» и проч. Подобные жалобы крупных коммерсантов нередко влекут за собой удаление от должности наиболее ретивых «искателей золота», и этим только и объяснима та громадная торговля золотом, как процветает поныне в Сибири.

— Теперь возвращусь к Уфимскому, — продолжал рассказчик. — Он дошел до такого искусства и ловкости в провозе золота, что уже несколько лет, раза по два в год, ездил из Е-ка в Т-к под предлогом торговых дел, и несмотря на то, что все знали, зачем

он ездит, его не трогали, так как двое или трое смельчаков из земских заседателей слетели с мест, рискнув задержать его в дороге и не найдя при нем ни порошинки. Ведь золото, как очень тяжелый металл, требует весьма мало места, и потому его довольно легко спрятать. Одни предпочитают держать его при себе, в замшевых мешочках, чтоб иметь возможность, при первой опасности, бросить его незаметно в снег, а если дело бывает летом, что случается редко, то в траву, и таким образом рискуют потерять золото ради спасения собственной шкуры. Другие же по большей части идут на более тонкие штуки: заделывают его в экипаж; напр., выдалбливают в отводинах дуги или в передке пустоту, куда в бычачьем пузыре закладывают золото, да так искусно заделывают, что самый опытный глаз не заметит при внимательном обзоре ничего подозрительного. Закладывают его также в товарные ящики и бочонки, притом так, что какое дно ни выбей, — виден только товар, а в середине находится маленький выдвижной ящик, совершенно незаметно помещенный, с золотом. Словом сказать, в подобных хитростях Уфимский был неуловим. После неудачных попыток полиции поймать его, кончившихся, как я вам сказывал, очень печально для нее, он, поездив лет пять со всякими предосторожностями, мало помалу свыкся с мыслью о полной безопасности проезда и перестал выдумывать новые способы скрытия «песочку», а стал возить его прямо в чемодане, много в двух-трех, между бельем и платьем. Полицеймейстер в Е-ке был в те времена Иван Андреевич Лапенко, отличный малый, хохол, любивший хорошо выпить и поесть, и других угостить. Очевидно, что для этого нужны были деньги, и хоть он покойник теперь, а должен я вам доложить — умел из любого дела извлекать, так сказать, «кубический корень»! При всем том, весь город его любил, а в числе верных дружков его был и Уфимский, который, как приедет бывало из Т-ка, непременно привезет ему разных этаких петербургских и заграничных закусок, вина какого-нибудь нового, у нас невиданного, и проч. — словом, жили душа в душу. Покойник Иван Андреевич нет-нет, да под веселую руку и скажет шутя, Уфимскому: «Ох, брат, Яков! Ты все закусками да вином отбояриваешься от меня! Смотри, лучше плати мне годовых... ну, тысчонки полторы-две: поймаю — помяни моё слово, за все время получу!»

— Что вы, Иван Андреевич! Да за что вам и платить-то? Вы все на насчет золота думаете, что занимаюсь, а я, видит Бог, забыл, какое оно есть и на вид-то! У меня, слава Богу, сами видите, торговля немаленькая, какой мне расчет путаться с этим добром. А, впрочем, — улыбнулся Уфимский, — попробуйте: авось вы и счастливее будете прежних...

— Ну вот, стану я, Яша, возиться с этим! Это я так: думаю, не положишь ли чего в года-то!

И они с добродушным смехом чокались и выпивали стаканчик «портецу аглицкого Лякоку». Надо вам сказать, что Уфимский в то время имел уже и прииска в северной тайге*, которые сами по себе, кроме убытку, ничего ему не приносили; но от них был большой доход вследствие близости богатых приисков, так как эта близость давала возможность рабочим других приисков сбывать все краденое золото Уфимскому, который и показывал его в книгах как добытое на своих. Это золото, конечно, не подлежит преследованию; правительство каждому золотопромышленнику или доверенному его, везущему золото для сплава в Барнаул (теперь и в Иркутске есть золотоплавильня), дает в конвой казака с казенной подорожной, а то и двух. Но Уфимский не довольствовался этим золотом, он накопал его дале-

---

*Енисейская губерния, относительно золотопромышленности, разделена на две части: северную и южную тайги. Первая, еще недавно, давала массу золота, и приисков в ней было очень много.

ко более того, что значилось в книгах, и вот этот-то излишек и мог, в случае его открытия кем-либо, отправить на каторгу нашего контрабандиста.

Иван Андреевич, покойник, знал это, да не знал, как он его провозит: сам ли лично, через знакомых ли евреев, или же с транспортом товаров, — и долго не решался «задеть друга за живое место». Однажды был большой обед у Якова Борисовича; давался он по случаю отъезда его в тот же день к себе в Т-к. Почетным гостем был, конечно, Иван Андреевич, который всегда в подобных случаях ел, пил и говорил за четверых. Дело было зимой, перед самыми сумерками. Превосходная зимняя полукрытая кибитка Уфимского, запряженная лихою тройкой, сплошь увешанная «бубенцами», стояла уже давно на дворе. Но господа что-то долго не выходили из комнат. Там в это время произошла любопытная сцена между Иваном Андреевичем и Яковом Борисовичем, уже одетым в дорожную якутскую доху на песцовом подкладе.

— Подожди, Яша, поди-ка сюда ко мне на минуту, у меня есть до тебя два слова перед отъездом, — шепнул Иван Андреевич Уфимскому и, ухватив его полегоньку за рукав, подвел к окну, откуда была видна готовая тройка. — Смотри, брат, как бы тебе не влопаться (т. е. попасть в беду. — *Н.Б.*). В полицейском управлении сегодня получена бумага от горного исправника, что ты везешь с собой золото; поэтому, сердись не сердись, а обыскать тебя и твой экипаж я должен. Я не хотел публично скандал делать, потому и молчал, а больше, брат, не мог! Да и сделать, брат, ничего не могу: видишь, не только кругом кибитки, но и на дворе стоит полиция? Если есть грех — лучше покайся! Авось, как-нибудь сойдемся, — не первый год, говорят, знакомы; как-нибудь и вывернемся!

А сам треплет помертвевшего Уфимского по спине, ласково заглядывая ему в глаза. Тот взглянул на двор и сразу увидел, что извернуться нет возможности: кругом кибитки помещены казаки, с двумя квартальными во главе; у ворот, на задворках, тоже прохаживается стража. Спуститься к экипажу, начать самому показывать все свои вещи и при этом незаметно выкинуть все золото, как не раз удавалось, — теперь невозможно, потому что кругом полиция, да и золота много: около 6-ти пудов!

— Иван Андреевич, не губи меня! Ведь ты хлеб-соль мою ел, жили мы с тобой, как братья! Не разори вконец. Устрой как-нибудь: я тебе сейчас красненькую тысячу дам!

— Зачем я тебя разорять буду, чудак, право, каков! Ведь мне сообщили, что у тебя золото, — ну, я и должен исполнить требование — обыскать тебя! Если у тебя нет песочку, так за что же ты мне даешь десять тысяч?

— В том-то и дело, что есть, — молит Уфимский, готовый упасть в ноги Лапенко.

— А коли есть, так уж, брат, не гневайся! Сколько времени я тебе набожно говорил: «Ой, Яков, плати лучше погодные», а ты что? — «не запутавить, мол!» — Теперь и платись. Сколько ж с тебя взять?

Тут между ними произошла отчаянная торговля: Лапенко упорно стоял на тридцати тысячах. При виде беды неминуемой Уфимскому ничего не оставалось, как только снять с себя все платье и из громадного, русской кожи бумажника, носимого им на груди под рубашкой, достать требуемую сумму и вручить сочувственно улыбавшемуся Ивану Андреевичу, который в это время утешал его, говоря, что и он, Лапенко, «рискует из-за этого потерять место», так как горный исправник непременно донесет на него; но «что для такого старого приятеля он готов на все». Это задержало отъезд Уфимского на час по крайней мере. Лапенко не хотел отпустить его, не угостив еще раз «холодненьким». Когда Уфимский, наконец, вышел садиться в экипаж, он не застал ни одного полицейского. Покойник Лапенко

ещё перед смертью мне говорил, что простить не может себе, как так мало взял с Уфимского. Не знал, говорит, что у него шесть пудов было; следовало бы всю стоимость взять, а я рассчитал, что не более двух, — ошибся тот, кто мне донес.

Так закончил свой рассказ мой собеседник.

— Какая же тут шутка чиновника, про которую мне говорил Уфимский? Это просто ловкая взятка, более ничего! — заметил я ему.

Он улыбнулся и, взглянув на меня, начал снова говорить:

— Да я же вам сказывал, что покойник Лапенко был веселый малый, так шутку-то он и выдумал с Уфимским следующую: в К-ке полицеймейстером был в то время некто S, закадычный его друг и приятель; к нему, еще накануне отъезда Уфимского, он послал нарочного с просьбой словить Уфимского на первой станции от К-ка, пригрозить ему обыском и взять с него, сколько сам сообразит. Тот так и сделал. Представьте теперь изумление Уфимского, когда перед К-м встречает его тамошний полицеймейстер, говоря, что имеет бумагу от горного исправника обыскать его, но согласен замять дело, если получит десять тысяч. Делать нечего, Уфимский дал, проклиная в душе горного исправника, которому ежегодно платил шесть тысяч, — «и вот, извольте, какая неблагодарность!» — В К-ке он только отобедал у S, который силком почти затащил его к себе и задержал часов семь, чтобы успеть дать знать, в свою очередь, другому приятелю, м-му исправнику, прося проделать эту же историю. Удивление Уфимского и его злость на злополучного горного исправника не имели границ, когда он принужден был снова дать пять тысяч. Но и м-кий исправник не отстал от своих предшественников: он успел сообщить о едущем кладе своему соседу по уезду, с той же непременно ссылкой на горного исправника. И тут Уфимский, уже больной от злости, дал пять тысяч, думая, что, теперь, мол, кончилась Восточная Сибирь, — кончилось и его потрошение. Не тут-то было: приезжает в К-к — и тут та же история, и опять пять тысяч! Отдал он их и подъезжает уже к родному Т-ку, где конец его печальному путешествию; но на последней станции его неприятно поразила хорошо знакомая ему физиономия «своего», т. е. т-го полицеймейстера. «Ну, думает, неужели и этот ближайший друг и приятель так же будет ко мне безжалостен?» Увы! «приятель» оказался, можно сказать, «наигорчайшим злодеем». Он, во-первых, взял десять тысяч деньгами, а во-вторых, конфисковал, батюшка вы мои, всё золото в свою пользу! Какова шельма! а? Ведь сразу сотнягу тысяч заработал! Вот-с отчего ваш новый знакомый Яков Борисович Уфимский, милый, по-вашему, человек, и не хотел сам рассказывать вам эту историю! Уж больно стыдно было в своем промахе сознаваться!.. Конечно, после стал опытнее. Ну, а шутку не забыл!..

«Шутка», — подумалось мне, — это, вероятно, еще не большее несчастье, и, как шутка — даже остроумная в своем роде».

— Ну, что же, он разорен теперь? — спросил я.

— Какое! И теперь ездит — конечно, только осторожнее. Опять же капиталы наживает, не разберешь только вот: игрою ли в карты по ярмаркам или золотом? Шут их разберет!

На всякий случай эту историю купеческого вояжа по Сибири мы тогда же записали и теперь делимся с читателями.

Мишла

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

«В начале было слово...»

Из дневника писателя

Заводя речь о месте и значении языка в нашей жизни, о насущной необходимости сбережения его, нынче разве только ленивый не процитирует вступительных строк из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Однако многие при этом, даже будучи литераторами и лингвистами, если имеют дело с пером или клавиатурой, не задумываясь, пишут «вначале» слитно, то есть как наречие. Между тем внимательные читатели евангельского текста не могли не заметить, что там «в начале» неизменно пишется раздельно, как сочетание имени существительного с предлогом. Вот и мне, грешному, давненько бросилась в глаза эта, казалось бы, мелкая деталь. Возможно, потому, что я когда-то преподавал русский язык в школе, и у меня выработалась автоматическая реакция на всякие грамматические «мелочи».

Кавычки в последнем слове не лишни, ибо за подобными «мелочами» частенько кроются очень даже большие смыслы. И наш случай именно такой. По крайней мере, в моём представлении. Помню, впервые обратив внимание на разноречивое написание «в начале» при цитировании кем-то евангельских строк, я решил ещё раз установить точное по первоисточнику. И нашёл в Евангелии надёжное подтверждение раздельному варианту. Притом не поленился заглянуть в разные издания Нового Завета, включая старинные. Благо, одно из таких попало мне в руки ещё в молодости и хранится у меня донныне. «Издание семьдесят первое», в тёмно-зелёном коленкоре, с осьмиконечным крестом золотого тиснения на обложке, увидевшее свет в 1913 году, в Санкт-Петербурге «по благословению Святейшаго Правительствующаго Синода». К тому же билингвистическое, иначе сказать, двуязычное, с текстами на церковно-славянском и русском. В нём особо многозначительными предстают первые слова в загадочной фразе апостола Иоанна, по-русски уже приведённой выше. Но она и по-славянски звучит примерно одинаково: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово» И, главное, в ней тоже «в начале» написано раздельно. Значит, истинный смысл её прекрасно понимали и святые, равноапостольные братья солунские Кирилл и Мефодий, создатели церковно-славянского языка, переводившие Евангелие с греческого...

Так выглядит эта фраза и во всех современных изданиях Евангелия, вплоть до каких-нибудь инославных — баптистских, иеговистских и прочих, кои нам упорно стремятся вручить сектантские миссионеры, даже порой обходя наши квартиры. Да она такова и не только в «божественных» книгах. В ходе работы над этими заметками я, на всякий случай, открыл вполне светский «правописательный» словарь-справочник «Слитно или раздельно?» и, к своему удовлетворению, обнару-

жил там точно такое же начертание «в начале», с примером в контексте, взятом именно из Евангелия от Иоанна.

Короче говоря, у меня было достаточно причин задуматься над тем, что сама конструкция этой фразы далеко не случайна. Она прямо и косвенно подчёркивает наличие в ней **существительного** со «смысловым» предлогом, а не «проходного» наречия. То есть «в начале» означает не просто «сначала» или «сперва», но равновелико понятиям «в основании», «в зарождении». А это ведь, согласитесь, большая разница.

И если в основании, в сотворении всего было Слово Божие, то тогда становится понятным всё таинственное вступление в Иоанново Евангелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...» И мы его должны сознать и воспринимать не как этакую развёрнутую метафору, образец высокого иносказания, а буквально. Без всяких обиняков, прямо, недвусмысленно и безоговорочно. Мы должны уразуметь и «вместить», что «в начале» (в основании, в сотворении) всего-всего в мире и самого мира нашего было действительно не что иное, как Слово, посредством которого Творец и создал всё сущее. Да ведь оно так и утверждается в Библии; уже в Ветхом Завете, в первых же фразах первой главы Книги Бытия читаем: «В начале (раздельно! — *А.Ш.*) сотворил Бог небо и землю... И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою... И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему...» Надо полагать, по «образу и подобию» в Духе, ибо «Бог есть Дух», — сказал Иисус Христос женщине в Самарии у колодца.

Как ни толкуй, а выходит, что весь мир впрямь создан Словом, включая и нас с вами, двуногих прямоходящих существ, слабых и грешных, но наделённых чудесным даром речи, способной выражать движения нашего духа и разума. И мы единственные в этом мире, кто задумывается о своей природе и о природе всего сущего. В том числе и о сокровенном механизме, которым Бог управляет «живой жизнью» и наследственностью. Одним из величайших открытий в этом смысле представляется открытие генов, генома, которые посложнее самого бинома Ньютона. Да, та мизерная цепочка клеточек телесных, которую можно разглядеть только под мощнейшими микроскопами, но в которой — о чудо! — записаны все качества будущего организма, вплоть до цвета глаз и формы ушей.

Однако пытливым человеческий ум идёт дальше. Нашим наследством, развитием управляют гены? Хорошо. Ну, а кто же управляет генами? И с помощью чего? Этим вопросом, в частности, задались учёные из лаборатории волновой генетики Института проблем управления РАН под руководством доктора биологических наук Петра Петровича Гаряева. Они взяли для опыта мёртвые зёрна пшеницы и ячменя, убитые радиацией, и попытались вернуть им всхожесть. Действовали различными средствами — тепловыми и световыми режимами, электричеством и магнитными волнами, даже звуковыми вибрациями — всё было бесполезно. И тогда учёные вспомнили о слове, которое, как известно, не только «лечит», но через которое, согласно Евангелию, вообще всё «начало быть... что начало быть». Они стали наговаривать тексты-«обращения» в микрофон, а прибор, моделирующий волновые шифры, приводил звуковые вибрации в радиоволны, которые воздействовали на семена. И что же? Более трети безжизненных зёрен дали всходы. Ожили! Воскресли!

Притом эти живительные наговоры испытателей звучали не только на русском языке, но и на других — немецком, французском, английском. И результат был примерно таким же. Этот эффект, можно сказать, на практике подтвердил правоту ряда наших и зарубежных учёных-лингвистов, ранее теоретически доказывавших, что у всех человеческих языков — общий корень, а их грамматики универсальны в своей основе.

Но! Надобно заметить, что повреждённые радиацией семена ничуть не хотели оживать, когда с ними говорили «тарабарщиной», вводили в их генетический аппарат бессмысленные словосочетания и звуки. Независимо от выбранного языка осмысленность речи оказалась ключевым моментом, необходимым для воскрешения семян. Естественно, перед учёными ребром встал вопрос «почему?». Чтобы приоткрыть завесу над этой тайной, биолог Пётр Гаряев призвал на помощь «технаря», кандидата технических наук Георгия Тертышного. И тот изготовил новый лазерный прибор, способный записывать информацию, которая хранится в «молекулах жизни», и воспроизводить.

К сожалению, мне, далёкому от секретов генетики и физики, не передать всех сложных манипуляций, проведённых исследователями с магнитными волнами, фотонами и прочими тонкими материями, я могу выразить лишь примерный смысл их открытия. А он заключается в том, что радиозвуки, рождённые в ДНК, и радиоволны человеческой речи оказались сходными. Совпало свыше трети их волновых характеристик. Пусть не «все сто», но и этого вполне достаточно, чтобы понять причину животворной силы человеческой речи. Её характеристики заложены в молекулах наследственности. «Заложены кем?» — спросите вы. Логичный ответ может быть только один: Тем, кто сотворил и ДНК, и человека, притом с помощью Слова, о чём написано в первых строках Библии, а ещё прямее сказано в Евангелии от Иоанна, с цитат из которого мы начали эти заметки.

Между прочим, невольно придя к такому же выводу, Пётр Гаряев и его сотрудники испытали поистине «страх Божий», поскольку если не проникли в сокровенную тайну Творца всего сущего, то приблизились к ней. И все они, дотоле бывшие стихийными атеистами либо «сомневающимися», искренне поверили в Бога Единого и незамедлительно воцерковились. Особенно же усердными богомольцами стали после того, как с помощью найденного «ключа наследственности» добились получения ряда невероятных гибридов, вроде волнового гибрида курицы и... картофеля (птицы и растения!), с плодами в виде «мохнатых клубней». Это лишний раз убеждало, что Бог посредством универсального Слова создал не только человека, но и всю живую природу. Воистину, «все чрез Него начало быть...»

Можно лишь дивиться тому, какие глубины открываются за, казалось бы, такой мелкой деталью текста, как отдельное написание словосочетания «в начале», со значением «в основании», «в сотворении». И, пожалуй, верно считает тот же биолог Гаряев, что все мы с вами вольно или невольно подражаем Творцу, когда произносим осмысленную речь. Становясь «материальной силой», она, в зависимости от содержания, может вызывать как благотворные, так и разрушительные действия. А потому будем помнить, что не следует бездумно и небрежно обращаться со Словом, да и вообще разбрасываться словами, ибо «во многоглаголании несть спасения». Не заикаюсь уж о таких непотребных вещах, как злословие и сквернословие.

Не зря людей, склонных к ним, на Руси издревле называют черноротыми. Сказано же: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст,

оскверняет человека». Или ещё: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься».

Что говорить, слова ныне девальвируются, как рубли. Тёмные силы неустанно работают на их понижение. Но, слава Богу, зреют и крепнут силы, противостоящие этому злу. Приятно сознавать причастность к ним и нашей сибирской глубинки. Скажем, иркутяне двадцать с лишним лет подряд проводят знаменитые Дни духовности и культуры «Сияние России», где главенствует Слово; мои земляки, красноярские «русладовцы», не забывают 6 июня, в день рождения Пушкина, чья Муза «велестью Божию послушна», отмечать День русского языка; в тюменском Ишиме, на родине великого сказочника, ярко празднуют «Ершовские дни», приурочивая их к Дням славянской письменности... Так что, ещё не вечер — «сим победиши».

Светлые знаки России

Минувшей осенью в очередной раз навестил родное Таскино, что на самом юге Красноярского края, под Саянами. И, конечно, сходил на сельское кладбище. На нашенокское, староверское, где похоронены мои родители и сёстры, оставившие этот бранный мир. Кладбищенская роща встретила, как обычно, той, по-особому глубокой и отстранённой тишиной, которую не нарушают, а вроде даже подчёркивают птичий посвист и шорох ветра в макушках деревьев, треск хворостинки под ногами и звон комаров над головой. Роща — сплошь берёзовая (подсаженные вербы, рябинки у иных могилки не в счёт), вековая, но почти без подлеска, лишь с печальной порослью осьмиконечных крестов. Берёзы прямые, одна к одной, изголуба-белые, точно облитые извёсткой, уходящие в самое небо световыми столбами...

И вот когда погружался я в белоствольную колоннаду, то поймал себя на том, что повторяю в уме светло-печальные строки поэта-иеромонаха Романа, которые, слившись с органичной мелодией, стали ныне известным романсом: «За родником белый храм, кладбище старое. Этот забытый край Русь нам оставила...» Никакого храма передо мною не было, но всё же он незримо присутствовал здесь. В молчаливом хоре, в тихом молитвенном стоянии белесых берёз, в лазурных просветах меж ними. И невольно подумалось, что особая любовь русских людей к берёзам, тоже нередко называемым русскими, должно быть, как-то внутренне связана с нашим поклонением православным, преимущественно белым, церквям и часовенкам с их колокольнями и куполами. Берёзы ведь явно похожи на них — и своей белизной, словно бы свидетельствующей об их природной чистоте и непорочности, и устремлённостью в горние выси, и, летом, зеленью округлых крон, напоминающих шатровые церковные покрытия, а осенью, «в багрец и золото одетые» — позлащённые купола. Не говорю уж о берёзах зимних, заснеженных, заиндевевших, и о ранневесенних, будто светящихся изнутри...

Возможно, именно этим объясняется неизменно возвышенный, почти молитвенный настрой, с которым испокон обращаются к берёзам наши поэты. Примеров тому не занимать. Любой навскидку приведёт их дюжину: от, положим, лермонтовской «среди желтой нивы четы белеющих берез» до есенинской «страны берёзового ситца» или до рубцовского радостного признания: «Русь моя, люблю твои берёзы!» и скорбного пророчества: «Я умру, когда трещат берёзы...»

Да и не обязательно взывать к именам великих и выдающихся. У каждого самого скромного стихотворца, русского сердцем, найдутся за душою строки с поклоном нашей берёзе. Есть они, конечно, и у автора этих заметок. Вот хотя бы такие:

<i>Брошу всё и уйду на заре В лес тишайший, седой от мороза, И под тоненький звон снегурей Помолюсь белокорым берёзам. А кого ещё боготворить, На кого возлагать нам надежды?</i>	<i>Если начистоту говорить, Лишь они нынче в белых одеждах. Помолюсь за собратьев своих, Что попали в объятия бесов, И помимо стяжанья у них Не осталось других интересов.</i>
---	--

<i>И за всю оскудевшую Русь, За бездольных её ребятишек Помолюсь, ибо очень боюсь — Не видать им ни книжек, ни пышек.</i>	<i>Да минует их рабский хомут, Да минуют сиротские слёзы... Помолюсь — и берёзы поймут, И помогут святые берёзы...</i>
---	--

Или давние-давние, из юношеских тетрадей:

<i>Качаясь, к берегу причалил Мой дощаник. Пришёл тревожный и печальный Час прощанья. Прощайте, милые берёзы, В даях синих Пусть ваши светятся берёсты Негасимо.</i>	<i>Горят столбы дневного света, Так прозрачны, Вдоль троп, где я бродил всё лето, Ждал удачи. Мне ничего не надо боле В мире этом — Свети, берёза, в русском поле Вечным светом!</i>
--	--

К месту будет сказать, что как раз на том деревенском кладбище, у материнской могилы, во мне сложились «опорные» строки из самого свежего «берёзового» стихотворения: «Чёрный крест, домокованный, грубый, и берёза — как свет в небеса...» Думается, они были исподволь навеяны образом храма, непременно всплывающим в православном сознании возле родных пепелищ. И цепочка ассоциаций здесь вполне понятна: подобно белым берёзам, как уже замечено, светлые церкви наши устремлены в горнюю синеву, в иные пределы своими колокольнями и маковками, впрямь «как свет в небеса»...

И вполне правомерно предположить, что именно с «подачи» поэтов разных времён и рангов берёза стала, по сути, символом нашей России.

Хотя вообще-то, если заглянуть в глубь отечественной истории, исконным знаком Руси выступал, скорее, дуб. Отчасти потому, что был он весьма распространённым «древом» на русском пространстве и типичным для его пейзажа, но главным образом потому, что наиболее точно отражал характер (менталитет, говоря по-нынешнему) русского человека, известного своей крепостью, «стойчивостью», укоренённостью в отчей земле и редким сочетанием вольности с долготерпением. Предки наши поклонялись верховному богу Перуну и земному воплощению его — дубу. И не случайно именно дуб из древесного семейства избрал мудрый Пушкин в магическом зачине своей поэмы, полной отголосков русской старины: «У лукоморья дуб зеленый...» А сколько поныне живёт в народе песен, загадок, пословиц и поговорок, замешанных на дубах и дубравах! Не перечить. «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться...», «ела, ела дуб, дуб, поломала зуб, зуб», «держись за дубок, дубок в землю глубок», «и мал дуб, да здоров», «черепком напьюсь, дубиной отобьюсь»... и т. д. до бесконечности.

Возвышение берёзы над дубом началось, надо полагать, с Крещения Руси, ставшей, после утверждения в ней неповреждённой веры христианской в ипостаси своеобразного Русского Православия, «уделом Богоматери»; с появления на её просторах тысяч церквей, белых, «космостремительных», «берёзообразных», наподобие знаменитой церкви Покрова на Нерли. Ну, и, конечно, со всеобщего упования народного на то, что Русь Православная находится под особом покровительством (покровом) Пресвятой Девы Марии. В ней воплощённое женское, материнское начало просвечивает не только в образе самой России-матушки, но и в облике нашей кудрявой берёзки, в её белых, пречистых одеждах, в её изяществе и женственности, в мягкости, незлобливости, но и твёрдости, верности её нрава, к примеру, запечатлённого в пословице: «Берёза не угроза, где стоит, там и шумит».

Ну, а ежели опуститься с поднебесных высот на грешную землю, шагнуть из бытия в житейский быт и обиход, то, оглянувшись, нельзя не заметить, что народ давно нашёл разрешение «противоречий» между берёзой и дубом — во взаимной дополняемости и «гармонизации» их лучших качеств. Скажем, в типичной русской избе двери, пол, матица, которым требовалась особая крепость и плотность, обычно были дубовыми, а, положим, гибкий оцеп (жердинка под потолком, на конце которой подвешивалась детская зыбка) — чаще берёзовым. Как и черенки разных хозяйкиных «помощников» при русской печи — ухватов, лопат, сковородников. Как и — дрова наилучшие, под чудесной белой берёстой, легко загорающие и жарко пылающие с голубыми струйками дыма, что так тонко и приятно отдают камфарой и скипидаром. Ну, а, допустим, любителям попариться в русской баньке доподлинно известно, что самые превосходные веники, дарующие здоровье, очищение и просветление, — берёзовые и дубовые.

И даже здесь видится некое внутреннее единение двух знаковых деревьев нашей Руси, сочетающих свет духовный с крепостью телесною. Хотя родовая, исходная суть остаётся при них...

А, кстати, знаете ли вы, как в былые времена отвечали свахам о результате «торга»? В случае согласия: «Берёза!», в случае отказа: «Дуб»...

Персты боярыни Морозовой

Руки твои тонкокостны, очи твои молниеносны...

протопоп Аввакум

Напомним, что в пушкинской фразе «мы ленивы и не любопытны», которую так любят ныне приводить к месту и не к месту, имеется в виду «нелюбопытство», чтобы не сказать равнодушие, к отечественной истории.

И здесь поэту трудно отказать в правоте не только по отношению к своим современникам. Достаточно обернуться хотя бы на наше с вами школьное образование. Мы совершенно точно с младых ногтей, как говорится, куда подробнее учили и глубже знали историю Древней Греции, Древнего Рима и европейского Средневековья, чем родную — древнерусскую, да и дальнейшую — российскую, царскую, советскую...

И если заглянуть в нашу художественную литературу, даже в её Золотой и Серебряный века, то мы найдём там довольно скромный перечень эпопей, романов,

повестей, написанных на собственном историческом материале. По крайней мере, значительно меньший, чем, положим, в литературе английской или французской. Как ни грустно сознавать, у нас недоставало популярных авторов вроде плодовитого Вальтера Скотта или дерзкого Александра Дюма, говорившего, что для него «история — это гвоздь», на который он «вешает свои романы». И хотя в советские, в постсоветские времена наблюдались попытки исправить такое положение, число исторических авторов и произведений заметно возросло, однако ещё столько осталось важных, знаковых событий, не тронутых писательским пером, столько ярких личностей, не отражённых в литературе. И остаётся по сию пору...

Мне вот, к примеру, частенько приходит на ум Феодосия Прокопьевна Морозова. Будь подобная персона в истории той же Франции, Англии либо Италии, о ней бы давно написали гору книг в стихах и прозе, не говоря уже о череде поставленных опер и балетов. У нас же редко кто прикоснулся к её образу, и в народе она известна во многом лишь благодаря картине нашего великого живописца Василия Сурикова «Боярыня Морозова» в центре с неистовой страстотерпицей, вознёсшей двуперстие...

Между тем эта трагическая фигура, что называется, сама просится не только на полотно, но и в книгу, и на сцену, и на экран, да и на постамент — в бронзе и мраморе. Вы только задумайтесь над этой невероятной судьбой, над этим характером с чисто русскими «крайностями» — от широты и вольности до гордого терпения и кроткого смирения. До полной самоотрешённости ради избранного раз и навсегда духовного идеала — Христа Живаго и неколебимой веры в Него.

Послушайте, что пишет один из старинных авторов о ней — родовитой боярыне и первой красавице-богачке на Руси в свои времена: «Окруженная роскошью, она выезжала в расписной карете, запряженной 12-ю арабскими конями с серебряными цепями. В доме ее было не менее 300 слуг, а крестьян насчитывалось до 8 тысяч. К ней сваталось множество самых знатных в России женихов...»

Но вот наступает полоса испытаний в её жизни. И что же? Эта дама из высшего света, эта барыня-боярыня, когда мятущийся патриарх Никон замахнулся на некоторые догматы исконно русского Православия, решив его «подреформировать», подтянуть к новым веяниям в мировом христианстве, вдруг обнаруживает в себе ревностную преданность древнему благочестию. Она отвергает все новшества Никона и, вместе с огненным протопопом Аввакумом, идёт на прямое противостояние им. Идёт в раскол.

Так, по крайней мере, трактуются эти драматические события XVII века в нашей истории, хотя, по существу, раскольниками-то явились скорее Никон и его послушные «никониане», отступившие от отеческой традиции. На боярыню Морозову, как и на Аввакума Петрова, со стороны тогдашних «обновленцев» церкви обрушиваются все мыслимые и немыслимые гонения, давления и преследования. И эта первая богачка Русского царства, выросшая в роскоши и неге, мужественно переносит их, оставаясь глубоко преданной «неповреждённой» вере отцов и завещанному ими обряду. Кандалы, застенки, дыбы, ямы, не говоря уже о лишении всех боярских имений и привилегий, — всё претерпевает она воистину стоически, с непостижимою отвагой и жертвенностью.

Наконец, гонители пытаются запугать её угрозой такого страшного испытания, как позорная казнь на её глазах любимого сына Ивана. По сути дела, рабу Божию Феодосию ставят перед выбором — сын или Христос, в староверском Его исповедании. И она, ни минуты не колеблясь, выбирает «своего» Христа, Его путь

и заветы. Вот что, по свидетельству современников, говорит она своим истязателям, недавним единоверцам: «Ивана я люблю и молю о нём Бога беспрестанно. Но Христа люблю более сына... Знайте, ежели вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, прямо вам скажу: выводите сына моего на лобное место, отдайте его на растерзание псам, — не помыслию отступить от благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную...»

Описывая последние часы боярыни Морозовой в Боровском остроге, в мрачной, холодной яме (была поздняя осень 1672 года), протопоп Аввакум приводит трогательную деталь, достойную целой повести. Он замечает, что боярыня попросила одного из сторожей тайком взять и вымыть в реке её до крайности загрязнившуюся сорочку, чтобы перед смертью надеть чистую. Сторож, оказавшийся сострадательным человеком, исполнил эту просьбу.

Тело Феодосии Прокопьевны завернули в рогожку и погребли рядом с княгиней Евдокией Урусовой, её сестрой, умершей ранее в той же яме от холода и голода.

Вот как стояли в вере православной, как пеклись о чистоте душевной и телесной наши благочестивые предки! Вот что нужно бы проповедовать в нынешних школах и вузах, вместо пресловутой «толерантности» в мировоззрении, «вариативности» в трактовании событий истории и всяческого «секспросвета» насчёт свободы в отношениях полов.

Между прочим, если отойти от духовно-нравственной сферы и обратиться к сфере идеологической, социальной, то можно заключить, что одной из главных причин развала нашей Державы было падение числа носителей и защитников социалистических идей — народовластия, равенства и братства — до уровня «критической массы». И ниже её. В обществе образовался явный недостаток людей, силою духа равных боярыне Морозовой, протопопу Аввакуму и их младшим советским сестрам и братьям по вере в высшую справедливость (как они её понимали), наподобие Зои Космодемьянской или Саши Матросова. Слишком много «толерантных» и «плюралистических» мещан вырастили мы в том обществе и его авангарде — «ведущей и направляющей» партии.

Помнится, когда, уже во время смуты и разрухи Державы, журналисты спросили замечательного философа и социолога Александра Зиновьева, смогут ли нынешние коммунисты, социалисты вернуть власть в России, он ответил примерно так: «Смогут... Если среди них найдётся достаточно людей, готовых умереть за свои идеалы добра и справедливости». Как это, добавим мы, отчасти было в до-революционные и в «молодые» советские времена. Особенно — в пору военного лихолетья, в годы яростных сражений с коричневой нечистью «до последнего патрона». Ведь те советские люди, формально безбожные, тоже шли до конца «по пути Христа», в широком смысле слова, ибо они шли за торжество правды и справедливости, и не из личной корысти, а ради общего мира и счастья, «ради жизни на земле».

Иные, пожалуй, заметят мне: а что, мол, пользы из того стоического сопротивления ревнителей древнего благочестия, если всё кончилось их разгромом, ссылками, заточениями, кострами и торжеством сомнительных обновленцев? Да и во втором случае жертвы героических защитников советского строя, чаемого общества социальной справедливости, оказались напрасными, ибо победила в конце концов социально несправедливая, но красочно размалёванная либеральная демократия.

Что до подвижников староверия, то я отвечаю: «Не скажите!» Их упорное стояние в отческой церковной традиции пусть через столетия, но все же получило признание. В начале минувшего века официально были отменены преследования старообрядцев, а позднее признаны равно благодатными богослужения по древлеправославному чину. И теперь, насколько мне известно, во многих храмах Русской Православной Церкви, в частности, подмосковных, наряду с обычными ведутся службы по старому обряду. Давно бы так-то...

Ну, а насчёт социализма, коммунизма... Конечно, отход от идей общественной собственности, коллективных форм труда и «человечьего общежития» налицо. Да и ряды их нынешних защитников, прямо скажем, пока не изобилуют фигурами, подобными «виртуальному» Павке Корчагину или реальному Дмитрию Карбышеву, белому генералу, ставшему красным страстотерпцем. Но, как говорится, «ещё не вечер». Вечная народная жажда социальной справедливости и солидарности никуда не исчезала. Серьёзные социологи, политологи отмечают на фоне массового разочарования в рыночной демократии явное «полевение» настроений в мире, включая наше царство-государство. А значит, появятся и новые борцы «за освобождение человечества», сильные духом.

Впрочем, это уже другая история. Мне же хотелось только напомнить о сонме достойных отражения в литературе, в искусстве лиц и ликов из той родной истории, какую, по слову Пушкину, «её нам Бог дал». И прежде всего, конечно, натур цельных, прямодушных, бескомпромиссных... Истинно русских.

Всё рубашки поправляем...

Среди многочисленных воспоминаний о Василии Сурикове заметно выделяются те, которые оставил поэт Максимилиан Волошин. Кто их читал, помнит, что они написаны от лица самого «героя», то есть в форме монолога великого художника, притом с уважительным и бережным сохранением особенностей его речи. А речь Василия Ивановича была весьма оригинальной: немногословной, почти «телеграфной», однако образной и колоритной. Хочется сказать, по-сибирски колоритной, как и сама тогдашняя сибирская действительность, во многом сформировавшая будущего исторического живописца мирового масштаба.

Ведь подумать только, Суриков, родившийся в середине XIX века, успел «захватить» времена публичных казней, бытовавших в нашем Красноярске. Он вспоминает, к примеру, как при большом стечении любопытствующих обывателей казнили некоего ссыльнокаторжного поляка Флерковского за то, что «он во время переключки ножом офицера пырнул». «Мы, мальчишки, — подробно запомнил впечатлительный казачонок Вася, — за телегой бежали. Его далеко за город везли. Он бледный вышел. Всё кричал: «Делайте то же, что я сделал!» Рубашку поправил. Ему умирать, а он рубашку поправляет. У меня прямо земля под ногами поплыла, как залп дали...»

Так вот, когда я впервые читал эти воспоминания, у меня «земля под ногами поплыла» ещё прежде того, «как залп дали», а именно — на словах рассказчика: «Ему умирать, а он рубашку поправляет». Настолько это по-человечески горько, по-художнически наглядно и по-философски глубоко, многозначно подмечено и сказано Суриковым, что вот уже более полувека преследует меня эта фраза! Всякий раз произвольно всплывает в памяти при мыслях о суете сует, в которой мы

живём, забывая, что смертны и временны на сей земле. Приходит на ум в минуты озарения, когда вдруг осознаешь, что все мы то и дело, подобно тому несчастному ссыльному каторжанину, «рубашки поправляем». Протвоестественно, глупо, и в самые, казалось бы, неподходящие моменты. Не в смысле — «охорашиваемся», а в смысле — совершаем бездумные поступки, творим абсолютно ненужные и пустые дела с таким видом, будто мы вечны и бесконечны в этом мире и все ничтожные по сути занятия, стремления и условности, принятые «здесь», должны иметь для нас какое-то значение.

Хотя, пожалуй, правы те, кто утверждает, что далеко не все думают и поступают так. Приходилось читать у философов, у глубоко мыслящих писателей (скажем, у Ивана Бунина), что людей вообще можно разделить на две категории. На тех, кто живёт, не думая о смерти, как трава, деревья или «братья наши меньшие» — зверьё, с чувством вечности своей (а таких большинство!), и на тех, кто словно бы рождён «под знаком смерти», кто постоянно помнит, думает о ней и ясно осознаёт свою неизбежную «конечность».

Известное латинское выражение «memento mori» (помни о смерти!) для них не просто крылатая фраза, а глубинное внутреннее ощущение. Оно им, разумеется, в немалой степени отравляет иные, так называемые «радости жизни», но в то же время и спасает их от множества соблазнов, удерживает от дурных поступков, смиряет страсти и таким образом помогает оставаться людьми и даёт силы двигаться к единственно стоящей цели жизни — к спасению души, к «освобождению» от смерти.

О, если бы все люди рождались под «знаком смерти» и постоянно держали в уме эту древнюю заповедь! Они были бы совершенно другими, да и вся жизнь наша на этом свете была бы совершенно другой. Более справедливой и светлой, очищенной как от мелочных споров-раздоров между индивидами из-за какого-нибудь косога взгляда, неосторожного слова или «забытого» обещания, так и от тяжких общественных распрей, рождаемых массовыми пороками, вроде любостыжания, гордыни, эгоизма.

К месту будет напомнить, что выражение «memento mori», ставшее идиомой, пришло из Древнего Рима, где оно произносилось во время триумфального шествия полководцев, возвращавшихся с победой. При этом за спиной триумфатора ставили раба, который постоянно напоминал ему, что он, несмотря на нынешние торжества и почести, остаётся смертным человеком. Со всеми вытекающими, как говорится. А позднее, в XVII веке, «напоминание» древних стало приветствием, которым при встрече обменивались монахи ордена траппистов, дабы не впадать в соблазны мира сего.

Хотя, понятное дело, «в миру» такое «пожелание» трудновыполнимо для большинства людей, и они продолжают «поправлять рубашки», остаются в плену самых нелепых обычаев и привычек. Наподобие подмеченной зорким глазом юного Сурикова: «Ему умирать, а он рубашку...» По крайней мере, мне это бросается в глаза постоянно.

Положим, выходя из дому, в очередной раз обнаруживаю полумрак в подъезде и невольно думаю: опять какой-то пакостник погасил светильники, вывернув лампочки. Не то из копейной корысти, не то из мелкой мести кому-то, а, скорее, просто из дурости и куража, дабы потешить свою тёмную душонку сотворённой гадостью людям. Ну, разве стал бы он делать это, опускаться до подобной низости, если бы помнил о собственной смерти?

Иду далее через сквер (имени Сурикова, между прочим) и вижу стайку подростков, облепивших сдвинутые в круг скамейки. Они курят, грязно матерятся, что-то тянут из бутылок, запрокидывая почему-то (по моде?) лысые, точно облезлые, головы. Одеты минимально и словно в униформу: болтающиеся шорты до колен (похожие в наше время иронично именовали «семейными трусами»), майки до пупов, шлёпанцы. Явно красуются один перед другим. И уж, конечно, не задумываются о неизбежном жизненном финале.

Захожу в книжный магазин, расположенный неподалёку. С ближних полок бьют по глазам «лидеры продаж» в ядовито-ярких обложках: «Убийство по заказу», «Дура с двумя высшими желает познакомиться», «Секс в большой политике». Далее — примерно в том же духе. Первая мысль: и ведь «крутые» авторы их не стыдятся выставлять имена свои над такими заголовками! Хотя наверняка осознают, что выпустили в свет не просто пошлые, но зловредные, даже разрушительные «изделия». Зачем, если эти авторы, как и все люди, — смертны? Поневоле снова вспомнишь умного отрока Васю: «Им помирать, а они...» Да и о читателях подобных книг подумаешь то же...

Или просто шагаю по городской улице, на которой всегда полно народу, в основном — молодого и, кажется, праздного. К этому заключению склоняют не столько сами эти прогулочные шатания среди бела дня, сколько обрывки разговоров, долетающих до моих ушей. Острое всего, конечно, режут слух те же пошлости и матерки, избилующие в них, но не менее удручает и явное «мелкотемье». Похоже, сии «хомо сапиенсы» никогда не задумывались о «бренности земного бытия», не переживали своего «арзамасского ужаса» или хотя бы подобия его, очнувшись вдруг «от сна жизни»...

Да-да, казалось бы, мимолётное замечание зоркого Сурикова о неуместноправляемой рубашке обречённым на смерть бедолагой, по-моему, вполне сопоставимо с пронзительным определением Львом Толстым того ужасного чувства, однажды пережитого им, которое перевернуло его душу и всю последующую жизнь.

Напомню, что Лев Николаевич в сентябре 1869 года (ему чуть за сорок, он в расцвете сил, богат, счастливо женат, окружён детьми, только что закончил «Войну и мир», стяжав широкую писательскую славу и выручив солидные деньги) надумал купить поместье в Пензенской губернии по выгодной цене и поехал туда со своим слугой Сергеем Арбузовым. До Нижнего Новгорода они добрались поездом, а далее поколесили в повозке. Ехали весело, много шутили. Прибыв за полночь в Арзамас, решили переночевать в тамошней гостинице. Гостиничный служитель со «зловещим» родимым пятном на щеке отвёл Толстому квадратную комнатку с белыми стенами и тёмной дверью «цвета запёкшейся крови». Помещение показалась ему тесным, душным, неприятным, но он всё же заснул, устав с дороги. Однако вскоре проснулся. Резко, внезапно. С острым чувством тоски и ужаса. «Беспричинный, животный, глубинный» страх, объявивший его, усугублялся ощущением тесноты, темнотой вокруг и запахом погашенных свечей, вызывая мрачные ассоциации. Толстой упал на колени, стал горячо молиться, но ужас и тоска не отступали. Чтоб освободиться, «убежать» от них, он растолкал слугу и велел (ночью!) закладывать лошадей. Позднее о пережитом написал так: «Да что это за глупость? — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь?». — «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придёт, она вот она, а её не должно быть...»

В те минуты Толстому, по его словам, показались бессмысленными и ничтож-

ными все его заботы — покупка имения, семья, писательство: «Зачем я сюда заехал? Куда везу себя?... Ни пензенское, ни какое имение ничего не прибавит и не убавит мне...»

Как известно, того «выгодного» имения Лев Николаевич не купил и домой вернулся совершенно другим человеком. Он отказался от гонораров за свои новые произведения, от «роскоши» в быту, в одежде, «опростился», стал больше прежнего трудиться руками, «обслуживая сам себя» и помогая другим, открыл школу для крестьянских ребятишек...

Вот если бы наши нынешние «графья»-олигархи, чиновные и думные «дьяки», наши художники слова, кисти и сцены были способны внезапно проснуться однажды и пережить личный «арзамасский ужас»! Или хотя бы удивиться, как чуткий душою Вася Суриков: «Ему умирать, а он рубашку поправляет». Разве стали бы они жадно присваивать общественные богатства, набивать карманы «зеленью» за счёт миллионов доверчивых собратьев, живущих впроголодь; принимать законы и устанавливать порядки, обирающие и унижающие трудовой народ, создавать книги, полотна, фильмы, спектакли, духовно оскоряющие его? Но в tomto и дело, что в большинстве своём они, похоже, рождены под другим «знаком». Они искренне убеждены, что навсегда пришли на этот «шарик» и будут вечно пребывать на нём, теща свою утробу и холя обожаемую плоть... Впрочем, многие из них скорее всё же догадываются о мирской «суете сует и томлении духа», но продолжают делать вид непосвящённых. Я даже когда-то написал об этом строки, которыми и закончу размышления на столь печальную тему:

*Живёшь, испытывая страх,
Томясь тревогой в «зоне риска»...
Она придёт. Она уж близко.
Как говорится, при дверях.
Вам всё на свете трын-трава?
Но, гражданин, снимите маску!
Мне виден «ужас арзамасский»
Сквозь ваши жесты и слова.*

Виден, как бы вы ни «поправляли рубашки», маскируя его. А на истинный путь спасения от «ужаса» указывает нам Господь, призывая брать крест свой и следовать за Ним. То есть искоренять пороки и грехи, начиная со смертных — гордыни, алчности, лени, уныния...

И речи русской сладостные звуки

ОЧЕРК

«В начале было Слово» — возвестил Евангелист, Апостол Иоанн. В греческом тексте написано «Логос», это понятие некоторые толкователи считают более широким, но далее у Иоанна сказано: «И Слово было у Бога, и Слово было Бог», поэтому русское «Слово» понятийно, пожалуй, повесомее. Таким образом, в русском языке Бог и Слово еднотелны, а Иисус Христос в православии именуется воплощенным Словом. И язык наш сохранил благоговейное отношение к Слову.

*Живи по Слову. Да спасешься Словом.
Слово — скрепление истины.*

* * *

Создал Господь человека, наделил его разумом и даровал слово для выражения мысли — плода разума. А вот как создание использует дар Божий, мы и попытаемся рассмотреть. Первым применил слово для искусовой лжи дьявол, он воздействовал на Еву высказанной мыслью как инструментом обмана, как орудием подавления воли жертвы. Опыт оказался удачным для отца лжи и пагубным для всего последующего человечества — наши праотец и прамать были изгнаны из Рая.

Вот так род людской оказался ущерблен первородным повреждением, а дальше уже люди по своей злой воле выбирали грех и использовали слово как орудие греха и как укрывательство греха.

«И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его, — читаем мы в Библии. — И сказал Господь Каину: где брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?»

Так поступил первенец Адама и Евы, он сделал слово лживым, и стало слово ложью. После гибели Авеля у прародителей родился Сиф, благочестивый и богобоязненный сын. Потомки Сифа смешались с потомками Каина, и последствия такого смешения оказались более вредными для добрых, чем полезными для злых. Такова сила греха. Придавленное таким грузом потопало человечество по жизни, с грузом греха-помысла, греха-слова и греха-поступка, копя и множа обретенное.

Даже Потоп не устрасил человекoв, не выжег страхом Божьим заразу греха, и уже сын Ноя, главы единственного спасшегося семейства, Хам оскорбил своего отца словом и поступком, за что прокляты были потомки его в лице сына Хамова, Ханаана. Такова сила словесного проклятия праведного Ноя, что не ослабела за тысячелетия и привела к гибели племена земли Ханаанской за мерзости их пороков, произросших от семени основателя и взбродивших за века в отравленную кровь.

Опять начали размножаться человекo, стали плодиться и о грехе не забывать, его тоже плодили, особо гордыню взращивали. Возомнили себя способными до-

браться до небес, башню начали возводить из обожжённых кирпичей. Тварное создание, однажды уже наказанное за гордыню, снова захотело возвыситься до Творца, но не духом.

Бог милостив, Он не стал вторично уничтожать неразумных гордецов, Он разлучил их речь, причем одномоментно. Вечером понимали друг друга, беседовали, обсуждали планы на завтра, а утром вдруг абсолютное непонимание, от этого рождалось раздражение, а потом отторжение. Совместная деятельность стала невозможна, Вавилонская башня не построилась.

Получается, своим неразумием человечество обрекло себя на разобщённость, на развитие отдельными группами, и эти группы всё более отдалялись друг от друга, сначала языками, потом обычаями и традициями, из которых складывался образ жизни. Так началось формирование различных цивилизаций.

Но человечество уже твёрдо усвоило, что с помощью речи наилучше всего можно обманывать, лицемерить и скрывать истинные помыслы.

Слово красно, да дело черно.

Жило человечество, не тужило, высоких целей не ставило, ибо разум людей был настроен исключительно на добывание хлеба насущного, желательнее его побольше да повкуснее. Однако чревата такая одногранная деятельность могучего дара — разума, скверными последствиями. Она неизбежно приведёт к бурному развитию дурных страстей, начиная с гордыни, родоначальницы всех пороков.

Гибель Содома и Гоморры — следствие человеческой необузданности в страшных грехах и результат гнева Божия. Но разве человека хоть что-нибудь может отвратить от пагубы? Нет, даже гибель целых городов не послужила людям уроком, слишком сладка оказалась греховная жизнь.

Придуманная частная собственность послужила мощнейшим импульсом к дальнейшему развитию дурных наклонностей поврежденной человеческой природы. Бог — врач, а не палач. Он хотел помочь людям найти путь к исправлению, надеясь, что «помышление сердца человеческого — зло от юности его».

Избрал Бог племя. Дал ему Завет и Заповеди, чтобы оно показывало всем племенам пример жизни праведной, свободной от греха. Но не может Господь противиться воле человека, не может насильно вести его к Свету, если человек тянется ко тьме. Посылал Бог пророков, что пытались словом вразумить погрязшее во грехе иудейское племя, но глас посланников был или «гласом вопиющего в пустыне» или заглушался камнями побивающих их соплеменников, а то и пресекался мечом палача. Зато по прошествии веков фарисеи лицемерно восхваляли убиенных, строили им гробницы и заучивали наизусть тексты их книг с пророчествами.

Были праведники в народе еврейском, но не под силу им было исправить нравы общества. Слово Бога заслонялось словами сатаны.

Однажды пришёл в мир Спаситель, Сын Божий, чтобы страданиями своими и смертью дать возможность осквернённому человечеству спастись. Он принёс людям Благую Весть, принёс Слово Спасения. И что? Побегали несметные толпы каяться во грехах, во слезах молить о прощении? Как бы не так. Огромными толпами ходили, слушали, восхищались чудесами, а каялись немногие. Ждали не Спасителя, не было в Нём нужды, ждали могучего царя, способного дать каждому все блага земли и радости жизни.

А потом, разочарованные до озлобления, неистово вопили: «Распни Его, кровь Его на нас и на наших детях». Но Слово Спасения не погибло, апостолы, ученики и друзья Иисуса понесли Его по свету, и все, кроме Иоанна Богослова, погибли за Него.

Апостолы шли по городам и селениям Иудеи, Самарии, Галилеи со Словом Иисуса, люди внимали, многие задумывались, иные уверовали и в то же время апостол Иаков с болью писал: «Ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Вот и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий. Так и язык — небольшой орган, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны. Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим. А язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человек, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братья мои, сему так быть».

Знать, до такого плачевного состояния дошёл язык народа еврейского, ну а коли язык стал таков, то и духовное состояние было соответствующее. Но, Светильник был уже зажжён и светил — Слово достигало людских сердец и возжигало в них Веру Христову. А поборники зла несли своё слово. Евангелие невозможно уничтожить, но его можно исказить.

* * *

«Сыновья Ноя, вышедшие из Ковчега, были: Сим, Хам и Иафет», от них пошло человечество после Потопа, их потомки расселились по Земле. Из потомков Сима происходил Иисус. Потомки Иафета позже всех расселились по миру. Они пришли в Малую Азию, в Индию, двинулись и на запад, в Европу. Это племя позже и разрослось в индо-европейскую расу, к которой принадлежит русский народ.

Среда обитания участвует в рождении и становлении народа, в ней обитающего. Посмотрим, как это происходило с русским народом, как повлияло на формирование великорусского языка.

По Льву Гумилёву «первое общеславянское государство существовало в лесной полосе между Днепром и Днестром. В VII веке оно распалось под натиском врагов, выделив Болгарию, Чехию, Польшу и Поморье. <...> К IX веку сложилась Киевская Русь, она возникла тогда, когда славянство перестало существовать как целостность, сохранив, однако, общепонятность речи, или близость языков».

Здесь для нас важны слова о лесистой полосе и о междуречье Днепра и Днестра, они указывают на характерные природные особенности и первого исторически-обозримого славянского государства, и Киевской Руси, которая тоже располагалась в основном на землях, заросших густым лесом, вдали от тёплых ветров Атлантики, от благодатного климата Западной Европы. Густые нехоженые леса, топкие болота, длинные морозные зимы, хищные звери — всё требовало объединения человеческих усилий для выживания, но и вырабатывало негнучий характер, негибемый дух, рождало язык вдумчивый, неторопливый, мирозерцательный.

Очень трудно доставался хлеб земледельцу, кровью и потом отвоёвывавшему скудную пашню у векового леса. Во многом поэтому не возникли на Руси условия для возникновения частнособственнических отношений, они подталкивали к

оформлению, скорее, государственно-частных. И оттого не было возможности у народа, живущего в столь суровых условиях, увлекаться излишествами, перерастающими в пороки.

На западе, в зоне влияния Гольфстрима, природа баловала человека. Здесь была разветвлённая речная сеть, притом почти незамерзающая, тёплый климат без летних заморозков и изрядно прореженные со времён Рима леса. Эти факторы способствовали лепке характера народа неустойчивого, а языка легковесного, суесловного.

Но, кроме этого, европейская цивилизация проросла из трухи сгнившего Римского мира, впитав в себя соки-пороки поздней, нравственно разложившейся Империи, а языки европейские есть не что иное, как испорченная латынь. Очевидно, и западное христианство, католицизм переняло в лице своих первых иерархов родовую черту римской аристократии — властолюбие, и уверенно пошло к достижению верховенства среди христианских общин, потом церквей, причём любыми средствами, даже недостойными. На этом пути Римская курия накопила несметные богатства, стала одним из влиятельнейших собственников Европы, наравне с королями и императорами, потеряв при этом истинную духовную опору в народах, но встроив церковь в систему существующих экономических отношений.

Отсюда можно сделать вывод — европейские нации, от рождения принявшие в себя родовые пороки Рима, на них росли и растут донныне. Точно на этой испорченной почве создавались европейские языки и национальные культуры.

Совершенно иначе, вне довлеющего влияния закатного, изуверски-изошрённого мира Римской империи, развивалась Русь, и язык русский проходил становление в самобытных условиях и на славянской основе.

Киевская Русь приняла христианство из Византии, а именно православие, сохранившее в себе учение Апостольской церкви.

Европа, переняв культуру погибшего Рима, не отторгла и глубоко укоренившиеся извращения покойного, содомистские похоти, они прижились в среде светских европейских правителей, постепенно проникая в гущу народную. Подобное на Руси всегда считалось святотатством, даже в языческие времена, народ просто не выжил бы в тяжких климатических условиях, если бы поддался извращениям, пресекающим род людской, и распутству, не способствующему росту и крепости семей, фундаменту жизни земледельческого племени.

В XII веке Киевская Русь распалась, и в дальнейшем центр русской жизни вынужденно смещался на север, на восток и на северо-восток, где леса дремучее, а климат холоднее, там закалялся русский характер, преодолевая междуособные распри, воюя с немцами, шведами и ордынцами, собирая государство, крепчал, богател язык русский, вбирая в лоно своё языки и наречия племён и малых народов, вошедших в один большой русский народ. Уже были написаны «Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати» и «Повесть временных лет».

В царствование Иоанна Васильевича, прозванного Грозным, Европа вдруг с ужасом обнаружила у себя под боком вместо ожидаемого сборища дикарей в звериных шкурах мощную Державу, с умным и дальновидным царём, трудолюбивым добродушным народом, обширную и не хиреющую, обладающую, к вящему изумлению, собственным письменным и богатым разговорным языком. Но есть у этого народа ещё то, что они не обнаружили. Как дерево питается соками земли, из которой выросло, так и язык напитывается соками из самой глубины жизни простого, «чёрного» народа. А самая глубь народной жизни — фольклор, устное

народное творчество. Оно и составляет комель всей языковой культуры. Здоровый, могучий комель-опора всему древу языка. Комлястое дерево жизнестойкое.

Песни, былины, обряды, сказки, частушки, поговорки, пословицы, загадки, прибаутки — вот он, комель языка русского, такой туго узластый, такой переви-тый-переплетённый, что ни топору, ни огню не подсилен.

Именно с этого времени усилилась война против Державы, война никогда не прекращающаяся, принимавшая разные формы: информационная, психологическая, экономическая и вооружённая. Потому что русские не такие, как европейцы или американцы. Русские не завоёвывали чужие земли огнём и мечом, как испанские конкистадоры или английские колониальные войска. Наш Ермак с полутысячей казаков прошёл пол-Сибири, прошёл на свой страх и риск, а его последователи малыми отрядами за короткий срок дошли до Тихого океана, и местные племена добровольно шли «под высокую руку белого царя», они видели в русском человеке не поработителя, а друга.

Да, Русь повергла Казанское и Астраханское ханства, но это было избавление от вечных кровавых набегов потомков золотоордынцев, а народы этих ханств объединились с русским неразлучно.

Русская Православная Церковь не сжигала еретиков десятками тысяч, на площадях русских городов не пахло жареным человеческим мясом, а русские монахи не продавали навязчиво индульгенции во отпущение всех мыслимых и немыслимых грехов. Мы другие, у нас свой мир, своя цивилизация и у нас Бог в душе, а у них на губах.

И язык у нас отличный от европейских: и звонкий, как песнь жаворонка в лазоревом поднебесье, и нежный, как шепоток ручейка в лесных зарослях, и грозный, как русская рать в сомкнутом строю!

Европа не любит тех, кто на них не похож. Покатились волны нашествий на землю Русскую; накатывали и, беззубо шипя, уползали, разбитые о гранит духа русского, снова накатывали и снова, мутные, обессиленные, уползали, оставляя грязные лохмы пены.

Вширь и вглубь раздвигалось пространство русского языка. Полнился он плачем жёнушек, провожавших мужей и сынов на битву за землю родимую, полнился песнями воинской доблести, песнями пахаря и песнями любви. Никакому народу на Земле не выпадало столько лиха на долюшку его, только русскому! Всё он превозмог, всё вытерпел и всё впитал в себя язык наш, всё сохранил. Поэтому так неповторимо богат он, так удивительно выразителен, такие тончайшие состояния души человеческой способен передать наш великий русский язык!

* * *

К девятнадцатому столетию все накопленные языком сокровища уже просто рвали наружу, требовали своего осмысления, своего упорядочивания, явления своего миру во всём нестерпимом блеске красоты. И настал Золотой век русской культуры: литературы, музыки, живописи. Это невозможно объяснить случайностью — одновременное явление гениев отечественной словесности — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Даля, посвятивших жизнь служению русскому слову! Божественное Провидение здесь потрудились!

Пушкин... Лермонтов... Любому народу на земле даже одного из них хватило бы на всю историю, а у нас они лишь первые в плеяде великих имён, оказавших мощное влияние на всю мировую литературу. Первые, но и высочайшие!

Пушкин — «солнце русской поэзии», и больше ничего не надо говорить. Лермонтов, как спящий разряд молнии, таким незатухающим сиянием осветил небосвод Русского мира, что доколе жить будет народ русский, дотоле и будет освещать небо над ним поэзия великого сына России!

Подобное влечётся к подобному. Высокая музыка привлеклась к высокой поэзии — и родилось дитя неповторимое, уникальное в мировой культуре — русский романс. Песни мелких страстишек, коими живёт современная песенная культура, гаснут, как искры от костра, едва отлетев, русский романс угаснет только вместе с народом, в котором он родился. Или когда народ примет другую культуру, а с ней и другие песни, но это будет уже другой народ, не русский.

Иного не может быть, потому что «Выхожу один я на дорогу», «Я встретил вас — и все былое...», «Гори, гори, моя звезда...», «Живёт моя отрада...», «Вот мчится тройка почтовая» и другие шедевры — это оголённая душа русского человека, мятущаяся и страдающая.

* * *

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна. 1:1). Язык народа — его высшее достояние, его святыня. Оплотом святыню — и рухнет цельность внутреннего мира в человеке, воцарится мерзость. И превратится человек в зверя двуногого.

Иван Сергеевич Тургенев писал: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбе моей Родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»

Анна Андреевна Ахматова в разгар войны уверяла: «И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово. // Свободным и чистым тебя пронесём // И внукам дадим, и от плена спасём // Навеки».

Язык неотделим от носителя своего — народа, и неотделим от всех его жизненных потрясений, с ним он горюшко мыкает, с ним и в веселии пребывает. Реформы Александра Второго распахнули дверь в страну, привнеся в Россию чуждые экономические отношения и подлую мораль стервятников. Горячно затрясся организм Державы, приняв отравленную кровь западного капитализма. Русское общество враждебно расслаивалось с невиданной прежде силой и скоростью.

Противо...речия копились, копились... В начале двадцатого столетия в организме России набухали злокачественные нарывы, в воздухе русском пахло кровью и гноем. Тревога и ожидание гибели разлились в культуре Серебряного века. Этот период в русский словесности не был подобен мощному и длительному, почти на столетие, толчку Золотого века, взметнувшего русскую литературу на мировую вершину, это был, скорее, судорожный рывок, сотворивший талантливую, но часто с миазмами разложения, поэзию и прозу. Однако он тоже породил немало имён высочайшего уровня... первейшими из которых по воплощению русского духа в художественных образах, безусловно, останутся навсегда Горький и Есенин*.

---

*Эти писатели, равно талантливые, идейно были воинственно несопоставимы: Есенин, любивший изначально православное христианство и русское крестьянство, и Горький, презиравший и христианство, и крестьянство.

Взрывная ломка всего устоявшегося, привычного, но прогнившего и опостылевшего мира, да к тому же отягощенная тяжёлой затяжной войной — такие потрясения могут закончиться гибелью цивилизации, но русский народ устоял. А потом была ещё и Гражданская, одна из самых жестоких войн, когда брат на смерть рубился с братом, а сын расстреливал отца. А устоял наш народ потому, что революция указала способ построения совершенно нового общества, в котором десятилетним ребятишкам не придётся собирать в короба металлическую стружку в заводских цехах, чтобы заработать на кусок хлеба, а пьяный купец, выйдя из ресторана, больше не будет кидать пригоршни медяков в прохожих, гордо приговаривая при этом: «Налетай, православные, я седни добрый!» Народ устоял, была у него большая охота построить такое общество.

Язык тоже ломало и корёжило в вихрях общественных сотрясений. Он опрощался до неистовой митинговости, дичал в яростно-матерных сабельных сшибках, вспархивал в революционных песнях, обретал новые, иногда чуждые слова, невозможные прежде выражения, кровь и слёзы жестокого времени пропитали его. Но его ждали новые испытания. Отбушевала Гражданская война, и пришли 20-е годы: нэп, хаотичность, непредсказуемость жизни — отдышка перед чем-то неведомым.

Язык русский, уйдя от старых письменных норм, не обрета пока устойчивых новых, шатался, его уродовали новорожденные советские бюрократы, его опошляли новые, тоже советские, обыватели, обульваривали в кабацких гульбищах самодеятельные певцы и декламаторы. Молодая творческая интеллигенция, ломая старое искусство, и родной язык подвергла изрядной ломке в поисках новых форм отображения жизни.

На село тоже пришли новые слова и новые смыслы, частенько искусственные, не устоявшиеся, язык простого народа бродил от хмеля перемен.

Но жизнь заставляла создавать новую литературу, сдувая при этом пустую словесную шелуху, отбирая лучшее из вновь возникшего и опираясь на прошлых мастеров, литературу, созидательную, не похожую даже на лучшие произведения отечественной дореволюционной классики, поскольку та, по глубинной своей задаче, была социально протестной. Вспомним Некрасова.

<i>Вчерашний день, часу в шестом,</i>	<i>Ни стона из ее груди,</i>
<i>Зашел я на Сенную;</i>	<i>Лишь бич свистал, играя...</i>
<i>Там били женщину кнутом,</i>	<i>И Музе я сказал: «Гляди!</i>
<i>Крестьянку молодую.</i>	<i>Сестра твоя родная!»</i>

Теперь же была необходима литература, осмысливающая всё свершившееся и вдохновляющая на построение нового мира. И народ создал её, да ещё какую!

«Реализм — это направление в искусстве, ставящее целью правдивое воспроизведение действительности в ее типических чертах». В искусстве СССР в тридцатые годы, в годы индустриального рывка, в годы всенародного энтузиазма родился социальный реализм, который часто называют социалистическим, он им стал позже, а тогда он был именно социальным, то есть отражающим жизнь всего тогдашнего социума или общества. «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова, «Как закалялась сталь» Островского, «Хожение по мукам» Толстого.

В кровище и муках рождалась осуществлённая мечта трудящихся всех времён, в этих произведениях эпоха была запечатлена с такой силищей, что и через столетие потрясает людские сердца.

В начале двадцатых во всю мощь зазвучала божественная лира Есенина, а Маяковский революционный чеканил шаг в поэтическое бессмертие. Когда народ одухотворён высочайшей идеей, его язык, всегда чуткий и живой, тут же откликается, он ликует, он готов творить шедевры языковой культуры.

* * *

...Война вторглась в Отечество наше. Такая лютая, такая беспощадная, что стало понятно — это война на уничтожение всего русского, всего славянского, и если мы не победим, русскому народу не быть на Земле.

Русский язык встал в солдатский строй. И в первые дни войны загремел над Родиной набат «Священной войны». Все, услышавшие песню впервые, говорят о её ошеломляющем воздействии, она вламывается в мозг, врывается в сердце, вторгается в душу и разжигает в них духоподъёмный огонь. Страна огромная встала на смертный бой!

Язык русский воевал приказами Верховного Главнокомандующего и похоронками в сумках почтальонов, публицистикой Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, статьями и стихами Константина Симонова; русский язык искрился солдатским юмором и укреплял веру в победу в поэме Твардовского «Василий Теркин»; русский язык выдёргивал солдат из окопов грозными словами: «За Родину, за Сталина!», гнал хрипящим «Ура-а-а!» в атаку и многоэтажным матом помогал в рукопашной.

Мы победили!

Русские песни Победы вспугивали тишину в тревожно затаившихся сожжённых улицах Берлина, русское горе утрат пело-плакало в сожжённых городах и сёлах Смоленщины и в далёких от войны городах и сёлах Сибири и самого Дальнего Востока. Страна Советская, выплавав горе, засучила рукава и взялась за работу. Дел было невпроворот, а рабочих рук не хватало.

Однако справился народ: не сытый, но весёлый и злой на работу с песнями восстанавливал заводы, поднимал целину, строил огромные плотины в Сибири. И вот, когда народ стал жить позажиточнее, тогда и подкралась беда страшная, страшнее войны, страшнее физической смерти, ибо тяга к богатству убивает душу. Вначале тяга была вроде и мелкая: немножко урвать у ближнего или у государства, деньжишек малость подкопить, дальше — ковёр по благу достать, посуду хрустальную. Но жажда наживы неустанно, неуклонно растёт. Потом хочется холодильник иметь, позднее импортный, потом машину, со временем тоже иностранную. Есть ли предел у алчности? Есть, но единственный — нехватка денег.

Вот так из народа взыскующего духа русские превращаются в рабов возликующего брюха.

Противостоять этой пагубе могло бы обращение к вере Православной и большая, как сама страна, русская национальная идея. Только в этих двух родственных состояниях души человек осознаёт, что счастлив он не тогда, когда срывает последнюю рубашку с ближнего, а когда отдаёт ближнему свою последнюю.

Давно и правильно замечено, что когда народ созидает, его язык, особенно разговорный, становится богаче, ярче, образнее, а когда народ живёт лишь забота-

ми о хлебе насущном — язык тускнеет, блекнет, бледнеет его начинает разлагать плесень жаргона спекулянтов и потребителей.

* * *

Птицу кормом, человека словом обманывают... Сразу после русской Победы, как в ознаменование начала «холодной войны» против СССР, было сказано Даллесом или приписано ему, неважно, главное, было высказано: «...Мы наводним вас грязной литературой, мы разорвём вас изнутри...» Очень неглупый человек был глава ЦРУ США, понимал значение слова в идеологической войне.

План по распаду СССР изнутри Запад осуществлял постоянно, он являлся и является составной частью глобальной и многовековой борьбы западного мира с Россией. Так вот, в рамках этого плана пробуждение в советских людях жажды наживы есть задача первостепенной важности, потому что жадный человек — находка для врага, а завидующий человек — грядущий предатель.

Бритва скребет, а слово режет; слово пуще стрелы разит — русским народом давно сказано, и жизнью доказано.

Враги воспользовались нашим языком, и он, помимо своей главной задачи, невольно стал прислуживать недругам, стал оружием против своего создателя и носителя, мощным, иногда трудно отразимым, потому что он свой. Но не сможет ложь стать правдой; ложь — вне добра, значит, ложь — внесущностьна. Слово, оно же действительно живое, слову больно, когда им лгут, слово сопротивляется, не даёт сложиться во что-то художественно достойное. Талант, поставленный на службу злобной клевете, в ней и заглохнет.

Прикончили втихую Советский Союз, разорвали по живому братство трёх славянских народов, совершив тем самым и диверсию против культуры наших народов, ведь украинский и белорусские языки едины с русским, без великорусского языка они обречены на медленное замещение другими, более функциональными и агрессивными, а значит, более востребованными в современном, катящемся в варварство мире.

* * *

А как же чувствует себя великорусский язык у себя на родине, в России, как ему живётся? Нужно честно сказать, паскудно живётся русскому языку в пристроенной к западной модели жизнеустройства Российской Федерации. Примерно так, как будет житься во времянке, слепленной абы как из остатков добротного дома, разобранный до последнего брёвнышка, и пристроенной к соседскому дому со стороны заднего двора. Крыша из обломков шифера протекает, в щелястые стены ветер задувает и ходит сквозняком по неуютному помещению. Зато крыльцо богатое, с витыми балясинами перилец и крашеными крепкими досками ступенек.

Но почему такое произошло с языком в родной его среде?

Чтобы ответить на этот вопрос, придётся задать другой, наводящий. А кому он нужен в России, русский язык? Олигархам, чиновникам высшего уровня?

В Евангелии сказано на все времена: «...Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Если сокровища в иностранных банках, то и сердце будет там; поступит команда из Центра подавляющей силы перейти на английский — «под

козырёк» и рьяно кинутся исполнять. А они, чиновники и олигархи, влияют на многое в государстве в силу власти денег и власти занимаемого поста.

Именно поэтому никакой закон о защите русского языка работать не будет, именно поэтому сокращают часы преподавания русского языка и литературы в средней школе. Поставлена задача ужимания области применения родного языка и расширения области применения английского. Если кто-то думает, что рекомендованное внесение в русские словари английского «файф о клок» нечто вроде шутки, то он глубоко ошибается, ибо это стратегия внедрения.

А разве нужен русский язык миллионам деловых мигрантов, для которых Россия — большая поляна с тучной травой, на которой можно вволю попать, собрать травки и отправить в родные сухоземельные края, остальное не жалко и вытоптать. Им язык России постольку поскольку нужен, хватит пары сотен самых простых слов для общения с туземцами. Притом надо учесть, что диаспоры пришельцев становятся влиятельной силой в экономическом и политическом плане. Даже мелкий бизнес, особо в сфере торговли, часто имея дело с импортными товарами и испытывая давление сверху, обретает любовь к английскому; ради дохода торгаш и вывеску на этом языке «сообразит», и детишек будет понуждать прилежнее учить в школе язык милой Англии и великой Америки.

В общем, если под этим углом зрения рассмотреть все социальные группы населения России, то получится, что ни для одной из них родной язык не является территорией любви, а просто данное от рождения средство общения, которое ради каких-то жизненных интересов можно и заменить. Учащаяся молодёжь усиленно изучает языки, особо английский, в надежде потом «свалить за бугор» с багажом знаний, полученных здесь. Они смотрят на старших товарищей, учёных и специалистов, которых искусственно созданная невостреманность выталкивает за пределы Отечества, или их сманивают агенты западных корпораций. Работники искусства — художники, композиторы, певцы, актёры и режиссёры, дирижёры, особенно ставшие известными, проводят за границей в творческих командировках половину своей жизни. Нетребко в России — гость не частый, и «домушечки» в тамошних «деревушечках» приобрели, да и кой-какой «бизнесишко на молочишко» там имеют, надеясь в преклонных летах осесть в милых сердцу местах, возможно, даже щебеча по-местному. Они без русского тоже не умрут, вот и выходит, в России русский язык нужен только Русской Православной Церкви и простому народу. Церковь родной язык защищает и охраняет в духовном плане и в меру своих возможностей, хотя желательно бы, чтобы она б́ухала во все колокола, дабы оглушить русским звоном губителей родной речи.

А в народе чистый русский звучит всё глуше, всё невнятнее, а мат и жаргон всё громче и внятнее. Придавленный заботами о брюхе несытом и теле, худо прикрытом, народ не способен сохранить, а тем более развивать свой язык, да и недосуг ему всё свободное время забирает телевизор и Интернет, средство общения которых далеко не литературный язык.

* * *

В пристройке обязаны слушаться хозяина дома, а он говорит на английском, так что будьте любезны, «дорогие россияне», изъясняться так, чтобы в вашей

речи было побольше «трендов-брендов», да «лизингов-консалдингов», а поменьше этих варварских русских слов. И выходит, у русского народа нагло отбирают и тихо крадут самоидентичность, а фундамент русского дома крушат отбойными молотками, язык наших предков втоптывают в грязь.

А где же писатели, поэты, журналисты, те, у кого смыслом жизни должно быть служение народу через слово, которые должны нести в народ слово любви и добра?.. Увы, многие из них обменяли беспрепятственную возможность выблевывать на страницы публичных изданий всю свою внутреннюю срамоту на обнищавший, вымирающий, порабощенный народ.

Конечно же, есть в России люди, для которых родная речь неотделима от самой жизни, которые не мыслят себя в иноязычной культуре. Это учителя-словесники, это учёные-языковеды, это избранные писатели. Но голоса их почти не слышны, они забиваются могучим отрететированным хором проводников западного мироустройства. Эти люди глубже других чувствуют смертельную опасность для России — опасность растворения русского языка в наглом языке пришельца. Яснее осознают, что слабеющий родной язык — ослабление самого государства русского, а смерть русского языка — смерть Родины.

Но самое горькое, что это будет смерть духовная. Безъязыкий народ — утробный плод с отсечённым питанием. Народ, как и природа, является творением Божьим, и с утерей языка народ теряет связь с Творцом не-воз-врат-но!

Бывали времена в нашей истории, когда влияние того или иного европейского языка преобладало в верхних слоях российского общества, но родной язык превозмог эти влияния, отторг их, оставив в себе лишь немного из пришлого, безболезненно прижившееся.

Сейчас ситуация с русским языком стократ хуже. Всевластие денег принесло с собой закреплённые в другом языке другие моральные нормы, подчас прямо противоположные благочестию. Коль приняли деньги как главный смысл жизни, так должны принять и язык, выражающий этот смысл. Так что кричите, патриоты, хоть охрипните, а всё мимо уш, все мимо душ!

Тогда что, смириться? Нет!!! Тогда доколе терпеть издевательства над русским языком, который встречает нас в первый миг появления на свет, на чём мыслим, чем выражаем свои чувства, с чем живём и умираем — над речью русской?!

Пусть каждый, живущий в России, заглянет в себя поглубже и разберётся, а готов ли он предать слово «мама», впервые произнесённое им в этом прекрасном мире? Или те тихие слова, переполненные любовью и нежностью, которые мама произносила, целуя его засыпающие детские глазки: «Спи, сыночек, спи, мой родной»? Готов ли затоптать в памяти своей те вечные и всегда первые слова, что произнёс, робея и краснея, самой лучшей в мире девушке: «Я люблю тебя»? Очевидно, предавшему родной язык, предать Родину будет уже проще.

А если твоя совесть скажет, что отеческую речь можно вырвать из тебя только вместе с сердцем, тогда нужно противодействовать насильникам, губителям Русского мира. И начинать с самого себя.

Перво-наперво, необходимо убрать из своей речи бранные слова, они же не только обедняют и уродуют язык, они душу поганят, пачкают грязью её божественное начало. (Пусть только война останется для них временем применения.) С искоренением матерщины устранился и её вредное влияние на детей, которые неосознанно копируют своих родителей, перенимают их грехи и усиливают в себе, а через несколько поколений эти грехи разрастутся в могучие древа порока,

не подсиленные для корчевания. Недаром ещё Демокрит сказал: «Привычки отцов превращаются в пороки детей».

Слушая, а позднее читая русские народные сказки и былины, ребёнок начинает приобщаться к могучему источнику жизни своего народа, и вероятность того, что он вырастет добрым человеком, многократно увеличится. Сказки создадут крепкое нравственное основание его мировоззрения, взрослея, человек обязательно начнёт читать русскую классику, тогда вырвать его из Русского мира будет куда сложнее, если вообще возможно, чем того, кто воспитывался на иностранных «мультиках» и Интернете. Безусловно, с молодых ногтей нужно воспитывать русское юношество в Православии, на высочайших примерах жизни наших святых и подвижников Духа, чтобы, став зрелыми, они осознанно приняли Веру Православную.

Книги, прочитанные в детстве, сильнее всего влияют на судьбу человека. Не с этого ли малого делушка начнутся большие дела по возрождению Русского мира? Единого и Неделимого, непрерывающегося в Истории, оплодотворённого русским языком, в котором на сказках, сотворённых, возможно, ещё в Киевской Руси, вырастали дети Советского Союза, а орденами с именами полководцев Екатерининской эпохи награждали полководцев Красной Армии. В это верится! А как же без Веры? И не только без Веры. Ведь именно на любви и милосердии может стоять Россия. А это и есть вера — Русское Православие.

9 декабря 2013 г.

Спекуляция или непрофессионализм?

В девяностые годы государственные издательства в штормовом океане свободного рынка пошли на дно, как эсминцы, натыкающиеся на вражеские мины. Хорошо организованные предприятия, приносившие стабильный доход государству и после прибыльности водочной промышленности занимавшие второе место, не только решали, как тогда говорили, народно-хозяйственные задачи, но и формировали культурное пространство страны, выпуская книги высокого качества. Возникшие на их руинах ЧП, ТОО, ООО, ЗАО или иные издательские сообщества не смогли заменить их, так как был разрушен складывавшийся десятилетиями институт литературных и художественных редакторов, корректоров и других издательских работников. Рухнула система книгоиздания.

Появлялись новые серьёзные частные издатели и в Сибири, Геннадий Сапронов в Иркутске, Аркадий Елфимов в Тобольске, и, по сути, продолжавшие традиции, державшиеся не только на таланте и организаторских способностях издателя, но и на авторах, таких как Распутин, Астафьев и другие. Таких издательств по стране, думаю, наберётся немного. Сохранились редко где и государственные издательства, к примеру, в Волгограде было такое, живо ли?

В основном подготовкой книг к изданию сегодня занимаются небольшие коллективы при мини-типографиях, когда и уровень авторов, и уровень предпечатной подготовки не всегда соответствуют средней норме, высокое качество печати не может скрыть убогости и непрофессионализма организаторов этого процесса.

Листаю несколько дней назад присланную мне наложенным платежом книгу: Валентин Распутин (Достояние России). — Красноярск: Изд-во «Буква Статейнова», 2018. — 192 с.

Жанр не обозначен, аннотация отсутствует, но, судя по мелованной бумаге и цветным фотографиям, можно догадаться, что это альбом. Деление на разделы «Юность», «Начало творчества» «Творчество» не оправдано, потому что никакой хронологии нет, во всех разделах помещены фотографии различных периодов жизни. На второй странице много знакомых фамилий, обнаруживаю и свою, хотя никаких фотографий своих этому издательству не предлагал и согласия быть членом авторского коллектива не изъявлял, но указан в его составе.

Известно, что самые досадные, обидные и смешные опечатки — те, которые искажают смысл, а есть и попроще, когда чуждые буквы оказываются в неподобающем строю. В данном издании и тех и других, и прочих ошибок, искажений оказалось предостаточно. Александр Сергеевич Пушкин, правда, относился к некоторым из них простительно:

*Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...*

Дохожу до стр.17, на фотографии В.Г. Распутин и подпись: «С журналистом Павлом Кошкиным. Иркутск, 2012 год». Журналист запечатлён в профиль, узнать сразу не могу. Знаю одно, журналиста Кошкина в нашем городе нет. А вот спортивную сумку, я её сразу узнал, видел и не раз на плече... Павла Кушкина, спортивного обозревателя.

Стр. 39. Под фотографией дома, в котором Распутин прожил половину своей не короткой жизни, подпись: «Дом, где последние годы жил Валентин Распутин». Если сорок лет последние, то, сколько же, по мнению авторов альбома, должно быть предшествующих?

А дальше начинается задача со многими неизвестными. Рассмотрим выборочно несколько страниц. Стр. 177. На черно-белом фото беседуют четверо мужчин, один из них В.Г. Распутин. Подпись: «В Тобольске с Ивашковским». Ну хорошо, остальные, кроме Ивашковского, создателей типографического шедевра не интересуют, но кто такой Ивашковский, где он в этой загадочной компании? В конце концов, у Ивашковского должно быть имя, отчество. Профессия, наконец. Это Пушкина мы можем называть одной фамилией, он один. А здесь?

Понятно, что редактор — составитель данного издания, он же председатель редакционной коллегии, он же автор вступления и заключения, он же глава авторского коллектива — может и не знать в этой компании никого, но тогда надо сказать, что лица, изображенные рядом с Валентином Григорьевичем Распутиным, не известны. Или: «предположительно на данной фотографии...» и т. д. И вариантов быть может много, но они должны быть конкретными. В данном случае и Салтыкова-Щедрина нетрудно увидеть рядом с Ивашковским.

Ещё фото. Мужчина — безымянный, и женщина с раскрытой книгой в руках, тоже безымянная. «Библиотека имени Горького. У стеллажа с книгами В.Г. Распутина». Очередная неточность. Смотрю на корешки: Ян Скрыган, выше — Константин Симонов, ещё выше — Севела, а слева правда есть и Распутин. Но других-то авторов во много раз больше.

Откройте любое солидное иллюстрированное издание времён Российской или советской империй, и вы увидите, что существовало простое правило: под фотографией обязательно должно быть указано время, место и имена всех, кто изображён на фотографии. А если это архитектурный объект, то и его наименование.

Невозможно перечислить недочёты и несуразности, хотя как мы видим, бумага всё терпит, даже мелованная, но на стр. 110 остановлюсь, уж больно выразительный пример.

Две чёрно-белых фотографии, расположенные одна под другой. На верхней — В.Г. Распутин с писателем Кимом Николаевичем Балковым. Подпись гласит: «С бурятским писателем Кимом Балковым». Ким Николаевич действительно долгие годы прожил в Бурятии, но он русский писатель и пишет исключительно на русском языке и сам себя считает русским, а если в нём течёт бурятская кровь, то в ком её нет из длительно живущих в Сибири поколений. У меня прабабка бурятка, и что, называйте меня бурятским писателем? У Распутина, по его свидетельству, текла и тунгусская кровь, давайте его причислим к тунгусским писателям.

Под нижней фотографией подпись: «Иркутские и бурятские писатели» и никаких фамилий, уточнений. Для начала замечу, что иркутянин не национальность. Есть понятие смысловых рядов, где признаки изображаемых предметов, людей, животных и т. д. схожи по основным параметрам. Жаль, что читатель не может

увидеть эту фотографию, он бы визуально убедился, что на ней нет ни одного «брацковатого» лица, как говорят в Сибири. Разочарую и Статейнова: Анатолий Петрович, нет на этой фотографии ни бурятских, ни иркутских писателей, не считая конечно Валентина Григорьевича. Но если определять по месту жительства (половину года он жил в Иркутске, половину — в Москве), то его можно назвать и московским. Но прежде всего он русский писатель.

На этой фотографии запечатлён приём губернатором Иркутской области Борисом Александровичем Говориным в октябре 2002 года участников Дней русской духовности и культуры «Сияние России»: Валентина Распутина, поэта Николая Рачкова (г. Тосно), профессора Санкт-Петербургского педагогического университета, руководителя Всероссийского движения «Современная русская школа» Ивана Гончарова, писателя Юрия Лощица (Москва), слева от губернатора знаменитый Леонид Харитонов (Москва) — советский и российский оперный певец (баритональный бас), народный артист РСФСР. Сидят: психолог и публицист по проблемам детства Татьяна Шишова (Москва), литературный критик Капитолина Кокшенёва (Москва) и др. Все русские.

Четверть века проходят в Иркутске Дни русской духовности и культуры «Сияние России, организатором, душой и светочем которых был и навсегда останется Валентин Григорьевич Распутин. А идея праздника принадлежит русскому певцу из Австралии Александру Васильевичу Шахматову, который в 90-е годы вернулся в Россию и много поспособствовал возрождению русской культуры. Ни под одной из фотографий, отражающих события Дней русской духовности и культуры не указано полное название, под некоторыми стоит: «Сияние России» в кавычках, что может указывать на противоположный смысл, а под одной «Сияние России – 13». Только в полном названии этого праздника отражается его подвижническая суть и возвышенный смысл.

Подпись ещё под одной фотографией: «Открытие посмертной выставки «Ближний свет издалека» в ИОКМ». Можно подумать, что речь идёт о каком-то живописце, на самом деле это открытие в музее экспозиции, посвящённой памяти В.Г. Распутина

«Чудеса» происходят и на других страницах. На стр. 103 в разделе «Творчество» на фоне деревенских изб группа более десяти человек, никто не назван, догадывайся, читатель, кто на ней изображён. Подпись гласит: «Музей Тальцы на Байкале». (Согласно правилам музей «Тальцы» пишется в кавычках). Но такого музея на берегу священного моря нет, на фотографии изображён этнографический музей, который расположен в 47 километрах от Иркутска на берегу реки Ангары, а не на Байкале.

А если рассмотреть две фотографии и подписи к ним (стр. 126), по общей несуразности, что ли, помещённые в разделе «Творчество», то путаница только усугубится. А подпись под обеими фотографиями одна и та же, хотя объекты, изображённые на ней, — разные: «Сияние России». Кругобайкальская железная дорога, музей Тальцы». Получается, то ли музей находится на железной дороге, то ли железная дорога проходит через музей. Но ни то ни другое не является фактом.

Кругобайкальская, её ещё называют Кругоморской, дорога идёт вдоль Байкала, а «Тальцы» находятся в нескольких десятках километров севернее железной дороги, да ещё отделены от неё рекой Ангарой. Вот такая получается рубрика «Творчество», что-то из области передвижения предметов в пространстве при помощи ловкости рук. И никакого, как говорят в народе, «мошательства».

Но не только в несоответствии изображений и подписей преуспели изготовители книги, но и в незнании распутинских произведений и некоторых исторических фактов, связанных с Иркутской писательской организацией.

В своём «Заключении» А. Статейнов размышляет о повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» и допускает грубейшее искажение: «Тамара Ивановна Воротникова вынуждена взять в руки отцовский обрез и застрелить насильника несовершеннолетней дочери». Вот так легко и просто.

Что такое обрез? Огнестрельное оружие с отпиленным (укороченным) стволом. Для того, чтобы пронести его тайно. Интересно, что в словаре великого В.И. Даля этого слова нет, значит, обрез в обиходе появился позднее, я думаю, на стыке первых русских революций и Гражданской войны. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой (1982 г.) — винтовка с отпиленным концом ствола. *Мужики опять как при германцах в прошлом году пилят винтовки на обрезы и ждут Красную Армию.* А.Н. Толстой. «Хмурое утро».

Спрашивается, зачем лесничему Ивану Савельевичу обрез, когда для охотных и охранных дел у него было два ружья, одно из которых он и подарил Анатолию, мужу Тамары Ивановны. И она сама сделала обрез, отпилив ствол ночью на своей кухоньке, и обрезок оставила здесь же, чтобы вопросов не было у следователей, она не собиралась скрывать своё преступление.

В другом месте Статейнов пишет: «В августе 1961 года В.Г. Распутин увольняется из газеты «Советская молодёжь» и становится редактором литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения. Проработал он здесь меньше года и был уволен за передачу о писателе П. Петрове. Валентин Григорьевич пострадал за попытку публичной реабилитации писателя, возглавлявшего Иркутскую писательскую организацию в тридцатые годы». Всё здесь близко к факту, кроме того, что Пётр Поликарпович Петров никогда не возглавлял Иркутскую писательскую организацию. «В 1933 г. ответственным секретарем Иркутского отделения Союза советских писателей был избран И.И. Молчанов-Сибирский и руководил Иркутской писательской организацией до 1958 г.». Так в Иркпедии. На самом деле И.И. Молчанов-Сибирский руководил с небольшими перерывами — во время войны были отв. секретарями А. Кузнецова, Мстиславский, до и после кто-то ещё. Подробнее см.: Иркутск. Бег времени. Автографы писателей. Кн. 2: Проза (2012).

Гневно клеймит Статейнов политиков: «Многие, очень многие тогда не разобрались в пустышках Горбачёва и Яковлеве, да ещё их друге — подлеце Шеварнадзе. Он один принёс столько урону России — считать — не пересчитать». «Гайдар стрелял хакасов — как семечки щёлкал. С улыбкой и удовольствием». Какой Гайдар не уточняется. Ну, да ладно, обоим поделом.

Но в запальчивости и уважаемым Распутиным выдающимся учёным Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и Алексею Павловичу Окладникову выносятся приговор: «Валентин Григорьевич был членом редакционной коллегии этой серии (Литературные памятники Сибири. Прим. В.К.). Полагаю нелегко ему там жилось. Ведь в редколлегию входили такие люди, как ненавистник России академик Лихачев и историк академик Окладников».

Пишущие люди часто бывают чрезмерно азартны и амбициозны. Я не собираюсь спорить со Статейновым, который преуспел по части учёности и дремучей древности. Изумителен по бездоказательности следующий пассаж: «Эвенки, доведу до сведения не знающих, это чжурчжени, или скифы, которые примерно

четыре тысячи лет царствовали на всей территории нынешнего Китая. *Они пожелтели и из двух метров роста стали всего в сто сорок сантиметров сразу после Чингисхана»* (выделено мной. — В.К.).

Просто потрясающее открытие! Эвенки — это чжурчжени, чжурчжени — это скифы. Допустим. Но возникают вопросы: почему они пожелтели, может, случилась эпидемия гепатита или желтухи, по народному наименованию? Вопрос второй, повлияла ли желтизна на такое кардинальное уменьшение роста или для этого были другие причины? Вопрос третий. Если это случилось «сразу после Чингисхана», может ли являться причиной всенародное потрясение от кончины императора?

В Иркутской области в Качугском районе до сей поры живут эвенки, ещё их называют тунгусами, я встречался с ними, и скажу, что это люди обычного, как и все мы, роста, приспособленные к тяжёлым условиям таёжной жизни, хорошие охотники. А вот ста сорока сантиметровых карликов среди них не встречал.

Одной из главных целей публицистики Распутина последних лет Статейнов считает: *«Это попытка не просто спасти природу, а остановить превращение в скотину русского человека»* (выделено мной. — В.К.). Даже с большой долей домысла невозможно найти что-нибудь подобное в публицистике Валентина Григорьевича. Да и редкие ненавистники России доходили до таких выводов. Я не считаю, что Статейнов так думает, скорее всего, это получилось от неумения выразиться, когда эмоции берут верх над здравомыслием.

Статейнов пишет: *«Мы хотели сделать фотоальбом о Валентине Григорьевиче года за три до его смерти. Но он был категорически против. Мол, вот умру, тогда делайте, что хотите»* (выделено мной. — В.К.). Собрать материалы после его смерти оказалось делом сложным. Вроде его друзья, фотографы, которые за счёт Распутина ездили с ним в командировки, заломили такие цены за фото — машина дешевле. Пришлось всё время оглядываться, чтобы даже случайно не пролетело их фото, фотоальбом от этого заметно обеднел». С последней фразой не поспоришь.

Зная Валентина Григорьевича, общаясь с ним долгие годы, никогда не поверю, чтобы он случайным людям, да и вообще мог сказать «делайте, что хотите». Он был мудрым, глубоким, ответственным перед жизнью и словом человеком. Придуманная для оправдания фраза эта имеет смысл такой же как: после меня хоть потоп. А это не о Распутине. Но сделали, действительно, что хотели.

Ощущается искусственная «подгонка под объём». Можно было поставить меньше фотографий, но продумать их расположение, разделы, выбрать какой-то ход, подписи под фотографиями наполнить содержанием, поместить тексты, достойные высокого имени.

Надо ли было наращивать объём пустым содержанием? Получается, что почти три десятка фотографий посвящены, по сути, одной поездке по Красноярскому краю, на всех без исключения рядом с Распутиным одно и то же лицо. Такое же количество фотографий, прислано из Иркутска, видимо, одним корреспондентом, потому что он и слева и справа, и за спиной Распутина, и глядя на него, и глядя в сторону, и чуть отстав, и чуть забежав вперёд, и сидя на корточках в центре. Содержание альбома оценивается по тому, что в нём представлено, какую новую информацию найдёт в нём читатель, а все недочёты, ошибки, искажения, дезинформация и проч., всё это остаётся на совести издателей.

Читатель уже устал, наверное, от критики и начинает подумывать, неужели в таком большом альбоме нет ничего положительного? Есть, конечно, не может

не быть, потому что альбом посвящён В.Г. Распутину. Замечательна и насыщена общественным и уже историческим смыслом, событиями и людьми подборка чёрно-белых фотографий Анатолия Пантелеева, которого Савва Ямщиков назвал «фотописцем русской культуры», хотя о его авторстве приходится только догадываться, но я знаю и основательность, и точность Анатолия Викторовича Пантелеева, и его поистине братское бережение памяти о Валентине Григорьевиче. Я знаю многие его фотографии по его «Русскому альбому» и различным публикациям в книгах и журналах, — это хроника русского национального движения, одним из вдохновителей и главных участников которого в середине XX — начале XXI века был Валентин Распутин.

Можно отметить конкретность воспоминаний Олега Пащенко и Валерия Хайрюзова.

При тщательном отборе и персонификации портретов мог бы получиться альбом достойный памяти Валентина Григорьевича. А подобное издание мог осуществить любой случайный человек, не представляющий всей сложности издательского дела. Но для какой цели? Заработать на великом имени? В этом нет ничего криминального, если дело сделано ответственно и добротнo.

Обычно в аннотации пишется, кому адресована книга, скажем детям, студентам или широкому кругу читателей. Я думаю, для этого издания подойдёт следующая: книга рассчитана на очень узкий круг читателей, которые не думая проглатывают то, что им заготовит издатель.

Автор проекта ругает Интернет, а напрасно, это инструмент и, как всякий инструмент, скажем топор, может использоваться и для тесания брёвен при строительстве храма, и для колки дров, и, как пишут в протоколах, «для нанесения телесных повреждений». Составитель альбома должен молиться на Интернет, как древние молились на идолов, потому что как раз скоростной Интернет и помог осуществить это скоропалительное издание.

Именем Распутина делались многие и многие добрые дела, но, как оказалось, не избежит его светлое имя и спекуляций. Меня удивляет и огорчает, после того как я ознакомился с содержанием, что альбом открывает вступительное слово Иркутского губернатора Сергея Георгиевича Левченко. Он был знаком с Валентином Григорьевичем, знает и любит его творчество, многое делает для сохранения памяти о знаменитом нашем земляке.

Но вот что странно, все мы знаем, как сегодня у нас в стране непросто попасть на приём к губернатору, а простому человеку это почти невозможно. Но, возникает вопрос, как, мало кому известному в Иркутске издателю из Красноярска, который был знаком с Распутиным, как он сам признаётся, «заочно», удалось заполучить статью губернатора к изданию, на мой взгляд, не достойному памяти нашего знаменитого земляка? Но это, как говорится, вопрос риторический, мы на него не ответим, хотя каждый может иметь свои предположения.

Дети рождаются в любое время суток

О ПРОБЛЕМАХ РЕДАКТИРОВАНИЯ СТИХОВ

Ходил по Древней Греции философ по имени Диоген среди бела дня с зажжённым фонарём и кричал: «Ищу человека!», и нам, занимающимся стихосложением, в пору бродить при ярком солнечном свете с фонариками на батарейках и время от времени восклицать: «Ищу редактора!» Да только ничего не выйдет, прохожие шарахаться будут в разные стороны. Чего доброго, ещё и увезут куда-нибудь люди в белых халатах. Вдруг мы лауреаты!

А многие из нас действительно лауреаты, только не Нобелевской премии, а целой армии литературных конкурсов (поэтических, всероссийских, региональных, нефтехимической и газовой промышленности, безымянных или названных в чью-то честь). Сами пишем, сами редактируем свои стихи, математически выверяя их по законам силлабо-тонического стихосложения. Чтобы и точная рифма наличествовала, и стихотворный размер был выдержан в лучших классических традициях, и логика присутствовала. Чтобы всё в наших произведениях соответствовало действительности, было точным, как протокол, составленный добросовестным работником уголовного розыска на месте совершения преступления.

Если же стихи не причислены и отличаются от стройной шеренги одинаковых оловянных солдатиков, то это, по мнению некоторых почтенных редакторов и критиков, слабые стихи. Например, поэт пишет: «На заре рождаются дети». Неправильно, потому что, как выясняется при прочтении строгих критических статей, дети рождаются в любое время суток. А если «на закате цикады поют», то это вообще никуда не годится. Все знают, что цикады иногда поют всю ночь. Кое-кто считает, что они вообще стрекочут, как кузнечики. Только кузнечик стрекочет один, цикады делают это хором. Примеры подобно рода критических замечаний можно приводить и приводить.

Вот строки из стихотворения большого поэта Бориса Чичибабина: «Мне ад везде. Мне рай у книжных полок...» И дальше: «Мне рай с тобой». Где, спрашивается, логика? Если ад везде, то и рая никакого нет. Вы скажете, что, конечно, и у больших поэтов встречаются неправильности русского языка, и тут же приведёте в качестве примера лермонтовское «из пламя и света» или есенинское «Потому что я с севера, что ли, // я готов рассказать тебе поле». Имеется здесь один секрет: подобные неправильности мы замечаем не сразу, а заметив, принимаем их без всякого насилия над собой.

Часто встречается другой сорт въедливых замечаний, показывающий «широту» взглядов редактирующего, его личные представления об окружающем мире. Так, на стихи начинающей поэтессы о деревне «Ночи растаяла тьма, // снег всё окутал кругом. // Сгорбились сразу дома...» читаем замечание очередного мастера слова: «Домá и до снега были горбатые». Правда, справедливости ради, отмечаем: он обратил внимание и на неточность употребления слова «сразу». Зато на признание «тоскую по любимым» поэтесса получила, что называется, по полной программе. «Любимый человек может быть только один». Интересно, а кто этот

один любимый среди членов семьи самого мастера? А если вы пишете: «Выжимает туча мокрую одежду», то, наверняка, опять же ошибаетесь. Ну не может такого быть! У тучи и одежды-то никакой нет.

Как часто приходится сожалеть, что редактирование стихотворных текстов обычно соседствует с их оценкой и толкованием. Сколько же довелось читать рукописей, испещрённых размашистым почерком всезнаек! «Ерунда!», «Какая глупость!», «Чушь!» — самые мягкие из невеликого набора однотипных критических замечаний.

Этимология слова «критика» восходит к той же Древней Греции. Тогда критика считалась искусством судить. О каком же искусстве может идти речь в нашем случае? Хотя, признаемся честно, существуют стихи настолько слабые, что их и обсуждать-то неудобно.

Редактировать тексты надо, никто не спорит. Чтобы не появлялись в печати перлы типа «мой взгляд упал на землю с головы» или «пером из облака луны». Да только с подобными ляпами справится, на наш взгляд, любой мало-мальски грамотный человек со средним образованием. А перед редактором, прежде всего, стоит задача выявить художественные достоинства рассматриваемого произведения, в данном случае, стихотворения. Много ли оно стоит, если ли в нём поэзия? А если есть, то как её сохранить, чтобы не ушла, не пропала, не канула в безвестность?

Что же такое поэзия? В наше странное время поэзией чаще всего называют художественное творчество в стихотворной форме. Иными словами, кто умеет сочинять стихи, тот и поэт. А если при этом владеет искусством рифмовать и даже рифму к слову «пакля», в отличие от всенародно известного Незнайки, подыщет, то такой умелец у нас в России больше, чем поэт.

Берём в руки Толковый словарь и читаем: «Поэзия — изящество и красота чего-нибудь, пробуждающие чувство очарования». А «поэтический» значит *проникнутый поэзией* и (опять же!) *очаровательный*. Понятно? Совсем как в деревенской истории, рассказанной ангарчанкой Раисой Гавриловой. Проезжающие спрашивают у сельчан: «А где тут у вас магазин?» И слышат: «Так рядом с домом Ваньки». — «А где дом Ваньки?» — «Да у магазина же!»

Простое и ёмкое определение поэзии дала Ольга Гизатулина: «Состояние души». Однажды на встрече с читателями любознательный старшекласник спросил выступающего: «А вы считаете себя поэтом?» И получил ответ: «Конечно. И вы, может быть, поэт. И совсем необязательно сочинять стихи. Поэт видит красоту окружающего мира и учит нас видеть эту красоту». И впрямь, нам хорошо знакомы и шишкинские сосны, и есенинские берёзки, и тургеневские барышни.

Стихи только тогда вправе называться поэзией, когда вызывают у нас ответное звучание мыслей и чувств поэта. Другими словами, происходит совместное чудо-творчество автора и читателя. То есть свобода самовыражения, с одной стороны, а с другой — сопереживание.

Очень жаль, что мы чаще встречаемся с «барабанными» стихотворными фальшивками и красотами, трафаретными образами, чем с искренними строками настоящих поэтов, их удивительной необъяснимо действующей простотой, когда рифмы и ритмическое богатство отступают на второй план. Мы восхищаемся силой слова, глубиной мысли и «половодьем чувств». Поэтому глубоко поэтической, то есть покоряющей чувства и память читателя, может быть и проза.

Давно замечено, что в неумелых, а порой и безграмотных стихах авторов, делающих первые шаги на литературном поприще, иногда гораздо больше по-

эзии, чем у профессионалов. Если такие авторы приобретают опыт и начинают мало-помалу разбираться в азах стихосложения, то их самобытность и тяга к поэтическому чаще всего идут на убыль.

Мы проводим много времени среди людей, работающих со словом. Несчётное количество раз присутствовали при критическом разборе стихов самодеятельных поэтов. Думаете, много нам довелось слышать разговоров об образности и музыке стиха? Все критические замечания сводятся, в основном, к обсуждению техники стихосложения, выискиванию различных блошек и сорняков типа «ведь», «лишь», «вдруг» и т. д. И ещё слов нелепых, странных, диких (почти по Василию Третьяковскому). Чтобы ткнуть начинающего стихотворца, как слепого котёнка, в собственные грешки. Мол, не шали, не гадь, веди себя прилично. Об ошибках же логико-смысловых, смешении стилей, звуковой организации речи, нарушении её образности мы и не слышали никогда.

А кто из маститых их похвалил и поддержал? Если посчитать, пальцев на одной руке хватит: Любовь Щедрова, Евгений Суворов, Геннадий Гайда, Василий Козлов и, конечно, Владимир Скиф, которого следовало бы назвать первым. Скольких молодых талантливых авторов он вывел на столбовой путь профессиональной литературы!

Общеизвестно, что умение редактировать отнюдь не предполагает наличие способностей к сочинительству. И, наоборот. Настоящие поэты иногда показывают полную профнепригодность к правке текстов. Хотя бытует мнение, что поэты — лучшие читатели стихов. Трудно с этим согласиться. Как правило, поэты одобряют стихи, чем-то напоминающие собственные и по содержанию, и по сходству выразительных средств. Поэт-конкретик вряд ли сможет принять поэта-символиста. Любитель метафор не станет восхищаться «сухой» философией, к примеру, Леонида Мартынова. Но покритиковать, причесать чуждые по духу стихи — с большим удовольствием. Не соответствуют представлениям редактора, шаг вправо или влево — сразу расстрел. Оно и понятно: человек всегда воспринимает в штыки новое, сопротивляется тому, чего не может осмыслить, уразуметь, постичь. Добавим сюда нежелание услышать другого, и получится рецепт на все случаи редакторской жизни.

Обруганные и «обструганные» авторы долгие месяцы пестуют больное самолюбие, в справедливом, как им кажется, негодовании надувают щёки и обижаются на весь белый свет. В результате, все в проигрыше.

Но вот что удивительно! Даже самые разобиженные признают необходимость работы с редактором, мечтают найти своего, близкого по духу, помощника. Индивидуальных занятий желают все, а в коллективе работать не научены. В этом — самая главная беда.

Джордано Бруно когда-то пошутил: если Вселенная бесконечна, то любая её точка может считаться центром. Вселенная поэзии тоже необъятна и многообразна. И как хорошо было бы уяснить себе, наконец, что солнце не вращается вокруг нас.

ИВАН КОЗЛОВ

Какая молодость без творчества!

О конференции «Молодость. Творчество. Современность» – 2018

При содействии губернского министерства культуры и архивов Иркутской области Дом литераторов с 21 по 23 ноября минувшего года провёл очередную областную литературную конференцию «Молодость. Творчество. Современность».

Одной из особенностей этого литературного праздника было проведение его на берегах священного озера, в Доме творчества «Байкал», где были размещены все участники — конкурсанты, гости, и где все три дня шла интересная и напряжённая работа.

Немного истории. У нас, к сожалению, недостаточно пишут о прошлом значении и задачах подобных мероприятий, хотя корни их много глубже, чем может показаться.

Если до Великой Отечественной войны главным девизом в образовании был призыв «Долой неграмотность», то после 1945 года появился другой — «Вперед, к вершинам знаний». Дело в том, что за время войны уровень образования в стране упал ещё ниже: на фронтах погибли тысячи педагогов, студентов, научных сотрудников, писателей, художников, просто образованных людей — многие ушли в ополчение. На оккупированных территориях были уничтожены школы, училища, вузы, да и учиться в них было некому, а потому после победы сразу встал вопрос о повышении образования, как общего, высшего, так и специального.

Уже в 1946 году, по личной инициативе Иосифа Сталина, был налажен выпуск недорогих, общеобразовательных просветительских книжных серий, среди которых выделялась «Научно-популярная библиотека», первые выпуски которой рассказывали о Вселенной: Михайлов А.А. «Солнечные и лунные затмения» (1946), Воронцов-Вельяминов Б.А. «Происхождение небесных тел» (1946), Полак И.Ф. «Как устроена Вселенная» (1946).

Книжки объёмом в 40-50 страниц выходили в мягких, но цветных обложках, по 15–20 копеек за книжку, тиражами по сто тысяч и более. Только позже я разгадал смысл первых трёх выпусков — почему космос, когда страна, в целом полуграмотная. Но смысл в это был заложен огромный. Уже в том же, 1946 году, на широтах Байконура был отлит из бетона стартовый стол для первых ракет Р-1, а в 1948 году началось строительство первой гидроэлектростанции на Ангаре — страна сразу из войны вступала в повсеместную высокую волну индустриализации, и народ надо было готовить и просвещать.

Важная роль в этой миссии отводилась печати и литературе, и первыми на уже имевшиеся места и грядущие события откликнулись вернувшиеся с полей сражений писатели-фронтовики. На страницах иркутских изданий зазвучали имена тех, кто начинал писать ещё до войны, и теперь вернулся с фронта. Это Константин Седых, Иван Молчанов, Владимир Козловский, Алексей Зверев, Юрий Левитан-

ский, Леонид Огневский, Иннокентий Луговской и другие. Зазвучали имена и молодой волны литераторов, кто робко, а кто и смело входивших в литературу.

28 сентября 1950 года в областной газете «Восточно-Сибирская правда» появляется статья Георгия Маркова, будущего руководителя Союза писателей СССР, «О молодых писателях», а в мае 1951 года в Иркутске проходит «первая не только в послевоенное время, но и вообще в истории литературной жизни Прибайкалья, конференция молодых писателей» — как писал об этом журналист Владимир Ходий. Конференция состоялась по рекомендации обкома партии и решению бюро писательской организации и собрала свыше 70 участников из городов и районов Прибайкалья, а также Якутии и Бурятии. В одной из публикаций того времени прозвучали слова о замечательном свойстве нашей литературы, которая «непрерывно пополняется новыми именами молодых, талантливых писателей». Это звучало как завещание.

А в один из майских дней 1959 года по инициативе обкома комсомола и руководства писательской организации в областном Доме политпросвещения открылось совещание молодых поэтов и прозаиков с чёткой программой и организационной структурой — секции прозы и поэзии, публицистики, при секциях — опытные наставники, открытые и честные споры, беседы и оценки. Собралась молодёжь различных профессиональных предпочтений, но тяготеющая к творчеству, — инженеры, врачи, студенты, строители. На совещании прозвучали новые имена, которые впоследствии не затерялись во времени: Валерий Алексеев, Станислав Куняев, Сергей Иоффе.

Вот что писал позже В. Ходий: «Совещание длилось три дня. Были рассмотрены рукописи около 30 начинающих литераторов. В секции прозы спор разгорелся при обсуждении юмористических рассказов студента Иркутского госуниверситета Александра Вампилова. Как писал в «Восточке» руководитель литобъединения при областном отделении Союза писателей Виктор Киселёв, «его опыты признаны успешными: острые замыслы, сложные ситуации, хлёсткие фразы — всё это обуславливает удачу рассказов...» Автору был дан совет «набираться жизненного опыта, наблюдений...».

Александр Вампилов блестяще выполнил это наставление. А Станислав Куняев, в стихах которого оппоненты находили «влияние других поэтов... неряшливость вместе с вычурностями...» вырос до современного, яркого поэта и со временем стал главным редактором главного писательского журнала «Наш современник». Имена Светланы Кузнецовой, Владимира Гусенкова, Виктора Соколова, Леонида Красовского, Дмитрия Сергеева также засветились на титрах того совещания.

В апреле 1961 года созывается очередная конференция молодых творческих сил Приангарья, куда впервые пригласили молодых художников, актёров, режиссёров, самодеятельных композиторов и кинооператоров. Тогда же прозвучал девиз, ставший названием всех грядущих конференций, — «Молодость. Творчество. Современность» — и прозвучал он на совещания молодых руководителей комсомола, а не писателей.

Конференция открывалась в областном драматическом театре, и мы не будем называть имена всех участников — их много, для чего и понадобился театр, но скажем о литературной секции, которой руководили Франц Таурин и Марк Сергеев — иркутяне, и Ариадна Громова и Марк Соболев — москвичи.

Следующая конференция прошла в апреле 1964 года, теперь уже под своим,

надолго и чётко определённым названием — «Молодость. Творчество. Современность», под которым проводились все последующие встречи. Особенностью совещания 1964 года являлось то, что её участниками стали члены инициативно-самостоятельного объединения писателей и художников Творческого объединения молодых (ТОМ), созданного группой молодых сотрудников и творческого актива газеты «Советская молодёжь», куда входили Глеб Пакулов, Александр Вампилов, Вячеслав Шугаев, Юрий Скоп, Сергей Иоффе, Юлий Файбышенко, Владимир Пинигин. Несомненной особенностью этой конференции стали поездки её участников по городам и весям Приангарья, где молодые писатели и художники выступали перед рабочими коллективами, создающими индустрию области.

Наставниками и консультантами из Москвы стали поэты Александр Межиров, Марк Соболев, Владимир Корнилов, прозаик Борис Костюковский. Жюри отметило и оценило произведения Геннадия Машкина, Альберта Гурулёва, Михаила Трофимова и других.

Чтобы отразить всю хронологию конференций «Молодость. Творчество. Современность», назвать имена всех участников и хотя бы кратко коснуться всех событий, связанных с ними, надо написать довольно объёмную летопись. Наша же задача — только кратко отследить их предысторию, поскольку начиная с 1964 года конференция, которая фактически является третьей, стала первой с определёвшимся названием, которое осталось до наших дней.

Проводились литературные конкурсы регулярно — один раз в два года, и часто чем-то отличались от предыдущих. Четвёртую конференцию (1966 год), которая проходила в Ангарске, называли «парадом талантов», так как наставниками и консультантами уже выступали писатели, получившие признание на первых конференциях: Марк Сергеев, Вячеслав Шугаев, Дмитрий Сергеев, Юрий Самсонов, Геннадий Машкин, Сергей Иоффе, Леонид Красовский, Алла Стародубова, Валерий Алексеев, Виктория Ярмацкая, Иннокентий Новокрещённых... Как видите, имён Валентина Распутина и Александра Вампилова среди них нет — они были в опале, и Распутин жил в это время в Красноярске, где, далеко в заполярном Норильске, мы с ним и познакомились в 1965 году. Зато на следующей, пятой, конференции, которая состоялась в 1968 году в Ангарске, и Вампилов, и Распутин уже участвовали как члены жюри. Позже Валентин Распутин стал наставником и «руководителем персональных семинаров» у Валентины Сидоренко и Анатолия Байбородина.

Кажется, с 1970 года после очередной конференции «Молодость. Творчество. Современность» начинается выпуск поэтических сборников «Бригада» — пять-семь авторов, пять-семь книжек в одной суперобложке. Многие авторы первых «Бригад» стали широко известными писателями: Г. Пакулов, Р. Филиппов, А. Горбунов, М. Трофимов, В. Козлов, В. Скиф.

Будучи редактором журнала «Сибирь», Василий Козлов подсчитал, что за 1970–1980 годы вышло примерно 80 названий поэтических книжек, общим тиражом около 5 млн экземпляров.

Конференция 1972 года была посвящена 50-летию образования СССР, и по области были запущены агитпоезд и агитсамолёт, которые много дней летали и курсировали по самым северным поселениям и весям области с агитбригадами. В их состав входили лекторы, историки, юристы, врачи, артисты, которые просвещали, консультировали, лечили, давали концерты. А двое от писательской организации — В. Шугаев и автор сей заметки — рассказывали о писателях Иркутска, о

новых и антикварных изданиях Сибири, о «Книжной лавке», которую тогда задумал Вячеслав Шугаев, чтобы иметь возможность перераспределять издания среди огромного числа любителей книги в Иркутске и других городах. В те годы, чтобы приобрести центральные и местные книжные новинки, люди занимали очереди с вечера и при кострах дежурили до утра. И это происходило во многих городах России. Это было уникальное явление в мировой культуре — никогда и ни в одной стране такого больше не случалось.

Конкурсы, несмотря ни на какие перестройки, проводились в области регулярно, вплоть до 2004 года, когда прошла последняя, 17-я, конференция. Далее ритм проведения этих литературных мероприятий сбивается, и их ещё следует изучить, а мы скажем несколько слов о нынешней конференции «Молодость. Творчество. Современность». Её открытие состоялось 21 ноября 2018 года в Доме литераторов, что на улице Степана Разина, в старинном особняке, известном как «Дом со львами».

Ведущий, председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей России, Юрий Иванович Баранов предоставил слово губернатору Иркутской области Сергею Георгиевичу Левченко, который поздравил всех участников нынешней молодёжной конференции и сказал о значении литературы и писательского слова в современной международной и внутренней жизни российского общества и вкратце обозначил те задачи, решать которые сегодня предпочтительнее.

Курировать и традиционно помогать проведению конференции прибыли москвичи: председатель жюри — поэт, первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов, и член жюри по прозе — хорошо известный в Иркутске писатель Валерий Хайрюзов. Геннадий Иванов также выступил с приветствием и пожеланием успехов конкурсантам.

Молодых участников приветствовала литературно-драматическая студия «Слово», студенты гуманитарно-эстетического факультета пединститута ИГУ, а затем слово о молодости и творчестве сказал поэт Владимир Скиф. После выступления юных дарований участники конференции отправились на Байкал.

Представить своё творчество на конференции «Молодость. Творчество. Современность» в 2018 году и тем самым заявить свои претензии на работу в области литературы и искусства отважились свыше шестидесяти молодых прибайкальцев в возрасте от 17 до 30 лет. География заявок широкая: Ангарск, Братск, Усолье-Сибирское, Усть-Кут, посёлок Горный, Залари, посёлки Михайловка, Ново-Нкутский, село Оса, Слюдянка, Тайшет, Усть-Илимск. По количеству заявок лидирует Ангарск — семь заявок, а вовсе не Иркутск — пять заявок. Из дальних далее лидируют село Оса — две заявки, и посёлок Ново-Нкутский — две заявки. Так что резервы есть, но приглашения по рассмотрению заявок получили не все, а потому по этой и по другим причинам на конференцию прибыл 21 человек, и ещё был самый молодой участник — Южана Шаркунова, которой исполнился всего два месяца, и она с мамой и папой тоже приехала на литературный праздник.

Все разговоры и ситуации трёх дней работы передать невозможно. Но победителей конференции мы назовём, как положено, в конце.

Итак, после открытия, в первый день работы участники разместились в автобусах и машинах и отбыли из Иркутска в посёлок Листвянку в Дом творчества «Байкал». Некоторые из приглашённых ехали на священное озеро впервые и, как положено молодёжи, в дороге шумно знакомились, шутили, восхищались прибайкальской природой, магия которой чувствуется всегда, сколь бы раз ты ни был на

Байкале. После весёлого и шумного размещения по номерам состоялся первый обед. Надо сказать, все участники конференции и гости, были не только удобно и компактно размещены в благоустроенных номерах, им предоставлялось трёхразовое питание, а в вечерние часы отдыха различные мероприятия: презентации, музыкально-театральные вечера, «открытые микрофоны».

В 16.30 того же первого дня началась работа. Участники конференции разошлись по секциям «Проза» и «Поэзия», где вступили в свои права члены жюри: в секции «Поэзия» — первый секретарь Союза писателей России, поэт Геннадий Иванов, заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь» поэт Владимир Скиф, член редакционного совета журнала «Сибирь» Иван Козлов, а также поэты Артём Морс, Светлана Шегебаева, она же и ведущий методист иркутского Дома литераторов; в секции «Проза» — представитель Московской писательской организации Валерий Хайрюзов, секретарь Иркутского регионального отделения Союза писателей России Юрий Баранов, главный редактор журнала «Сибирь» Анатолий Байбородин, писатели Нина Воронина, Александр Лаптев и главный редактор альманаха «Первоцвет» Светлана Зубакова.

Все три дня работы в секциях шли интересные разговоры о творчестве каждого автора, приглашённого на конференцию, где рассматривались сильные и слабые стороны его стихотворений, рассказов, глав из повестей, циклов стихов и тому подобное. Конкурсантам старались передать понятия о возможностях и свойствах основных видов искусства. Например, живопись чувства и мысли изображает маслом на холстах, музыка то же выражает звуками, философия — выявляет смысл сущности, а художественная литература изначально обладает всеми этими свойствами — изображает, выражает и выявляет смысл сущности одновременно. Не на пустом же месте великую магию слова признает книга книг Библия: «В начале было Слово, и Слово было Бог...»

Начинающих литераторов учили анализировать художественную, идейную, композиционную ткань рассказа, абзаца, стихотворной строки и каждого слова, его эмоциональную скрытую возможность достижения максимальной силы воздействия на читателя при минимальном использовании средств, то есть быть кратким, чему нас всех всегда учат такие корифеи классической прозы, как Михаил Лермонтов, Антон Чехов и наш современник Валентин Распутин. Из классиков поэзии я бы назвал Александра Пушкина, а из современников — Александра Твардовского и Юрия Кузнецова, которого, к сожалению, знают меньше, чем он того достоин.

Но специальные разговоры интересны, когда происходят вживую, глядя друг другу в глаза и выговаривая всё, что просится из души в слово, когда оба собеседника одновременно постигают одно и то же искусство: используя совсем обычные и привычные слова, изображать и выражать момент деяния героя, и музыкой словесной гармонии возносить и поддерживать в нём всё лучшее, создавая цельный и убедительный образ, текущей, не придуманной жизни. В этом и состоит роль и значение литературы, чтобы будить в человеке всё лучшее, что достойно великого дара, присущего только ему, — оставаться разумным, простым и великим, непоколебимым в любви к тому, что этой любви достойно.

Два дня пролетели мигом, а третий день, и, вообще, любой день, если он завершающий, — это всегда подведение итогов, день окончания, пусть краткого, но праздника, день расставания с людьми, что стали друзьями, единомышленниками, соратниками либо оппонентами. В официальной программе же всё просто:

«Закрытие конференции. Награждение победителей. Торжественный обед. Отъезд в Иркутск».

Победители и степени поощрений были определены общим составом жюри.

На закрытие конференции «Молодость. Творчество. Современность» – 2018 приехала министр культуры Ольга Стасюлевич. Перед награждением Ольга Константиновна поздравила участников с успешным проведением конкурса и сказала, что такие литературные традиции, как у нас, сохраняются со времён выдающихся предшественников, писателей довоенного и послевоенного времени, периода великих строек в Сибири, огромных завоеваний в науке, в литературе и культуре. С тех пор страна пережила тектонические сдвиги в общественных формациях, испытавших на прочность дух нашего народа и его оптимизм, но мы сохранили наши традиции. Русская литература была и остаётся, и Россия, несмотря на сокращение тиражей книг, и поныне самая читающая страна мира, а в 2018 году Иркутская губерния была признана самым читающим регионом России. Работники культуры думают и заботятся о сохранении великих традиций русской литературы. Мы не только на опыте предшественников, но и на своём собственном убеждаемся, что не богатство делает человека сильным и свободным, а культура, образование, высокая нравственность и чистота в отношении человека к человеку, как в личной, так и в общественной жизни, в творческом созидании и труде. И, конечно, в отношении к нашему общему будущему и к природе. Именно поэтому мы должны воспитывать достойных продолжателей наших традиций и достижений. Это нам заповедано самой судьбой в таком удивительном уголке мира, где вдохновение рождает космическое сияние чистейшего Байкала.

Также министр культуры с радостью сообщила, что начинающие писатели, занявшие первые места, смогут издать свои первые книги за счёт областного бюджета.

Награждение отмеченных авторов проводило жюри в составе: секретарь Союза писателей России, поэт Геннадий Иванов, министр культуры Ольга Стасюлевич, секретарь Иркутского регионального отделения Союза писателей России Юрий Баранов, заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь» Владимир Скиф, поэты Светлана Шегебаева и Артём Морс.

Заняли первые места и награждены Дипломами I степени: в номинации «Поэзия» — Елизавета Оводнева (Иркутск), в номинации «Проза» — Юрий Харлашкин (Иркутск). Вторые места и Дипломы II степени получили: в номинации «Поэзия» — Софья Сорокикова (Ангарск), в номинации «Проза» — Максим Живетьев (Иркутск). Третьи места и Дипломы III степени достались: в «Поэзии» — Константину Корнееву (Иркутск), в «Прозе» — Екатерине Серебровой (Куйдиной) (Усолье-Сибирское). Специальным призом награждены: в номинации «Поэзия» — Лидия Шаркунова с дочкой Южаной, а также в номинации «Проза» специальные призы получили: Вячеслав Демин (Слюдянка), Мария Козлова (Усть-Кут), Елизавета Балакирева (Братск). Остальные финалисты отмечены Благодарностями.

В заключение Юрий Баранов отметил, что нынешние участники конференции успешно и смело овладевают всеми видами и формами литературных произведений. Им под силу жанр романа и венка сонетов, рассказа и классического стихосложения, исторического литературного исследования и верлибра. Объявляя конференцию закрытой, Юрий Иванович выразил надежду, что мы все увидимся через два года.

ЮРИЙ ХАРЛАШКИН

ЛАУРЕАТ КОНФЕРЕНЦИИ «Молодость. Творчество. Современность» – 2018
ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА»

Дочка замуж собралась

НОВЕЛЛЫ

«Справимся!»

В 1628 году в так называемом Великомученицком монастыре, что у берега Онежского озера, некий дьяк Порфирий по изъявлению архиепископа Константина составлял перепись имеющихся книг. Настроение у дьяка Порфирия было отвратительное: как раз сегодня должна была прийти Малаша и принести брусничной браги, а он оказывался занят. У дьяка Порфирия текли слюнки при мысли о знатном лакомстве и о Малаше — младшей дочери Гришки Заборольного. Тот хоть и был юродивый, а дочки выросли на загляденье.

Дьяк Порфирий повздыхал-повздыхал и достал из кованого сундука целый ворох грамот. Писаны они были на телячьей коже. Он стал их вносить в список. Разворачивал, по складам читал заголовок, причмокивая слюнявым ртом, всякий раз задумывался на пару мгновений и только после вносил корявой скорописью в список. Одна из рукописей его насторожила, лишь пальцы коснулись её. На пергамент она похожа не была, отчего-то по краям слоилась, будто несколько кож кто-то склеил. Дьяк Порфирий пригляделся — так оно и было. Он поскрёб толстым

ХАРЛАШКИН Юрий Станиславович. Родился в 1985 г. в Иркутске. Окончил ИГУ, факультет филологии и журналистики по специальности «Филология»; ИФИЯМ ИГУ, факультет филологии и журналистики, магистр курса «Русская литература». Печатался в журнале «Путеводная звезда» («Школьная роман-газета»), альманахах «Первоцвет», «Зелёная лампа», сборниках «Молодые голоса», «Новые писатели – 2016». В 2014 г. получил диплом III степени за участие в областной молодёжной литературной конференции «Молодые голоса», секция «Проза». В 2015 и 2017 гг. участвовал в Форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Стипендиат Министерства культуры РФ по литературе 2016 г. Живёт в Иркутске.

жёлтым ногтём, понюхал, лизнул и пришёл к выводу, что клеили на смолу. Он развернул грамоту и прочитал: «Яз поядеах людие». Вздрогнул.

«Что это?» — подумал он и решил прочитать странную грамоту.

Дверь скрипнула ржавыми петлями, и вошёл настоятель отец Артемий. Был он толст, но выражение лица имел всегда самое постное. Все знали: разговляться отец Артемий любил.

— Это писано не от Бога, — с дрожью в голосе сказал дьяк Порфирий и протянул грамоту.

Отец Артемий глянул на ту одним глазком и поморщился:

— Знаю. Это писано от человека. На исходе двенадцатого века он водил людей на Лысую гору. Он устраивал блуд, заставлял поклоняться идолам. Много христианской крови там пролилось. Потом Бог обрушил огонь и серу, и гора ушла под землю.

— Это правильно... случилось, — заметил дьяк Порфирий, качнув головой. — Бесовским пляскам не место на Руси. Но что это за грамота?

— Он описал свои дела. Говорят, всего три листа. Каждому ученику — по листу. Тех поганцев тоже трое было. Двое скрылись, а последнего сожгли, и в пепле нашли этот лист.

— Он не сгорел?

— Грамота не горела в огне, не тонула в воде, не рвалась на куски, не оставалась в земле и всегда тянулась к людям. Она ищет того, кто мог бы стать новым учеником... Было решено хранить её здесь.

Дьяк Порфирий не поверил. Отец Артемий добавил:

— А ты почитай, а потом огоньком можешь...

Дьяк Порфирий стал читать. И чем больше он читал, тем ему становилось всё невыносимей, удушливей, жарче. Перед его очесами вставляли страшные картины: невиданный блуд, кровавый алтарь, зловещий Перун, смотрящий на язычников и радостно принимающий жертвы, люди, едящие стариков и младенцев, беременные женщины, которым выкалывали чрева...

Дьяк Порфирий с отвращением выпустил грамоту из рук. Он понял, что писано сие на человеческой коже.

Отец Артемий поднял лист с пола и поднёс пламя свечи. Огонь лизал грамоту, но та не загоралась. Отец Артемий убрал свечу:

— Поверил?

Дьяк Порфирий молчал.

— Забудь о бесах прошлых, — сказал отец Артемий. — Я не просто так зашёл. Тебе надо ехать в город.

— Зачем? А перепись?

— Грамоты подождут, а спасение души нет. Ты дружен с Никиткой. Уговори его. А то у Фёдора нашего лихорадка сильнющая.

Дьяк Порфирий встал:

— Это можно. А что Никитке сказать?

— Поймали мы колдуна одного. Вечером осудим. Не видит он пути истинного. Глаза его обманывают. Надо выколоть. Фёдор мастак, да вот беда — жарит его лихорадка. Бредит, святая душа. Так что поезжай, а я за Фёдора молиться буду.

Они спустились во двор. Дьяк Порфирий залез на телегу, поудобнее устроился на соломе. Отец Артемий сказал: «Ну, с Богом!» — перекрестил и отправился к трапезной, проверять яства на пригодность в пищу. Пахло свежим ржаным хлебом. Дьяк Порфирий облизнулся и сказал: «Трогай!»

Мужик крикнул: «Пошла!»

Завизжали колёса, затрещали оглобли — лошадь потащила телегу. Они выехали за монастырские ворота, и дьяк Порфирий лёг. Телега тряслась, навевая дремоту. С Онежского озера дул тёплый ветер. День стоял солнечный. Дьяк Порфирий заулыбался, вспоминая несгораемую грамоту. «Силён диавол, но справимся, справимся», — подумал он и присел. Навстречу телеге шла девушка. Когда поравнялись, сказал:

— Останови!

Малаша забралась на телегу, и они снова поехали.

— Здравствуй, Малаша, — сказал дьяк Порфирий, забирая у неё кринку. — Брусника? — спросил и, сделав несколько глотков, замочил бороду. — Хороша бражка! Умелица ты.

Малаша, улыбаясь, потупила глаза. Дьяк Порфирий не спеша допил, убрал кринку в сторону, взворошил солому.

— Езжай, не оглядываясь! Как тебя там?.. Холоп, — сказал он и уложил Малашу. Потом задрал её суконное платье и, накидав сверху на себя соломы, предался блуду.

В 1928 году в так называемом Великомученицком монастыре, что у берега Онежского озера, молодой красноармеец Сивухин проводил ревизию. Он достал из старинного кованого сундука какие-то церковные клеёнки, свёрнутые в трубочки.

Красноармеец Сивухин был очень любопытен. Он даже умел читать. Он развернул одну клеёнку и увидел забавные буквы. Но, как ни старался, прочесть не мог. То ли почерк корявый, то ли не по-русски написано. Насупившись от обиды, он побросал бумаги в жестяное ведро и поджёг.

Сивухин заулыбался, вспоминая то множество церковных книг, которое он сжёг. «Силён бог, но справимся, справимся», — подумал он и стал греть озябшие руки над огнём.

Бумаги сгорели. Все. До одной.

Дочка замуж собралась

Регина открыла дверь своими ключами и, просунув голову в прихожую, позвала:

— Ма-ам! Ты дома?

В глубине квартиры бормотал телевизор.

Регина вошла и заперлась на ключ (внутренний замок не работал, в том смысле, что был давным-давно вырезан). Большой пакет больно оттягивал левую руку.

— Ма-ам! — Регина, не разувшись, пошла по тёмному коридору осторожными шагами, то и дело натываясь на разбросанные тапки и пакеты. — Я пива принесла!

Пахло жареным тестом и растительным маслом.

— Ма-ам! — Регина приножалась. — Лепёшки пекла?

Дверь в большую комнату медленно со скрипом приоткрылась, и показалась огромная голова кота.

— Базилио, — Регина улыбнулась, — что не встречаешь, паршивец?

Голова кота нырнула обратно.

Регина заглянула в комнату и, удостоверившись, что мать одна и просто лежит на диване, вошла:

— Ма-ам, чё молчишь?

Судя по звукам по тэвэ показывали очередной детективный сериал: кто-то кричал «кийя-а!» под энергичную тревожную музыку, и раздавались гулкие хлопки выстрелов.

Мария Леонидовна приподнялась на локте и улыбнулась дочери:

— Реги-инка, давно пришла?

— Здравствуй, вот решила забежать на минутку. Пива принесла, — Регина поставила объёмный пакет на кресло.

Мария Леонидовна встала, подошла к телевизору и убавила громкость на панели. Телевизор был старый и пыльный, батарейки в пульте сели, да и сам пульт за безнадобностью пропал: канул в поддиванную Лету, затерявшись среди мусора.

На худенькой Марии Леонидовне мешковато висел помятый, но недавно стиранный сарафан. На ногах отчётливо проступали синие набухшие вены. Лицо было усталым, без признаков косметики, в сетке мимических морщин, возникающих от прищура и улыбки. На руках расцветал алый глянец мозолей и аллергических наростов, коротко состриженные ногти расслаивались.

— Чай будешь? Там я оладушков пожарила. Только сахара нет...

— Смотри, чего тебе принесла, — сказала, не слушая, Регина и полезла в пакет. — Вот тебе маечка белая. Вот колготки. Не Китай, сама такие ношу.

— Да зачем же... У меня есть. Регин, ни к чему это...

— Лишним не будет, — отрезала Регина. — Тут вот пиво. — Достала трёхлитровую пластиковую бутылку. — Тут сыр... чуток колбаски, как ты любишь, «К завтраку». Батон, паштетик. Рожек килограмм.

Продукты складировались на и без того захламлённый стол: там покоились потрёпанные книги, целлофан, кулёчки, таблетки, рваные бумажки, чайные кружки. Базилио подал голос и потёрся о Регинину ногу.

Мария Леонидовна всплеснула руками:

— Куда столько?!. Регин...

Регина сложила пакет и убрала в карман.

— Ма-ам, я пока донесла, устала, к тебе пока на третий этаж поднимешься... Порежь, мам, я кружки помою.

Регина взяла две грязные кружки со стола и пошла на кухню. Мария Леонидовна последовала за ней.

— Как вы? — тихо спросила Мария Леонидовна.

— Нормально. Путёвки в Тайланд взяли на послесвадьбы. У Артёма друг в турфирме работает, посоветовал.

— Понятно, — выдохнула Мария Леонидовна, — хоть за границей побываешь.

Она взяла нож и разделочную доску и пошла обратно в комнату.

Нельзя сказать, что на кухне царил полный хаос, но она была изрядно захламлена. В раковине стояла немытая посуда, на конфорке — чёрная сковорода с оладушками, из-под потолка свисала тенёта, стены были забрызганы масляными застывшими каплями, ведро источало сладковатый запах, а на столе группировались жёлтые от времени пластмассовые контейнеры для круп, муки, сахара и приправ. Советский холодильник громко тархтел. Под столом лежали пустые бутылки из-под водки и пива.

Регина включила воду, помыла кружки и попыталась отскрести жирной губкой одну из тарелок с остатками присохшей ячневой каши, но тщетно, она бросила эту идею — никакого моющего средства в квартире не было, Регина это знала.

Когда она вошла в комнату, Мария Леонидовна давила ножом колбасу: тот никогда не встречал точильного камня, а потому наотрез отказывался резать. Регина налила две кружки пива и, захватив одну, присела в кресло.

— У тебя-то как? — спросила, прихлебнув.

Мария Леонидовна положила рваные кусочки колбасы, давленные ломти батона и крошащиеся пластики сыра в хлебницу, выкатила в центр комнаты журнальный столик, поставила на него приготовленную закуску, вскрыла упаковку с паштетом, принесла из кухни баночку искусственной икры, припасённую для особенного случая, наконец взяла кружку, глотнула.

— Всё по-старому: с Никиткой соседским сижу, ну ничего, скоро со своим внуком повоюю! Тока ты не затягивай после свадьбы...

— Ма-ма! — закатила глаза Регина. — Скока можна-а!

— Вот носков навязала, — как ни в чём ни бывало продолжала Мария Леонидовна, вытянув из-под дивана плоскую корзинку с вязаньем, спицами и клубками. — Катька сёдня вечером обещалась зайти и забрать. Две тыщи заплатит. Эти вот с собачьей шерсти, пять пар получилось...

— Мам, она ж их продаёт две тыщи за пару...

— И что? Мне зато не стоять на улице. Вот заказ на кофточку Нина дала. Через недельку шерсть принесёт.

В юности Мария Леонидовна была красавицей. Отец Регины был счастлив, что отхватил такую невесту. Он увёз Марию Леонидовну на другой конец необъятной страны, которая через год после их свадьбы перестала существовать. Родня мужа не приняла её, а собственная оказалась в недосягаемости. После внезапной смерти мужа она оказалась одна в чужом городе с ребёнком на руках. Поддерживали её только новообретённые подруги. После тяжёлой болезни она оказалась инвалидом, на высокооплачиваемую стабильную работу её больше не принимали, стала выпивать, но дочь вырастила, устроила в вуз, в общем, поставила на ноги. Уже на первом курсе Регина переехала к жениху.

Мать и дочь беседовали полчаса, пока всё не было выпито и съедено. Наконец Регина встала.

— Мам, ты не приходи на свадьбу. Мы скажем, что ты болеешь. Ладно?

Мария Леонидовна молча кивнула. Луч солнца на лице высветил новую морщинку.

— А то напьёшься там... Мне пора. Я перед отлётом ещё зайду. Да, вот, — на журнальный столик легла пятисотрублёвая бумажка.

— Регин, у меня пенсия на днях, не надо. Да и Катька...

— Мама, лишними не будут. Я сама закрою.

Дочь ушла. В подъезде она достала телефон и позвонила:

— Тёмочка, мамы не будет, я поговорила... УЗИ?.. Ну, не точно, вроде как девочка, но там только пятьдесят процентов... Шампусика взять?.. Ага... Целую, котик.

МАКСИМ ЖИВЕТЬЕВ

ЛАУРЕАТ КОНФЕРЕНЦИИ «Молодость. Творчество. Современность» – 2018
ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА»

Казацкий чуб

РАССКАЗ

1

Густые, давно не стриженные волосы растрепались. Родная станица осталась позади — с гомоном рынка, кричащими курами, любящей женой Любашей и тремя детьми-сорванцами. Кошка Муська, ласковая и преданная, но, как все кошки, вполне себе независимая, сегодня ни свет ни заря окотилась.

Костя разделся и вошёл в воду. Нежную и прохладную. Поцеловал нательный крестик перед тем как поплыть поперёк уверенного течения реки. Природный простор и водная свобода пьянили.

Рано утром Муська забралась к нему на кровать и развалилась на покрывале, прижавшись спиной к хозяйской руке. Сквозь дремоту Костя почувствовал, как рядом с ним стремительно расплзается мокрое пятно: на божий свет собирались появиться котята.

На этот раз Муська родила четверых. На последнем из них, едва завидев хозяйку с тазиком воды, кошка рванула прятаться. В зубах она держала трёхцветную дочку, не вылизанную до конца. Последний котёнок, болтаясь на пуповине, покорно волочился вслед за матерью.

ЖИВЕТЬЕВ Максим Аркадьевич. Родился 18 мая 1983 г. в Иркутске. Окончил биолого-почвенный факультет ИГУ (2008) и Институт высоких технологий ИРНТУ (2018). Кандидат биологических наук, научный сотрудник СИФИБР СО РАН. Имеет публикации в иркутских газетах «Копейка» (2005), «Русская беседа», «Родная земля» (2007), «Лесная газета» (Москва, 2011–2012), в альманахе «Первоцвет», журнале «Главная тема» (Иркутск–Москва). Участник 13-го и 17-го Форумов молодых писателей России, СНГ и зарубежья (Москва–Липки, 2013 и Иркутск–Листвянка, 2017). Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации по литературе 2014 года. Лауреат молодежной литературной конференции «Молодые голоса» (Иркутск, 2014). В ноябре 2018 года вошел в список ста лучших авторов конкурса научной фантастики «Будущее время». Живёт в Иркутске.

К слову, топить котят на этот раз не собирались.

Костя улыбнулся, выплывая на середину реки. Муська с самого утра всех переполошила: и жёнка спешно оттирала простыни, причитая на весь дом, и старый дедушка Матвей заворочался в углу, а дети только прознали — сразу повскакивали с полатей, будто и не спали вовсе.

С тех пор как её второй и третий помет утопили, Муська перестала людям доверять в этом вопросе. Она разыскивала старшенького, годовалого Муфусаила, загоняла на лежанку, где нынче родила, и кормила. Брошенные новорожденные котята, жалобно скуля, расплозились по избе. Особенно неугомонный был четвёртый, мальчик. Весь чёрный с белым, самый крупный и живучий, он постоянно куда-то полз целеустремлённо, непременно на середину комнаты и вопил громче всех. Три трёхцветные девочки — все как одна пятнистые, черепаховые — то звали мать и робко ползли вдоль стены, то льнули друг к другу и дремали мохнатой горочкой где-нибудь в углу.

Наказав своим ребятишкам проследить за Муськой и котятами, Костя ушёл на реку искупаться. Муфусаила — главную Муськину надежду на продолжение рода — он сгрёб в охапку и прихватил с собой, надеясь, что кошка сосредоточится на новорожденных.

И правда, только они вышли из дома, Муська пошла к котятам.

2

Когда они переступили порог, Муфусаил запрял ушами и наострился бежать, но вдруг выразительно задумался и остался лежать на руках хозяина. Так они спокойно дошли до реки.

Пока Костя купался, кот преданно сидел на берегу, порой оборачивался по сторонам, а потом снова смотрел на середину реки. Когда хозяин надолго скрылся под водой, Муфусаил привстал, сосредоточенно посмотрел на опустевшую реку и заорал.

3

Дети окружили кошку, подтолкнули к ней котят и следили, как те поглощают молоко. Котята ели второй раз от роду. Первый сразу после рождения был найден за кроватью, когда хозяйка, причитая и охая, оттирала простыни за Муськиными родами. А на суматоху и на запах уже спешил Муфусаил. Раздвинув маленьких котят, он присосался к свободной титьке, уверенный в своей правоте. Но кошка встала и пошла к своей миске: старшенького уже нечего было кормить, а маленьких — она была уверена — утопят не сегодня, так завтра.

Теперь, когда Муфусаила в доме не было, а хозяйские дети смотрели пристально, Муська наконец-то отнеслась к котятам со всей прилежностью.

4

Когда течение потянуло Костю вниз, он сразу и не понял, что происходит. Уже под водой, на глубине он задержал дыхание и пытался выплыть. Открыл глаза, пробовал всплыть к свету, но его волчком кружил водоворот, рывками прижимая ко дну. Казак было закричал, но в рот сразу забила тина. Силы покидали, тело обмякло, и понесло его...

Муфусаил пришёл домой не сразу. Безуспешно поцарапался в толстую дверь, потом терпеливо сел на пороге. Когда вышел покурить дедушка, кот наконец-то ворвался в дом. Увидев его, Любка обеспокоилась: чего это он?

Но панику подняли только вечером.

5

Поп сразу сказал: без тела он никого отпевать не будет — не положено.

Так Костя и остался лежать на дне — неупокоенным, недооплаканным, под корягой, в илу-песке, с обмотанным вокруг шеи шнурком с православным нательным крестиком.

Любашка вечером окропит слезами найденную на берегу одежду, потешит себя верой, что муж жив ещё, может быть, и спать ляжет. Придёт Муфусаил, свернётся в ногах калачиком, к полуночи к груди придвинется, поближе к сердцу прижмётся. Так и спят.

Дети с мокрыми глазами смотрят на всех, а спросить боятся.

И только дед твердит: «Утоп он, что я Костю не знаю, чё ли?»

6

На осьмой день Костя пришёл домой — рано утром, ещё до первых петухов.

Пройдя сквозь дверь, огляделся. Любаша долго не могла заснуть и потому спала крепко. Муфусаил повёл ухом, но продолжил лежать, полунакрытый пледом. Муська в обнимку с подрастающими котятками развалилась на топчане, на том самом месте, где неделю назад родила. Матвей кашлял во сне.

Костя подошёл к детям — спят: Катька носом кверху, Васька у неё под мышкой, Петька забился в уголок. Ангелочки.

Посмотрел на них, поправил подушку, подошёл к жене. Провёл рукой по русым Любкиным волосам.

Грнули петухи — и Костя растворился.

7

Вскорости дедушка сильно захворал. Он лежал на соломенном матрасе, совсем не вставая, и сильно кашлял. Потом и вовсе кашлять перестал.

К полночи дедушка открыл глаза, поднялся с неожиданной лёгкостью и пошёл курить.

Костя сидел на завалинке и его ждал.

— Эх, батя, вот и ты помер.

— Неужто?

— Получается, что так.

— А что? Один у всех путь — в могилу. Главное, как ты тот путь прошёл, справедливо ли жил, по-правильному или нет. Самое ценное на этом белом свете что? — не мог наговориться дедушка Матвей. — Сохранение рода человеческого, продолжение рода своего. Тут я снимаю шапку — ты для этого всё сделал. И я, получается, тоже. — Дед красноречиво хмыкнул. — Вон Муська, тоже старается-надрывается: рожает и рожает. Как ей не надоест? А ведь правильно делает. Тут она умнее нас будет, знает, как жить и что делать. А мы, люди, глупые, однако, твари.

Полжизни чего-то маемся, время понапрасну теряем, растрчиваем себя, смыслы какие-то глупые ищем. А пошто? Зачем? А главное — почему?

— Вот в этом и главное — почему?! Разум нам даден. Он нас и ведёт, — ответил Костя.

— Не ведёт он нас, а уводит. От правды жизни. Глаза нам застилает. От ума все беды, от ума. Вот сколько твои детишки ещё бед натворят? Раскидай мозгами. Кто бы им мозги заранее вправил. Ан нет, надо каждому на грабли наступать, иначе неинтересно. Да ещё по нескольку раз на одни грабли, чтоб получше дошло. И ещё разок — для точности. Вот, Костя, думаешь, родил, и всё — живи-радуйся? Их же ещё на путь поставить надо, в дорожку по жизни снарядить. А ты уже утоп. Думаешь, всё сделал? Не-е-ет. Всё, да не всё. По-хорошему за ними ещё и проследить надо, чтоб не оступились.

— Правильно ты, батька, говоришь. Да только что я сделать-то могу?

— А вот, сынок, можешь ещё, — прищурился Матвей. — Меня-то скорёхонько наверх приберут, а ты, я чую, тут долго ещё землю топтать будешь.

— То есть?!

— Не перебивай! Вот и проследи за своим потомством, чего тут зря болтать-ся? Мозги детям-правнукам повправляй.

— Правнукам?!

— А что? Вдруг ты до правнуков тут. На небеса утопленникам не положено. Пока. А там, глядишь, законы сменятся, и можно будет туда, наверх.

Костя совсем побледнел.

— А мозги им надо вправлять, — продолжал своё Матвей. — Вот, думаешь, сколько меня раз ангел-хранитель от того света спасал? А ведь спасал! Я-то уж понимаю. Вот залезет что-то в мозги самые — чувствуешь, не твоё. Но зудит там, в мозгах, зудит. Послушаешься — хорошо, а не послушаешься — всё, хана. Кто-то же мне эти мозги вправлял, помогал, на путь нужный ставил. И ты можешь — я уверен. Можешь-можешь, не смотри так! Да и пути у тебя другого нет. Воспитание в тебе моё, отцовское, не позволит по-другому. И мой наказ...

— Наказ?

— Да, наказ. Веди себя тут хорошо!

— Слушаюсь и повинуюсь! — Костя вскочил, выпрямился струной и руки по швам сделал.

— И тут придуривается, неугомонный! — проворчал Матвей, скорее, для порядка. — А ты что, сынок, думал? Тут свои законы. Им хошь не хошь, следовать надо.

Из дома послышался вой Любашки.

8

Прошло 200 лет.

Костя сидел на берегу реки. Широкой. Но отличало реку не это, а прозрачная студёная в любую жару вода, в которой отражалось синее небо. Только в по-настоящему чистой воде так глубоко отражается небо.

На дне зеленели камни, сновали рыбы.

За 200 лет далеко закинуло Костин род — в Сибирь, на берег Ангары.

А у самой кромки воды сидела рыжая кошка и чего-то ждала...

ЕКАТЕРИНА СЕРЕБРОВА

ЛАУРЕАТ КОНФЕРЕНЦИИ «Молодость. Творчество. Современность» – 2018
ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА»

Два начала

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Глава 1. Сомнение

Это была обычная воскресная служба. Отец Борис выслушивал короткие исповеди прихожан перед причастием. В сельской церквушке их и было-то немного — с три десятка. Но на сей раз он ощутил глубокое утомление уже после двоих исповедовавшихся. Батюшка отчётливо уловил неискренность в словах кающихся, и ему стало тяжело принимать их. Впрочем, отец Борис одумался и укорил себя за «неправедное самочувствие», набрался терпения.

Однако прошли ещё трое — бабушка и две молодые девушки, и священнослужитель почувствовал скуку вкупе с раздражением. Все вокруг него — непроходимые грешники, ничего не меняется из года в год, из недели в неделю. Они проживают будни и возвращаются к службе с новой порцией грехов.

При всей абсолютной вере в силу молитвы и всепрощения, отец Борис допустил сомнение: а что если большинство этих селян не простят там, наверху? За тяжкие грехи вроде убийства, колдовства, вступления в половые связи без любви и до венчания, идолопоклонства, зависти, беспросветной лжи не просто получить прощение без должного покаяния. Что если они тут все лгут себе и друг другу? Отец Борис не читал в глазах многих исповедующихся ни грамма истинного понимания и раскаяния. Он как праведник получит спасение, но как пастырь с такой неискренней паствой — нет.

СЕРЕБРОВА (Куйдина) Екатерина Сергеевна родилась в 1991 г. в г. Усолье-Сибирское. В 2013 г. окончила ИГУ по специальности «Психология», в 2016 г. — магистратуру филологии в том же вузе. Работает корректором-редактором в газете г. Усолье-Сибирское. Публиковалась в сборнике ИГУ «Продвижение», в альманахе «Первоцвет». Победитель конкурса сценариев короткометражных фильмов «Новый взгляд» Иркутского филиала ВГИКа. Живёт в г. Усолье-Сибирское.

Вот семейная пара Челноковых приближалась к отцу Борису. Сперва он, за ним — супруга. Немолодые, но детородных лет. Однако главная причина, по которой они здесь, — бесплодие. У обоих. Муж, не пропускающий мимо себя ни одной юбки, и жена, кроткая с виду, но дьяволица внутри.

— Просим прощения у Бога, что не исполнили свой священный долг, — неизменно говорил Челноков.

— Пусть Он простит наши грехи, если мы в чём виноваты, и благословит нас стать родителями, — вторила ему супруга.

Отец Борис отбросил тягостные мысли и выполнил то, что положено: благословил обоих, наказав молиться, и отправил с Богом. А сам подумал: хоть бы раз, тёмные люди, всерьёз прошли медицинское обследование! Легко уповать на Бога, коли сам плошаешь и за собой не следишь. Медицина и религия не во всём могут быть совместимы, но отец Борис допускал, что в иных случаях они обязаны идти рука об руку. Священнослужитель, однако, должен быть сильным. Терпеливым, милостивым. В конце концов, не ему решать, давать ли этой паре детей.

За горе-супругами пришла очередь Рыбакина. Односельчане от него всюду шарахались, так и в церкви держали заметную дистанцию.

— Отец Борис, я выполнил ваши наказы, а на душе тяжело. Что ещё можно сделать, какую молитву прочесть?

Так и хотелось ответить, что за убийство никогда ему не получить прощения. Но долг священника обязывал сказать то же, что и всем и всегда.

— Молись, и будешь ты услышан. Спаси, Господь, — проговорил отец Борис, помазывая его и отпуская.

Священнослужитель дослушал остальных, повторяя одну и ту же процедуру, поражаясь, насколько собственные слова стали машинальными, заученными, потеряли сакральность. Сегодня, вдруг вслушавшись в то, что ему говорят, отец Борис ужаснулся: сколько грехов! Им просто было нужно прощение. Временное заглушение совести, которого хватит до следующего раза, когда всё повторится снова. Почувствовать стыд и вину (перед Богом, не перед собой или семьёй), прийти на службу в храм — и освободиться. Начать всё сначала с ещё большим упоением.

С этой поразившей его мыслью отец Борис еле довёл свою литургию до положенного завершения. Когда селяне принялись расходиться, он услышал, как две бабушки обсуждали Егоровну, местную травницу.

— Надо сходить к Егоровне, а то спину совсем тянет, — посетовала одна.

— Сходи, подлечись, — одобрительно кивнула вторая. — Заодно узнай, когда она меня примет. Хочу спросить, каким урожай будет и стоит ли мне покупать новую газонокосилку.

Старушки направились к выходу, у порога обернувшись и перекрестившись. Отец Борис застыл в немом изумлении: они теперь обсуждают свои греховные дела, даже не успев уйти за пределы храма. Что-то требовалось менять. Как можно скорее.

Батюшка постепенно отошёл от неутешительных размышлений и, казалось, вернул себе душевное равновесие, миролюбие. Но день сегодняшний приготовил для него ещё сюрпризов.

Вскоре в воскресную приходскую школу стали подтягиваться воспитанники. Отец Борис вышел их поприветствовать. Маленькая часовня служила им местом для занятий, куда и сопровождала детей матушка Ольга. То была настоятельница пожилого возраста, одной из первых предложившая отцу Борису помощь в обу-

стройстве этой церкви, которую он воздвиг с нуля. Матушка взяла на себя всю отчётно-бумажную работу, ведение хозяйства и связь с внешним миром. Он безгранично уважал её, хотя порой воспитанники считали матушку слишком строгой. Да, настоятельница Ольга редко улыбалась, что немного настораживало. Но для отца Бориса она была образцом порядка, послушания, смирения и христианской мудрости, что важнее.

— Витя, Серёжа, — отец Борис приветствовал мальчишек — двух неразлучных друзей, — родителей слушаетесь? Уроки не прогуливаете?

— Ведём себя хорошо, батюшка! — отрапортовал Витька, кучерявый сорванец.

— Ага, а кто вчера двойку словил? — тут же вставил Серёжка, сощурившись. Он был выше Витьки, смышлнее и симпатичнее.

Друг слушался Серёжу безоговорочно. Сейчас он покраснел.

— Я, честно, готовился к алгебре, но она такая сложная! — оправдывался Витя.

Отец Борис потрепал обоих по волосам, легонько прихлопнув каждого по спине, чтобы поторапливались на занятия.

— Нехорошо ябедничать, ребята, — напоследок бросил он им.

Мальчишки ушли, бурно перешёптываясь.

— Анна, Серафима, — кивнул батюшка двум девочкам-послушницам.

Те почтённо склонили голову перед ним и поспешно скрылись в часовне.

— Машенька, — позвал Борис последнюю воспитанницу, самую сложную. Не в плане обучения и послушания, отнюдь.

Большую часть времени Маша была тихим ангелом: никуда не встревала, исполняла любые наставления и поручения, многое умела делать по хозяйству и с доброй улыбкой не раз помогала отцу Борису и настоятельнице. Но пробуждалась в ней и тёмная сторона, природу которой могли бы определить врачи, да мать была настроена категорично против медицины. «Тёмная» Мария дико кричала, крушила всё вокруг, кидалась предметами, ругалась последними оскорблениями — её невозможно было остановить или уговорить. Родительница запирала девочку дома, а в дни просветления заставляла усиленно молиться.

Отец Борис тоже молился за её здоровье, но он сейчас посмотрел на неё и с печалью осознал, что не изменится, как большинство его прихожан, и Машенька. Ей не под силу одолеть то, что жило в ней. Священник вовсе не считал её одержимой чем-то или кем-то. Именно потому и пришёл к мысли, что заставить самого себя измениться, взглянуть правде в глаза — самая сложная задача человека. Маше с её помутнённым рассудком это выполнить практически невозможно.

Священнослужитель пригладил Машеньку по плечу, выражая свою поддержку. Какая-никакая, а именно она, по его мнению, была самой старательной и искренней ученицей.

Последней возле отца Бориса задержалась Люба — семнадцатилетняя помощница в воскресной школе. Матушка Ольга лично взяла её, а отец Борис недолюбливал эту особу. Он готов был прощать ошибки воспитанникам, которым было от двенадцати до четырнадцати лет, как Серафиме. Но не Любе, которую можно было считать взрослой. Она часто приходила на службу, иногда просто постоять в храме (если отец Борис находился внутри), слушала проповеди, церковные песнопения, а недавно записалась в помощницы. Священнослужитель поначалу считал её истовой верующей, но позже переменял своё мнение на кардинально противоположное. Они заявили как-то с подружкой Раисой на проповедь и шептались, поглядывая на отца Бориса, безбожно смеялись, прикрываясь ладонями. Тогда он и узрел её истинное лицо за маской праведности и безвинности. Лицо блудницы.

— Не стой, Лилит, не бери мою душу, — проговорил батюшка, не желая снова поддаваться гневу.

— Я не Лилит, — удивлённо отозвалась та.

— Ты — это она, — настаивал отец Борис. — Матушка Ольга не видит, другие — тоже. Но меня ты не проведёшь, Люба, скрывающая в себе Лилит — первого демона.

Девушка содрогнулась, в шоке распахнув глаза. А после с плачем бросилась за территорию храма. За воротами показался Григорий, доброволец-водитель при церкви. Грише было чуть за сорок, он был гладко выбрит, а в коротких волосах прослеживалась седина. Мужчина носил серый свитер грубой вязки почти в любую погоду. Отцу Борису он нравился своей немногословностью, исполнительностью и пунктуальностью — все поручения были выполнены им вовремя и без вопросов. Читалась в нём и какая-то жизненная мудрость. А вот на службу Григорий ходил редко.

— Вы несправедливы к ней, отец Борис, — заговорил он, нарушив своё обычное молчание. — И даже, позвольте сказать правду, жестоки.

Гриша держал в руках коробку с продуктами, которую должен был сразу отнести в приходскую кухню, но отчего-то задержался.

— Я прав, Григорий, — категорично ответил батюшка, разворачиваясь, чтобы пойти обратно в храм и занять свою обитель. — Хотя и выбрал довольно суровую аналогию. Быть может, она подскажет Любе правильный путь.

— Люба — хорошая девушка, — не согласился Григорий. — Не корите её за любовь к вам. Не туда вы тратите свою праведную энергию.

— Священнослужителя нельзя ставить выше Бога, — резко отозвался Борис. — А она далеко не Христова невеста.

— Вы временами гордец, батюшка.

— Слышали бы вы, что они мне на исповедях говорят, — разоткровенничался отец Борис, пропустив последнюю фразу Григория мимо ушей. — Грешник на грешнике. Я не обращал внимания — по привычке. А сегодня как прозрел. Нехорошо мне даже стало...

— Не прозрение это, отец Борис. Заблуждение, — предостерег Григорий.

Отец Борис снова заговорил о своём, не слыша:

— Стараешься ведь ради них, направляешь к Свету. Отвернёшься на минутку — и они опять во Тьме. Грустно это. Страшно. Спаси, Господь!

Он перекрестился.

Григорий уже ушёл, пока батюшка завершал свою мысль. Вдруг мимо ворот тенью проскользнула травница Егоровна. Отец Борис поспешно вернулся к воротам и выглянул, чтобы удостовериться. Узнал бабульку, перекрестился, как при виде чёрта, почти начал защитную молитву, как та резко остановилась и обернулась, сверкая золотыми зубами и щурясь подслеповатым глазом.

— Что, батюшка, бесов изгоняешь? Так их нету! — крикнула она задиристо.

— Не смей ходить у храма божьего! — поразившись наглости её, ответил Борис.

— Ого, вот это претензии! Я, внучек, людям травами тяжёлые травмы лечу и лечила, пока тебя и на свете-то не было. Исключительно пользу делаю. Да не болтологией занимаюсь, а практикой!

— Твой дар от дьявола, октись!

— А твой тогда от кого?

— Нет у меня никакого особенного дара, — обомлел священник.

— Ты просто не замечаешь, — хитро улыбнулась старушка. — Не хочешь видеть. Но уже на пути к прозрению.

Посмеялась и пошла своей дорогой, изгаляясь, повторяла шёпотом его «не смей ходить».

Нехорошо ему стало, и отец Борис поторопился уйти в свою почивальню в храме. Закрылся там, намереваясь лечь спать засветло и поскорее смыть остатки этого странного дня. Никогда не доводилось ему жаловаться, тем более вслух и мирянину. Что на него нашло?... Священник оставил эти вопросы и взялся молиться, встав на колени перед своей простой кроватью, сжимая в руках икону.

* * *

Отцу Борису было всего чуть за тридцать, отчего и борода росла у него слабо да негусто. Родился он в неблагополучной семье. Вопреки родительским убеждениям верил в Бога с ранних лет, и сам записался в воскресную школу, где познавал христианские истины. Отец и мать беспощадно пили и перестали заниматься тем малым хозяйством, что имели: продали корову, лишились кур, запустили огород. А Борис верил, что однажды Бог вытащит его из нищеты, и это случилось. Он с успехом поступил в православную семинарию, а дальше был определён в монастырь. Полностью уйти от людей, правда, оказалось непростой задачей. Борис хотел поделиться обрётёнными знаниями, любовью к Христу, добрыми идеалами с другими и показать тем самым, что даже в самых худших условиях можно жить с верой. Жить, трудиться и любить. Он пробовал поговорить об этом с родителями, но те были обижены на сына за то, что тот бросил их, «променял на Бога». И тогда божий послушник решил основать свой приход. Борис убедил духовенство в этой необходимости, и те выделили ему участок в деревне, расположенной по соседству с его родным селом, и благословили на обустройство.

И всё-то у новообретённого отца Бориса получалось складно. Нашлись прихожане, помогающие в строительстве, матушка Ольга вызвалась во всём его поддерживать. Казалось, всем мечтам Бориса суждено воплотиться в быль. Он думал, что видит в глазах людей зарождающееся прозрение, стремление к Свету. Священнослужитель полагал, что его проповеди и их совместные молитвы просвещают односельчан. Но так ли это на самом деле?

Данный вопрос не давал отцу Бориса покоя со вчерашнего дня, ничего не изменилось и на следующее утро. Проведя раннюю службу, выслушав хворых, после обеда он вырвался на улицу. Священник не мог продолжать исполнять свой долг, поскольку сердце его было не на месте. Сильное волнение овладело им, и ничто не помогало избавиться от этого, усмирить свой разум, привести в порядок чувства. И, несмотря на проливной дождь, батюшка побрёл по деревне, надеясь вернуть смиренность.

Отец Борис совсем скоро весь взмок, и не от дождя, а от внутреннего жара. Он не покидал своей обители и вдруг понял, что не разбирает уже дороги, куда идёт. Посёлок не был большим, но священник запросто мог заблудиться и в трёх соснах. Он ощутил, наконец, и холод, забравшийся под рясу. Думая, как бы ему добраться назад в церковь, Борис огляделся, стараясь припомнить хотя бы примерно, куда он забрёл. Ближайшие ворота одного из селян вдруг распахнулись, и к нему вышел Григорий собственной персоной.

— Вы как тут, батюшка?

Отец Борис беспомощно развёл руками. Он устал бродить, так и не обрёл цели, да и замёрз.

— Заходите! — махнул Гриша, зывая к себе домой.

От нечего делать священник зашёл. Григорий завёл его на кухню, где подкинул дров в печь. Поставил перед батюшкой и собой по стопке, из-под стола достал водку. Отец Борис зашёлся кашлем, стопку решительно отодвинул. Гриша помычал недовольно, сходил в комнату и вернулся уже с пуховым одеялом, набросил его на плечи батюшке. Тот благодарно кивнул, кутаясь в тёплое, а главное, сухое одеяло. Помолчали. Чувствуя, что немного согрелся, Борис было поднялся с табурета, но Григорий твёрдо сказал:

— Сидите уже, отец Борис.

Священник удивлённо сел обратно. Приказного и столь уверенного тона в свой адрес он не слышал давно, оттого сразу повиновался.

— Куда вас понесло в непогоду? Поделитесь своей историей — я хороший слушатель.

— Нет у меня историй.

— Той, что толкнула вас шагаться по деревне с видом, будто вы умом тронулись.

Отца Бориса бросило в холодный пот, он вздрогнул.

— Умеете вы, Григорий, с толку сбить.

— Так что случилось? — невозмутимо продолжил тот и поставил перед батюшкой стакан, куда налил горячего чаю.

Отхлебнув, отец Борис решил, что самое время поделиться своими сомнениями. Ведь как ни печально, а, кроме простого мужика Григория, его и выслушать некому. Настоятельница Ольга таких размышлений не поймёт, а другим и дела нет.

С другой стороны, батюшка даже не знал, чем Григорий вообще жил, когда не выполнял поручений для церкви. Ему было известно, что он плотник, да и ничего более. Тем не менее, отец Борис счёл, что может довериться Грише. Было в нём что-то... светлое.

— Я приехал сюда с большой надеждой возвести первый храм, подарить людям шанс на обретение счастливой вечной жизни... — поведал батюшка. — Это была не самая простая затея. Меня отговаривали, но потом дали добро. И что затем? Спаслись ли местные? Ко мне на службу приходят с два, иногда с три десятка человек. На Рождество и Пасху — почти вся деревня. Но никакого просветления не вижу я в собственной пастве.

— Не судите их строго, — заметил Григорий.

Он не притронулся к водке, налил чая и себе. Выставил перед батюшкой сушек и баранок, одну из которых с удовольствием макнул в свой чай. Привкус и аромат у чая был необычный, похоже, напиток с бергамотом.

Отец Борис насупился.

— Я полагал, что прихожане поймут мои порывы и захотят чего-то достичь. Они нуждались в хорошем пастыре. Не каждый, без сомнений, сможет вести монашескую жизнь, но ведь достаточно соблюдать несколько простых праведных вещей... Но вчера я увидел, что они — слепцы, не видящие дальше собственного носа.

— Всего лишь грешники-люди?

— Люди...

— Как и вы. Никто не совершенен, но это не значит, что в вашей душе, как и у других, не живёт Бог, так? — подсказывал Григорий.

— Так... — озадачился отец Борис. — Я не должен высказываться плохо о прихожанах. Да простит меня Господь за уныние моё, — он поцеловал свой крест.

— У каждого бывают серые дни. Это пройдёт, — заметил Григорий и постучал пальцем по все ещё стоящей на столе бутылке водки.

Не страшайте меня, — поморщился отец Борис. — Вчера я позволил себе выпустить злобу, гнев — согрешил. В меня как бес вселился и завладел речью, мыслями. Это наказание за то, что я был плохим пастырем... Даже вы, человек, которого я вижу ежедневно при церкви, не ходите на мои проповеди. Значит, пастырь из меня неважный.

— У меня есть и другие обязанности, дела. Я вас уважаю, отец Борис, и качество ваших проповедей ни при чём. Вы судите слишком строго — и себя, и других. При всех ваших недостатках, я уверен, вы достойнейший человек и пастырь.

— Григорий, вы помогаете мне и матушке Ольге практически с самого начала, и я ни разу не задавал вам этого вопроса. Да мы с вами и вовсе мало общались, — сбивчиво проговорил отец Борис и спросил серьёзно: — Вы верите в чудо? В Бога?.. — его голос сам собой стих на второй фразе.

— Я верю вам, отец Борис.

Батюшка умолк, рассматривая лицо Григория.

— Так вы атеист? — осторожно уточнил священник.

— Атеист отрицает Бога, а я просто не уверен в его существовании. Вашу же позицию я уважаю, — отец Борис грустно опустил голову, а Гриша сделал паузу. — Знаете, лучший способ узнать прихожан — прийти на их территорию, — закончил он.

— Это немыслимо.

— Я знаю. Но если вы желаете понять, как вам быть, искренни они или нет, придётся выйти из церкви. В храме всякий человек старается держать лицо, понимаете? А вам нужно посмотреть их в другой ситуации, повседневной.

— И куда пойти?

— К ним домой.

— Я не могу себе представить, как хожу проповедовать в дома... — совсем смутился отец Борис. — Все церковные дела следует исполнять в храме. И я посещаю местный детский дом и больницу, но дома...

— Разве дела от этого перестанут быть церковными, если выйти с ними на улицу? — задался вопросом Григорий. — Мне действительно неловко что-то вам советовать, я с такими проблемами никогда не сталкивался и сужу с обывательской позиции. Но однажды вы уже вышли за стены монастыря и основали тут приход. Почему бы не попробовать выйти за стены храма?

— В ваших словах есть зерно истины, — не мог не признать отец Борис. — Но я не готов.

Поблагодарив хозяина дома за помощь, он поднялся и отдал одеяло.

— Отец Борис, — позвал его Григорий. Тот неловко застыл. — Если вам захочется поговорить, заходите. В любое время.

— Храни вас Господь, — ответил батюшка, чуть улыбнувшись, и оставил Григория.

Он вышел на улицу, где дождь уже прекратился. Не особенно глядя под ноги, отец Борис быстро набрёл на лужу, но абсолютно не обратил на это внимания — он спешил в церковь, где чувствовал себя в безопасности. И к прихожанам, которые, какими бы они ни были, все же приходили к своему пастырю и слушали его.

Глава 2. Бунт

Три недели спустя...

Стояла тишь да гладь. До рассвета и петушиных криков оставалось несколько минут, деревенскую благодать нарушили рёв мотора и пение громким хриплова-

тым басом. Бойкий мотоциклист подъехал к хате Григория и спрыгнул на землю, пристроив своего железного коня у ворот. Он снял шлем, раскрашенный под языки пламени, выпуская вихрастый ёж вместо аккуратно подстриженных волос, серьгу в ухе. Стянул стильные перчатки без пальцев, прихватил рюкзак и гитару в чехле, да и направился к дому. На нём оставались косуха и высокие сапоги с торчащими по бокам шипами.

— Ах, Рассея моя, широка-а-я... — затянул молодой человек, проходя в дом. И умолк, заведя с порога сидящего на кухне священника рядом со своим дядей Гришей.

— Здравьете, дядя, — поздоровался он, разглядывая странного гостя.

— Славка! — Григорий поднялся и вышел к нему, заключив в объятия. — Познакомься, это отец Борис. Отец Борис, это Слава Пеструнов, мой крестник. Родился в этой деревне.

— Не знал, что у нас есть свой священник, — сконфуженно проговорил Слава, протягивая руку для пожатия.

На его среднем пальце был крупный перстень с черепом. Отец Борис и не взглянул, а просто взял его ладонь двумя руками и энергично пожал.

— Доброго утра, Вячеслав. Правильно я назвал ваше имя?

— Правильно, но лучше, Слава.

— Год с небольшим, как я основал в вашем посёлке церковный приход, — добавил отец Борис. — Приходите и вы, Слава.

Славка расстегнул косуху, а под ней — футболка с головой дьявола. Священник охнул и отшатнулся.

— Если хотите, — вставил отец Борис.

— Я очень хочу... — Слава ступешался, прикрыв футболку.

— Что ж... — священник растерянно посмотрел на Григория, поднялся. — Мне пора.

— Увидимся, — попрощался Гриша.

— Храни и спаси, Господь, — бросил священник и ушёл, ни разу больше не взглянув на Славу.

Славка почувствовал, как вместе с ним ушло и напряжение. Снял куртку, под которой помимо провокационной футболки имелись куда более вызывающие татуировки: на левой руке — зелёный змей, поедающий яблоко; на правой — волк, воющий на луну. Они обе начинались от кистей и заканчивались у локтей.

— Помешал вашим посиделкам? — справился он у дяди Гриши. — Ты чего в такую рань не спишь-то?

— Не спится, — ответил Григорий. — Хорошо, что отец Борис согласился составлять мне компанию по утрам. Чай с ним пьём до заутрени.

— И давно ты со священником дружишь?

— Я не состою в его приходе, но дружбу вожу, да. Совсем недавно, — пояснил Гриша. — Помогаю при церкви.

— А что с твоей основной работой?

Слава никак не мог взять в толк, как это его дядька, не посещавший церковь все свои сорок с лишним лет, вдруг чаи распивает с батюшкой.

— Плотничаю всё так же, как заказы есть.

В голове у Славки не прояснилось. С дядей что-то произошло.

— Я тут кое-что привёз, — он достал из рюкзака бутылку виски. — Но если ты теперь при церкви...

— Кто сказал, что я не пью? — весело уточнил Григорий.

Славка улыбнулся — с его дядькой всё в порядке, умом не тронулся. Он потянулся за печеньем, чтобы помакать его в виски — своеобразная привычка сформировалась, пока жил вдали от деревни.

— Слушай, старик, извини, что не приехал на похороны твоей мамы, — виновато протянул Слава, вспомнив об этом после пары-тройки таких печеньюшек.

— Мы уже обсуждали это, я не сержусь.

— Ты остался совсем один... И поговорить-то не с кем... — тоскливо проговорил Пеструнов, оглядывая бесхитростные владения дяди.

Большую часть мебели Григорий изготовил себе сам, а без неё дом смотрелся бы абсолютно убого. Там и починять уж было нечего — сноси и строй заново.

— Ну, брат и сёстры, слава богу, живы-здоровы, пусть и не рядом. А здесь у меня хороший собеседник, которого ты видел.

— Не пойму, что у вас общего? Ты ж не этот, как его, не у церкви.

— Не воцерковлённый, — поправил его Григорий. — Мы когда тебя крестили, я делал всё по правилам.

— Ну, это другое, — качнулся на стуле Слава, рассуждая.

— Познакомься с отцом Борисом, и сам поймёшь, что у нас общего, — усмехнулся Гриша. — А может, и у вас найдётся. Он ведь молод.

— Ну, не знаю... — почесал он ухо, что с серьгой. — Мне всегда нравилась история Иисуса Христа, но вера и религия — сложные штуки.

Помолчали. Славка ел печенье, Гриша смотрел в свой стакан.

— А тебя можно поздравить с прошедшим днём рождения? — переключился на другую тему Григорий. — Двадцать восемь моему крестнику, ага?

— Ага, — кивнул притомившийся Славка. — Давай не об этом. — Он придвинулся поближе к стенке. — Расскажи лучше, что в селе происходит, как что. Я у тебя недолго поживу, лады?

— Ну конечно.

Дядя Гриша поведал крестнику о новостях села да о своих текущих делах. Славка слушал-слушал, да и сморило его в сон, о себе так и не успел ничего сказать. А дядька и не тревожил, понимая, что не стал бы парень приезжать назад в село, будь у него всё в порядке. А значит, поделится ещё.

* * *

Отоспавшись на дядькиной тахте, на которую тот его, видимо, и дотащил, Слава подкрепился и отправился по деревне пройтись. Тем более что Гриши дома не было.

Пеструнов шёл по улицам, которые за десять лет его отсутствия не изменились. Так, кое-где дома перестроили да покрасили, асфальт проложили местами, Дом культуры обновили. И, конечно, жители поменялись: взрослые постарели, молодые завели детей, а иные уехали восвояси, как и он, или умерли. Хотя вот некоторые остались верны себе.

— Это кто у меня тут цветы топчет? — кудахчущим голосом заверещала рядом бабулька.

Славка засмотрелся, задумался и не заметил, как наступил на маленькие цветочки у одной из оград.

— О, Ульяна Васильевна, — признал он её. Старушка была в платке и шерстяной кофте поверх халата, а на ногах при этом — простые тапки. — Не холодно вам?

— Некогда мёрзнуть, коли работа стоит, — ворчливо отозвалась та.

Слава усмехнулся: вроде и жил совсем не рядом с Ульяной Васильевной, а запомнил её надолго за строгий нрав и неуёмную активность. Будь то праздничные гулянья, грядущие выборы или всеобщий сбор средств на ремонт школы — баба Уля всегда впереди и громче всех.

Она прищурилась, внимательно осматривая куртку Славы. На рукавах у него имелись нашивки с известными рок-звездами разных лет. Бабуля дотронулась до одной из них.

— Ишь ты, страшный какой, — проговорила она. — А ты кто будешь?

— Слава Пеструнов я. Вырос здесь, приехал дядьку навестить.

— А-а, Пеструнов... — стало ясно, что фамилии такой она не помнила, хоть и сделала вид, что узнала. Славка вздохнул. — И кто ты, панк или металлист?

— Ого, какие познания! — уважительно покивал Слава.

— А то! Телевизор-то все смотрим, двадцать первый век, — многозначительно произнесла Ульяна Васильевна.

— Да я не тот и не другой, бабушка. Альтернативщик я.

— Ох ты, Господи, — перекрестилась старушка и заторопилась уйти за ворота, сетуя себе под нос на помятые цветы.

— Бабуль, а как вам пастырь? — решил узнать он постороннее мнение.

— Пастырь? Это отец Борис? — задержалась бабушка. — Хороший, внимательный. Вне церкви только от людей шарахается, боится будто чего-то. Вот и к Машеньке всё никак не придёт, а ведь мать просит...

— К какой Машеньке?

— Девочка по соседству, — указала баба Уля на зелёный дом рядом. — Со всем больная, несчастная девочка. Когда в сознании, так сама в церковь ходит, занимается там. А как бес ею овладевает — никому спасу нет. Бедная мать...

Славка утратил интерес к рассказам бабушки, и сам потихоньку отошёл да продолжил прогулку. Люди тут в посёлке казались милее, вежливее, приветливее столичных. Он уж отвык от простоты, что была свойственна здешним жителям. Многие перестали собираться за пределами своих оград, но те лица, что встречались ему по пути, по-прежнему были светлыми, добродушными. Жители большого города одаривали соседей угрюмыми взглядами исподлобья. Славе дышалось в деревне свободнее. И, несмотря на грязь вокруг, отсутствие развлечений и разнообразного досуга, ему нравилось тут. Сколько бы люди ни судачили друг о друге, они готовы были бескорыстно прийти на помощь и постоять горой за своих. И их не волновали материальные блага: большие дома, крутые машины, вещи из дорогих бутиков. Слава внутренне оставался таким же, но ему не хватало этого и в других людях. Если бы не амбиции и не мечты, он с удовольствием не уезжал бы из посёлка никогда. Устроился бы зоотехником, как хотела мама, встретил достойную женщину, например из доярок, и родила б она ему четверых ребятишек, не боясь испортить фигуру и не подсчитывая каждую заработанную им копейку. Но тут либо семейное счастье, либо та творческая карьера, которую он построил.

Славка заметил двух симпатичных девчонок. Одна — пухленькая, другая — стройная. Приглянулась ему вторая, хотя он был не прочь познакомиться и с первой. Никакого у них искусственного загара, никаких искусственных грудей, тонн косметики, а здоровый цвет лица, простая одежда, горящие глаза — то что надо!

— Девчонки-красавицы, — подкатил Слава к стройняшке, — куда торопитесь?

Они хихикнули, переглянувшись.

— У меня группа в Питере, по всей стране гастролируем и стадионы собираем, — радостно известил он их. — Неужели не узнаете?

Он улыбнулся неестественно широко, словно для обложки журнала.

— Так то в Питере, — усмехнулась девушка.

— И по всей стране, — добавил Слава, огорчаясь, что не покорил её. — Местная легенда, а вы и не цените.

— Ну не расстраивайся, легенда! — подключилась вторая. — Ты неплох собой... Как звать-то?

— Славка.

— Рая.

— А подружка?

— Ты на Любку не смотри, она у нас в священника влюблена.

— Райка! — вспыхнула Люба и отбежала вперёд, но не ушла совсем.

— Правда влюблена? А он женат? — Слава уже в третий раз слышал о священнике и узнавал всё более новое и интересное.

— Ему вроде бы нельзя.

Пеструнов оставил девушек, пообещав найти их позже, тем более что Люба совсем утратила к нему интерес, а Рая теперь его не устраивала — после слов о вероятном сопернике он почувствовал азарт и желание очаровать именно Любу.

Слава прогулялся до противоположного края деревни, где располагался и храм. Никаких позолоченных куполов, богато украшенных витражей — простая церквушка, разве что не деревянная. Он не стал близко подходить, не решил пока, хочет ли побывать внутри, а развернулся и пошёл обратно до дядино дома. Однако у Дома культуры заметил вдруг несколько селян, окруживших не кого иного, как отца Бориса. Перед священником был стол с кастрюлей, из которой тот черпал суп: он раздавал страждущим еду. Пеструнов хмыкнул, собираясь пройти мимо. По его мнению, это была странная затея, с учётом того, что всякий любит бесплатно поесть, а уж в посёлке таких навалом. Так и разбаловать деревенских лодырей недолго.

Но Славе не удалось уйти — его окликнули:

— Славка!

Рыбакин собственной персоной — тот, кого Славе меньше всего хотелось бы видеть. Один из тех знакомых, которых лучше не знать. Но Рыбакин был одноклассником Пеструнова, и они даже дружили прежде, потому разговор был неизбежен. Приехав сюда, Славка надеялся, что большая часть его бывших товарищей разъехалась, как и поступали выпускники здешней школы, но с Рыбой это едва ли было возможно.

— Ты чего здесь? — спросил Слава, неохотно останавливаясь возле бывшего друга, который не знал, что стал бывшим.

Небритый, дурно пахнущий, в каких-то лохмотьях, Рыба лишь отдалённо напоминал себя прежнего, потому задерживаться рядом с ним ещё хоть на минуту Пеструнов решительно не желал.

— Да вот, коли бесплатно кормят, чё не поесть? — хихикнул Рыба.

У него в руках была пустая, но грязная тарелка. То ли он уже получил свою порцию и стоял за второй, то ли принципиально не пользовался водой, чтобы очистить посуду.

— Действительно... — не нашёл что возразить Славка.

— Струнный, ты как у нас? Надолго? — заметно оживился Рыбакин.

Он почесал нос грязным пальцем, и Слава разглядел на костяшках татуированную надпись «Рыба».

— Нет, — мотнул головой Пеструнов, делая шаг назад от не меньших забулдыг, чем Рыба, что толпились в очереди. — Имя своё подписал, чтоб не забыть?

— Ну да, а то знаешь, как оно бывает...

Слава знал, да вспоминать не хотел. Рыбакин — это была крайняя степень того, каким мог стать и Пеструнов, но он пока, к счастью, умел вовремя остановиться и избежал подобной участи. От алкоголя, правда, было уйти не так-то просто, но Слава старался.

Очередь Рыбакина подошла, он утратил интерес к общению и жадно взялся уплетать полученный суп прямо руками, прихлебывая бульоном. Пеструнова передернуло.

— Присоединяйтесь, — приглашающим жестом предложил отец Борис, заведя его.

— О нет, я не стану отбирать еду у по-настоящему нуждающихся... — Славка хотел употребить другое слово, глядя на собравшихся, но не стал материться при священнике. — Вы сами готовите?

— Нет, — усмехнулся священник. — Матушка Ольга постаралась для этих добрых людей. — Пеструнов отвернулся, намереваясь уйти. — Слава, вы мне не поможете?

Обращение отца Бориса к нему удивило Славку, и он обернулся с вопросом в глазах.

— Я? — озвучил он своё недоумение.

Пеструнов полагал, что отпугнул батюшку своим видом, однако тот совсем не выглядел испугавшимся, хотя Слава и не переодевался.

— Мне ещё нужно зайти с этим поздним обедом к больным. Вдвоём было бы сподручнее, если вы не заняты.

— Нет, не занят... — растерялся Слава. — Ладно.

— Дорогие братья и сестры, оставим же немного еды и для других ваших собратьев, — обратился к очереди, что никак не кончалась, отец Борис, закрывая кастрюлю крышкой.

— Батюшка, а как же мы? — спросил кто-то из толпы.

— Ты приходишь всего раз в две недели, а в больницу каждый день! Где твоя хваленая божья справедливость? — выкрикнул второй.

Отец Борис побледнел, плотнее прижимая крышку, которую уже норовил отобрать стоящий ближе всех наглый пузатый мужик в майке и драных штанах. За ним едва держалась на ногах женщина, которая негромко подначивала его забрать не только крышку, но и кастрюлю. Славка обалдел от такого неуважения народа к своему же священнику. Он прекрасно представлял себе, какой бардак развернётся дальше. Они, конечно, вряд ли являлись прихожанами, но отца Бориса-то знать должны и относиться как к своему, а не чужому.

— Братья и сестры, нам нужно быть человечными и уметь делиться! — отец Борис мягко отстранил загребущие руки мужика. — Вашему фельдшерскому пункту, где содержатся больные, не хватает средств.

— А мы что, хуже них? — заорали люди. — Долой этих немощных, сильный побеждает слабого!

— Это ведь ваши соседи...

Славка смотрел, как у мужчин чешутся кулаки, а у женщин в глазах пробуждается жажда крови. Рыбакин хищно поглядывал на него, собираясь увлечь за

собой. Но Пеструнов и не думал помогать в создании хаоса. У него, в отличие от этих людей, были принципы и чёткие понятия о том, что недопустимо.

— Эй, вы, вечно голодные, а ну расходитесь! — громко заявил Слава.

— А ты что за чёрт такой выискался? — ополчились на него.

— Это кореш мой! — крикнул Рыбакин. — Струнный, давай лучше с нами, отстоим свои права.

— Ты свои права уже отъел! — пылко бросил ему Слава. — Как и вы! — остальным. — Человек для вас постарался, доброе дело сделал, а вы в него плюете. Ну-ка, взяли и разошлись по-хорошему!

Он видел их горящие ненавистью глаза, но и не думал отступить.

— Поколотим этого слюнтяя и возьмём своё! — предложил пузатый мужик.

Ему хором ответили: «Да!» Славка принялся закатывать рукава куртки, в это время отец Борис вышел и загородил его собой.

— Не нужно насилия, — сказал он. — Забирайте что хотели, а мы уйдём.

— Батюшка, — воспротивился Пеструнов, выходя из-за его спины, — я хочу защитить ваше достоинство!

— Нет, Слава, мне такая защита не нужна.

Рыбакин погрозил Славке кулаком. Пеструнов почти показал тому средний палец, но отец Борис вовремя опустил его руку.

— Ради Христа... уйдём, — шепнул он.

Глаза, полные мольбы, заставили Славу передумать воевать и послушаться здравого смысла — священника. Более двух десятков жителей уже занялись опустошением кастрюли, позволив отцу Борису и первому их на селе врагу уйти.

Они отошли на достаточное расстояние, чтобы не ощущать злобных взглядов в спину и не слышать чавканья. Славка злился, но не на них, а на отца Бориса, что позволил им так с собой обращаться, а ему не дал защитить себя. Обидно было за это. Тем не менее, наблюдая за возвращающимся к батюшке умиротворением и за лёгкой улыбкой на его устах, он и сам угомонился. Пеструнов даже не осознал, что они двинутся к церкви, и он почему-то всё ещё не оставил священника одного.

— А как же больные? — спросил Слава.

— Слава Господу, что их всего пятеро сейчас, — ответил батюшка. — Матушка Ольга успеет сварить для них кашу вместо супа.

— Я не помню, чтобы в нашей больничке кто-то, кроме родственников, носил еду. Там кормили и вовсе всего дважды, да так отвратно, что легче было доползти до дома самому. У меня так было, когда я сломал ногу. Плевал на все режимы и боль, плёлся домой за нормальной жратвой, а потом обратно за уколами.

— Поэтому мы и предложили помощь. Медики не против, — с улыбкой ответил отец Борис. Они остановились у низеньких ворот церкви. — Продуктов и средств на них, правда, не всегда хватает. Но ничего, прихожане более понимающие, чем эти на площади... Помогают содержать и церковь, и своих односельчан, временно недееспособных. Районная администрация тоже выделяет нам средства.

— А местная?

— Местный глава — неверующий, так что ждать помощи не приходится, а просить ни к чему.

— Я понимаю, больных кормить, а этих-то оборотов зачем? Это же первые бездельники, которые только и ждут бесплатной подачи. Они неблагодарные.

— Ваш крёстный тоже часто об этом говорит, — усмехнулся батюшка. — Однако Христос учил не отворачиваться от слабых духом, а помогать им. Я совсем недавно начал раздавать еду на улице. Поначалу приходило меньше людей, и про-

блем не возникало. Но очереди стали длиннее. Придётся что-то придумать, как это разрешить. Вы вмешались вовремя и вели себя смело, но такие методы не подойдут.

— Против быдла именно такие и подойдут, — возразил Слава, выражаясь напрямую, в лоб. — Вы их развращаете. Они и без того ничего не делают, а станут ещё хуже.

— Я так не думаю, — ответил отец Борис, но прозвучало не очень уверенно.

— А надо бы, — добавил Слава.

Он успел окончательно остыть, и робость перед человеком в рясе начала к нему возвращаться. Особенно после того, как Пеструнов практически отчитал его. Он не считал себя верующим, хотя и знал Библию, тянулся к ней, потому и испытывал почтение к священникам. Однако определённого мнения насчёт религии у него пока не сложилось. Как и отношения к деятелям церкви. У него был негативный опыт общения с попами, чего он ждал и от отца Бориса. Но узнавая его всё больше и больше, Слава убедился, что этот священник другой. И с ним в самом деле хотелось говорить, хотя их точки зрения разнились. Возникло совсем новое чувство к батюшке и религии, которого Пеструнов пока не осознал, потому немного боялся и робел. Весьма личный вопрос также вертелся у Славы на языке.

— Вы с Рыбакиным приятельствуете? — спросил отец Борис внезапно.

— Да с таким другом и врагов не надо. Были когда-то хорошо знакомы, — честно сказал Слава.

— Он — в моём приходе.

— Серьёзно? А за еду готов был первым бросить в вас камень.

— Я знаю, что он не самый искренний прихожанин... Другие верующие его обходят стороной. У меня были сомнения насчёт веры каждого из них. Но на самом деле даже Рыбакин верит, просто не может побороть свои искушения, — поделился отец Борис, поражая своей откровенностью. — Поэтому я в большей степени верю в людей, в их доброе начало. Столкнувшись с теми, кого не встречал на службах, я стал больше ценить своих прихожан, — добавил батюшка. — И по-другому взглянул на мирян в целом. Вот для чего я выхожу кормить обездоленных на улицу — они все заслуживают шанса на любовь и внимание. Только таким образом мой диалог с ними, не посещающими мою церковь, возможен. Даже если они меня пока не слышат.

— Батюшка, ради куска хлеба они растерзают вас, как волки, — проговорил Слава. Речь священника воистину вдохновляла, но Пеструнов не мог согласиться с ним — он знал эту реальность с изнанки. — Придумайте другой способ общения. Я серьёзно, долго вы не проживёте.

— Я не хочу отворачиваться от них, когда только-только повернулся... — озадачился отец Борис. — Но нужно хорошо подумать, правда. Зайдёте в церковь?

— В другой раз.

Слава почувствовал, как першит в горле. Он и не знал, чем объяснить, почему не может переступить порог, но это действительно казалось трудной задачей.

— Мне нужно продолжить с больными. Вы всё ещё готовы помочь?

— Вам же ещё готовить? Давайте я приду позже.

— Да, думаю, уйдёт около часа. Будет хорошо, если вы придёте, Слава. С вами интересно вести беседу.

— Взаимно, — не стал кривить душой Пеструнов. — До встречи.

Он спешил полакомиться своим особым печеньем и чем-нибудь посущественнее. Недавний запах супа разбудил его аппетит...

ЕЛИЗАВЕТА ОВОДНЕВА

ЛАУРЕАТ КОНФЕРЕНЦИИ «Молодость. Творчество. Современность» – 2018
ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ В НОМИНАЦИИ «Поэзия»

Прости, душа моя, прости!

К музе

Душа рассеивала ночь,
Снимала полог безрассудства.
Ты вместе с ней бежала прочь,
Как Магдалина от распутства.

Он пожирал тебя как мог,
Он всю тебя вбирал до крохи,
А ты бросала стрелы строк
И сердцу оставляла вздохи.

Бежала сквозь крыла перил
В пустоты лестничных пролётов.
И на уступах свет кривил
Твой стан на резких поворотах.

Но вот конец. Тебя уж нет.
Ты улыбнулась на прощанье...
Я не забуду этот свет —
Свет отрешённого сознания!

Костыль

Опора старая, подгнившая,
И сердце поглотила пыль.
Моя душа как будто лишняя —
Её не выдержит костыль.

И в страхе бездны отрекается
Душа по-прежнему летать.

Под весом диким содрогается
Его потерянная статья,

И сколько он ещё продержится,
Пока известно только мне.
Душа — скиталица-безбрежница —
Едва жива на самом дне.

ОВОДНЕВА Elizaveta Владимировна родилась в 1998 г. в г. Тайшете. Учится в Иркутском филиале Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова на отделении драматургии. Участник и дипломант Иркутской конференции «Молодые голоса», диплом за второе место (2014). Печаталась в журналах «Первоцвет», «Сибирь» (Иркутск), «Бийский вестник» (Бийск), «Родная Кубань» (Краснодар), «Балтика» (Калининград), «Белая скала» (Крым), «Зов» (Венгрия), еженедельнике «Слово» (Москва), в коллективных сборниках «Молодые голоса» (Иркутск), «Золотые рассветы» (Ангарск), «И пробуждается поэзия во мне» (Пермь). Автор книг: «Белая ворона» (Красноярск, 2015), «Я не выдам тебя никому» (Иркутск, 2018). Стихи переведены на венгерский язык.

* * *

Прости, душа моя, прости!	И в этой жуткой качке адской
Я злой стихией жить устала —	Иная я перед тобой.
Не оттого ли грешной стала,	
Что счёты хочется свести	И я пыталась не черстветь,
	И умирать не стало больно...
С собой другой или с собой...	Не страшно мир покинуть дольний,
Себя вела я не по-братски,	В себе страшнее умереть!

* * *

Не родившись, жизнь пережила,
А родившись, к смерти потянулась.
Там, где умирали, — ожила,
Там, где жили, — в тёмных снах очнулась.

Всех сестёр навек перелюбив,
Ужаснулась! — жизни не любила,
И душа израненная выла,
Криком небо тесное затмив.

Там смешались прах и порох в кучу.
Между высью и постылым дном —
Я осталась на свинцовых тучах,
Вещим заколдованная сном...

Зеркала

Я вчера случайно умерла,	Зеркала́ — хорошая примета:
В полутьме не помню даже боли.	В наших отраженьях молча спит
И, наверно, по своей же воле	То, что горькой памятью слепит,
Я вчера случайно умерла...	Или за беспамятство отпето.

И теперь мне не принадлежит	Я вчера случайно умерла,
То, что берегла, на что молилась.	В чёрной мгле не помню даже боли.
Моё сердце вдребезги разбилось	В зеркалах не жившая дотолё,
И теперь осколками лежит.	Я вчера случайно умерла.

* * *

И звезда с звездой говорит...

Михаил Лермонтов

Когда сгорит последняя звезда,
Сгорят воспоминанья нашей встречи,
Сгорят мосты, кварталы и места,
Где коротали мы последний вечер.

Сгорят стихи, что рождены гореть,
И ночь сгорит, как наши поцелуи,
И душ холодных больше не согреть,
Они без чувства потерялись все!

Сгорает всё... так пусть оно горит...
Настанет день, и мы сгорим, как звёзды.
Но почему не высыхают слёзы,
Когда звезда с звездой говорит?!

* * *

Я пела мёртвые стихи,	Летела ночь, как миг летел.
А ты молчала громко, смело...	И я к Пандоре обращалась.
Я поднималась на верхи,	Но поздно, ветер просвистел —
А ты спуститься не посмела.	Надежда больше не рождалась.

* * *

Ты у меня болишь внутри,	И я уже с собой борюсь,
Болишь и кровоточишь морем.	И я прислушиваюсь: дышат
Ты из меня кричишь — смотри,	Мои слова в тебе, и в них
Как маюсь я бессмертным горем!	Весь яд сокрыт, тебя сгубивший.
И я уже опять боюсь	И я боюсь, чтоб не утих
Тебя спугнуть и не услышать...	Внутри меня — меня любивший.

Четверостишия

1

Когда надежды с трепетом молчали
И мужество твердило о своём:
Я не была ещё в твоём начале,
Но ты уже, как вечность, был в моём.

2

Жизнь свою перебираю сонно:
Много скупости и плача, и скорбей.
До свиданья, белая ворона,
Здравствуй, пташка — серый воробей!

3

У счастья столько маеты —
В тисках любви с тобой зажаты!
Я только перешла на «ты»,
А мы с тобой уже женаты.

СОФЬЯ СОРОКОВИКОВА

ЛАУРЕАТ КОНФЕРЕНЦИИ «Молодость. Творчество. Современность» – 2018
ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ В НОМИНАЦИИ «Поэзия»

Дикий сад не для роз

* * *

Наверное, мне не дано понять:
Ошибку повторила глупо снова.
Вонзили мне теперь по рукоять
Убийственно-безжалостное слово.

Сдавили горло взглядом палача,
Затрогали холодными руками.

Теперь на коже острого плеча
Зияет брешь, оставленная Вами.

И опыт сей, увы, пришёл к нулю.
Я вымолвить могу без страха снова,
Что я Вас, как и прежде, полюблю,
Что верно ждать без повода готова.

* * *

В тихом доме моём есть под крышей чердак,
Ночь живёт там в агатовой плоти.
Её нежностью к Вам можно греть города,
Только Вы никогда не придёте.

Ночь моя, как дитя, так сегодня нежна,
Верно ждёт Вас в вечернем пролёте.
Безвозвратно она больше Вам не нужна —
Никогда к ней уже не придёте.

СОРОКОВИКОВА Софья Сергеевна родилась в 2001 г. в Ангарске. За свои 17 лет сменила несколько школ. Училась в обычной гимназии, в английской школе и в техническом лицее. Сейчас заканчивает 11-й класс в физико-математической школе при Новосибирском государственном университете. Стихи пишет с детства, но осознанно занялась словотворчеством в 14 лет. Публиковалась в журналах «Первоцвет», «Весенняя муза», «Во всё бесконечно влюблён». Живёт в Ангарске.

Правду ей не шептал ветерок за окном,
Не скрипели, ворча, половицы —
Хищно правда сама умудрилась клыком
В шею ночи, изящную, впиться.

Взвыла ночь, словно зверь, и кровавый бардак
Звёзд разбрызгала дымною гривой.
И без Вас уползла, мой покинув чердак,
Умирать от рассвета под ивой.

* * *

Когда я умру, отравившись пулей,
Сразившей предательски наповал,
Накрой моё тело цветочным тюлем
Окна, под которым меня целовал.

И я к тебе буду летать, как призрак,
Рыдать шумом листьев и выть пургой.
А ты будешь рядом, так ложно близок,
За окнами теми — уже с другой.

* * *

Дикий сад не для роз, поворачивай прочь:
Там растут лишь ветра и туманы.
Не входи в дикий сад, в нём скулящая ночь
Языком лижет алые раны.

Не броди слишком долго в чащобе осин,
Меж навязчивых мысленных прутьев,
Что любовно поют голосами ундин,
Завлекая тебя в перепутье.

Не заглядывай в окна, в голодную мглу
У деревьев стоящего дома.
Кто-то там по ночам, скалясь, шепчет в углу:
«Как прекрасен твой лакомый омут...»

Не ходи в дикий сад: там цветы на беду,
Обречённые, рядятся в иней...
На следах твоих утром в забытом саду
Вымрет сумрак, холодный и синий.

* * *

По сердцу правда — кинжал по коже...
Все дни недели так длинно схожи.
В толпе беззначных людей-прохожих
Я стану частью пустого тоже.

Глаза и камни мускулатуры,
Неоднозначность твоей натуры —

Живым фрагментом архитектуры
Уносят в русло другой культуры.

Увы, владелец иного рока,
С моей не схожа твоя дорога.
Ты сам, как будто, с картин Ван Гога,
Был создан вечным примером Бога.

* * *

Упрощаешь все различия До смешного неприличия — Толь от мании величия, Толь от жизни неналичия.	В одиноком сером здании, Новом месте обитания, — Лишь полночные свидания Со своим больным сознанием.
--	---

Напрямую к апатичности В разной степени критичности. Словно трещина античности, Разделение на личности...	И в одежде усмирения Пребываешь в изумлении, Что теперь ты — оскорбление И всеобщее глумление.
--	---

* * *

Не стучитесь в окно, тонкорунный Февраль!
Мне отрадней молчание ситца.
Я открою огромный зелёный словарь,
Чтоб от Вашего холода скрыться.

Я смогу Вас забыть, погружаясь под лёд
Книжных строчек засушливо-строгих.
Буду ждать, когда прочь по снегам поползёт
Сонно топь моих чувств босоногих.

* * *

Приходи ко мне шумом тёплых рек,
С моей кровью влейся в пространство жил.
Сотвори меня под обёрткой век:
До тебя там вовсе никто не жил.

Приходи ко мне в каждом новом сне,
Дай вдохнуть туман чёрно-нежных глаз.
Штукатурка треснула на стене —
Я тону в тебе в самый первый раз.

* * *

Комната давит твоим неналичием, Комкая мысли в неряшливый вид. Я полоню тебя мягким обличием Ситцево-душной пучины любви.	Пульса картечью сломаю молчание, Склею надеждой дыру в потолке, Нежно погибну, внимая дыханию Пленной синицы в дрожащей руке.
--	--

КОНСТАНТИН КОРНЕЕВ

ЛАУРЕАТ КОНФЕРЕНЦИИ «Молодость. Творчество. Современность» – 2018
ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ В НОМИНАЦИИ «Поэзия»

Переход на зимнее время

* * *

По Карла Маркса и до Царя
Тягучий звон равнодушных зданий.
Учиться падать — и, про себя матеря
Зеркальный лёд, — уже не считать попаданий.

Дворник переводит стрелки дорог,
Метлой распусывая односторонний город.
В трамвае катается новорождённый Бог.
Нигде на маршруте не сбавив скорость,

Трамвай летит по линии кольцевой,
А в монохромной дворовой стыни
Случайный прохожий не замечает того,
Что в сердце ему вмерзает колючий иней.

По Карла Маркса и до Царя
Сибирское барокко, византийские ниши.
Не мысля, не чувствуя, не говоря,
Зачем? — когда поднимается выше и выше

КОРНЕЕВ Константин Анатольевич родился 22 декабря 1984 г. в Иркутске. В 2002 г. окончил среднюю школу № 19 и успешно поступил в Иркутский государственный университет на исторический факультет, отделение международных отношений. Выпустился в 2007 г. с красным дипломом и прошёл конкурс в очную аспирантуру при кафедре Всемирной истории Восточно-Сибирской государственной академии образования. В 2011 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал преподавателем и репетитором английского языка, гидом-экскурсоводом по туристическим объектам Малого Моря (озеро Байкал). Основное место работы в настоящий момент — Институт систем энергетики СО РАН, научный сотрудник. Печататься начал в альманахе «Первоцвет» и региональной прессе, потом, после значительного перерыва, вышли публикации в журналах Иркутска, Екатеринбурга, Тулы, Москвы. Автор небольшой книги стихов «Оборотень» (2017). Живёт в Иркутске.

Подслеповатый снег. Мост. Пешком до вокзала.
...Бог не заметит отставшего маргинала.

Снег и ветер

1

Снег отражаясь от лиц
Бледных как призраки сна
Медленно падает на
Серое тело земли

И пеленает мосты
В мелкозернистую рябь
В неразличимую явь
Снега объяття густы

И глубоки-глубоки
Будто звериная шерсть
Будто желанная месь
Снегу нужны игроки

Чтоб в закоулки теснить
Где не горят фонари
Кто проиграет — замри
До наступленья весны

2

В небо взметнётся свист
Оземь ударит плеть
Ветер-кавалерист
Знает куда лететь —

Мимо полей и сёл
Дальше и дальше вдаль
В место откуда всё
И ничего не жаль

Там на основе свай
Собранных из льда
Ветер построит рай
И заключит туда

Новорождённый мир
Освобождённый от
Выкованных людьми
Всех диссонансных нот

Адам и Ева

...Найти за порогом невидимое для глаза,
развешанное на всех приоконных лесках,
то небо, что началось партитурой гласа
не трубно, но сплетённого в пальцах детских.

Безропотно сбросить напрасное тело с грима,
из формулы слова вычечь стальные спицы
и в миг перехода божественной воли в имя
найти друг для друга возможность не оступиться.

* * *

Когда листопада игла
заберётся под кожу,
расплёскивая заката
густые кляксы
на бледные стрелки часов,
телефоны и факсы,

ты вынешь, как душу, пальто
из усталой прихожей.

В сплетение пуговиц скрывшись,
сквозь холод подъезда
ты выйдешь наружу, родишься,
безумен и светел;

... а мимо, едва усмирив
непоседливый ветер,
межзвёздная трасса крадётся,
как кошка по крыше.

* * *

Незнакомка к мосту подходит, перчатки мнёт.
Я придумал её, иной ей уже не быть...

Как споткнувшись о стрелку,
в прошлое повернёт
равнодушное время,
судьбы усмиряя прыть —
в безвоздушном пространстве
кровь превратится в лёд,
чтоб рубиновой крошкой
во тьме первородной плыть.

И за долю секунды
переступив черту,
устремляясь к далёким
книжным своим мирам,
я пойму — человеку,
познавшему пустоту,
всё едино в душе:
христианство, буддизм, ислам.

Но молчит Незнакомка, идущая по мосту,
И не видит меня,
не смотрит по сторонам.

* * *

От короткой строки до трамвайной петли,
От Второго до Третьего Рима,
Человеческий возглас по линии дли,
Коль его колебание длимо.

От Галанских высот до голландских красот,
Через все серпантинные трассы

Малахитовой кобры кинжальный бросок
Настигает развенчанных нас, и

Обретенное знание будет беречь
Наш ребёнок, чтоб снова и снова
Затвердевшую в горле беззвучную речь
Рассекало — как лезвие — Слово.

Куручка

Куручка буквы выклёвывает из фраз,
Из божьего рукава за Пегасом летит Пегас,
Суетно раскручивая времени маховик
Безотносительно планетарного центра масс.

Воздух окраинный полон томленьем нив,
Хрипами куплетистов, скупым матерочком нимф.
По беспощадным ямам прыгает грузовик,
В здешних краях дороги — это всего лишь миф.

Целому гипермаркету тождественное сельпо
К вечеру осаждается неравнодушной толпой.
Куручка квохчет, её закрома пусты.
Есть только твердь земная. А значит, по-видимому,

Бог наконец опустил рукав —
Смыла смешных пегасов солнечная река,
И замерла провинция: полдень, зной, паузы...
(Вечность играет в шахматы на лавочке у ДК.)

Город

Так луч, согревающий каменный стол,
Безжалостной тенью бывает распорот...
Среди заблудившихся облачных толп
Рождается город,

Начавшись со звуков — от звона монет
До уличных проповедей пророков.
И кажется, времени попросту нет,
И слышится рокот

Речей из двенадцати языков.
Нетронут был мир, где ещё до начала
Вошедших в учебники новых веков
Озёра качали

Неспешные воды свои — и рассвет
Струился с вершин в молодые долины,
И распускался весной горлицей,
И таял за облаком крик журавлиный.

Но первое царство родилось на свет,
И хлынуло небо в его горловину.

* * *

Тишина разбавлена кровью улиц...
Неприметную ткань на разрыв края,
Это первые дети во сне проснулись,
Это жизнь уже отсекала края,

За которыми будет горяч и краток
Разговор, как яростный взмах ножа.
Распиная друг друга, как брат за брата,
Расходись, разнудывай, размножай!

Но прими: безверие дарит постриг,
Даже тем, кто новую кровь постиг.

... Погранично время бросает кости,
разделяя на хрупкие «до» и «после»
наши лица — обложки книг.

* * *

Потускнел полустанок,
и воздух черствеет закатом,
наполняя сюжет угасанием солнечных лилий
в бесконечном пространстве,
где, звук оставляя за кадром,
сумасшедшая стрелка запуталась
в небыли-были.

Время хлещет наотмашь
из всех поднебесных артерий,
обнимая потоком,
неся, голося, распыляя.
Обернутся легендой уже не награды, а тени
перешедшего линию фронта, как линию края.

Закрывая глаза,
забывая про радость и зависть,
про мальчишку, что выскочил из дому
в яркой обновке,
я в блокноте вселенной оставлю короткую запись
лишь о том, что доехал до следующей остановки.

ТАМАРА ШМАТЁНОК

Создавая свой мир...

ФОТОВЫСТАВКА АНАТОЛИЯ ЗАБОЛОЦКОГО В ИРКУТСКЕ

Кинооператор Анатолий Заболоцкий

В сентябре–ноябре 2018 года жители приленского села Анга и окрестных районов, а в декабре 2018-го — январе 2019 года жители Иркутска имели возможность познакомиться с большой фотовыставкой Анатолия Заболоцкого «Жизнь подарила увидеть». Наряду с фотографиями на выставке было представлено около 30 изданий — книги самого автора, а также альбомы, сборники и журналы, в оформлении

которых Анатолий Дмитриевич принимал участие с использованием своих фотографий.

Произведения для выставки были предоставлены Пермской государственной художественной галереей, которая обладает самым большим собранием авторских фотографий А.Д. Заболоцкого. Организация выставки в Иркутске последние годы была заветным желанием автора. Дело в том, что к Иркутску у художника особое отношение: здесь жил и творил его друг и единомышленник, крупнейший русский писатель Валентин Распутин. Идея показать фотовыставку в Иркутске принадлежала Валентину Григорьевичу: он написал о работах Заболоцкого замечательно точные слова, послужившие глубокой и проникновенной аннотацией к выставке. Но при жизни писателя выставку организовать не удалось. И только благодаря настойчивой инициативе А.Д. Заболоцкого, поддержанной руководством Иркутской области, выставка состоялась. Подготовкой и организацией выставки занимался Иркутский краеведческий музей и лично директор музея Сергей Геннадьевич Ступин. Выставка была приурочена к Дням русской духовности и культуры «Сияние России» и посвящалась автором памяти В.Г. Распутина.

Анатолий Дмитриевич — сибиряк, принадлежит поколению шестидесятников. Его родина — деревня Сыда Краснотуранского района Красноярского края, где в 1935 году он и родился в крестьянской семье. Закончил операторский факультет Всесоюзного института кинематографии. Как оператор-постановщик на разных киностудиях СССР участвовал в создании 15 художественных и 8 документальных фильмов. Наиболее известны картины, снятые им с режиссёром и актёром Василием Шукшиным.

С конца 1970-х годов Заболоцкий стал отходить от кинематографа и заниматься художественной фотографией и оформлением книг, в том числе таких извест-

ных авторов, как Василий Белов и Владимир Солоухин. Свою позицию объяснил следующим образом: «Я ушёл не вообще из кино, а из того, которое сегодня культивируется». Захотелось быть «хозяином своих дум».

Провинциалу из сибирской глубинки пробиваться было не просто. По воспоминаниям Заболоцкого, они с Шукшиным оказались во ВГИКе «белыми воронами» среди подготовленных людей, ничего не знали, не могли так же, как москвичи, одеваться и питаться, формулировать своё суждение. Благоговели перед ними уже только потому, что они коренные москвичи и им прямая дорога на «Мосфильм». Но зато, говорит Анатолий Дмитриевич, кинулся в учёбу со страстью, без каникул. «Сейчас-то я уверен, именно это обстоятельство и заставило меня выбиваться только своим трудом», — утверждает Заболоцкий.

Отмечает он и некоторые особенности институтского обучения, которые пришлось преодолевать: «...Мы стеснялись своего отечественного искусства и не знали его. ...Обучаясь пластическому видению мира, никто из нас не слышал о письмах Сурикова, Коровина, Шишкина, Крамского об этом. Мы пробовали освоить для экрана отрывки из Сартра, Рильке, Кафки и даже Кьеркегораи... Никто не слышал о живущих в то время в Москве Алексее Лосеве или Константине Мельникове. К концу учебного процесса я был уверен, что кино есть только на Западе, наше — слабые его задворки».

Реальная практика многое поставила на свои места. Вот как он пишет об этом сам: «Первого октября 1960 года появился я на «Беларусьфильме» и с головой ушёл в работу. Вооружённый полученным в институте, общежитии, Москве миропониманием, я был готов развалить все старые установления, уверенный в правоте только нефигуративного искусства, корёжил я действительность широкоугольной оптикой, заковывал актёров светом в неестественные позы, почему-то редко наталкиваясь на их гнев. За несколько лет работы без простоев приобрёл производственно-профессиональный опыт, а жизнь и общение с братьями по киноделу возвратили меня к реализму. Заново повернулся я к передвижничеству. Частые командировки для выбора природы позволяли бывать в запасниках многих музеев страны. Подолгу разглядывал картины, находил в них смысл, который в одном кадре или фотографии не удержать. Оглядываясь на годы, проведённые на «Беларусьфильме», радуюсь: мне удалось победить малограмотное левачество, привитые прогрессивной атмосферой ВГИКа тех лет. Я трудился, почитай, без выходных дней». Трудился не равнодушно, с внутренней страстью. Фильмы, снятые с участием А.Д. Заболоцкого, определили лицо белорусского кинематографа периода хрущёвской оттепели. Здесь судьба подарила ему встречи с яркими и незаурядными личностями — писателями и сценаристами, режиссёрами и актёрами.

Первая полнометражная картина «Последний хлеб» (1963), сработанная с режиссёром Б.М. Степановым, была быстро снята с проката, но заслужила добрый отзыв Василия Шукшина и подарила ему встречу с замечательным артистом и человеком Георгием Жженовым, для которого этот фильм стал первым после его освобождения из лагеря. Фильм «Альпийская баллада» (1965), снятый с тем же режиссёром Б.М. Степановым по одноимённой военной повести Василя Быкова, имел резонанс, в том числе международный. Оператор А.Д. Заболоцкий получил Диплом Союза кинематографистов СССР (1968), а фильм был награждён как лучший иностранный фильм на Международном кинофестивале в Дели. Не забыт он и в XXI столетии: в 2003 году фильм участвовал в ретроспективном показе в Каннах.

Этапным в истории советского кинематографа, посвящённого событиям Великой Отечественной войны, стал фильм «Через кладбище» (1964), снятый Заболоцким с будущим классиком белорусского искусства, режиссёром В. Туровым по повести писателя и сценариста Павла Нилина. На V кинофестивале республик Прибалтики, Белоруссии и Молдавии в Таллине в 1965 году фильм «Через кладбище» получил Диплом II степени, режиссёр Туров — приз за дебют, оператор Заболоцкий — за изобразительное решение фильма. В 1995 году по решению ЮНЕСКО фильм вошёл в список 100 лучших фильмов о войне.

Оригинальный по замыслу и жанру фильм-притча «Христос приземлился в Гродно» (1967) режиссёра В. Бычкова попал в список картин, названных в перестроечное время «полочными». Поставленный по сценарию классика белорусской литературы В. Короткевича, он вышел на экраны через 22 года под авторским названием «Житие и вознесение Юрася Братчика». В фильме снимались будущие звёзды советского кино — Л. Дуров, В. Авдюшко, В. Носик и др. Копия картины была приобретена Ватиканом.

Регулярные фестивали республик Прибалтики, Белоруссии и Молдавии способствовали широким знакомствам и творческим договорённостям. Известный литовский режиссёр В. Желаквичус пригласил Заболоцкого снимать фильм «Садуту туто». После запрета сценария Желаквичус порекомендовал оператора известному эстонскому режиссеру К. Кийску. На этот раз сотрудничество состоялось. В фильме «Безумие» снимался цвет литовской и эстонской культуры: Ю. Ярвет, В. Пансо, Ю. Мильтинис, Б. Бабакаускас и др. Сложный и драматичный фильм не имел большого проката, но сегодня эстонцы считают этот фильм одним из лучших, снятых на студии «Таллифильм». В 2018 году в Таллине на международном кинофестивале «Тёмные ночи» А.Д. Заболоцкий был назван легендарным российским оператором.

Вместе с полученным профессиональным опытом и опытом выживания (по Заболоцкому — выстаивания) в душе накапливалась неудовлетворенность. Хотелось снимать иной сценарный материал с близким по духу режиссёром. В это время на «Беларусьфильм» для актёрской пробы приехал Шукшин. Во ВГИКе дружбы между ними не было, но тогда, по воспоминаниям Заболоцкого, «встретились... родственно. В душе от него остался след добрый, зовущий. Расстались с надеждой: будем работать вместе, только бы час настал». После разговора в Минске прошло более двух лет. И вот пришла весть: Макарыч просит появиться в Москве. Запускают Разина.

Заболоцкий без каких-либо колебаний и сомнений устремился в Москву, в полную неизвестность и неопределённость. Начинается новый, «шукшинский» период его творчества. Официально фильм о Степане Разине «Я пришел дать вам волю», действительно, запустили. Съёмочная группа провела трудную многомесячную подготовительную работу, проехали по местам разинских походов — Саратов, Симбирск, Казань, Свияжск, Астрахань. Сидели в библиотеках, музеях, хранилищах, накапливали иконографический и исторический материал. По словам Анатолия Дмитриевича, после Астрахани была у Макарыча окрылённость. Продолжили выбор природы и поиск подлинных предметов эпохи. Проехали по городам Золотого кольца — Владимиру, Тутаеву, Ростову Великому, побывали на Вологодчине, в Пскове и Псково-Печерском монастыре. Замысел фильма разрастался, накапливалось историческое знание. Уже определились с консультантами, можно было приступать к съёмкам. Но худсовет студии им. А.М. Горького прак-

тически единогласно принял решение закрыть фильм на неопределённый срок, до лучших времён, объяснив этот шаг неподъёмной дороговизной проекта. В решение Госкино позволило Шукшину запуститься со сценарием «Печки-лавочки», ранее отвергнутым. Сотрудничество с Шукшиным состоялось на двух последних фильмах режиссёра — «Печки-лавочки» (1972) и «Калина красная» (1974). Работа над этими картинами — отдельная большая история для другого материала.

После смерти Шукшина Заболоцкий ещё некоторое время снимает фильмы с другими режиссёрами — В. Венгеровым, В. Абдрашитовым, С. Никоненко, Н. Бурляевым. Но наступали иные времена, возникло ощущение, что пора уходить из кино. По словам Заболоцкого, «...пришло другое поколение, которое совсем по-другому смотрит на народ, на державу...».

От депрессии спасла работа над книгами. Первой по инициативе автора была проиллюстрирована книга Василия Белова «Лад». Работа дала неоценимый опыт. После неё издательство доверило художнику «Слово о полку Игореве». Через некоторое время к Заболоцкому обратился В.С. Солоухин с просьбой оформить его книгу «Письма из Русского музея».

С этого времени вышло около 30 изданий с фотоработами А. Заболоцкого: книги, альбомы, фотокалендари — результат многократных поездок по бескрайним просторам Советского Союза и России. Автор отмечает, что наиболее интересно было работать над двумя изданиями книги Василия Белова «Лад», книгой Владимира Солоухина, юбилейным изданием «Слово о полку Игореве: 800 лет» и фотокнигой «Лик Православия».

Воспоминания А. Заболоцкого о соратнике и друге «Шукшин в кадре и за кадром» вышли в совместном издании с В. Беловым в 2002 году. Будучи многолетним членом редколлегии и художником «Роман-газеты», он оформил не один десяток журналов.

Большие выставки фотографий Заболоцкого состоялись в Совете Федерации, храме Христа Спасителя, московском Манеже, Перми. Выставочное пространство в Иркутске вместило более ста пейзажей, портретов, натюрмортов, сюжетных композиций, анималистики. Для подготовки экспозиции и встреч со зрителями Анатолий Дмитриевич прилетал из Москвы и в Ангу, и в Иркутск. Экспозиция строилась в профессиональных и творческих спорах. Выстраивали смысловые и тематические блоки, искали внутренние связи, находили для каждой фотографии соседство, подчеркивающее пластическое достоинство каждой.

Выставки свидетельствуют об ориентации автора на язык и выразительные средства классического искусства, и прежде всего, русскую реалистическую живопись, на образное видение, исчезающее из практики современного искусства. Каждая фотография — картина со своим сюжетом, композицией, смыслом. Образы устойчивы и монументальны, без полутонов и недоговорённостей. Очевиден глубокий интерес автора к России традиционной, провинциальной, к приметам национальной жизни и быта, к людям, её населяющим и обретшим достоинство в труде. Изгнанные из современного искусства образы простых людей-тружеников, для Заболоцкого продолжают оставаться подлинными героями.

Снимал и портреты, и жанровые сцены. Интересны названия многих работ: они выступают как простой документ, который в сочетании с изображением повествует о времени и о судьбе. Таковы «Бабушка Анна. 50 лет работала дояркой в селе Езово Кубенского района Вологодской области», «Александр Кузнецов. Парторг, он же директор клуба, гармонист, киномеханик и художник-оформитель под своим творением».

Встречаются композиции, говоря лексикой советских времён, на тему труда. И это не только сюжеты, показывающие труд как непосредственное действие. Больше композиций, где об этом рассказывается более опосредованно. Например, работа «Окно сенника, сработанное дедом В.И. Белова в XIX веке. Как монументально оно смотрится сегодня». Художник не только восхищается мастерством, но ведёт сложный разговор со зрителем об утерянных рукотворных традициях обустройства своего дома и своего мира. Из этого же ряда фотография «Уникальное гумно, построенное без металла».

Но главными героями Заболоцкого, властителями его дум, являются представители интеллигенции, близкие ему по мировоззрению. Большие серии снимков посвящены В. Шукшину, В. Белову, В. Распутину, М. Евдокимову, В. Клыкову.

На выставке обращает на себя внимание цикл портретов, выполненных в традициях классического реалистического портрета. Среди героев — М.А. Савицкий, белорусский художник, прошедший войну и немецкие концлагеря, Ю.П. Кузнецов, крупнейший поэт второй половины XX века, А.С. Панарин, философ и публицист, Ф.Ф. Конюхов, путешественник, исследователь и священник, писатели В.И. Белов и В.Г. Распутин. В основе образного решения — иконография погрудного портрета, взятого крупным планом и лишённого жанровой трактовки. Герои портретных образов словно предстоят перед зрителем и воспринимаются как своеобразные портреты-памятники. Легко угадывается стремление автора увековечить своих героев, оставить для потомков уважительно снятый документальный их облик. В образе М.А. Савицкого автор подчеркнул остроту психологического состояния, уловил ощущение тревожной одиночества человека. А.С. Панарин, напротив, открыт миру, привлекает способностью нести в душе радость бытия. В образе Ю.П. Кузнецова привлекает внутренняя гармония и тонкая восприимчивость, не показной артистизм. Ф.Ф. Конюхов предстаёт как библейский персонаж, наделённый необоримой духовной силой, а В.И. Белов и В.Г. Распутин как внутренне свободные личности, не любящие позы и внешнего артистизма. Названным качествам последних двух портретов близок «Автопортрет с комарами», в котором самоирония начисто снимает пафос самопиара.

Природа в работах Заболоцкого — живой организм, своего рода личность, равновеликая человеку. Художник и любит природу, и одновременно видит её как реальную среду человеческих трудов и забот. Он соединяет бытовой жанр, мотивы архитектуры с пейзажем в таких отношениях, что отдать предпочтение какому-либо из них невозможно. Правильнее говорить не о жанрах, а об образах России. Мир в произведениях Заболоцкого целостный, наполнен многоголосием, пронизан жизненной энергией и внутренними ритмами. Не только могучие ели и вечные камни, но даже птицы и звери, одинокие хрупкие цветы на камнях и травки на сломанных опорах моста выступают у него олицетворением упрямого торжества и упорства жизни. Автор радуется и восхищается разнообразием и неповторимостью российского ландшафта: величественным Валаамом и снежными вершинами Саянских гор, камнями и порогами Катуня, праздничным от яркого цвета и обилия света осенним Алтаем и водопадами Камчатки.

Образ, созданный на снимке «Знаменитый хакасский курган Чаатас» с взлетающим над каменными плитами соколом заставляет вспомнить картины В.М. Васнецова и ассоциируется с историческим пейзажем. Нередко пейзажи выступают не в качестве частного уголка природы, а в обобщённом виде, как лик страны России. «Остров Валаам» Заболоцкого — это мир эпического покоя и вселенской гармо-

нии. Сотворённые руками человека монастырские сооружения вдали и природа — земля и лес, вода и небо — сосуществуют в удивительной взаимосвязи. Создана поэтическая модель мира, в котором природное и духовное (человеческое), конкретное и общее слилось в целостный и возвышенный образ. Особым состоянием зачарованной тишины и печального покоя отличаются зимние пейзажи. Они наиболее иносказательны и музыкальны, наполнены тонкой поэтической лирикой.

Иное решение пейзажных образов Камчатки. Там всё находится в непокое. Это мир воды и камня, он полон движений, изменений и превращений. Он словно вытягивает зрителя в могучий круговорот бытия, заставляет испытывать чувство радостной тревоги. Художнику удалось создать образ грандиозного мира в своём первозданном, сущностном проявлении жизни. В снимке «Камчатский ковёр» мир предстаёт ярким волшебным зрелищем, как в первый день творения.

Ярким романтическим чувством наполнены фотографии-панорамы «Восход солнца на горе Синай, где Моисей получил 10 заповедей» и «Иордания. Крепость Ирода, где был обезглавлен Иоанн Креститель». Преображение слепящим золотистым светом натуральных форм и фактуры явно берёт верх над повседневной и конкретной реальностью. Путём яркого декоративного обобщения образ возносится до уровня высокого и исключительного. Художник создаёт образ Святой земли как пронизанный метафизическим светом образ вечности. В духовно-смысловом плане эти образы замыкают художественную картину мира, созданную автором в своих произведениях.

ЭДУАРД АНАШКИН

«В небо по радуге лестница...»

О КНИГЕ МИХАИЛА НОЖКИНА «УРОКИ ПРАВДЫ»

Все мы жили и выросли многие годы с героями кинематографа, созданными талантливейшим актёром и автором-исполнителем своих песен Михаилом Ножкиным. И я, как и многие, смотрел фильмы с участием Михаила Ивановича и изумлялся, что ему как актёру подвластен самый широкий спектр русских типажей. Ножкин художественно убедителен и в роли офицера-дворянина, и в роли советского человека. Он воплощал в жизнь русских людей самых разных характеров и самых различных сословий. Эта убедительность в таких непохожих ролях кажется удивительной. Но лишь до тех пор, пока не откроешь Михаила Ножкина как русского писателя. Писателя столь же разножанрового — поэт, драматург, прозаик — и столь же наделённого лирическим, эпическим и гражданственным даром.

Хотя в литературном качестве Михаил Иванович известен был не так широко, как актёр. Но без литературной составляющей его судьбы невозможно понять всю многогранность его таланта и всю глубину его личностного, чуждого всякой казённости патриотизма.

Впервые вживую, а не на экране телевизора, я увидел Михаила Ивановича на Всемирном Русском Соборе несколько лет назад. Он вышел к микрофону и выдохнул в зал только одно слово: «Музыка!» Музыка послушно зазвучала, и Ножкин запел песню на стихи собственного сочинения. Она называлась «Бессмертный полк», и пел он её так, что Патриарх и все присутствующие в зале церковных соборов храма Христа Спасителя, не сговариваясь, одновременно встали и слушали эту песню стоя. А многие плакали и подпевали Ножкину. То был один из редких сегодня моментов всеобщего единения, который сродни духовному опыту и за который я благодарен Михаилу Ивановичу. Воспоминание о таких моментах помогает держать душу на плаву нелёгких волн современности. Не случайно одна из книг Ножкина так и называется «Точка опоры».

И вот в свой день рождения, 23 сентября 2018 года, получаю я от Михаила Ивановича прекрасный подарок, помогающий мне в полной мере оценить многогранность литературного таланта Михаила Ивановича. Получаю книгу только что его избранных стихотворений, вышедшую в московском издательстве «Вече» в серии «Поэты Великой России».

И этот подарок, и воспоминания о нём будут греть душу до конца моих дней.

Дело в том, что в сентябре месяце получил приглашение Всероссийского фестиваля духовности и культуры «Бородинская осень-2018».

По традиции, в канун праздника Рождества Пресвятой Марии, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Всемирный Русский Народный Собор, Союз писателей России, администрации Московской области и города Можайска проводили этот праздник, посвящённый 206-й годовщине Бородинского сражения. И эту книгу-подарок с тёплым автографом я получаю от Михаила Ивановича на Бородинском поле.

Эта книга очень символично была открыта мной на странице стихотворения, написанного в далёком 1983 году. Стихотворения, словно бы предсказавшего нынешнее безвременье России. И звучит оно более чем злободневно:

Отстаньте вы... Идите вы... Идите!.. // Идите, сами знаете, куда... // О совести, о чести не галдите, // Бессовестные с детства господа. // Высокими речами не шпыняйте, // В словесные взвиваясь виражи, // О правде вы при мне не вспоминайте, // Миссионеры подлости и лжи. // О Родине, о долге перед нею // Не говорите, Боже упаси, — // Никто из вас давно уже не смеет // Слова такие вслух произносить! // И о любви, о верности — не надо... // От вас об этом слышать так смешно, // Вам, циникам, нахалам, казнокрадам, // Высоких чувств познать не суждено. // И о труде не надо, дармоеды, // Труда не знает ваш бездельный сброд, // Привыкли жать плоды чуждой победы, // Облокотившись на простой народ. // Себя людским считая эталоном, // Вы голые при этом короли, // Ползете сзади «пятою колонной», // От трудных дел и от борьбы вдали. // Вас и при жизни-то давно уж нету, // А будущее вовсе не для вас, // Вы, безусловно, знаете об этом // И жить сейчас торопитесь, сейчас...

Определенно, Михаилу Ивановичу дан пророческий дар, если он в благополучном 1983 году, когда меченный дьяволом генсек ещё не объявил про новое мышление, уже ощутил дуновение страшных перемен для России. Страшно даже не то, что страна наша теряет недра и территории. Куда более страшным, и я в этом полностью согласен с Михаилом Ивановичем, стала потеря совести в людях, которые призваны вершить государственную политику.

Откуда же они вдруг взялись на нашу голову — все эти «бессовестные с детства господа», эти «миссионеры подлости и лжи»? Не из космоса же их к нам закинули! И этот горький вопрос поэт Михаил Ножкин не оставляет без ответа. Более того, ответ этот дан им задолго до того, как мы стали задаваться вопросом, откуда взялись на нашу голову потерявшие совесть «господа», которые под шумок пробрались во власть. А ведь всё проще простого: они выросли из детей, как явствует из стихотворения Михаила Ивановича, написанного в 1965 году:

Дело было вечером, // Делать было нечего. // Петя пел, Борис молчал, // А Сергей ногой качал. // Мила в зеркальце глядела, // Таня просто так сидела, // Николай ловил осу, // Юра ковырял в носу... // И сказал ребятам Петя: // «Мы пока что с вами дети, // Но когда пройдут года, // Кем же станем мы тогда?»

Велик соблазн начать идентифицировать этих детишек. Борис — уж не Ельцин ли? Таня — уж не Голикова ли часом? Сергей — уж не Иванов ли? Ведь, как выясняется далее из текста стихотворения, что по объёму вполне можно назвать поэмой, уже в детстве эти детки-продуманы распланировали свою дальнейшую жизнь с прицелом на жизнь красивую. Петя вознамерился стать «представителем», неважно чего, главное — ездить по заграницам. Саша возмечтал построить дом — этакую хату с краю, возле моря, и выгодно сдавать кровати туристам. Серёжа порешил быть «начальником блата»:

Папа с мамой говорят: // Нынче всё решает блат...

Вера, как сегодня часто водится, ещё в детстве запланировала брак с миллионером:

За мельенищика пойду, // Стуг ораву заведу, // Буду в роскоши купаться, // Перед всеми задаваться. // Из себя воображать, // В мерседесах разъезжать. // Отдыхать в зарубежах // Богатеть, как на дрожжах. // Потекут в мои кармашки // Разноцветные бумажки — // Фунты, доллары, рубли!.. // Все, кто бедный — отвали!..

Коля не захотел почему-то стать буржуем, но решил податься сразу в алкоголики. А вот прагматик Юра намылился в номенклатуру. И только, как водится, Ванюша, на котором исстари стоит Россия, подумал о жизни иначе:

Всем бездельничать охота, // Но работать должен кто-то?.. // Должен кто-то в семь вставать, // Всех кормить и одевать, // Шить рубашки и штанишки, // Суп варить, печатать книжки, // В детский садик нас возить, // строить, рыть, пахать, косить?! // Кто-то должен — это ясно. // Значит, только подрасту, // Стану я рабочим классом // Иль в колхозники пойду.

И все бы хорошо, хэппи-энд и прочее. Друзья-детишки подбежали к Ивану, обнимали его со словами:

Ты умнее нас без спора, // Ты давай ворочай горы, // Создавай, твори и строй, // Добывай и землю рой. // Ну а мы, как говорится, // Будем все тобой гордиться.

Только вот счастливого конца не получается. И жизнь доказала, что подросшие и вконец испортившиеся дети-бездельники даже и на то, чтобы гордиться тружеником Ванюшей, не способны. И это наша нынешняя жизнь словно произросла из стихотворения Михаила Ножкина.

Известный актёр, Михаил Иванович не может не горевать, что из внимания нашей культуры ушло самое главное, ещё Пушкиным начатое внимание и любовь к маленькому человеку. Герои нынешнего телеэкрана сплошь банкиры, юристы и фотомодели. А ведь солью земли являются именно самые обычные наши соотечественники, на которых исстари стояла Русская земля — на их терпении и неустанном труде. Держится Россия каждодневным и неприметным героизмом «маленького человека», любовь к которому нам завещана Пушкиным и другими нашими великими классиками.

Тема маленького человека в творчестве Михаила Ивановича Ножкина звучит настолько современно, что остаётся только удивляться:

Стоит старушка, в улыбке морицится, // Глазами добрыми мне смотрит в душу. // Я узнаю ее, она уборщица, // И не какая-то, а тетя Нюша. // Мы много лет ее зовем чудачкою // За добросовестность в делах неистовую. // А сами мусорим. А сами пачкаем, // Да топчем светлое, да мажем чистое... // А тетя Нюша все вытирает, // А тетя Нюша все убирает, // И за министром, и за рабочим, // С утра до ночи, с утра до ночи!.. //...а мимо топает солидный дяденька, // Такой он сытенький, такой он гладенький, // Подать ей руку-то он не отважится — // А вдруг окажется, рука измажется?... // Беспрекословная и безотказная, // Неприхотливая и незаметная, // Работа трудная, работа грязная, // Ужель мечта ее была заветная? // А тетя Нюша все вытирает, // А тетя Нюша все убирает. // А тетя Нюша все смотрит в душу — не обойтись нам без тети Нюши.

На таких вот тетях стоит Россия. И держится не воровством олигархов, а незаметным, но оттого не менее важным трудом и радением простого человека, живущего на земле предков.

Отношение поэта и гражданина Михаила Ножкина к нынешней власти, далёкой от чаяний народа, вполне определённое и жёсткое. Порой жёсткое до открытого неприятия:

Накажи их, Боже, накажи, // Всех, кто оторвался от народа. // Всех, кто предал правду и свободу, // Кто погряз в коррупции и лжи, // Накажи их, Боже, накажи, // Совесть в души грешные вложи...

Но Михаил Иванович даёт читателю понять, что гармония на родной земле начинается с гармонии в душе каждого из нас, будь он олигарх или менеджер среднего звена, студент или сельчанин... Потому что без внутреннего света — света души, не будет у нас шанса обрести достойную жизнь:

Вербное, Вербное, Вербное! — // В церковь пойду помолюсь. // Верую, верую, верую // В вечную светлую Русь! // Крутится, крутится, крутится, // Крутится шар голубой. // Трудится, трудится, трудится // Время над нашей судьбой.... //... Крестится, крестится, крестится // В полдень пасхальный страна. // В небо по радуге лестница, // Выдержит сколько она? // Светится, светится, светится // Солнца бессмертная плоть. // Встретится, встретится, встретится // Нам по дороге Господь.

В небо ведёт нас радужная лестница, а радуга семицветна. Она состоит не только из светлых цветов, но и из тёмных. И мудрость в том, что всё это семицветие-полноцветие и есть наша жизнь, смысл которой полноцветен...

Однако хочу обратить внимание читателей на то, как символично звучит последняя процитированная мной строка, если только поставить запятую перед словом *Господь*. Нам, то есть России, по дороге с Господом. Всегда так было, даже в самые лихие времена, ведь и Господь страдал на кресте. И хочется верить, что всегда так будет. И творчество таких поэтов, как Михаил Ножкин, которые не только обличают изнанку современности, но и видят впереди свет надежды на выздоровление страны, помогают нам всем сохранить это веру в Господа, в Россию, в мудрость предков и в самих себя.

ВЕРА ХАРЧЕНКО

Доверие к жизни

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.С. ДОНСКИХ «СОЛНЦЕ ВСЕГДА ВОЙДЁТ»

При прочтении книги или статьи обычно в сознании возникают две плоскости: реальная, идущая от текста, объективная и — субъективная, ценностная, предназначенная кому же? Не мне ли, чтобы поделиться тем, что всколыхнулось?

Книгу А.С. Донских открывает повесть в новеллах, написанная от лица сибирского мальчика Серёжи, повесть о его детстве, его семье. Даются несколько выразительных эпизодов, раскрывающих общую картину детства, не похожую на других и вместе с тем узнаваемую, знакомую, знаковую. Многодетная семья, непростые отношения матери и «непутёвого» отца, детские игры, обиды, страхи. Главное сказано, а всё остальное должно домысливаться, достраиваться? И

нет здесь акцентов: всё взвешено, всё в восприятии ребёнка улажено, и название-то оптимистическое: «Солнце всегда взойдёт», а мы, тем не менее, чувствуем и скрытый трагизм семьи, и героизму матери-труженицы, и много чего ещё... Но в своей рецензии мы будем говорить о второй плоскости, то есть о скрытой, внутренней, иррациональной (и гениальной!) вере в доброту отражаемого мира.

Вот мать объясняет маленькому Серёже его происхождение «от оленёнка», и мальчику хочется верить в красивую легенду, и так эмоциональное в детском восприятии увязывается с символом, а сказочное соотносится, совпадает с реальным.

Где я нашла тебя? — переспросила мама и выразительно взглянула на папку; а тот, усмехаясь, покручивал свой жёсткий ус и курил возле открытой форточки. — Как-то раз ночью вышла я на улицу и вижу: несутся по тундре олени, много-много их было, ну, просто тьма. Умчались они, и только я стала заходить в дом, как вдруг услышала — кто-то плачет. Подошла, вижу: лежит на снегу махонький оленёнок. Сжа-а-а-а-ался весь. Взяла его на руки. В доме он отогрелся и сразу же превратился в мальчика. Это и был ты (с. 15).

Всю повесть пронизывает утверждение идеи о должном главенстве отца, мужчины в семье, но проговаривается эта мысль к концу повести.

Ты — голова семьи. Го-ло-ва! Представь себе, к примеру, коня или человека без головы да без мозгов. Ходят они по улицам и тыкаются туды да сюды. Вот так и семья без мужика — бестолковость одна, дурасть да нелепость. Ты, мужик, — голова, они — дети, жена — твоё туловище, ноги, руки. Понял? (с. 96).

Мысль писателя совпадает с исследованием Сергея Михайлова о том, что алкоголизм, разводы, атипичное интимное поведение, случаи мальчишеского суицида — слишком многие наши проблемы заточены как раз на том, что утрачено главенство отца. Неощущение мужчины главным в семье приводит, в конечном счёте, к потерям общенационального характера. Живя по Домострою, Россия расширяла свои границы: Сибирь, Дальний Восток, Камчатка, Курилы, Аляска, Кавказ, Средняя Азия. В настоящее время нередко бывает наоборот. Жена занимает главенствующее положение в семье, держит мужа под каблуком, опускает «ниже плинтуса». Если в семье растёт сын, то, повзрослев, он боится женщин, становится гомосексуалистом, педофилом и маньяком. Если в такой семье растёт дочь, то, повзрослев, она перенимает все манеры своей матери. Здесь именно тот случай, когда «бытие определяет сознание»*. Вспоминается известный мультсериал «Маша и медведь» и очень современные обозначения на Западе: родитель № 1, родитель № 2, и та самая безотцовщина, следы которой тянутся от давно прошедших войн, но меняют окраску сегодняшних дней.

Писатель Александр Донских передаёт тонкость детского восприятия, в частности, через пример так называемой терциарной речи, феномен молчащего наблюдателя. Это как раз и замечает переживающий внутрисемейный конфликт маленький мальчик:

¹Михайлов С. Вперёд к Домострою. Размышления о семье и вере // Москва. 2013. № 8. С. 153–159.

— Ну, пойдём, Серьга, порыбачим... маненько... а завтра крышу... кх!.. почи-
ним, — обратился папка ко мне, но я понял, что сказал он для мамы (с. 27).

А.С. Донских вскрывает глубинный секрет привязанности ребёнка к отцу:

Мы, дети, почему-то не осуждали папку, хотя и немало из-за его чудаковатостей перенесли лишений. Может, потому, что был он без той мужицкой хмури в характере, которая способна отталкивать ребёнка от родителя, настораживать? (с. 18).

Выразительно пишет писатель о матери, на которой всё держится в семье, на её умении одинаково, ровно относиться к своим детям.

Лена — да, да, она была славной девочкой! — во всём и всегда первая помощница мамы, её, что называется, правая рука, но никогда не выделялась ею в свои любимицы. Наша мама, хочется отметить, была как-то ровна ко всем нам, своим пятерым детям; может, кого-нибудь из нас втайне и любила по-особенному, нежнее, что ли, но мы не улавливали разницу (с. 71).

А эта аккордовая сценка в сарае, когда маленький Серёжа, в слезах, молится Богу, чтобы отец выправился, а мать, подошедшая сзади, ничего не сказала в утешение, только обняла сына: «Она крепко обняла меня, и мы долго простояли замерши».

Эмоциональная мелодичность повести всё время пульсирует, играет негативом и позитивом, при этом характер каждого малолетнего героя автором прорисовывается весьма рельефно. Новеллы демонстрируют полиэмоциональность межсиблингового общения, того общения, которое стало дефицитом в современной «малоптенцовой» семье. Интересно, что, как и у Льва Толстого, у Александра Донских не последнюю роль играет художественное описание эмоциональных переживаний многодетной семьи. Старшая «назидательная» Люба вызывает у брата одни эмоции, маленький Сашок — другие, понимающая младшего брата Лена — третьи, а есть ещё Настя, и есть двоюродные брат и сестра, к которым они приезжают в гости.

Когда сейчас говорят об одиночестве взрослого человека, о буллинге (травле) в школах, о суицидах, по которым мы занимаем первое место, о «сэндвич ощущениях», когда на срединный возраст падает тяжелейшая обязанность одновременно заботиться и о детях, и о стареющих родителях, мы мало задумываемся о ценности традиционной многочленной и многопоколенческой семьи. Там некоторые проблемы снимались сами по себе. Добавим сюда же постулируемый лозунг «Молодые должны жить отдельно». Наконец-то получили долгожданное отдельное жильё, а дальше? Проблемы-то остались, если не усилились. «По американской статистике, супруги, выросшие в семье с несколькими братьями и сёстрами, разводятся реже, чем единственные дети в семье. Член большой семьи лучше умеет общаться и находить компромиссы»**.

Вернёмся к книге. Казалось бы, ничем не удивишь подкованного современного читателя, однако она написана таким живым, сочным языком, что хочется читать, вчитываться, перечитывать. Повесть примечательна, например, мастерством художественной перцепции. Много внимания уделено запаховой информации, весьма прочно, как известно, связанной с эмоциями. Замечена психологами закономерность: писать или рассказывать о детстве — всенепременно вспоминать запахи. «Из запахов соткано детство моё» (Луи Шадурн).

Я поднял руку, чтобы погладить жука, но он в мгновение ока исчез, будто

**Наука и жизнь. 2014. № 1. С. 106.

его и не было. «Ну и дети. А я понюхаю жарок — маленькое солнышко». Во мне всегда рождается ощущение, что жарки греют и источают свет. Я бережно разомкнул нежные, начавшие увядать лепестки... (с. 45).

Зрительный канал восприятия включает уникальные цветообозначения: *словно бы шоколадом вымазанное густо-тёмное лицо; А небо смотрело на нас томно-фиолетово; ...Из воды вылетел радужно-зеленоватый, краснопёрый окунище.* А вот оценка синего цвета, ненароком совпадающая с исследованием Мишеля Пастуро^{***}:

Саня нередко глубоко задумывался, казалось, без причины. Он был поэтом. И его душа мне представлялась синей, как небо... Что за цвет синий? В нём печаль и радость, мудрость и легкомыслие, волнение и безмятежность (с. 43).

В плане динамики изображения выразительны авторские приставочные глаголы: *вспикнул* — о братике; *Она выхудала, подгорбилась* вся, будто бы что-то тяжёлое взгромоздили на её плечи; *дом, вычерненный* непогодой.

Мы взяли лишь несколько отдельных точек повествования, но все они демонстрируют неповторимое очарование текста.

В недавно изданную книгу вошли также четыре рассказа писателя.

В рассказе «Смерть — копейка» от лица солдата-срочника говорится о его службе, проведённой временно в сельской больнице, куда были доставлены два умирающих солдата. Один оптимист Рафидж, а другой — противоположность первому, Иван. Их поведение повлияло на солдата, решившего: *«Живы будем — не помрём».* Рассказ завершается фразой: *«А Ивана вспоминаю, конечно, вспоминаю. Бедный, бедный мой Иван!» (с. 133).*

Рассказ «В дороге» самый объёмный. Герой его — капитан Пономарёв, вынужден отправиться за убежавшим из армии солдатом Саловым, чтобы вернуть его в часть. Долгая дорога заставила капитана многое пересмотреть в жизни, прислушаться к словам: *«Да мы чего-то и не думаем: бедно ли, богато ли живём, — снова не сразу, но в этот раз первой отозвалась Людмила. — Живём да живём, а всё про всё ведает только Бог. Известно: людское дело — жить да не томиться» (с. 194–195).* Рассказ «Человек с горы» посвящён старику, признающемуся в конце: *«Я уже сказал нашим землякам: по гордости своей полез я на гору. С людьми мыкался всю жизнь, с людьми рядышком и помирай» (с. 283).*

В рассказе «Наследник» отношения внука и деда в центре внимания, сердечные, тёплые отношения.

Дедушка очнулся, приподнялся с пня, потянулся. В сивую реденькую бороду его вплёлся солнечный свет, и она, показалось мне, стала светиться. Он погладил её, — и рука тоже засветилась.

— Ты, дедушка, светишься, как сегодня утром в окне, — сказал я, выходя на берег и принимая грудью и лицом солнце и тёплый ветерок (с. 324).

И всё это рассказывается «на фоне» сибирской природы, тайги.

Сюжеты различны, но кое-что их объединяет: образ Сибири, прекрасной в своей непревзойдённости и далёкой, которая незаметно воспитывает, наставляет людей. Почему повествование «В дороге» столь объёмно? А потому, что капитану Пономарёву надо было пройти весь этот нелёгкий путь, чтобы захотелось ему стать таким же, как Виктор, чтобы принять законы тайги, когда гость в тайге да ещё с перехода выше хозяина и всех его сродников, чтобы понять, как немного человеку нужно собрать ягод на зиму, чтобы... Это на поверхности рассказа, а в

^{***}Пастуро М. Синий. История цвета. Фрагменты книги // Иностранная литература. 2010. № 4. С. 239–297.

глубине — умелая передача того, что кажется непередаваемым, в глубине — тайга с её стрелой Бурхана, Саянами, озером с дивной водой. Озеро-сердце...

Несколько суток пробирались к стойбищу. Волглые, сумеречные ущелья и встопорщенные, вздыбленные буреломники, взъёмные взгорья и обрывистые спуски, заморозки утрами и нередко калящая жара к полдню, кровососущие облака мошкары и комаров, колючие, невылазные чащобники и заматеревшие гущиной, не пускающие вперёд травостои, прячущиеся в кустах злокозненные тряские болотины и неверные броды на реках, когда чуть в сторону — оп, и ты в яме, по макровку в воде, а ещё не везде мог олень пройти и — километрами «пешедралом», — да, тяжела, опасна, а зачастую и коварна земля тофаларская (с. 209).

Читать и то тяжело, а идти? Но капитан шёл и учился. Вот рассказ «про дурь-дорогу», зачем-то сделанную в тайге. Не слушало старых людей начальство, не спрашивало. Природа? Значит, надо осваивать. А не изучить ли сначала? Гроза в тайге, люди сидят в шалашике плечо к плечу, спина к спине. «Вроде как муравейные мы люди». А через некоторое время...

Выбрались наружу. Капитану Пономарёву показалось, что перед ним какое-то другое место — окрест преобразилось необыкновенно. Земля кипяще горела первозданными чистейшими красками (с. 207).

Как же всё это описывать, чтобы и ты почувствовал силу и святость тайги? Нагрузка ложится на язык. Вчитаемся: птица угузукнула, и не очень потёмочно, серо-грязевой гущиной, их губы и руки посливели, сложноцветно, радужно горела высокогорная вода...

Встреч в пути было немало: оказывается, и тайга заселена народом. И радовало капитана Пономарёва, что встреченные им люди и чем-то явственным и чем-то неуловимым похожи на ставших дорогими его сердцу Виктора и Людмилу с её мальчишками (с. 211).

Рассказ близится к концу, а читателю этого конца и не хочется. Дело в том, что нетронутая, неиспорченная природа сейчас редко становится объектом описания. Во-первых, её надо знать. Что непросто. И дело не только в названиях птиц и растений, лишайников и мхов. Попробуйте сами описать тяготы таёжного пути, как в вышеприведённом отрывке. Во-вторых, эту природу надо любить. В-третьих, уметь «жить да не томиться», а это сложнее всего. В современной лингвистике можно выделить особое направление — исследование языка удалённых территорий, непроходимых пространств, и писатели-сибиряки дают добротный материал для такого анализа. Сибирь огромна, и многое зависит от её изучения, прежде всего.

Мы намеренно не указываем, чем закончился рассказ. И вообще пересказать хороший текст невозможно: слов потребуется гораздо больше, чем при его написании. В современной литературе сейчас правит бал постмодернизм: цитации, ассоциации, параллели — не до сюжетов. А по жизни сюжеты есть и требуют нового, свежего осмысления. Так и в рецензируемой книге: ситуации в армии — есть, пьянство в деревне — есть, надвигающаяся старость — тоже есть. Но при этом присутствует в рассказах и художественная оптика: умение не приукрашать изображаемое, но при этом высвечивать главное. В любом тексте просматривается моральное лицо творца. И читатель с благодарностью ощущает — через героев повествования — доброту незнакомого автора, то есть то самое доверие к жизни, на котором всё держится и в Сибири, и за её пределами.

Исповедальность и романтика труда

О КНИГЕ СТИХОВ А. НИКИФОРОВА «ПУТЕВОЙ ЛИСТ»

Александр Никифоров — писатель разносторонний, в его арсенале есть и стихи, и проза, где он с невероятной искренностью и знанием жизни описывает свои и чужие радости и невзгоды, продвигаясь по этой жизни трудно и настырно, то лихо, то с пробуксовкой, как упрямо ползущий по нелёгкой сибирской дороге грузовик, ведомый опытным водителем, каким и был в своём неоспоримо трудном водительском деле Александр Никифоров, бороздивший сибирские просторы много лет. Не случайно его новая книга называется «Путевой лист».

В обыкновенной, повседневной жизни он — человек неторопливый, вдумчивый, чётко осознающий время и пространство нашего бытия. Человек, прошедший большой жизненный путь, испытавший многие трудовые и «трудные» профессии, пришедший к пониманию творческого становления через труд. К тому же он, связавший

свою судьбу с деревней, с сибирской глубинкой и очарованный природой и притягательной вечностью текущего с ним рядом космоса, создаёт свои удивительные произведения, неистово любя суровый и нежный заповедный сибирский край.

Начиная с самой первой публикации, которая состоялась в семидесятых годах прошлого столетия, Александр Никифоров уже тогда проявился как истинный русский поэт, который ощущал движение времени и сущность русского бытия. Первая книга «Подснежные ягоды» появилась в 1982 году и определила всё дальнейшее творчество Александра: это Сибирь, это приленский край с его неувядаемой красотой.

Там, в Приленье, вышли в свет сборники его стихов: «Узник любви» и «Крылатый пахарь». В последующие годы родились повести «Осень Никодима», «Таёжный хлеб», «Отцовский урок» и целый свиток сибирских рассказов. В 1992 году Александр Никифоров принимал участие в международном поэтическом конкурсе «Глагол» и стал его лауреатом. Многие произведения сибирского автора публиковались в журналах «Полярная Звезда», «Сибирь», «Советский воин», «Новая юность», «Сельская новь». И, конечно же, напечатал самый известный журнал «Наш современник», где большой русский поэт Станислав Куняев по достоинству оценил поэзию Александра Никифорова.

Читая новую книгу Александра «Путевой лист», хочется бесконечно цитировать его стихи, в которых алмазами рассыпаны яркие метафоры и меткие, как афоризмы, поэтические фразы:

*На своей плоскодонке
    плыву по житейским волнам.
То внезапно на мель,
    то в небесную синь залетаю.
Где последний причал,
    к счастью, это неведомо нам.
Ненадёжное дно
    я надеждой и верой латаю.
Пусть бушуют шторма,
    бьют в лицо ледяною водой,
Не изменится курс,
    не могу я вторично родиться.
Кто на прочность испытан
    большою водой и бедой,
Остаётся счастливым
    и этим не будет гордиться.*

Какая искренность, какая исповедальность звучит в этом коротком, но таком значимом в творчестве Александра Никифорова стихотворении:

То внезапно на мель, то в небесную синь залетаю...
.....
Ненадёжное дно я надеждой и верой латаю...

Надо сказать, что метафоры Никифорова неожиданны и свежи, точны по восприятию окружающего мира и запоминаются надолго:

*Под хриплый крик веиуньи чёрной
Тропою медленно иду.
А вслед за мною шум озёрный
Бредёт, как конь на поводу.*

Прощание с озером

.....
*...А фиолетовый подснежник
На южном склоне древних скал,
Чтоб оглядеть весь мир безбрежный,
Чуть-чуть на цыпочки привстал.*

Любопытный

.....
*Ещё не смятыми лежат
В тайге тропинки.
С небес, как тысячи ежат,
Летят снежинки...*

Неумолим природы бег...

.....
*...Родня пошумит и отчалит.
Автобус умчит суету.
А бабушка будет печально,
Как свечка, стоять на тракту.*

Бабушка Настя

В нынешней поэзии днём с огнём не найдёшь романтики труда, романтики буден, как это было в наши недавние советские годы, да и в тридцатые тоже. Как, например, в знаменитом стихотворении Василия Казина «Рубанок»:

*Живей, рубанок, шибче шаркай,   Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Шушукай, пой за верстаком,   Вы, кудри русые, с доски!
Чеши тесину сталью жаркой,   Ах, вас не мёд ли где закапал:
Стальным и жарким гребешком.   Как вы душисты, как сладки!*

И вот я читаю очень близкое по настроению, по тёплым, родным ощущениям работы с древесиной стихотворение Никифорова:

*Он зовётся цехом тарным.
Брёвна, россыпь горбыля.
Запах солнца, блеск янтарный
На смолистых штабелях.*

*У станка в защитной маске
Парень действием руки,
Словно сливочное масло,
Плахи режет на бруски.*

*С перезвоном блещут пилы.
И струится день-деньской
Ароматный дождь опилок
В оживлённой мастерской.*

Цех

И ведь не случайно, что он не только поэт, он ещё и прекрасный печник, и резчик по дереву.

У Александра Никифорова во многих стихах прочитывается гулкая и неотступно тревожная мелодия трудных дорог, скоростей, трудовых будней. Слышится, видится, понимается, что это не умозрительное книжное сочинение, а истинная, прочувствованная собственным хребтом и судьбой поэзия:

*У дороги характер крут.
Не для каждого этот труд.
Сам пошёл за такой судьбой.
Честный труд — это тоже бой.
Смерть заглядывает в глаза.
Есть лишь нервы и тормоза.
.....
Приоткроет водитель дверь,
Рявкнет дизель, как дикий зверь.
Под протектором — всё в порошок.
И БелАЗ, словно мамонт, пошёл
В нескончаемый поворот:
Оборот, оборот, оборот...*

Рудовозы

Поэзия Александра Никифорова — это поэзия человека, любящего свой труд, свою Родину, свою деревню. Он непоколебим в своих суждениях о России, о русском народе — становом хребте непобедимой русской нации. Он видит этих людей рядом с собой, верит в них, пишет о них:

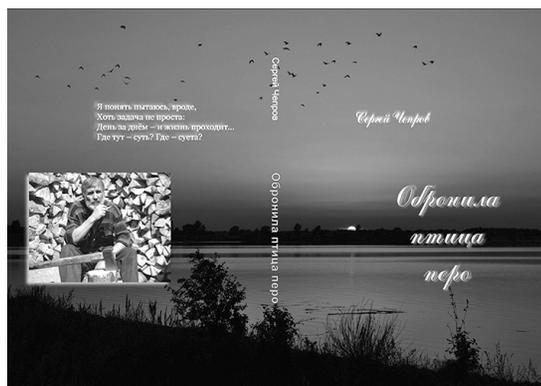
*Мотор остывает. Бензина горячая кровь
Свой взвинченный бег прекратила.
Молчат клапана.
На дверцу плечом навалился Серёжа Панов
И стонет во сне,
Беспокоит больная спина.*

После рейса

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

Русское перо

О КНИГЕ СЕРГЕЯ ЧЕПРОВА «ОБРОНИЛА ПТИЦА ПЕРО»

В новом сборнике стихов Сергея Чепрова, как и в предыдущих, невесёлые размышления о сложившейся в современном мире «извращённой» системе ценностей. Это и лишение человека-труженика его извечной мечты: жить достойно своим честным трудом, это и ностальгия по ушедшему, но более справедливому, по его мнению, порядку, когда жили, «может быть, рая близь», это и печальные картины

умирающих деревень с растерявшимся крестьянином, будущее которого напрочь лишено перспектив, и тревога за последующие поколения... Не один он тревожится. Не только у него душа болит... Недаром, наверное, такой безысходной грустью пронизаны слова о творчестве поэта замечательного критика Валентина Курбатова: «Стихи Чепрова печальны и беззащитны, как и все наши нынешние сочинения, которые не нужны энергичному времени с его иными идеалами счастья. Стихи его я знал и прежде, и даже немного писал о них. Эта милая русская муза дотягивает последние дни. Она «слишком» народна, тогда как народ давно стал стыдиться своей «народности» и норовит эмигрировать если не в чужие края, то хоть в «дворянство»». Печально, но, наверное, справедливо для дня сегодняшнего. Остаётся лишь надеяться, что слова эти всё же не станут пророческими. Не утратит русская душа этого неистребимого стремления к добру и свету, не растрясёт и не растеряет на бесконечных дорожных ухабах нашей бескрайней Родины ни просветлённой мудрости своей, ни непонятной чужаку извечной совестливости, ни великой скор-

би да незатухающей боли за всех униженных и обиженных. И, вникая в строки новых стихов Сергея Чепрова, соглашаешься с ним, что душу русскую не сломать и не уничтожить, что Русь Святая будет жить вечно!»

* * *

Истоки поэзии Сергея Чепрова — в русской народной поэтической культуре... В России с незапамятных времён жила народная поэзия: былины, украшенные ритмикой и метафорами, сказки с мифическими образами и рифмованные поговорки и пословицы. До появления письменности всё это духовное национальное богатство передавалось устно от старшего поколения младшему, а в конце девятнадцатого века монахами Кириллом и Мефодием была создана азбука, впоследствии названная «кириллицей». На основании её в русском царстве-государстве со временем возникла письменность и книгопечатание. Появились литературные произведения в прозе и стихосложении.

Первым книжным поэтом на Руси принято считать Симеона Полоцкого. Затем Михаил Ломоносов, Гаврила Державин, Василий Тредиаковский, возвращенные на средневековой книжной поэзии и прозе, внесли огромный вклад в развитие русской письменной поэзии. Но их произведения предназначались для высших слоёв русского общества, обладающих книжной грамотностью. Народной поэзией в книжных стихах даже и не пахло. И только Александр Пушкин, благодаря стараниям няни-сказительницы Арины Родионовны, её огромному знанию народного фольклора, впервые в письменном виде вознёс на небывалую высоту творчество русского народа над эстетством привилегированного общества. Впоследствии в литературе появились два противоборствующих течения: славянофилы, высоко ценившие устную народную поэзию, и западники, уповающие на европейское просвещение «тёмного» русского народа.

Противостояние западников и славянофилов и ныне раскалывает русскую литературу, и западники, как это ни печально, пока одерживают верх — исчезает из русской поэзии народный дух, народное слово. По сей причине, читая книги современных русскоязычных поэтов, редко встретишь стихи с национальным колоритом, ибо чуждая народу порочная идеология змеёй вползает в сознание русского человека. В нравственной растерянности даже рабочий и потомственный крестьянин. Остаётся лишь одна надежда — на Бога. Авось, спасёт, не попустится...

И такая отрада русской душе читать истинно народные стихи Сергея Чепрова, собранные в книге «Обронила птица перо», что в 2017 году вышла в алтайском городе Бийске.

А впервые с поэзией Сергея Чепрова я познакомился, прочитав стихи в подборке «И только Русь одна — святая!», опубликованной в журнале «Сибирь» № 3 за 2018 год.

*Не утратив прежних иллюзий
И позиций своих, не сдав,
Я остался в Советском Союзе,
В благодатных застойных годах.*

*Но в начале, доверяясь свободе
И попробовав жизни иной,
Я был выброшен на мелководье
С вечным страхом пред глубиной.*

*И резвиться уже не манит
В грязной пене новой волны.
Я не то чтоб не принимаю —
Наблюдаю со стороны.*

*Дело в стержне, а не во вкусе.
По иному шагать не смог.
Я остался в Советском Союзе
Как последний надёжный совок*

(здесь и далее выделено мной. — А.Н.).

Перечитав не единожды всю подборку, я понял, что это лишь избранные стихи Сергея Чепрова, и захотелось узнать подробнее о его творчестве. Я поинтересовался у Анатолия Байбородина, главного редактора журнала «Сибирь», где он нашёл эти стихи, щемящие сердце простого русского читателя... И вскоре получил от Анатолия Григорьевича полную электронную версию книги Сергея Чепрова «Обронила птица перо». В сопроводительном письме главный редактор попросил меня изложить впечатление об этой книге.

Взяв книгу доселе незнакомого автора, внимательный читатель обязательно вдумается в название и обратит внимание на обложку. Много может сказать запечатлённое фотографом мгновение человеческой жизни вдали от каменных джунглей современных городов. От мастерски сделанного снимка веет природным покоем алтайской глубинки... В остывающем закате птичья стая летела над крестьянской Русью; и в моём воображении родилась сказочная картина: вещая птица обронила перо, что оказалось волшебным. И поэт обрёл это перо; и, сидя возле поленицы дров, задумался о смысле жизни...

*Я понять пытаюсь, вроде.
Хоть задача не проста.
День за днём — и жизнь проходит.
Где тут суть? Где суета?*

Пристально взглядевшись в обложку, открываю сборник, и запевное стихотворение сразу объясняет судьбоносное превращение пахаря-крестьянина в творческую личность:

<i>Явившись в разгаре лета</i>	<i>Извечно по локоть в мазуте</i>
<i>На свет желторотым птенцом,</i>	<i>И по колено в грязи.</i>
<i>Я не был рождён поэтом,</i>	
<i>Но пахарем и жнецом.</i>	<i>Но как-то на мёртвом поле,</i>
	<i>Заплавав, запев ли навзрыд,</i>
<i>Своей не противясь сути,</i>	<i>Вдруг понял я, что у боли</i>
<i>Шагал по земле, не скользил,</i>	<i>Тожже есть рифма и ритм.</i>

Для того чтобы определить значимость и художественный уровень поэта, не обязательно анализировать все работы. Достаточно отдельных, знаковых стихотворений, развёрнутых метафор и ярких эпитетов в его произведениях. Иногда даже поэтической строки достаточно, чтобы определить время происходящих событий:

*Нам слаще мёда были анекдоты.
Честнее «Правды» выглядел «Посев».*

Поэт показывает, как в Красной Империи в эпоху Брежнева прозападная интеллигенция в потаённых кухонных беседах, в анекдотах против государственной власти, прославляя западные буржуазные «свободы», разрушала в молодом поколении державное имперское сознание. Хотя именно на те годы, прозванные «застойными», выпал величайший пассионарный взлёт русской нации, когда в науку, искусство пришли мужики от серпа и молота и творили чудеса.

А вот краткое выражение, характеризующее институт бюрократии, что ныне в отличие от советских времён обрёл чудовищную мощь: «...**Чем выше кресло, тем скудней душа...**» Даже о поэтической краткости Сергей Чепров пишет с мудростью мастера: «**Простота не всегда легка.// И, отнюдь, не всегда пуста...**»

Разными по значению эпитетами изобилует весь сборник. Вот горькое размышление Сергея Чепрова о перестройке в его родном государстве: «...**Уйдёт последняя деревня// и с нею в Лету канет Русь**». А вот щемящее душу воспоминание о безвозвратно ушедшем детстве: «...*Я помню запах мёда сладкий. // Пугающий пчелиный звон...*»

Необычно выписан, только эпитетами, портрет божьего лица в видении православного поэта. Глубочайшая любовь и сострадание к ближнему в скупых строчках этого стихотворения:

*...И морщин глубочайший каскад
На челе. И в сединах — плешинка.
И печальный, до горечи, взгляд,
Где проклюнется скоро слезинка...*

Нередко в метафорах Сергея Чепрова ярко прослеживаются черты народной поэзии:

*...Не было ни года, ни недели,
Может, даже мысли в пенье том,
Но луна качнулась в колыбели
И зайчишка всхлипнул под кустом...*

В другом стихотворении, Сергей Чепров, с русским беззлобным юмором пишет о девушке, всю жизнь мечтающей выйти замуж, за «принца на белом коне»:

*...Засиделась в девках дева.
Грусть-печалька — на версту.
Все гляделки проглядела,
Продавила задом стул...*

Вот пример развёрнутой метафоры в стихотворении о правде на Руси, наводящей читателя на грустные мысли:

*...Ложь для многих, что пустыне — влага,
В знойный полдень — свежий ветерок.
Вот и ходит правда-бедолага,
Как побитый брошенный щенок...*

Грубовато, по-простонародному, метафорой начинается стихотворение «Часы с кукушкой»:

*До меня кукушка в будке
Сдохла, выпучив глаза.
А куда бегут минутки,
Больше некому сказать...*

Можно ещё, ещё и ещё цитировать поэтические находки Сергея Чепрова. Весь сборник наполнен ярким светом родной русской речи, родниковой чистотой ав-

торского видения, не замутнённого чужебным языком. Чем сплошь и рядом в прозе и поэзии грешат современные русскоязычные писатели, забывшие душу нации — родной язык. Конечно, способ самовыражения — дело сугубо личное, и всё же, всё же... Но отвлечёмся от грустных размышлений, вернёмся к стихам Сергея Чепрова.

Не секрет, что в поэзии образы, как и метафоры, являются основным признаком художественности стихотворной речи. В этом отношении поэтические образы Сергея Чепрова натуральны, без искусственных красот. Зато в обилии горечь утрат и глубокие размышления о современной жизни в России. Как правило, русский поэт провинциальной России — бессребреник, и не о материальных ценностях молитва его:

*...Дай уменя мне, Боже правый,
И дела ценить, и года.
Не достатка прошу, не славы, —
Научи меня сострадать...*

Предельно точно передан русский простонародный характер — или всё, или ничего:

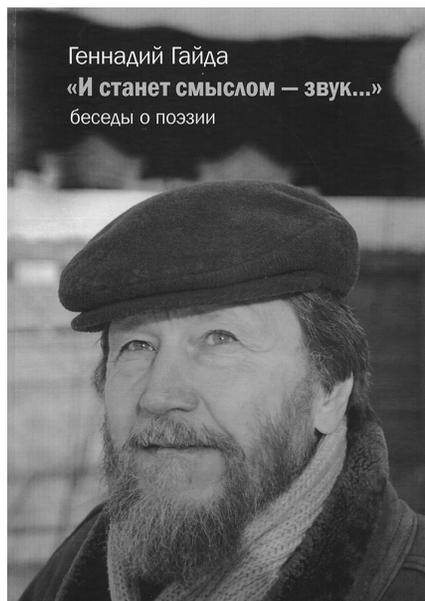
*...Мы, похоже, другого замеса,
Если с криком «Была не была!»
Исключая мозги из процесса,
Рвём отчаянно удила...*

А вот в четырёх строчках стихотворения образный портрет православной России:

*...А Русь моя всегда была светла
Тем, что свеча не гасла пред иконой.
Тем, что сияли в небе купола
И плыли вдаль малиновые звоны...*

Невозможно в одной статье упомянуть всё, да и надо ли? Главная мысль о поэзии Сергея Чепрова проста. В относительно небольшом сборнике стихов «Обронила птица перо» — вся жизнь православного поэта как на ладони. Искренность чувств и горькая правда не оставят равнодушным русского читателя. Дай Бог Вам, Сергей Васильевич, сил и здоровья!

Книжная полка

Гайда, Г. «И станет смыслом — звук...»: беседы о поэзии / Г. Гайда. — Иркутск : Изд. центр «Сибирь», 2017. — 302 с.

Геннадий Михайлович Гайда (1947–2008) — поэт, общественный деятель. Вся его жизнь связана с Иркутском. Здесь он родился, здесь он жил, здесь занимался литературной и просветительской деятельностью. Автор двух поэтических книг: «На склоне сентября» (СПб.: ПиК, 1997) и «Свет предвечерний» (Иркутск : Пилот, 2001).

В настоящую книгу вошли записи бесед о поэзии, которые он проводил на протяжении многих лет в различных иркутских аудиториях, учебных заведениях, а также на иркутском телевидении. Книга выходит к 70-летию со дня рождения поэта и предназначена широкому кругу любителей русской поэзии.

Байборodin, А. Г.

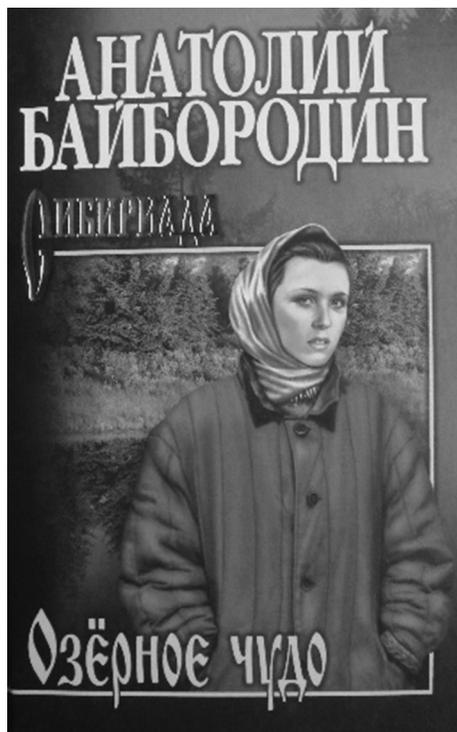
Не родит сокола сова : роман, повесть / А. Байборodin. — М. : Вече, 2018. — 416 с. — (Сибиряда)

Открывает сборник роман «Поздний сын» — послевоенная история русского народа, изображённая через судьбу забайкальского русско-бурятского села, через судьбу старинного сибирского рода с его радостями и горестями, с грехами и надеждой на спасение, с великой любовью к природе и своей родове. В сердцевине романа — шестилетний Ванюшка Краснобаев, что попадает в жестокий водоворот отношений трёх предшествующих поколений. И парнишку спасают от беспросветной печали праведники, кои не извелись в мире; к их смиренным и ласковым душам бережно и влечётся отроческая душа, словно ведающая божественные словеса святого апостола Павла: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше...» (1 Кор. 13:13).

Историческая повесть «Не родит сокола сова», давшая название книге, ранее издавалась в России и за рубежом. В повествовании — жизнь отца и сына, отвер-

женных миром: отец, охотник Сила, в конце XIX века изгнан миром фанатичных староверов-скрытников, таящихся в забайкальской тайге, а сын его, Гоша Хуцан, отвергнут миром сельских жителей середины XX века, во время воинственного безбожия и коллективизации и в колхозную пору. История отверженных людей дана на фоне сложных и порой воинственных отношений между староверами-скрытниками, прихожанами господствующей православной церкви и политическими ссыльными — безбожниками и богоборцами.

Байборodin, А. Г.

Озёрное чудо : повести, рассказы / А. Байборodin. — М. : Вече, 2018. — 528 с. — (Сибиряда)

В книгу «Озёрное чудо» вошли повести и рассказы, известные читателю по журнальным публикациям. Открывает сборник короткая повесть «Счастье — дождь и ненастье» — начальные заголовки: «Утоли мои печали...», «Не попомни зла», «Февральская оттепель». В повести — отношения деревенского подростка Вани с отцом и матерью, а потом — отношения Ивана Краснобаева со своей пятилетней дочерью. Повесть «Счастье — дождь и ненастье» завершающими главами вошла в роман «Поздний сын».

Следующее произведение — повесть «Горечь», где история божемного журналиста и поэта, который через пятнадцать лет навестил родное село.

Русско-бурятскими отношениями посвящена повесть «Белая степь». Действие повести разворачивается в забайкальском русско-бурятском селе, где в потешном, балагуристом ладу и братчиной дружбе жили перемешанно русские — рыбаки да таёжники, и буряты — чабаны да охотники. Повесть — история юношеской любви Елизара, русского паренька из староверческого (семейского) рода, и Даримы, девушки из древнего бурятского рода Хори. Но любовь в повести лишь повод отобразить мудрость и красоту народных культур двух народов, — культур, слитых с лесостепной забайкальской природой.

Повесть «Деревенский бунт, или Как мы провели американцев» исполнена в жанре сказочного фарса, где в числе героев не только люди, работники колхоза имени Алена Даллеса, но и колхозный скот. Повесть — политическая, экономическая, культурная картина России в лихие девяностые годы, когда мировые силы зла сокрушали страну и народ русский посылно сопротивлялся.

«Песня журавлиная моя» : повесть. Это история любви сельского плотника Сани к работнице здешней библиотеки Клаве; хотя в повествовании речь не столь о любви, что освятилась венчанием в храме, сколь про постепенное обретение героями православного самосознания.

Повествовательный раздел завершают «Путевые вехи» : повествование из дневниковых записей.

Раздел «Рассказы» открывает рассказ «Озёрное чудо», посвященный Валентину Распутину. Мы видим сложные отношения школьников в переходном возрасте, но прежде — детское восприятие перемен в природе как божественных чудес.

«Купель»: рассказ. Посвящен Владимиру Личутину. Описывается судьба сибирского рыбака, что на сто третьем году собрался на рыбалку, чтобы добыть рыбы на свои поминки...

В рассказе-притче «Утром небо плакало, а ночью выпал снег» — последний день земного жития юродивого старика, церковного христорадника, в прошлом фронтовика, выходца из забайкальского казачества. Идея сказа — в эпитафии: «Уже бо и секира при корене древа лежит...» (Мф, 3:10).

«Господи, прости...»: рассказ. Посвящен памяти Василия Шукшина. Писатель Иван Краснобаев поведал сон, где в образах шабаша нечистой силы привиделся кремлевский шабаш в лихие девяностые годы.

«Ленский карнак»: рассказ. Прототипом главного героя стал Анатолий Горбунов, выдающийся русский поэт второй половины XX века. Описывается судьба потешного, балагуристого сибирского таёжника и поэта, который после укуса энцефалитного клеща оказался в больнице, где на его глазах умирали больные...

«Очарованная явь, или Подлédный лов хариуса на Байкале»: лирическое сочинение посвящено не столь зимней рыбалке, сколь божественной красоте ледяного Байкала, что породила восхищение, умиление в душе сочинителя.

«Дураки»: сказка. Главный герой сказки Емеля созвучен Иванушке-дурачку: простой бессребреник, чудной и чудный, готовый отдать прохожему... эллину ли, иудею... последнюю рубаху; Иванушка-дурачок, как и герой сего сказа Емеля, — русский национальный идеал, образ русского народа, являющего собой мировую совесть и бескорыстную безмерную любовь к Вышнему и ближнему.

«Дворник»: записки захолустного писателя. В автобиографическом рассказе — судьба молодого прозаика, сочинения которого отвергают столичные журналы, даже несмотря на похвальную оценку известных писателей. И паренёк, работая дворником в архитектурно-этнографическом музее под открытым небом, днями и ночами пишет и печатает на машинке рассказы, повести и роман о журналистах «Боже мой...»

Скиф, В.П.

Заброшенный сад / В.П. Скиф. — Иркутск: [б.и.], 2018 (Тип. «Репроцентр А1»). — 411 с.

«Заброшенный сад» — новое, существенно дополненное переиздание одной из самых необычных книг Владимира Скифа — «Скифотворения», которая была издана в 2014 г., вызвала огромный интерес читателей и критики и получила Диплом победителя конкур-

са «Лучшая книга-2014» в номинации «Лучшее литературно-художественное издание».

Звуковые стихи, то есть стихи с разными элементами звукописных строк, строф и целых стихотворений, графические стихи, верлибры, как и неожиданные рифмованные стихи, созданные в разные годы на протяжении почти пятидесяти лет, выстраивают нестандартные и по сути, и по форме многоуровневые произведения поэтическим рядом обманчиво-лёгких строф. «Заброшенный сад» будет щедрым подарком и для ценителей литературы, и для тех, кто впервые знакомится с этими не простыми жанрами поэзии, как и не простым, но запоминающимся поэтом.

Скиф, В.П. Зимняя ласточка : стихи-хокку / В.П. Скиф. — Иркутск: [б.и.], 2018 (Тип. «Репроцентр А1»). — 247 с.

Новая книга известного сибирского поэта В.П. Скифа — настоящий подарок всем любителям поэзии: музыка кратких трёхстиший, сотворённая талантом автора, никого не оставит равнодушным.

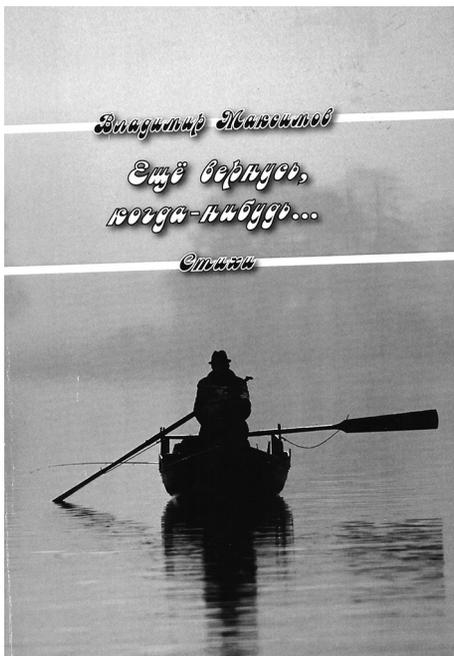
Шелехов, В.

«Психи» в моей жизни: очерки. Книга вторая / В. Шелехов. — Иркутск: Оттиск, 2018. — 283 с.

Новая книга Василия Шелехова (Гинкулова) представляет серию очерков (и один рассказ) об интересных людях, с которыми судьба сводила автора в разные периоды его жизни. Эта вторая книга — продолжение первой, изданной в 2000 году.

Василий Шелехов

**«Психи»
в моей жизни**

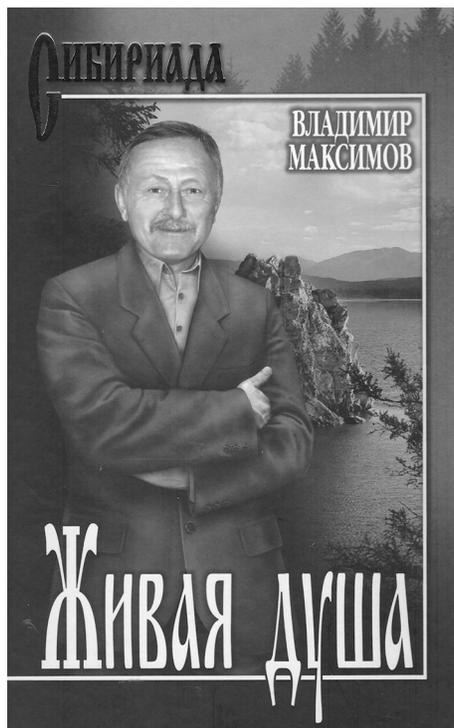

Максимов, В.П.
Ещё вернусь, когда-нибудь... : стихи
 /В.П. Максимов. — Иркутск: [б.и.], 2018
 (Тип. «На Чехова»). — 136 с.

Книга стихов «Ещё вернусь, когда-нибудь...» приурочена к 70-летию Владимира Павловича Максимова, известного не только как прозаик, но и как поэт. В общей сложности у него вышло более десятка книг, причём две — в крупнейшем российском издательстве «Вече» в серии «Сибириада». Стихи Владимира Максимова, которые он сам характеризует строчкой «Негромкая моя поэзия», привлекают читателя своей простотой и искренностью.

Максимов, В.П.
Живая душа : повести, рассказы / В.П. Максимов. — М. : Вече, 2018. — 480 с. — (Сибириада).

В новую книгу известного сибирского прозаика Владимира Максимова вошли повести и рассказы разных лет, в которых затронуты многие животрепещущие темы нашей жизни. Это и философские размышления о сущности человека и его предназначении в мире, и детские воспоминания, и мечты о будущем. В книге как реальные действующие лица присутствуют и Байкал, и Тихий океан, просторы которого бороздит герой повести «Такое вот Хироо», и маленький провинциальный городок в сибирской глубинке, где живут и действуют герои повести «В одном провинциальном городе». И конечно же основные размышления героев книги — это попытка ответить на главный вопрос в жизни любого человека: не «Как жить?», а «Зачем жить?» Для чего нам дана наша живая и бессмертная душа?..

Ходий, В.В.

Иркутские страницы. О других и о себе / В.В. Ходий. — Иркутск: [б.и.], 2018 (Тип. «На Чехова»). — 431 с.: ил.

Новую книгу журналиста с более чем 50-летним стажем можно отнести к жанру воспоминаний. Но в отличие от классических мемуаров они представлены отдельными очерками и репортажами-исследованиями, эссе и интервью о событиях, в круговороте которых автор часто сам находился, и о людях, с которыми, так или иначе, соприкасался. В книге нет ничего вымышленного, это литература факта — литература, идущая к читателю рука об руку с подлинной жизнью.

Корнилов, В.

Благовест: избранные стихотворения, поэмы, сказки и стихи для детей / В. Корнилов. — Германия: «Другое Решение», 2018. — 351 с.

В новую книгу Владимира Корнилова, сибирского поэта, включены избранные стихотворения, посвящённые беззаботному солнечному детству в деревне среди богатой уральской природы, первой любви. Это глубокие наблюдения за жизнью, внесшей в судьбу России за последнее двадцатипятилетие кардинальные исторические перемены. Это стихи о сказочной стране Сибири с её мощными новостройками и священным Байкалом. Также в сборник включены стихи и сказки для детей.

Анохина, Е.С.

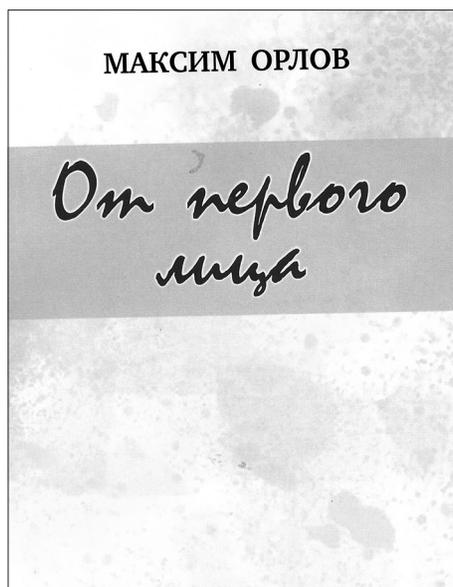
Бегут за нами облака : стихи / Е.С. Анохина. — Иркутск: [б.и.], 2018 (Тип. «Форвард»). — 91 с.: ил.

Эта книга для детей создана автором совместно с учащимися детской школы искусств, которые ярко и талантливо проиллюстрировали стихи, так же яркой и талантливой Елены Анохиной.

Орлов, М.Т.

От первого лица : стихи / М.Т. Орлов. — Иркутск: [б.и.], 2018 (Тип. «Форвард»). — 63 с.

В новой книге члена Союза писателей России, братчанина Максима Орлова, представлены лучшие стихи разных лет. Также поэт выступил в роли автора пародий.

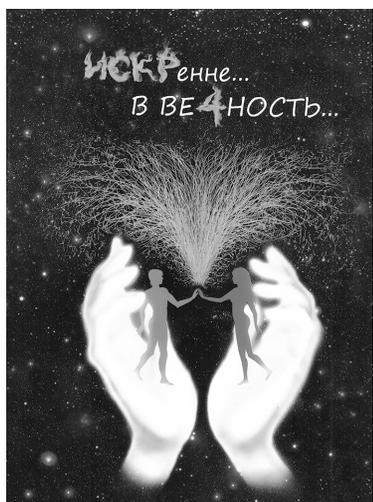
Сумочка к ребру

СТЕПАН ПРАВДОРУБСКИЙ

«Мечты уйдут и поредеют зубы...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Любезные сограждане мои!

Как и было обещано ранее, в нынешнем номере подводим мы итоги года минувшего и объявляем победителя в конкурсе «Графомания-2018», которого награждаем виртуально «Сумочкой к ребру». Под торжественное звучание фанфар и барабанный бой вышеозначенная «Сумочка к ребру» вручается весьма примечательным и неповторимым авторам Максиму Сафиулину и Ольге Фокиной за книги «Искренне в вечность» (Санкт-Петербург, 2017) и «Светлячок сильнее темноты» (Новокузнецк, 2016).

Просто невозможно было пройти мимо таких шедевральных строк:

*Я еду туда, где по снегу сучает тайга,
Где серый асфальт и уже появилась трава.
И все же скажу, как ДОРОГА ты мне ДОРОГА,
Что под впечатлением кругом идет голова!*

Так и хочется воскликнуть: «Браво, Максим!» Вероятно, именно такая вновь изобретённая тавтология и стала поводом для принятия Максима Сафиулина в гильдию особо продвинутых литераторов Германии. А чего стоит «Светлячок», который вопреки всем законам физики греет светом темноту!

А стихи Ольги Фокиной не менее восхитительны.

*Не подведу, не посрамлю,
Но и не дам себя в обиду.
Я С ГОЛОВОЙ ВСЕГДА ЛЮБЛЮ.
Учили в жизни: не завидуй.*

Вот бы нам научиться у сих юных авторов «искать рафинад за душой» и «гонять мысли по венам»!

Стихи о чалдонке

*Когда на юге счастья не
Найдешь,
Мечты уйдут и поредеют зубы,
Купи билет на свой последний Грош,
Езжай в Сибирь, подайся
В лесорубы.*

Анатолий Гретченко (Усолье-Сибирское)

Кой-куда

Не жди, когда тебя оставят зубы,	На Ангаре, на Иркуте, на Лене
Взрастёт живот, тонзура заблестит.	Чалдонки ждут, не ведая стыда.
Езжай в Сибирь, раскатывая губы,	Они, конечно, будут все твоими,
Тебя судьба за это наградит.	А может быть, отправят кой-куда.

Мне интересно наблюдать

*Мне интересно наблюдать,
Как ветер бегаёт по травам;
Хоть травы стелются вертляво,
Но с ними трудно совладать.*

Светлана Бурова (Керчь)

Вертляво

Мне интересно наблюдать,	Я с ветром спорила вчера,
Как люди бегают вертляво.	Он тоже бегать наострился.
Я понимаю, не догнать,	Он промолчал, в траве таясь,
И я кричу вдогонку «Браво!».	Видать, вертляво растворился.

На самом деле

*На самом деле
Мы все из одной постели.*

Елена Митина (Керчь)

Мела на родине метель

Нам Родиной была постель.
Её просторы, горы и простынки.
Мела на Родине метель.
Мы пили молоко из крынки.

С тех пор по свету я брожу
В тоске по Родине-постели.
От счастья вечером дрожу,
На простынь возвращая тело.

*Ангелы железными зубами
Рвут на завтрак пироги с грибами.
Хлещут стаканАми рыжий чай.
Дуновения вегетарианцы,
Сумрака безвестного посланцы.*

Светлана Михеева (Иркутск)

Сумрака далёкого засланцы,
Вероятно, все вегетарьянцы.
И не водку хлещут, просто чай,
Стихоблудят, словно невзначай.

Точат рашпилем тяжёлым зубы.
Не боятся искровянить губы.
Если плюнуть рифмой прямо в лужу,
Вылезут метафоры наружу.

*Ангелы предшествующей эры,
Нету здесь ни времени, ни меры,
Брат мой Пушкин видел ой-е-ей...*

Светлана Михеева (Иркутск)

Ангелы летают по-над репой,
Прикрывая темечко газетой.
Бабы, как всегда, о чём-то воют.
Матом мужики кого-то кроют.

Брат мой, Санька Пушкин, удалился.
Гоголь в ёксель-моксель провалился.
Нету здесь ни времени, ни меры.
Ангелы мутируют в химеры.

Сентябрь

*Костлявый ад, производящий сок.
Слепые лозы.
Виноград острижен.
Тяжёлым басом монастырь поет.
Травы высокий голос неподвижен.
Травинки гаснут.
Их убило солнце.
Оно же почву бедную убьёт.*

Светлана Михеева (Иркутск)

Костлявый ад

Костлявый ад сегодня нас убьёт.
А виноград под полубокс подстрижен.
О чём-то пень в лесу опять поёт.
И разум ваш навечно обездвижен.
Упал колпак. Бубенчики звенят.
И ветер треплет плащ широкополый.
Глаз выпал, но остался взгляд.
И крикнуть хочется: «Король-то голый!»

События

100-летие канонизации епископа Софрония и 25-летие Дней русской духовности и культуры «Сияние России»

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

«Сиянию России» — многая благая лета!

В прошлом году на иркутской праздник приехали:

Богатырёв Александр Владимирович (Санкт-Петербург) — режиссёр-документалист, кинокритик, публицист, редактор журнала «Парфенон». Занимался литературным переводом, писал прозу, стихи, пьесы. По его сценариям снято около 30 фильмов. С 1992 года снимает документальные фильмы как режиссёр и сценарист. Автор книг прозы: «Ведро незабудок и другие рассказы», «Из грек в варяги», «Чудо — дело тихое» и др. Лауреат литературных премий.

Ерофеева-Тверская Валентина Юрьевна (Омск) — секретарь правлений Союза писателей России и «Ассоциации писателей Урала», председатель правления Омской организации СП России, член-корреспондент «Академии поэзии», главный редактор журнала «Литературный Омск». Автор семи поэтических книг, в том числе: «Многогочие», «Потепление», «Сударыня» и др. Лауреат нескольких литературных премий.

Шукин Михаил Николаевич (Новосибирск) — прозаик, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Сибирские огни». Автор многих книг, среди которых: «Посидели, поговорили», «Дальний клин», «Оборони и сохрани», «Имя для сына», «Каторжная воля» и др. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Национальной премии им. В.Г. Распутина (2018).

Шахматов Александр Васильевич (Москва) — оперный певец, общественный деятель, инициатор и организатор Дней русской духовности и культуры в России: «Душа России», «Казачий Покров», «Сияние России», «Зов Руси». Автор книг: «Вселенная Россия», «Умом России» и др.

Иванов Николай Фёдорович (Москва) — председатель правления Союза писателей России. Военный журналист, прозаик, драматург. Закончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Служил в Воздушно-десантных войсках, воевал в Афганистане, имел командировки в Чечню. Награждён военными орденами и медалями. Автор двадцати книг, среди них «Зачистка», «Операция «Шторм»», «Тридевятое царство», «Тот, кто стреляет первым» и др. Лауреат нескольких литературных премий.

Фролов Константин Юрьевич (Симферополь) — поэт, член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей России, заслуженный артист Автоном-

ной Республики Крым. Автор стихотворных сборников «Вера», «Поединок», «Весенний благовест» и др. Автор песен и романсов, снимался в фильмах российских режиссёров. Лауреат Государственной премии Крыма 2000 г. и многих премий в области литературы, театра и кино.

Воронина Татьяна Андреевна (Севастополь) — прозаик, публицист, председатель Севастопольского регионального отделения Союза писателей России, секретарь Правления СПР, учредитель и редактор республиканского издания «Литературная газета + Курьер Культуры: Крым — Севастополь». Руководитель Балаклавского творческого литературного объединения «Поэтическая гавань Сюзболон», Севастопольского творческого объединения литераторов» (СТОЛ). Автор книг прозы: «Свежий ветер любви», «Такой короткий летний дождь», «Ящерка» и др. Лауреат литературных премий. Награждена медалью Министерства обороны России «За возвращение Крыма».

Сорокин Владимир Иванович (Симферополь) — прозаик, секретарь правления Союза писателей России, председатель регионального отделения Союза писателей России в Республике Крым, член-корреспондент Крымской академии наук. Автор книг повестей: «Балбесова гора», «Пыль на погонах», «Невеста» и др. Лауреат литературных премий.

Забелло Василий Константинович (Байкальск) — поэт, прозаик, член Союза писателей России. Автор книг стихов: «Ледостав», стихов и рассказов: «Осенний пал», «Избранное», «Где родился — там сгодился» и др., публикаций в центральных журналах. Лауреат литературных премий.

* * *

Нынешний праздник Дней русской духовности и культуры пришёл в Иркутск 23 сентября и начался, по традиции, утром, с литургии в соборе Богоявления, которую вёл *митрополит Иркутский и Ангарский Вадим*. После службы все направились к скверу возле храма, где состоялось открытие памятника-бюста святителю Софронию, приуроченное к 100-летию канонизации епископа Иркутского и всея Сибири чудотворца.

В слове владыки Вадима объединились две даты, две темы:

— *Мы открываем Дни русской духовности и культуры, и мы открываем духовное наследие, которое оставил нам епископ Софроний, много сделавший для духовного развития и нравственного воспитания сибиряков. Он и после смерти не оставлял своей паствы. Обращение к его образу, его нетленным мощам вызывало чудеса исцеления, поэтому он остался в памяти многих поколений как чудотворец и заступник...*

Владыка выразил признательность мэру города Дмитрию Бердникову за помощь в создании памятников иркутским святителям.

Духовное тянется к духовному, и если говорить о благотворном влиянии небес, то столетие покровительства Софрония земле Иркутской вместило в себя четверть века ежегодно проводимого праздника «Сияние России». К этим двадцати пяти годам надо прибавить ещё пять лет — годы выпуска православного «Литературного Иркутска», с середины 1988-го по середину 1993 года, ознаменовавшего самые первые годы возвращения традиционной религии, когда имя святителя Софрония вместе с именами святителей Иннокентия (Кульчицкого) и Иннокентия (Вениаминова) и многих других духовных пастырей после долгого перерыва

пришло к читателю этой газеты. Так была подготовлена почва и к Дням русской духовности и культуры, ведущим отсчёт со следующего, 1994 года.

* * *

В первый день праздника, 23 сентября в 18.00, в городском Театре народной драмы состоялся вечер, посвящённый святителю Софронию. Театр широко известен тем, что уже более тридцати лет ведёт большую патриотическую деятельность и побывал во всех горячих точках бывшего Советского Союза, включая Крым и Донбасс.

Была представлена композиция по житию святителя, кинохроника «Сияния России» за все годы. В переполненном зале настоятелем храма во имя Александра Невского о. Марком был проведён молебен, выступили митрополит Вадим, протоиерей о. Павел — настоятель Свято-Софрониевского храма в годы его строительства в с. Шаманка, что под Иркутском, координатор от прихожан Светлана Гладкова, организовавшая несколько паломнических поездок в родное село святителя под Черниговом (Украина) и в места его служения в Санкт-Петербурге.

С приветственным словом «Сиянию России» обратились к присутствующим начальник управления культуры г. Иркутска *Виталий Барышников* и гость из Москвы *Роман Билибин*, один из руководителей Общероссийской организации русского исторического просвещения «Двуглавый орёл». Вёл вечер художественный руководитель театра, заслуженный деятель искусств России Михаил Корнев.

* * *

Дальнейшее продолжилось в рамках программы министерства культуры и архивов Иркутской области и ОГАУ «Иркутский Дом литераторов»; программы управления культуры администрации города Иркутска.

День 24 сентября был посвящён таким событиям, как панихида на могиле Валентина Распутина, возглавлявшего проведение Дней русской духовности и культуры до 2015 года (некрополь Знаменского монастыря), пресс-конференция гостей — писателей России — в Иркутской областной государственной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского, вечер-концерт в областной филармонии. Приведём несколько выступлений в библиотеке.

Николай Иванов, прозаик, недавно избранный председателем Союза писателей России (Москва), обратился к теме пресс-конференции «Настоящее и будущее русской литературы».

— *...Но без прошлого ничего нет. После моего избрания написали: новая метла по-старому метёт. Я сказал, что будем опираться на прошлый опыт.*

Председатель выразил намерение сохранить единую организацию как Союз писателей России и решать важные задачи, стоящие перед писателями России.

Александр Шахматов, певец и общественный деятель, переехавший в Россию в 1990-е годы, рассказал, как привёз с собой идею проведения праздников русской духовности и культуры и посодествовал их организации сначала в Омске, затем в других городах Урала и Сибири. Он просил не называть его эмигрантом, потому что его родители вынужденно покинули родину после революции, а он сорок лет пропагандировал русское искусство во многих странах мира.

— *Я — на службе. И спасибо иркутянам, что проводят этот праздник. Он должен продолжаться и крепнуть.*

Михаил Шукин как главный редактор журнала «Сибирские огни» коснулся истории журнала и современности. Заметил, что в сельской глубинке люди начинают отдаляться от телевизора в сторону библиотек. Поделился недавней находкой — перепиской молодого Распутина с редактором «Сибирских огней» в связи с публикацией повести «Деньги для Марии».

Поэтесса Валентина Ерофеева-Тверская вспомнила, как в 1992 году проходил первый праздник русской духовности и культуры в Омске, под названием «Душа России». Он проводится один раз в два года, но видоизменился, и только в самом начале тон задавали писатели, теперь же сделан крен в сторону искусства, ремёсел глубинки.

— *Ныне вместе с исчезновением профессии писателя исчезла и общественно-политическая сила, которую представляло писательское сообщество,* — констатировала писательница.

* * *

Особое внимание иркутян привлекли гости из Крыма, и это понятно. Известно, что между Иркутском и Крымом установились связи, и в этом году, готовясь к приглашению крымчан на главный осенний праздник, писатели-иркутяне побывали в Крыму. Их впечатления о жизни полуострова, людях, встретивших с радостью и надеждой Крымскую весну 2014 года, были подтверждены Владимиром Сорокиным (Симферополь), Татьяной Ворониной (Севастополь) — оба прозаики и руководители отделений СП России — и поэтом и музыкантом Константином Фроловым (Симферополь). Сибиряки услышали из первых уст, что жители Крыма были едины в своём желании вернуться под крыло России.

Владимир Сорокин сказал:

— *Возвращаться надо не только в политике и экономике, но и в культуре — это очень важно. Наши поездки в Россию — великое начало возвращения.*

Татьяна Воронина поделилась воспоминаниями о том, как в трудные 90-е годы удалось собрать писательскую организацию в Севастополе, держать русскую линию в Национальном Союзе писателей Украины.

— *Приезд писателей из Москвы, Иркутска, других городов помогает нам чувствовать себя вместе с большой страной.*

Константин Фролов прочитал свои стихи из книг «Мы однажды вернёмся, Россия» (2013) и «Мы вернулись, Россия» (2015). Прозвучали такие строки:

*Лучше быть младшим братом России,
Чем холопом в чужом терему.*

О жизни писателей-крымчан хотелось узнать побольше, и после пресс-конференции мы записали короткое интервью с Татьяной Ворониной.

В.С. Татьяна Андреевна, расскажите, как пережили драму последних трёх десятилетий писатели Крыма.

Т.В. *Писательскую организацию в Крыму пришлось собирать на территории Украины с начала 1990-х годов. Пыталась зарегистрировать представительство Союза писателей России, но не хватило долларов, чтобы заплатить Украине. В 1996 году всё-таки Крымское отделение СП России было зарегистрировано в уведомительном порядке, формирование организации шло, но неофициально, я была координатором.*

В 2014 году по инициативе московского писателя Андрея Воронцова мы провели учредительное собрание, создали организацию Союза писателей России в Республике Крым и Севастополе, и я её возглавила. С 2014 по 2016 год прошла регистрация двух организаций в двух субъектах федерации — в Севастополе и в Крыму. Я возглавила первую, Владимир Сорокин — вторую.

Своего помещения у нас нет, пользуемся комнатой в Морском собрании. Его директор — писатель. Нас пускают два раза в месяц, с 18 до 20 часов. В Морской библиотеке проводим вечера, презентации книг. Организация у нас очень активная. Учредили медаль «Константин Станюкович» по имени автора «Обороны Севастополя», в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» устроили литературно-художественный салон «Херсонесская лира» в духе старинных салонов. В 1993-м учредили премию имени Льва Толстого совместно с властями Севастополя. С 1996 года выпускаем альманах «Севастополь».

Как ни трудно, но мы живём, работаем, пишем и уверены в будущем.

* * *

В конце того же дня в областной филармонии прошёл большой литературно-музыкальный вечер «Сияй, сияй, моя Россия!»

Выступления гостей чередовались с выступлениями камерного хора Губернаторского симфонического оркестра (руководитель — Е. Бояркина). Звучали: песня С. Трофимова «За тихой рекою», отрывок из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Царская невеста», «Половецкие пляски» из оперы А. Бородина «Князь Игорь», песня на слова Н. Тuroверова, музыку А. Полторухина «Уходили мы из Крыма». Хор сменил «Байкал-квартет» (руководитель — заслуженный работник культуры России В. Соколов), исполнивший «Концерт для бандонеона», песню «Эх, дороги...». Солистка областной филармонии Вероника Леонова спела две русские народные песни — «Лучинушка» и «При лужке».

Репертуар был подобран созвучно духу праздника, объединив русское классическое и народное певческое искусство, и публика это высоко оценила своими аплодисментами.

Когда умолкала музыка, в зал уносились поэтические строки. Владимир Скиф прочитал стихи, посвящённые Валентину Распутину, Юрий Баранов — стихотворение «Крым», Василий Забелло — «Исповедальное», Валентина Ерофеева-Тверская — «Бабушкин полушалок». Все поэты вызвали признательный отклик слушателей, но особенно горячо хлопали Константину Фролову за стихотворение «Не дразните русского медведя».

С большим вниманием был выслушан и прозаик Михаил Щукин, который в своём слове обратился к «Историческому обозрению Сибири» Петра Словцова:

— *Размышляя о Смуте начала 1600-х годов, сибирский публицист отметил: «Держава русская в Сибири не помрачалась». Так будем надеяться, не помрачится и в будущем.*

Концерт завершился совместным исполнением камерным хором и «Байкал-квартетом» любимой песни сибиряков «Славное море, священный Байкал».

На вечере присутствовал губернатор Иркутской области С.Г. Левченко.

* * *

25 сентября, 11.40. Студенты, будущие учителя русского языка и литерату-

ры педагогического института ИГУ, собрались на встречу с Николаем Ивановым, Юрием Барановым и молодой иркутской писательницей Еленой Шолоховой.

Как председатель Союза писателей России *Николай Иванов* рассказал о планах работы с молодыми, которая уже идёт: проводятся совещания, обсуждения произведений, при СП создан Совет молодых литераторов. Будучи военным журналистом и писателем, он поделился своими размышлениями о той и другой профессии, полезными для возможных будущих литераторов: если для журналиста важнее всего достоверность факта, то для писателя необходимо найти верную тональность повествования. В качестве иллюстрации привёл свидетельство из своего опыта: приступая к роману, заинтересовался мастерами колокольного дела и увидел, как один из них разбивает свой колокол. Почему? «А он не звучит», — ответил мастер. Так же может не звучать роман или рассказ, если не найти верного тона... Сказал писатель и о важности роли редактора при подготовке рукописи.

Отвечая на вопросы, Н. Иванов поведал о многом, что неизвестно иркутским студентам, живущим вдали от горячих точек. О том, что его рассказ «Золотистый, золотой» был написан на основе истории Жени Родионова, геройски погибшего в Чечне, о том, как матери с риском для жизни искали могилы своих сыновей и за что получают десантники ордена Мужества.

Автор книг для подростков *Елена Шолохова*, начавшая писать, по её словам, благодаря школьной учительнице литературы, рассказала о сюжетах своих повестей, отражающих мир старшеклассников. Этот мир, как правило, скрытен, в него непросто проникнуть, и взрослые зачастую не могут узнать своевременно, что переживают их дети, обострённо воспринимающие столкновение добра и зла, верности в дружбе и предательстве. «Силы понять всё это и помочь даёт только любовь», — считает писательница.

Юрий Баранов, председатель Иркутского отделения Союза писателей России и ведущий этой встречи, обратил внимание будущих учителей-словесников на необходимость овладения родным языком. Сегодня, к сожалению, под влиянием английского языка разрушается строй русской речи, считает писатель. Даже уже привычные заимствования вытесняются: вместо «бутерброд» стали говорить «сэндвич». Исчезают такие слова, как «деликатность», «скверность»... Рассказал о своём творчестве, упомянув книги, связанные с историей России и Сибири, — «Иркутский драгун Лёшка, или Тайна Наполеона» и «В поисках тайны Ремеза». Посетовал, что в последние годы времени хватает только на стихи, и прочитал несколько новых стихотворений, а также посвящённых Крыму, написанных по впечатлениям недавней поездки.

* * *

25 сентября, 11.30. В это же время в Доме литераторов им. П.П. Петрова проходила встреча *Александра Шахматова* со студентами Иркутского театрального училища. Рассказ основателя Дней русской духовности и культуры в России о своей судьбе, о знакомстве с выдающимися солистами мировой оперы постепенно перерос в беседу. Будущие артисты откликнулись на приглашение гостя спеть и прочитать стихи, выслушали советы опытного исполнителя классического репертуара, который не просто пел арии, но и демонстрировал навыки профессионального мастерства: как правильно дышать во время пения, как направлять голос в зал и т. д. Можно сказать, состоялся настоящий мастер-класс, который проходил

в приподнятой и в то же время непринуждённой обстановке в течение трёх часов, — студенты просто не хотели уходить, а у певца после расставания долго сохранялось, по его словам, окрыляющее настроение.

* * *

26 сентября, 14.15. «Литературе молодых для молодых» — согласно программе — была посвящена встреча Александра Казинцева, Александра Журавского и Владимира Скифа в Иркутском филиале ВГИКа им. С.А. Герасимова.

Публицист *Александр Казинцев* говорил о традициях журнала «Наш современник», вспоминал выдающиеся имена авторов журнала, но остановился на восьмом номере года, молодёжном. Один из первых в этом ряду — наш земляк Андрей Антипин, с рассказом «Шёл я лесом-камышом», упомянуты и другие — Андрей Тимофеев («В тёплых лучах»), Елена Тулушева («Домой» и другие рассказы) — её Казинцев назвал своей ученицей, делающей успехи: рассказы писательницы о социальных проблемах в среде молодёжи переводятся на итальянский, немецкий языки, вышло уже три книги.

Иркутянин *Александр Журавский* (Союз российских писателей), впервые принявший участие в «Сиянии России», относится к редкой профессии литератора — он переводчик. Редким можно назвать и его выбор — китайская, корейская, персидская, тувинская поэзия. Он рассказал о глиняной табличке, обнаруженной в Ираке сравнительно недавно, около четырёх тысяч лет пролежавшей в земле со стихотворением неизвестного автора о любви. Строки — «Именем её упиваясь... Вскользь её улыбку лишь чудом в мечтах получу...» — свидетельствуют, что человеку той поры были свойственны те же чувства, что и нашему современнику. Журавский прочитал свой перевод стихотворения «На дереве» старейшего южнокорейского поэта Ко Ына, а также несколько стихотворений на языках оригинала и в переводе на русский в соответствии с ритмической структурой текста.

Ведущий встречи *Владимир Скиф* познакомил читателей со своими новыми стихами из «Осеннего цикла»: «Спешу за осенью из лета», «Байкал»...

* * *

Вечер того же дня (26 сентября, 16.30), согласно программе, должен был быть отведён журналу «Сибирь», его прошлому и будущему. Однако рамки разговора расширились: вместе с главным редактором «Сибири» *Анатолием Байбородиныным* выступили главные редакторы двух журналов — «Сибирских огней» *Михаил Шуккин* и «Литературного Омска» *Валентина Ерофеева-Тверская*.

Говорили о радостях и бедах региональных журналов. Если коротко, то самое лучшее положение на сегодня у «Сибирских огней»: стабильно выходят двенадцать номеров, по инициативе редакции проводятся встречи с читателями области, год назад состоялось Всесибирское совещание литературных критиков, даются видеоанонсы на сайте журнала в Интернете.

Редакция «Сибири» была вдохновлена минувшим 2017 годом: впервые за последние годы вышли в свет все шесть номеров двухмесячника, но в этом году выпущено пока только три, есть надежда на четвёртый, и всё — средств больше нет. (Четвёртый номер вышел в конце декабря, пролежав в готовом виде три месяца.) При такой периодичности залёживаются злободневные материалы, а о подписке нельзя и мечтать.

Омская писательская организация, по словам Ерофеевой-Тверской, не имеет ни своего помещения, ни финансовой поддержки. Одна хорошая новость — областным министерством культуры возвращён к жизни журнал «Литературный Омск».

Николай Иванов, касаясь литературной ситуации в целом, рассказал о том, что удалось поднять на высокий уровень Всероссийское совещание молодых писателей, во время его работы стали принимать в СП новых членов, открыли семинары критиков. Порадовало, отметил Иванов, что состоялся приём у губернатора Иркутской области Сергея Левченко и был решён вопрос о выпуске четвёртого номера «Сибири».

Сегодня толстые журналы очень важны, считает руководитель СПР, издание произведений в них намного весомее, потому что есть конкуренция между авторами. В Союзе писателей решено приравнивать к книге три публикации в толстом журнале — для прозаиков и пять — для поэтов и не считать полноценными книги, напечатанные в малоизвестных издательствах «в авторской редакции». Попутно прозвучал интересный факт: в Узбекистане по приказу президента писателям вернули всё, что они имели до перестройки. Может, надо брать пример?..

Помимо Иркутска встречи с гостями «Сияния России» состоялись в Ангарске, Усолье-Сибирском, Шелехове, Усть-Уде, Пивоварихе, Мишелёвке.

* * *

Коротко о насыщенной, как обычно, программе «Сияния России», подготовленной Управлением культуры администрации города Иркутска.

Она была разработана под знаком 100-летия канонизации святителя Иннокентия (Вениаминова), что вполне оправданно для нынешнего юбилейного года. В школах, библиотеках ЦБС, Домах творчества, ремёсел и фольклора были развёрнуты книжные и художественные выставки, посвящённые жизненному пути и деятельности миссионера и чудотворца, были отмечены знаменательные даты, такие как 325-летие Иркутского собора Богоявления, 145-летие православного писателя и русского патриота Ивана Шмелёва, проведены уроки по истории искусства, творческие конкурсы, концерты преподавателей и учащихся детских музыкальных школ, встречи с писателями, представителями разных направлений, включавшие дискуссионные моменты, цикл юбилейных выступлений сибирского поэта и прозаика, заслуженного работника России, народного поэта Бурятии Андрея Румянцева.

Одним из главных событий стал концерт духовной музыки «Пою имени Господа Вышняго» (30 сентября, 13. 00) в актовом зале 3-го корпуса Иркутского госуниверситета. В нём приняли участие Хор молодёжи и студентов ИГУ под руководством Татьяны Ромащенко, Архиерейский хор под руководством Антония Смолина, Хор Свято-Троицкого кафедрального собора Рождества Христова под руководством Галии Коневой и фольклорный ансамбль «Ковчег» под руководством Елены Карпухиной.

* * *

А теперь дадим слово слушателям — приведём несколько отзывов о мероприятиях «Сияния России».

Виталий Сидорченко, актёр и писатель:

Книга «Живём и помним» в дни «Сияния России» приковала к себе внимание многих, что вполне понятно. В Доме литераторов (27 сентября, 15.00) собрались те, кому дорого творчество Валентина Распутина: иркутские писатели, учителя, студенты, школьники из 7-й школы микрорайона Ново-Ленино вместе с учительницей А.А. Гертле. Кроме иркутян, в зале были московские гости: председатель СП России Николай Иванов, выдающийся публицист Александр Казинцев, известный кинооператор, друг Василия Шукшина — Анатолий Заболоцкий, певец Александр Шахматов.

Редактор и руководитель издательского проекта Владимир Скиф рассказал о том, как шла работа над объёмным томом, в который вошли многочисленные стихи, статьи, интервью, воспоминания друзей Распутина — писателей, артистов иркутских и московских театров, журналистов и просто знакомых, с которыми сталкивала судьба Валентина Григорьевича.

Выразил благодарность своей семье, которая поддержала его в этом труде, — жене Евгении Ивановне Молчановой и дочери Дарье, проделавшим огромную составительскую работу, что, несомненно, было видно нам всем, кто листал, читал этот том или являлся одним из его авторов.

Своими мыслями о новом издании поделился *Александр Казинцев:*

— *Книгу приятно взять в руки, она прекрасно оформлена, в ней продумано всё до мелочей. На обложке на небесном фоне помещена не совсем обычная фотография Валентина Распутина. Внутри, на обоих форзацах, как цепочки улетающих журавлей, расположены автографы Валентина Распутина на подаренных им книгах разным людям...*

Добрые, дружеские слова сказал в адрес тех, кто потрудился над книгой, *Анатолий Заболоцкий* и добавил, что сегодня для всех гостей он покажет свой фильм о друге Валентина Григорьевича, знаменитом писателе Василии Белове.

Николай Иванов предложил издать второй том воспоминаний, поскольку многие писатели, кто дружил с Распутиным, их ещё не написали или пишут...

Московские гости получили в подарок от Владимира Скифа это полновзвучное собрание откликов, впечатлений, наблюдений, с разных сторон освещающих образ нашего земляка, великого русского писателя Валентина Распутина.

Людмила Васильева, заведующая сектором библиотеки ИрГУПС:

Как всегда, у парадного входа нашего университета путей сообщения (ИрГУПС) гостей праздника встречали хлебом-солью, а также русской народной песней студенты ансамбля «Ижица» (руководитель Р.Л. Тренихина), проректор по воспитательной работе В.В. Михайлов и сотрудники библиотеки. Виктор Викторович напомнил о важности подобных встреч, о роли русского языка и литераторов как носителей культуры.

Известный сибирский поэт *Владимир Скиф*, отведав душистого хлеба, коротко обратился к истории праздника «Сияние России», который вот уже в двадцать пятый раз проходит по земле Иркутской. Поэт сказал слово в защиту книги и выразил уверенность в том, что несмотря на снизившийся интерес к чтению, она непобедима. В зале, заполненном будущими железнодорожниками, он представил гостей из Новосибирска, Крыма и Иркутска.

Первым, с эффектным приветствием, обратился к студентам главный редактор журнала «Сибирские огни» *Михаил Щукин:*

— Здравствуй, племя молодое, незнакомое!.. Я приведу пример славной когорты выпускников Санкт-Петербургского института путей сообщения, оставивших огромный след в истории России и Сибири. Инженеры-железнодорожники и русская артель за короткое время построили Транссиб, преодолевая непролазную тайгу, скалистые горы, бурлящие реки. Своими руками, умами они смогли проложить путь до Тихого океана. Благодаря этому событию вдоль железнодорожной магистрали были построены многие города, села, в том числе и наш Ново-Николаевск (ныне Новосибирск), а тогда — глухое место, состоящее из нескольких изб. Первый обоз пришёл с мешками муки, лопатами, киркой и разными пожитками. Но на одной подводе везли завернутое в тряпки пианино — чтобы не повредить в дороге, а на другой — книги. Так был открыт культурный очаг — первая библиотека в Ново-Николаевске. — Михаил Щукин пригласил студентов на сайт «Сибирские огни. РФ». — Здесь не только проза и поэзия журнала — есть разделы видео и аудио-материалов. Можно насладиться песнями известных авторов, таких как бард-сибиряк Николай Шипилов, посмотреть документальные фильмы. Любой желающий может оставить своё личное мнение, принять участие в наполнении сайта.

Гость из Симферополя писатель Владимир Сорокин обратился к истории России, потерям русского народа в разные времена. С болью в душе поведал о недавних событиях крымской весны 2014 года:

— ...Решили оторвать русского человека от своих истоков, от духовного начала! Казалось, фашистская прививка со времён Великой Отечественной не позволит такого, но нет, всё забылось. Начался захват административных площадок, повсюду вывешивались промайdanовские чёрно-белые и крымско-татарские флаги. Был выдвинут ультиматум: за два дня освободить все правительственные здания...

Но нас не оставили, утренний рассвет озарил Российский флаг: Крым — это стратегическая точка России, выход в Чёрное море. Оказалось, русских людей не так просто уничтожить. Несмотря ни на что возрождается наша культура, русский дух, обогащённый православной верой. В 1992 году одесский поэт Игорь Ляпин предвидел эти события:

*И под Харьковом, и под Жмеринкой,
И в херсонской степи седой,
Очарованные Америкой
Вы стоите ко мне спиной...*

Напоследок Владимир Сорокин напутствовал студентов:

— Освоив профессию, вы станете успешными людьми, сделаете карьеру. Но всегда помните, что вы русские люди и вам нести духовное русское начало, передавая его следующим поколениям.

Наряду с гостями «Сияния России» сказали своё слово писатели Иркутска Геннадий Аксаментов, Виталий Сидорченко, Александр Лаптев, Владимир Скиф и народный мастер по керамике Николай Соколов.

Студенты и преподаватели благодарили гостей долгими аплодисментами.

Оксана Запольская, сотрудница Гуманитарного центра-библиотеки имени Семьи Полевых:

С наступлением осени читатели Гуманитарного центра-библиотеки Полевых

всегда заранее спрашивают, кого из гостей «Сияния России» мы ждём. Осенью 2018 года у нас выступили известный российский публицист *Александр Казинцев* из Москвы и наши земляки — члены Союза писателей России *Ким Балков* и *Василий Козлов*.

Писатели рассказали собравшимся, среди которых было много молодёжи — старшеклассники гимназии № 2, — о своих первых шагах на литературном поприще. У каждого в начале творческого пути были стихи, и, не ожидая интереса столь юной аудитории к раннему своему творчеству, всё-таки каждый прочёл строки из тех лет.

Оказывается, у *Александра Казинцева*, ещё студентом «опробовавшего перо» критика, в школьные годы был даже собственный «самиздатовский» журнал под названием «Московское время». Он с теплотой вспомнил о начале 70-х, когда с одноклассником Александром Сапровским они издали его тиражом в двадцать экземпляров, а вскоре к ним присоединились *Бахыт Кенжеев*, *Сергей Гондлевский*, *Алексей Цветков*.

— *Эта дружба была плодотворной, на мой взгляд. Мы писали просто, в классической манере, конечно, преломившейся в стихах Ходасевича, позднего Пастернака, а окружающие любили поэзию сложную, броскую и, на наш взгляд, безвкусную. Вскоре мы стали разными и очень далёкими от тех юношей, я, например, занялся профессиональной критикой, уже тридцать два года — заместитель главного редактора «Нашего современника».*

Как нередко бывает теперь в таких аудиториях, разговор зашёл о чтении.

— *Лет 15–20 назад я думал, что мы потеряли читателя, —* сказал *Ким Балков*. — *Но в последнее время обстановка всё-таки изменилась. Иначе и быть не могло, только литература способна раскрыть душу человека, что-то дать, увести от того мусора, которым он окружён.*

— *Есть человек разумный, а есть человек духовный, это два разных человека, —* продолжил тему *Василий Козлов*. — *Разумный только своим прагматизмом руководствуется, ведь литература, музыка — иррациональны, они не несут никакой пользы. Читателей сегодня, я считаю, очень мало, так как потребность читать — это дар Божий, без которого человечество превратится в дикарей.*

Из этих двух прогнозов хотелось бы поддержать первый, особенно в стенах библиотеки. Так что мы призываем молодёжь: приходите к нам и не расставайтесь с книгой!

В храме русской словесности

Бабье лето уходящего сентября... Ещё на слуху Международный музыкальный фестиваль «Звёзды на Байкале», а Иркутск с нетерпением ждёт поэтов, прозаиков, артистов, художников, творческие коллективы для празднования Дней русской духовности и культуры «Сияние России».

В эти праздничные дни в Доме литераторов проходил литературный вечер, посвященный литературному журналу «Сибирь». Я не могла пропустить это событие и приехала в Иркутск, чтобы побывать на вечере и познакомиться с писателями других краёв и областей, приехавших на «Сияние России».

К Дому литераторов, расположенному на улице Степана Разина, я всегда подхожу с особым трепетом. Двухэтажный особняк, некогда принадлежащий иркутскому купцу Бревнову, имеет архитектурную ценность, а также историческую. Когда-то в этом доме находился штаб правительства Антанты, и по высокой ковровой лестнице ходили адмирал Александр Колчак, бывший президент США Эйзенхауэр и любимые мною поэты и писатели ушедших лет. От мыслей об этом у меня всегда перехватывает дух...

И само здание Дома литераторов впечатляет, ведь его полы покрыты паркетной плиткой, сделанной по особому заказу из восемнадцати сортов южно-африканских деревьев. Старинному паркету более ста лет, и новые хозяева купеческого особняка бережно охраняют его уникальность и красоту. Вот поэтому-то на его входе вас встретят две урны — с использованными и чистыми бахилами. По фасаду здания красуются головы львов, поэтому Дом литераторов ещё называют «Дом со львами». Здание полно архитектурных загадок и удивительных историй. А посему иркутяне берегут купеческий особняк и не переделывают даже в мелочах.

После недавнего ремонта дом преобразился: высокие резные потолки холла и конференц-зала, украшенные мощными свисающими люстрами, в сочетании с декором современности и классики штор, новой мебелью, искусно подобранной к паркетному полу и общему дизайну, придали убранству помещений элегантность, величие и грациозность.

Писатель из Новосибирска Михаил Шукин в начале своего выступления выразил общее мнение гостей встречи относительно Дома литераторов: «Если бы такое здание было у нас, жизнь была бы прекрасной...»

Для меня бывать в этом храме русской словесности всегда праздник. Я стараюсь не пропускать презентации «Сибири», где в очередной раз слышу стихи авторов журнала в прекрасном исполнении Владимира Скифа — он представляет отдел поэзии журнала. Главный редактор журнала Анатолий Байборodin обычно говорит о состоянии нынешней литературы. Светлана Зубакова представляет произведения прозаиков, авторов журнала. А Юрий Баранов с иронией и шутками проходит по страницам пародийной рубрики «Сумочка к ребру». На презентациях случаются жаркие споры, что мне особенно интересно. Часто на представлениях номеров журналов «Сибирь» приезжают авторы публикаций, живущие не в Иркутске.

Я нахожу много интересного в тематике и содержании журнала, редколлегия знает литературные вкусы своих читателей, а где-то и правильно направляет и

воспитывает любовь и понимание настоящей литературы, искусства и православную духовность.

Основные идеи журнала — любовь к Вышнему и ближнему, к родному русскому народу, ко всем народам многонациональной России, что и проповедуется писателями во время «Сияния России».

Прошедшие Дни русской духовности и культуры — любимый для меня праздник. Увлечение литературой доставляет радость, а встреча с писателями пробуждает читательский азарт. Мне хочется поделиться впечатлениями от встречи с гостями праздника — прозаиками и поэтами других городов.

Подарком судьбы для меня стала встреча с московским писателем, в прошлом военным журналистом, редактором, а ныне председателем Правления Союза писателей России Николаем Ивановым. Я заинтересовалась его творчеством после прочтения материала о съезде писателей России, на котором проходили выборы председателя писательского союза. Николай Иванов назвал выборы председателя «схваткой на писательской войне». В дни съезда обстановку в зале транслировали в онлайн-режиме на сайте «Российский писатель». Мне был интересен и второй кандидат на этот пост — Сергей Шаргунов, молодой современный писатель, лауреат многих литературных премий, депутат Госдумы, завоевавший популярность, участвуя в различных политических шоу. А Николай Иванов достоин уважения за свою героическую судьбу, связанную с военной историей нашей страны: командировка в Афганистан, за которую он был награждён медалью «За отвагу»; четырёхмесячный плен в Чечне и освобождение, после чего служба военным корреспондентом. Позднее Николай Иванов становится редактором журнала «Советский воин», но за отказ печатать материалы в поддержку расстрела Белого дома был уволен. Дальнейшую службу Николай Фёдорович продолжил в органах налоговой полиции, где создал газету «Налоговая полиция», а впоследствии стал её главным редактором. Свои жизненные впечатления, мысли, литературные исследования и расследования легли в основу двадцати двух книг: «Вход в плен бесплатно», «Расстрелять в ноябре», «Спецназ, который не вернётся», «Операцию «Шторм» начать!», «Забавы имущих» и другие.

Выступление Николая Фёдоровича на «Сиянии России» в Иркутске было деловым, чётким, со знанием дела. За свой полугодовой срок председательствования он побывал в пятнадцати регионах, и самым показательным местом в плане развития литературы и улучшения жизни писателей назвал Узбекистан:

— Республика, где указ президента о Союзе писателей Узбекистана написан на пятнадцати страницах, где дополнительно к финансированию все журналы прикреплены к предприятиям, где литераторы получают квартиры, машины и имеют определённые льготы...

После такого сообщения в зале послышались шутки: дескать, не эмигрировать ли в Узбекистан... В Иркутске Николай Иванов встретился с губернатором Сергеем Левченко, и в ходе встречи был решён вопрос о финансовой помощи журналу «Сибирь».

Встреча поэтов, прозаиков, редакторов вылилась в деловое обсуждение насущных проблем, общих для всех литобъединений и издательств. Ведущий встречи иркутский писатель, главный редактор журнала «Сибирь» Анатолий Байбородин время от времени направлял ход встречи в нужное русло.

Мне хотелось послушать стихи, поэтические поединки, литературные дебаты, узнать новые направления, новые имена, но сегодня главный вопрос — выживание литературных изданий, их сотрудников и писателей.

Во время встречи в неформальной обстановке я попыталась получить автограф у Николая Фёдоровича, а он предложил свою визитную карточку. Вряд ли я ею когда-нибудь воспользуюсь, но это ещё одна моя литературная реликвия наряду с другими, которыми я горжусь и ценю. Такими, как ксерокопии машинописных листов беседы Анатолия Байбородина с Валентином Распутиным, испещрённых его поправками, где меня удивила схожесть почерков двух писателей. Большой ценностью моей библиотечки я считаю книги с дарственными подписями иркутских писателей. Ценю переписку с литераторами Иркутска, Бийска, Рубцовска, Братска, Читы, Красноярска, Москвы, Калининграда, Омска, и даже с Денисом Мацуевым. Вот и эта встреча с Николаем Ивановым — председателем Союза писателей России, совместное с ним фото и подаренная визитка с автографом стали для меня богатым трофеем.

Другое радостное событие на «Сиянии России» — знакомство с омской поэтессой, главным редактором журнала «Литературный Омск» Валентиной Ерофеевой-Тверской. Так случилось, что мы встретились дважды: сначала в Усольской городской библиотеке, а на следующий день в иркутском Доме литераторов. С первой встречи я была очарована её женским обаянием истинной сибирячки. Меня заинтересовало её умение общаться с юными и взрослыми читателями.

— Хотите быть ведущими, читайте книги! — призывала Валентина Юрьевна подростков. — Ну, а если ведомыми, — то гаджеты... Если тяготеете к стихам, пишите! Не стесняйтесь, показывайте свои творения хотя бы своему учителю, а лучше — профессиональному поэту. Чем быстрее покажите рукопись, тем быстрее вас направят в правильное русло. Не стесняйтесь, скромности в труде не бывает, это ложная скромность.

Понравились её душевные, наполненные любовью, смыслом и звуковым колоритом стихи, в которых она утверждает: «Не красота, а любовь спасёт мир!» Валентина Юрьевна — автор девяти сборников стихов, лауреат многих премий, в том числе имени Фета. Патриотичность её гражданской лирики волнует неотъемлемой причастностью автора к родной стране, краю, семье:

*А я её за горе не кляню,
Я всё с ней разделяю без остатка.
Да, русским на Руси сейчас не сладко —
И это тоже ставят нам в вину.*

* * *

*Как Омску
Иртыша вода,
Так широта
моей душе подарена.
И никакая вам
я не мадам,
Я — сибирячка,
русская,
сударыня!*

* * *

*Я уйду. Я замкнусь.
В облаках растворюсь,
Если нет мне обещанных крыльев.
Я дождейкой-слезинкой
На землю прольюсь,
Ощувив: новый мир мне открылся.
Я найдусь. Соберусь.
Новой песней споюсь.
Эх, душа! Разве ты не богата?!
Я конечно, конечно
На землю вернусь
Обновлённой,
Счастливой,
Крылатой.*

Жаль, в конференц-зале на вечере, посвященном журналу «Сибирь», не прозвучали стихи Валентины Ерофеевой-Тверской.

Истинным любителям литературы горько осознавать, что, проехав не одну тысячу километров, приходится говорить о насущных проблемах журналов, газет, альманахов. Но на усольской встрече с местными поэтами было иначе... Здесь говорили только о поэзии. Валентина Юрьевна предложила почитать свои стихи каждому из присутствующих. Как она умеет слушать! Я наблюдала и удивлялась её такту и мастерству понимания автора. В финале прозвучали стихи о любви. Она считает, что «стихотворение о любви, об авторе говорит если не всё, то многое...».

*Он был художник,
А она поэт.
Но между ними
Музыка звучала!
Всё было в ней —
И радость, и печали,
И всплеск надежд,
И удивлений свет.
Им помогал
Затейливый мотив
Аккордами сердец
Легко общаться,
Чтоб на картинах
Пело песню счастье —
Соединялся
С музыкаю стих.*

Я счастлива была познакомиться и подружиться с Валентиной Ерофеевой-Тверской, а «Сияние России» стало залогом этой дружбы поэтессы и читательницы.

Но мои читательские восторги на этом не закончились, мне удалось ещё раз встретиться с новосибирским писателем, главным редактором старейшего лите-

ратурно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни» Михаилом Николаевичем Щукиным. В марте я присутствовала на награждении его премией имени Валентина Распутина за роман «Каторжная воля». И вот новая встреча в Иркутске. С впечатляющей внешностью сибирского купца, с седой бородой и крепким телосложением, с весёлым нравом, он обратил на себя внимание присутствующих на литературном вечере журнала «Сибирь».

Михаилу Николаевичу было чем поделиться с писателями и коллегами-редакторами, ведь его журнал выходит ежемесячно полуторатысячным тиражом. Даже журнал «Сибирь» нынче урезали до трёх номеров в год, многие российские журналы издают по одному-два номера в год, или вообще перестали издаваться.

Михаил Щукин четвёртый год возглавляет редакцию журнала, но многое сделано под его руководством. Совместно с научной библиотекой на сайте журнала появился издательский проект «Будаковская библиотека», посвящённый истории сибирской литературы, писательским судьбам и отдельным изданиям. Благодаря помощи областной библиотеки в Сети появились архивы журналов «Сибирские огни» начиная с 1922 по 1969 год. Сайты «Сибирские огни», «Круг чтения» читает вся страна. Портал «Журнальный мир» — проект волонтёрский, но читателей — от трёхсот до пятисот человек в сутки. Прямые включения в Интернет расширяют возможности читателя смотреть в онлайн-режиме литературные новости, встречи и совещания.

Журнал «Сибирские огни» учреждает ежегодные премии авторам лучших публикаций и, отдельной строкой, — молодым талантам. Проведено всесибирское собрание молодых авторов. Много задумок у Михаила Щукина для расширения круга читателей журнала, да мало возможностей:

— Нет литературных экспертов, вымерли критики... А попросишь написать, отвечают: «Заплати хорошие деньги — и будешь хоть Достоевским». Нет авторов эпохальных поэм, не хватает публицистики. Разве вы сейчас видите на каналах ТВ беседы с рабочим, учителем, участковым врачом?! Хотелось бы ввести в журнал рубрику «Прямая речь» и помещать интервью с интересными людьми, чтобы народ услышал рядового труженика...

Михаил Щукин — талантливый писатель, автор более тридцати книг. Его роман «Имя для сына» переведён на несколько языков, удостоен премий Н. Островского и премии имени Ленинского комсомола. В 1988 году роман был напечатан в «Роман-газете» тиражом 3,5 миллиона экземпляров. По современным меркам это фантастика. В серии «Сибириада» изданы его известные исторические романы: «Ямщина», «Чёрный буран», «Лихие гости» и другие.

Я опять оказалась счастливой читательницей, потому что получила в подарок от Михаила Николаевича седьмой номер журнала «Сибирские огни» за нынешний год и, конечно, с автографом.

Не менее значимым для меня событием праздника «Сияние России» стала встреча с иркутским поэтом Василием Козловым. Я была знакома с Василием Васильевичем, читала его стихи, но слушать его выступления не приходилось. На встрече с читателями в Усольской библиотеке он рассказал об истории «Дней русской духовности и культуры России», подчеркнул:

— Нынешний юбилейный, двадцатипятилетний, год празднования показывает, что жизнь родного народа обретает национальный путь, и мы с этого пути не свернём...

Каждое слово поэта, сказанное на встрече, указывало на его переживания за родной талантливый народ, за русскую культуру, русскую литературу... Читал Василий Козлов свои стихи, в том числе моё любимое о Есенине:

*Никогда я не был в Константиново,
И уже не буду никогда...
Там осенний лёгкий свет осиновый
Отражает стылая вода.*

*И вручила огненной стихии,
Ненасытной гордости страстей.
И судьба высокая России
Отразилась в гибели твоей.*

*От стогов в длину ложатся тени,
Вздрагивают стрелы камыша.
Здесь тебя для страшных потрясений
Выносила русская душа*

*И из наших дней, смешных и диких,
Говорю, что здесь не нужен ты,
Может быть, последний из великих
Плакальчиков русской красоты.*

Я слежу за творчеством Василия Васильевича и всё чаще встречаю в журнале «Сибирь» его очерки, заметки, вижу его предисловия к сборникам стихов и книг других поэтов. С благодарностью и любовью он вспоминал своих друзей-поэтов Геннадия Гайду и Ростислава Филиппова, которых, к сожалению, уже нет с нами. Но осталось их поэзия, а цену и значение поэтического слова Василий Козлов знает и понимает.

*У слова не только основа —
Душа молчаливая есть,
И кроме огня звукового,
Тончайших оттенков не счесть.*

*Всходи надо мною и властвуй!
Я радостным слухом ловлю
И это рассветное:
— Здравствуй!
И это ночное:
— Люблю!*

* * *

*... Люблю свободный русский стих,
То бесшабашный, то унылый,
Полёт в бессмертье восьмикрылый
Четверостиший золотых.*

*Ему не важно, что там ждёт, —
Смешенье небыли и были,
Цветущий розой небосвод
Или распад небесной пыли.*

*Воздушный змей на бечеве,
Ступенчатый прямоугольник!
Все рвётся, искренний невольник,
Вперёд, к бездонной синеве.*

*Телега жизни колесом
Над свежей пропастью зависла...
Поэт, ты не найдёшь в ней смысла,
Коль нет его в тебе самом.*

Я счастлива, что в моей библиотеке есть и стихи Василия Козлова, а в фильмотеке — видеофильмы бесед о литературе с участием сибирских писателей. На том и низко кланяюсь всем писателям — участникам литературных встреч во дни «Сияния России».

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

Земля Белова

О Вологодских «Беловских чтениях»

1. Дорога к дому

...За окном — приступающие вплотную к дороге ольховые заросли, серые, в побуревшей траве луга, деревни... Всё, как и три года назад, когда я в последний раз ездил в Тимонику.

Навстречу нашему автобусу то и дело попадают огромные лесовозы с прицепами... О том, как вывозят и вывозят русский лес писал и Белов. И всё везут. Будто там, где-то ещё и за Тимонихой какой-то бесконечный волшебный лес... Но нет, всему есть конец... И если бы знать, что хоть деньги за этот лес остаются здесь, на этой земле! Но, судя по непаханным полям, зияющим провалам окон полуразрушенных ферм — нет, куда-то в другие края уезжают вместе с лесом и деньги...

Я смотрю на законную картину родины, слушаю рассказ экскурсовода об этой дороге, о деревнях вдоль неё, о людях. О художнике Алексее Пахомове: мало найдётся в нашей стране людей, детство которых пришлось на 70-е годы, не видевших его иллюстрации в книжках. Самая известная, пожалуй, толстовский «Филиппок»... «Филиппок» — именно так, между прочим, называли московские приятели Василия Белова в годы его учёбы в Литературном институте. Деревенский парень (хотя он давно уже ушёл из деревни, для них, «москвичей», он так «деревней» навсегда и остался) в шапке-«пирожке» и несуразно длинном для него пальто, да — Филиппок, похоже...

Мысли путаются в автобусной полудрёме. Экскурсовод уже рассказывает о другой уроженке Харовского района — поэтессе Нине Груздевой. Всю жизнь она писала о любви. «Разреши мне влюбиться в тебя, я хочу напоследок влюбиться...» — дребезжащим голосом читала она, бабушка в платочке шалашиком, — и мурашки по телу бежали... Про неё говорили «тяжёлый человек», так, пожалуй, и было, но когда читаю её стихи, слушаю песни на её стихи, не чувствую никакой тяжести, только светлая память и грусть...

А за окном всё та же Русь, та же дорога...

Из автобусного динамика звучит беловский рассказ про то, как весёлый шофёр «омманул» старуху, сдав на её пятёрку и рубль два трёшника... И посмеивается доброму юмору мой автобусный сосед и давний заочный знакомый, сибиряк и прекрасный русский писатель Анатолий Байбородин.

Когда-то (давно уже, где-то в начале 2000-х) я написал в статье, что Байбородину надо дать Государственную премию. Я остаюсь при своём мнении — ему, мастеру прозы, за сохранение языка, за прекрасные рассказы и повести надо дать Государственную премию. Но у нас всё одни и те же фамилии из одного премиального списка в другой переливаются...

Мы останавливаемся в одной из деревень, где у справногo высокого дома поджидают нас герои беловских «бухтин» — Кузьма Бархвостов и его жена Вири-

нея... Мы ведь не просто едем в Тимонику, а по туристическому маршруту «Дорога к дому», на котором всё рассказывают о Белове, о его малой родине и земляках...

Впрочем, надо рассказать и о том, что предшествовало этой поездке, вернуться на несколько дней назад...

2. Беловские чтения

Началось всё ещё 15 октября, «Беловской неделей» — это чтение и обсуждение произведений Василия Белова в вологодских школах, колледжах и вузах.

16 октября начались и длились до 24 октября «Малые Беловские чтения». Ну а 22 октября пришло время главных мероприятий V Всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия». В этот день состоялся литературный марафон «Читаем Белова»: в течение шести часов в школе № 41 Вологды, в Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина, в музее-квартире В.И. Белова все желающие могли прочитать страницы произведений великого русского писателя. Всё это снималось на камеру и тут же транслировалось в Интернете.

Мне тоже посчастливилось сидя за столом в кабинете Василия Белова прочитать строки из его «Канунов».

В этот же день работали «мастерские В.И. Белова» в школах, состоялась презентация «вологодского» номера журнала «Русский язык в школе», был показан спектакль студенческого театра «Logos» «Скакал казак через долину» по рассказу В.И. Белова.

А 23 октября, в день рождения классика русской литературы Василия Белова, в Вологодской областной научной библиотеке состоялось официальное открытие чтений, на котором выступил мэр города Сергей Воропанов.

Ольга Сергеевна Белова, поблагодарив за память о муже и писателе, сказала и такие слова: «Василий Белов в своём творчестве не только воспевал Россию, он старался защитить русского мужика от произвола власти, от насмешек. Того самого мужика, которому, по словам Белова, «совсем недолго было сменить сенокосную рубашку на военную гимнастёрку», кровью и потом которого обильно полита Русская земля. Василий Белов и сам был таким мужиком, поэтому в его произведениях русский мужик заговорил о своей судьбе в полный голос...»

Затем состоялось пленарное заседание научной конференции, на котором прозвучали доклады Людмилы Яцкевич (Вологда), Анатолия Байбородина (Иркутск), Андрея Петрова (Архангельск), Чжаю Сюе (Китай), Людмилы Беженару (Румыния), Леонида Вересова (Череповец).

Да, «Беловские чтения» давно уже «перешагнули» границы России, как и творчество Василия Белова давно уже принадлежит не только русскому народу, его произведения переведены на все основные мировые языки, изданы в десятках стран мира.

Научная конференция продолжала свою работу, а для меня началась работа в семинаре молодых авторов в Центре писателя В.И. Белова. Впрочем, работа для членов жюри конкурса началась задолго до этого дня. Читали рукописи, поступавшие на адрес Центра Белова, отбирали лучших. И отобрали: десять авторов в возрасте 14–17, десять — от 18 до 35 лет. «География» участников семинара впечатляющая: от Камчатки до Санкт-Петербурга!

Должен сказать, что литературный семинар молодых авторов проводился уже в третий раз, и я, конечно же, не жалею, что три года назад на вопрос одного из главных организаторов чтений Ивана Анатольевича Позднякова: «Что можно ещё сделать в рамках «Беловских чтений?», я, особо и не задумываясь (потому что уже давно думал об этом), ответил: «Семинар для начинающих авторов». Кое-кто из участников нашего семинара уже учится в Литературном институте имени Горького в Москве, в других вузах, кто-то публикуется в журналах. Я далёк от мысли, что это происходит только благодаря «беловскому» семинару, но то, что он для начинающих авторов небесполезен — это точно. Не случайно же всё больше работ приходит на отборочный конкурс.

Назову лишь несколько авторов, показавшихся мне и другим членам жюри наиболее интересными: Евгений Поздняков (Хабаровск), Даниил Разанецкий (Санкт-Петербург), Викентий Копытков (Москва), Юрий Сычѳв (Боровичи), Наталья Усанова (Вологда). Всё это ещё весьма молодые люди, и ожидать от них можно многого. Впрочем, как и от тех авторов-«семинаристов», которых я не назвал. Кто из них «выстрелит» — увидим, прочитаем...

3. Снова дома

Мы сразу, мимо Тимонихи, едем на кладбище. Николаевская Сохотская церковь, восстановленная заботами и трудами Белова и его друзей (он сам, лично, устанавливал крест над храмом), стоит на высоком берегу над речкой Сохой, разливающейся в излучье в озеро. Видны дома заречной и заозѳрной деревень, полевые и лесные дали. А рядом и смиренное сельское кладбище...

Вспоминаю его же, Белова, рассказ «Холмы». «Вдруг его впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль... Здесь, на его родине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины нет на этом холме. Они, мужчины, родились здесь, на этой земле, и ни один не вернулся в неё, словно стесняясь женского общества и зелёного этого холма... Поколение за поколением они уходили куда-то, долго ли было сменить грабливище на ружьѳ, а сенокосную рубаху на защитную гимнастѳрку? Шли, торопились будто на ярмарку, успев лишь срубить дома и зачать сыновей...

Ушли, все ушли под сень памятников на великих холмах. Ушли деды и прадеды, ушѳл отец. И ни один не вернулся к зелёному родному холму, который обогнула золотая озѳрная подкова, в котором лежат их жѳны и матери. И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество, которое не кончается даже в земле...

А может быть, придѳт и его черѳд? Идти дорогой мужских предков, к чужим неродимым холмам?»

Василий Белов вернулся к родному холму, лѳг рядом с матерью, рядом с потерянной могилой бабушки Александры Фоминишны...

Прочитав молитву и возложив цветы к могилам Анфисы Ивановны и Василия Ивановича, перезжаем в недалѳкую Тимониху.

«Мама, снова же дома я!...» — писал молодой поэт Василий Белов. Вот и я, и все мы, словно бы оказываемся дома, здесь в этой деревеньке, в этом не тесном и ещё крепком деревенском доме.

Здесь, вот на этой скамье под окном, сживали и беседовали с мамой Белова и

Шукшин, и Распутин, и Рубцов... И Яшин здесь был, и Передреев, написавший: «...А всё, что в судьбе и в душе наболело — привычное дело, привычное дело...»

Привычное дело жить на своей земле, привычное дело уходить и возвращаться... Привычное дело — любить Родину.

Юрий Селезнёв, замечательный критик и литературовед, написал: «И если мы действительно хотим знать свою Родину, сегодня нам для этого уже не обойтись без Белова, без его слова о родной земле. Потому что земля Белова — это вся русская земля». Воистину так...

Русская литература будет прирастать «Сибирью»

ОБЗОР ЖУРНАЛА «СИБИРЬ» № 4 ЗА 2018 Г.

Очередной номер «Сибири» предлагает читателю много интересных материалов. Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим в своей статье «Вечная память. О русских погостах» обсуждает то, что давно наболело: отношение наших современников к памяти о предках. *«Тяжело смотреть на покосившиеся кресты, разрушенные памятники, свалки, забивающие проваленные могилы»,* — пишет иркутский владыка.

Очевидно, «потеря памяти» досталась нам от атеистических советских времён. Тогда посещение погоста довольно часто было лишь моральным долгом, «актом вежливости» к почившим родственникам и друзьям». Пришла пора менять этот взгляд. «Невыносимая лёгкость бытия», как называл это Милан Кундера, в сознании новых поколений проходит. Уже нет прежней, свойственной атеистам уверенности, что имеет значение только их единственное земное существование. Всё меньше у могил столиков для поминальной трапезы с вином и закуской. В прежние времена мы за теми столами больше себя утешали, принимая «лекарства» от скорбных мыслей. Теперь таких трапез очень мало. Меньше остаётся крошек воронам. На столиках всё чаще можно увидеть книжки с названием «молитвослов». Посерьёзnel народ. Осознанная возможность вечной духовной жизни превращает погост в мост между мирами.

Митрополит напоминает, что *«ещё Александр Пушкин, вершина русской культуры, сетуя о чванливом беспамятстве современного ему дворянства, раздражённо воскликнул о том, что отношение к дедовским гробам отличает невежество от просвещения».*

Но если бы только речь шла о «просвещении». Здесь мало соблюдать почтительность, уважать обычаи. Отношение к погостам не только элемент общей культуры. Представителя нашего менталитета одними моральными наставлениями не проймёшь. Особенно сейчас. Соотечественника надо убедить так, чтобы он всем своим нутром почувствовал всю огромную метафизическую значимость наших отношений к погостам, к памяти о близких, к самой смерти. И этой цели исправно служат откровения священников и других авторов журнала «Сибирь». Как сильно и точно сказано в статье митрополита Вадима: *«Над каждой могилкой, этой пуповиной, сокровенно связующей нас с Божьим Царством, сияет свет любви...»*

Наши нынешние города нуждаются не только в новом дизайне и инженерной инфраструктуре 21-го века. Они нуждаются в «расчистке» от атеистических наслоений в виде сооружений, заслонивших от нас духовные символы нашего исторического бытия. Верись владыке всей душой, когда он утверждает: *«Научим детей наших благоговейности перед святынями, одной из которых самой значительной и высокой является кладбище. Отсюда начнётся устройство души и земли нашей. И спросится с нас отсюда и воздастся... Таким образом и приложимся мы к роду своему и народу своему! И воссияют наши города и веи чистотою и довольством, покоем и порядком!»*

На страницах журнала читателей ждёт поэзия высокого эмоционального накала. Ярко и свежо писал стихи красноярец Михаил Успенский. Открывающее подборку произведение я слышал в его собственном авторском исполнении. Стихи о странной девушке поэт читал как отрывок из трагического спектакля, где он играл роль, так же страдал и недоумевал по поводу жестокости этого мира:

*Она стояла надо всем
И детским изумлённым взглядом,
Как спрашивала: что вам надо,
Скажите, что вам надо всем?!*

...К нам обращался поэт, озирая всю компанию студентов, и было стыдно, что мы бросили героиню стиха на произвол судьбы, что мы:

*Смеялись, пили, песни пели,
Но не влюбиться не успели,
Не наглядеться в очи ей!*

Порой сожалеешь, что поэт постепенно перешёл на прозу. В студенческие годы в нём «играл» озорной бесёнок. Такой же, как в раннем Маяковском.

*...Но зато я видел —
в ателье «Новинка»
красную рубаху примерял палач...*

Так пишет Успенский. Кажется, в это же самое время где-то рядом в парикмахерскую пришёл ранний Маяковский и попросил парикмахера «причесать ему уши». Как драгоценны периоды оживления в литературе, когда поэты не боятся быть предельно искренними, не боятся выпускать на волю свою творческую фантазию, с мальчишеским озорством рискуют, не думая о мнении критиков... Но Успенский не раскрылся до конца как поэт.

Поэзия представлена так же стихами *Александра Орлова*. *Любови Сухаревской*, *Царство Небесное* ей, стихами *Рады Черноусовой*, *Елены Поповой* и *Надежды Миляевой*. Чуткого к музыке слова читателя удивят неповторимые интонации каждого из авторов, которые отказались от привычных и давно надоевших зарисовок на темы природы с лёгким философским подтекстом. Мы слышим живую речь, сопереживаем живому чувству. От простой описательности поэты переходят к внутреннему драматизму. Одна строка «Ахматова гордо грустила» стоит целого исследования литературоведа о творчестве поэтессы. Надежда Миляева нашла единственно верное определение. У нашей великой и классической Анны Ахматовой — всё так... гордо, даже грусть! А гордость ахматовская — субстанция особая. Скорее всего, она не та «гордыня», что осуждается Святыми отцами христианства как источник всех других грехов. Она идёт от осознания своей великой миссии поэта, от детства в Царском Селе — рядом с пушкинским лицом, от медового месяца в Париже. Ах, если бы дал Господь всем нашим поэтессам эту пушкинскую статью... эту ахматовскую «осанку», её чувство ответственности за своё слово... И тягу к духовной высоте! По поводу последней... не даёт мне покоя стих Фёдора Тютчева «Проблеск» с пронзительными строками:

*Как верим верю живую,
Как сердцу радостно, светло!*

*Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!*

*Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем...*

А ведь как верно! Как тянет в суету повседневности обыденное сознание! А плод такого сознания — унылые элегии в рифму. Поэту надо жить небом. И многие поэты, авторы «Сибири», не забыли об этом.

* * *

Раздел прозы журнала «Сибирь» наверняка запомнится читателю главой из романа *Михаила Щукина* «Белый голубь на колокольне». Автор описывает церковь как живой духовный объект вместе с голубем, который, словно весточка с Небес, посещает нашу землю в такой ответственный момент. Есть что-то символическое в том, что, ломая колокольню, герои романа хотят сделать на её месте склад продовольствия. Но ничего толкового у сельчан из этой затеи не получится. Господь так устроил, что без духовного возрождения мы в нашей стране никогда не сможем накормить себя досыта. Придут ли коммунисты с грандиозными планами, будут соблазнять обеспеченной жизнью современные рыночники — всё без толку! Не может наш народ постоянно «быть в тонусе» на одном материальном интересе... Он хорош только в духовно сплочённой социальной группе с одними нравственными правилами.

Что сейчас представляет из себя сообщество под названием Россия, ярко демонстрирует писатель *Сергей Козлов* в рассказе «Обычная история». Прочитав рассказ про школьника Сёму и его друзей, делаешь для себя вывод: в наше время разумен и как-то объясним только сам прогресс, который даёт обеспеченным людям все возможности для развития. Необъяснима цель такой жизни. Для чего и куда развиваться? Чем утешить себя, кроме игрушек, развлечений и сладостей? Бесконечное соперничество тщеславий и соревнование в жестокости отношений даже в самом благополучном социальном слое не даёт никакой отрады сердцу, а только ублажает гордыню, которая от этого растёт и крепчает, чтобы мучить ещё больше.

Школьники все живут порознь, не соприкасаясь душами. Получают знания, духовно не общаясь. В этом странном мире отец говорит сыну Ване о священниках, что *«пока он в автосервисе круглыми сутками батрачит, эти попоют себе, кадиллом помашут — и «мерседес» в кармане. Твари!»* «Воспитанный» таким образом школьник Ваня через окно стреляет из арбалета в случайно проходящего мимо священника. Раненный стрелой из арбалета священник выигрывает это противостояние с представителями нового поколения. Он прощает обидчиков. И кажется, в этот миг батюшка что-то круто изменил в сознании «стрелка» Ваня...

* * *

Статья профессора Московского государственного университета *Дмитрия Володихина* под названием «Покорители Сибири» удивила новым прочтением истории такого героического покорения. Все мы привыкли к первенству первопроходца Ермака. Оказывается, первого действительного успеха в Сибири после страш-

ного разгрома Ермака добился Иван Алексеевич Мансуров — провинциальный «выборный сын боярский». Встав во главе маленького отряда, он срубил «Обский городок» (на Оби против устья Иртыша). Узнать подробности этого исторического события будет увлекательным делом для читателей.

Удачно дополняет статью профессора Д. Володихина статья *Олега Слободчикова* «Две даты. Два взгляда». Писатель развенчивает явно надуманные, явно преувеличенные заслуги датчанина Витуса Беринга и доказывает, что открытия, приписанные Берингу, совершил русский мореплаватель Алексей Чириков. Попутно автор говорит и великих заслугах Александра Баранова. Автор желает, чтобы нынешние русские путешественники задумались над тем, что вот уже пятьсот лет что-то не так в нашей идеологии и в национальном мировоззрении. Когда-то нам должно стать совсем стыдно от того, что нами помыкают чужаки, рисуя на картах России свои имена. А устыдившись, взяться за обустройство своей страны с основательностью православных предков.

Очерк писателя *Анатолия Байбородина* о забайкальском старообрядчестве под названием «Семейский корень» ещё раз напомнил нам о бесценном опыте русского национального «способа жизни». *«Где в семье достаток, обретённый праведным трудом, где крепок домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские («поляцкие») красивы и дородны, напоминают донских и малороссийских казачек, а старики похожи на библейских пророков, — все так и просят на живописные полотна».*

Когда представители этого удивительного великорусского племени появлялись на рынках Забайкалья, это была всем жителям России весточка из Древней Святой Руси, как надо жить на Русской земле и ныне.

«И ...радостно дивило... все семейские на базаре, старухи и пожилые бабы, красовались в ярких, цветастых сарафанах и пёстрых запанах, повязанных поверх сарафанов... Головы венчались, опять же, словно на малороссийский лад, цветастыми кичками. Зрелище дивное, сказочное... Лишь, бывало, глянешь на базар, душа радуется, ликует глаз от обилия зрелого овоща, от небесной, солнечной и цветочной яркости сарафанов и запанов, и слух увеселяется крикливым, но сочным, старинным говором, что оберегли семейские в чистоте и щедрости со времён царя Алексея Тишайшего».

Диву даёшься, какому лешему помешал этот фантастически удачный «проект» жизнеустройства, этот гениально угаданный истинный тип человека? Возможно, таких удивительных людей было слишком мало для большой страны, чтобы количество перешло в качество... Что ж, с первого раза не получилось. Будем терпеливы, как Иов из Ветхого Завета. И великое дело предков наших дорогих надо продолжать в новых условиях.

«Старообрядчество консервативно хранило исконную русскую культуру, крепко держась старославянских корней», — пишет автор очерка. Можно ещё добавить, что своей боговдохновенной серьёзностью и строгостью в делах веры старообрядчество сильно укрепило социальное положение русских среди других племён. Если бы не домострой, не «жесткость» религиозных скреп и обычаев, разве прошла бы русская нация так уверенно и сильно через те суровые времена, когда, образно говоря, ещё не остыли угли от языческих костров! А остывали «костры» несколько столетий. Если бы Православие не стало духовной сутью нашей жизни, мы бы не одолели свойственное другим племенам язычество и другие верования, не освоили бы огромные территории за Уралом.

Всё у истинно верующих людей было основательно: быт, хозяйство, знание природы и молитва. Именно наши бородатые предки-старообрядцы, крепко «сшитые», ладно скроенные, заложили в нас духовную крепость и коллективную волю. *«Велика роль старообрядцев в хозяйственном, этическом, эстетическом укреплении русских в Восточной Сибири»*. Из очерка Анатолия Байбородина читатели узнают интересные подробности расселения старообрядцев в Забайкальском крае. Здесь особенно убедительно показано, что осваивать наши пространства может только крепко спаянный верой и обычаями, убеждённый в своём призвании, особый народ. На него с яростью нападали «тёмные силы» зла, проникали в разум бесовские полчища, уводили то к язычеству, то к еретическим толкам и соглашениям, но жизненная основа староверов выстояла.

Когда мы сейчас (вместе с властью) мечтаем о прорыве в экономике, надо вспомнить про «надсадный труд», «воловью выносливость» семейских крестьян, работавших в экстремальных природных условиях гористой местности. Вот кто мог всё это одолеть: целину распахать, лес раскорчевать, — люди, у которых всё естественным путём «отмобилизовано» на выживание, у которых крепчайшие «тылы» в виде верующих верных жён, большого количества детей, воспитанных в старой вере, большого числа родственников. Господь их сюда и привёл...

Продолжением темы культурного развития Восточной Сибири является материал о знаменитом музее «Тальцы». Автор статьи Евгений Дёмин, на примере подобных музеев мира, говорит о способах пропаганды местной культуры, используя понятие «культурный туризм». Он рассказывает об истории посёлка Тальцы, основанного более чем через сто лет после строительства Иркутского острога.

* * *

Прочитав в четвёртом номере журнала статью *Владимира Личутина* «Последний срок» памяти Валентина Распутина, я согласился с утверждением автора о том, что *«надо пробудить русского человека, чтобы он проснулся после двухсотлетнего сна и понял, что он русского племени во всех его особенностях, чтобы вспомнил себя, полузабытого»*.

Посылал Господь к заблудшим нашим соотечественникам во спасение великих писателей и мыслителей то братьев Аксаковых, то двух гениальных Фёдоров — Тючева с Достоевским, но осознали своё предназначение далеко не все русские люди... И в середине шестидесятых годов прошлого века появился в русской литературе ещё один посланец небес — Валентин Распутин.

Автор статьи Владимир Личутин нашёл самые верные слова об этом неповторимом явлении русского духа: *«Многое из русской жизни он запечатлел: сохранил характеры, судьбы, драму Русской земли, а себя забыл, иль оставил между строк...»*

Даром Небесным было слово писателя. Смотрите и вникайте, реформаторы! — это же готовая инструкция, описывающая духовное, душевное устройство русского человека. Подробно изучайте, с каким народом вы имеете дело. Попробуйте понять, как войти в рыночный мир со своими «архаичными социальными системами» и с русским менталитетом, как органично вписаться в новый технологический уклад и другой образ жизни с нашей божественной системой ценностей.

Поучительна для читателей история жизни иркутского общественного деятеля *Анатолия Сосунова*. Материал под общим заголовком «В небесах отгорели зарницы» посвящён столетию комсомола. Читатель увидит, как в сибирских есте-

ственных условиях среди множества «сорняков», то есть заблуждений и ложных теорий, возникали ростки нового человека — настоящего гражданина, с которым связаны все наши надежды по развитию России. В этом материале всё необычно: форма — публицистический коллаж, сочетание воспоминаний и переписки с друзьями, живописный портрет героя. И содержание — целый пласт иркутской жизни нескольких эпох.

Философ В.В. Бибихин настаивал, что философия есть основа культуры. Анатолий Сосунов — яркий пример человека социального, начавшего нашу многострадальную «перестройку» конца восьмидесятых годов, в то же время противоречивого, с философским сумбуром в голове. (Впрочем, это было свойственно и многим из нас.) В число его духовных учителей на равных правах попали Иисус Христос и последователь антихристианского учения Агни-Йога художник Николай Рерих. Эту эклектику мышления отмечал и писатель Анатолий Байборodin: *«Ярко пишет о славянстве Сосунов, лишь смутно, невнятно, о каком Творце идёт речь, потому что Иисус Христос не поминается, ибо если говорится не о Христе, воплощённом в неразлитной и неслиянной Святой Троице (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух), то значит говорится о князе тьмы, что кощунственно поименован «Творцом».*

А потом Сосунов уповает на горбачёвскую «социалистическую перестройку», которая якобы привела бы к некому «социализму с человеческим лицом», а социализм, значит, — марксизм-ленинизм и атеизм, что всегда может перерасти в богоборчество...

Нам сейчас яснее видно, почему не прижились многие ростки нового человека, которого олицетворял Анатолий Сосунов, отважный борец с преступностью, борец за экологию, общественный деятель, журналист. Для более плодотворной работы с людьми ему нужна была более крепкая идейная основа.

* * *

В разделе «критика» редакция журнала поместила статью, которую давно ждали многие читатели, у кого остались нормальные здоровые чувства к своей Родине. Сколько томов написано и прочитано нами о Солженицыне. А статья *Владимира Крупина* под названием «Не собственно-прямая речь» как глоток свежего воздуха после душной атмосферы политических спекуляций вокруг СССР и лжи вокруг ГУЛАГа! В статье дано точное определение тому, что многие из нас чувствовали, но не сумели раньше сформулировать. Например, что этот нобелевский лауреат — *«явление более социально-политическое, нежели литературное».* Я думаю, эти и другие выводы Крупина в статье разойдутся на цитаты. В нормальном вменяемом русском литературоведении они станут крылатыми.

Крупин очень верно заметил, что писатель в мировой литературе останется, а вот для русской — *необходима ещё художественность и духовность...* Я бы уточнил, что *художественность* нам всем, воспитанным на великой русской литературе, нужна именно отечественная, классическая и народная. Образцом здесь служит Пушкин: и красота, и гармония, любовь к родине и к людям — всё у поэта едино и не противоречит друг другу.

У критиков, несчастных детей постмодернизма, «художественность» — самоценная вещь, изобретённая в «тёмных лабораториях» их эгоцентризма исключительно для собственного личного пользования и развлечения привилегированных

слоёв населения. В любых формах и видах эта «художественность» должна показывать независимость творца от общества, от политики, от общенациональных задач. На практике же это означает полную зависимость от своей «стаи свободных художников», от политических взглядов и кошелька богатых спонсоров. Они до того «по-рабски независимы» от всего, кроме денег, что в ряды критиков проникла самая настоящая коррупция*. Теперь «художественность» можно просто купить вместе с положительной рецензией и публикацией.

Писатель Александр Солженицын — представитель другой крайности пост-модернизма. Он пожертвовал классической художественностью ради политики. *«Запад выветрил из писателя художника!»* Метко сказано! Но и у любого писателя с его ранимостью и чуткостью ко всему редко получается быть полезным политиком. Художник с гордыней непомерной, если обидится на кого-то или «заболеет» вредными идеями, становится опасен для любого общества проявлениями необузданного потока своего сознания. В Интернете есть видео речи Солженицына в Нью-Йорке, где он призывает США ударить по СССР ядерным оружием!..

Крупин даёт верную оценку тому духовному повороту, который Российская империя, царская и народная, совершила на рубеже двух веков — девятнадцатого и двадцатого.

* * *

22 мая 2018 года в музее Валентина Распутина состоялась презентация барельефа писателя работы Аркадия и Наталии Лодяновых. Об искусстве этих художников рассказывает в журнале *Юрий Баранов*. Но это не отчёт, а увлекательный рассказ со множеством ярких фактов их творческой биографии.

Раздел *«Книжная лавка»* представлен в журнале обзором предыдущего номера «Сибири». Автору этих строк было что рассказать читателям. А им, в свою очередь, над чем поразмышлять.

Раздел пародий под названием «Сумочка к ребру» обещает много смеха и улыбок. Но вопреки мнению Маркса, смеясь, мы не будем расставаться со своим прошлым, которое запечатлено в стихах и прозе журнала, а будем осмысливать его и использовать как духовный опыт в дальнейшей жизни.

---

*Яранцев В. На разнице потенциалов // День и ночь. 2017. № 6. С. 171; Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать — М. : Весь мир, 2001. С. 349.